

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1-й экз.

10-й год издания

№ 12

Декабрь 1940 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

«Искра» и «Брдзола»

(К сорокалетию со дня выхода первого номера «Искры»)

1

Сорок лет назад, в декабре 1900 года, вышел первый номер «Искры», сыгравшей величайшую историческую роль в подготовке большевистской партии.

«...из зажженной Лениным «Искры» разгорелось впоследствии пламя великого революционного пожара, которое сожгло дотла дворянско-помещичью царскую монархию и буржуазную власть»¹.

Ленинская «Искра» создавала марксистскую рабочую партию в те годы, когда «мирная» эпоха процветания капитализма отошла в прошлое и наступала «...эпоха отчаянной реакции, крайнего напряжения всех сил накануне революции пролетарской...»². Наступал период непосредственных революционных бурь и схваток.

Для осуществления новых задач революционной борьбы в новой обстановке требовалось создание подлинной марксистской партии, отличной от реформистских партий II интернационала. Ленинская «Искра» высоко подняла знамя борьбы за революционную теорию Маркса, против

международного и русского ревизионизма, за боевую тактику рабочего класса, за централизованную марксистскую партию, способную повести рабочий класс и трудящиеся массы на борьбу с царским самодержавием, на борьбу с русским и международным империализмом.

Ходом событий Россия к началу XX столетия превратилась в узловой пункт всех противоречий империалистической эпохи. Царская Россия «...была очагом всякого рода гнета — и капиталистического, и колониального, и военного. — взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме»³.

В России зрела народная буржуазно-демократическая революция, направленная против царизма, который «...был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат»⁴. Но так как интересы царизма совпадали с интересами западноевропейского империализма, то революция против царизма должна была сблизиться с революцией против империализма, должна была затем перерасти в социалистическую революцию.

¹ История ВКП(б), стр. 25.

² Ленин. Т. V, стр. 340.

³ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 4, Изд. 11-е.

⁴ Там же, стр. 5.

Основоположники научного социализма К. Маркс и Ф. Энгельс через 10 лет после поражения Парижской коммуны в приветствии лондонскому митингу русских социалистов пророчески писали, что в будущем должна победить Российская коммуна. Центр революционного движения перемещался с Запада на Восток: из Франции, Германии в Россию. Но, для того чтобы революция стала реальностью, необходимо было в недрах новой, уже капиталистической России организовать самый передовой класс современности — рабочий класс, надо было выделить передовых людей рабочего класса в марксистскую партию, надо было осветить путь борьбы российского пролетариата теорией революционного марксизма.

Товарищ Сталин писал, что задачей Ленина в этот период являлось «Поставить общерусскую политическую газету, как центр стягивания партийных сил, организовать стойкие партийные кадры на местах, как «регулярные части» партии, собрать эти кадры воедино через газету и сплотить их в общерусскую боевую партию с резко обозначенными границами, с ясной программой, твердой тактикой, единой волей...»¹.

Организационный разброд, кустарничество, местничество, идейные шатания — этим характеризовалась социал-демократическая работа в конце 90-х годов. Растущее рабочее движение требовало революционного, марксистского руководства, но единой партии рабочего класса еще не было.

После ареста Ленина (в декабре 1895 года) и других активных участников петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в социал-демократическом движении получили преобладание оппортунистические элементы, так называемые «экономисты». Оживление революционного и оппозиционного движения в стране в начале XX столетия, вызванное политической активностью рабочего класса, привело к тому, что начали появляться мелкобуржуазные и буржуазные партии — эсеры и либералы.

В условиях назревания революционного кризиса и мелкобуржуазная партия «социалистов-революционеров», и либеральная буржуазия, глубоко враждебные рабочему классу и марксизму, стремились завоевать доверие пролетариата и крестьянства, подчинить рабочее движение своему влиянию. Необходимо было отстоять самостоятельность рабочего движения и уберечь его от

мелкобуржуазных и буржуазных влияний. Необходимо было также определить линию поведения рабочего класса в отношении других классов и различных политических партий. Вот почему неотложной задачей в этот период являлось создание марксистской партии рабочего класса и выработка для этой партии программных, тактических и организационных принципов.

Но создать марксистскую партию невозможно было без предварительной размежевки со всеми враждебными группами и течениями, без разгрома «экономистов» — этих русских бернштейнцев. Марксистскую партию в России нельзя было создать без большой предварительной идеологической работы по научному обоснованию задач партии, без обсуждения ее программы, ее тактических и организационных принципов.

В конце 90-х годов, находясь в сибирской ссылке, Ленин начал разрабатывать генеральный план создания марксистской партии через общерусскую политическую газету. Ленин считал, что такая газета явится решающим звеном в организации партии. Общерусская газета революционных социал-демократов будет вести беспощадную идейную борьбу со всеми врагами марксизма — ревизионистами всех мастей — и широко пропагандировать программу революционного марксизма. «...суть этой программы, — писал Ленин, — состоит в организации классовой борьбы пролетариата и в руководстве этой борьбой, конечная цель которой — завоевание политической власти пролетариатом и устройство социалистического общества»².

Для Ленина марксизм — это творческая наука, а не сумма застывших формул и положений. Намечая контуры будущей марксистской партии, определяя задачи марксистов в России, Ленин писал: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни. Мы думаем, что для русских социалистов особенно необходима самостоятельная разработка теории Маркса, ибо эта теория дает лишь общие руководящие положения, которые применяются в частности к Англии иначе, чем к Франции, к Франции иначе, чем к Германии, к Германии иначе, чем к России»³.

Ленин выдвигал перед общерусской газетой социал-демократов задачу политиче-

¹ И. Сталин «О Ленине», стр. 5. Изд. 1940.

² Ленин. Т. II, стр. 492.

³ Там же.

ского обличения царского самодержавия. Газета должна была научить рабочих откликаться на все случаи произвола, насилия и гнета, против каких бы классов или слоев населения это насилие и гнет ни были направлены. Она должна была воспитать в рабочем классе передовых борцов за подлинную демократию, сплотить революционных социал-демократов вокруг единого общепартийного дела. В статье «Насущный вопрос» (1899 год) Ленин писал, что для того, чтобы свалить царизм, нужно довести революционную организацию, дисциплину и конспиративную технику до высшей степени совершенства. Надо, чтобы члены партии специализировались на конкретных партийных поручениях. «...одни — на воспроизведении литературы, другие — на перевозке из-за границы, третьи — на развозке по России, четвертые — на разноске в городах, пятые — на устройстве конспиративных квартир, шестые — на сборе денег, седьмые — на организации доставки корреспонденций и всех сведений о движении, восьмые — на ведении сношений и пр. и пр.»¹.

Ленин считал, что в условиях упадка, раздробленности, кустарничества и идейного разброда в местных организациях построить централизованную марксистскую партию возможно только через общерусскую газету. Газета должна была стать одновременно коллективным пропагандистом, коллективным агитатором, коллективным организатором партии. Надо было покончить с разобщенностью отдельных групп и организаций, занимавшихся узкими, местными вопросами в отрыве от общепартийных задач, и обеспечить связь между всеми партийными организациями России. На принципиальных идейных основах революционного марксизма должна была быть выкована организационная сплоченность революционных социал-демократов.

Товарищ Сталин, указывая на историческое место общерусской марксистской газеты в деле собирания и создания партии, писал: «В период образования партии, когда бесчисленное множество кружков и организаций не было еще связано между собой, когда кустарничество и кружковщина раз'едали партию сверху до низу, когда идейный разброд составлял характерную черту внутренней жизни партии, — в этот период основным звеном и основной задачей в цепи звеньев и в цепи задач, стоявших тогда перед партией, оказалось создание общерусской нелегальной газеты. Почему? Потому, что только через общерусскую нелегальную газету можно было при тогдашних услови-

ях создать сплывшееся ядро партии, способное связать воедино бесчисленные кружки и организации, подготовить условия идейного и тактического единства и заложить, таким образом, фундамент для образования действительной партии»².

10 февраля 1900 года кончился срок съезды Ленина, и Владимир Ильич совершил об'езд ряда городов России: Уфы, Москвы, Петербурга, — где получил подробную информацию о жизни партийных групп. На Псковском совещании в конце марта 1900 года (где присутствовали Ленин, Мартов, Потресов совместно со Струве и Туган-Барановским) Ленин изложил задачи и программу общерусского печатного органа русских марксистов. Так как газета должна была взять на себя задачу всенародного политического обличения самодержавия, следовало привлечь также материалы о жизни либеральных кругов, и для этого Ленин считал возможным пригласить к сотрудничеству в газете Струве и Туган-Барановского. Но последние хотели использовать свое участие в газете русских социал-демократов для того, чтобы вести борьбу с революционным марксизмом и воспрепятствовать последовательному и принципиальному обличению «критиков» Маркса. Ленин категорически выступил против этого, так как считал, что общерусская газета должна быть органом революционного марксизма, ведущим упорную борьбу со всеми «критиками» Маркса.

На Псковском совещании произошел формальный разрыв с «легальными марксистами», которые окопчательно сбросили свои «марксистские» одеяния и самоопределились как откровенные либералы.

В августе 1900 года Ленин, после об'езда еще ряда городов России, выехал за границу договариваться о совместной работе с группой «Освобождение труда». Переговоры с Плехановым чуть не закончились разрывом: Ленин писал об этом в заметке «Как чуть не потухла «Искра». Ленин ценил заслуги Плеханова и группы «Освобождение труда», но вместе с тем он отлично понимал, что Плеханов и группа «Освобождение труда» оторваны от жизни и практической партийной работы в России и не могут непосредственно руководить газетой. Ленин писал: «Мы представляем из себя самостоятельную литературную группу. Мы хотим остаться самостоятельными. Мы не считаем возможным вести дело без таких сил, как Плеханов и

¹ Ленин. Т. II, стр. 501.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 61.

Заголовок первого номера газеты «Искра». Декабрь 1900 года.

Группа «Освобождение Труда», но отсюда никто не вправе заключать, что мы теряем хоть частичку нашей самостоятельности»¹. Ленин настаивал на том, чтобы редакция «Искры» была прочно связана с Россией и чтобы «Искра» была органом воинствующего марксизма.

11 (24) декабря 1900 года вышел первый номер «Искры» с эпитафией «И з и с к р ы в о з г о р и т с я п л а м я».

2

В состав редакции «Искры» входили Ленин, Плеханов, Мартов, Аксельрод, Засулич и Петров.

Ленин твердо отстаивал последовательную марксистскую линию, осуществляя те задачи, которые были намечены им еще в ссылке. Довольно часто при этом ему приходилось сталкиваться с Плехановым, Аксельродом и др. Обстановку, которая складывалась внутри редакции «Искры», Ленин описал в следующих словах: «По внешности — как будто бы ничего не произошло, вся машина должна продолжать идти, как и шла, — только внутри порвалась какая-то струна, и вместо прекрасных личных отношений наступили деловые, сухие, с постоянным расчетом: по формуле *si vis pacem, para bellum*» (если хочешь мира, готовь войну. — М. М.)².

В заявлении редакции «Искры», написанном Лениным, были определены лицо общепартийного органа и его основные задачи: «...идейное объединение русских социал-демократов еще надо выработать, для чего необходимо, по нашему мнению, открытое и всестороннее обсуждение основных принципиальных и тактических вопросов, поднятых современными «экопомпистами», бернштейнцами и «критиками». Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться. Иначе наше объединение было

бы лишь фикцией, прикрывающей существующий разброд и мешающей его радикальному устранению»³.

Борьба за конечные цели движения, борьба за диктатуру пролетариата и социализм была поставлена во главу угла всей деятельности ленинской «Искры». По этим коренным вопросам марксистской теории и вытекающей из нее революционной тактики раньше всего надо было отмежеваться от русских и западноевропейских бернштейнщиков.

«Искра» была ленинской. В 51 номере (до перехода «Искры» в руки меньшевиков) Ленин поместил 45 статей по самым коренным вопросам революционной политики, тактики и организации партии. Ленин редактировал также десятки других статей и очерков, обрабатывал присылаемые рабочими корреспонденции, заметки и держал непосредственную связь с искровскими организациями в России. Ближайшим помощником Ленина была Н. К. Крупская, работавшая секретарем редакции «Искры».

Ленин определял политику «Искры», он был ее организатором и творцом. Под его руководством «Искра» подняла знамя борьбы за революционный марксизм, нанося сокрушительные удары русским и западноевропейским ревизионистам, эсерам, либералам и прочим врагам марксизма. Ленин в «Искре» и в книге «Что делать?», которые неотделимы друг от друга, разработал идеологические основы марксистской партии. «Искра» была боевым органом воинствующего марксизма, и поэтому, по словам Ленина, она «...заслужила себе почетную нелюбовь и русских и западно-европейских оппортунистов»⁴. Но зато ленинская «Искра», ее принципиальная борьба с врагами марксизма, ее ясная и последовательная социалистическая линия вызывали любовь и горячую поддержку рабочих-социал-демократов.

«Искра» организовала всепартийные политические обличения. В десятках ста-

¹ Ленин. Т. XXVIII, стр. 58.

² Ленин. Т. IV, стр. 30.

³ Там же, стр. 39—40.

⁴ Ленин. Т. VI, стр. 327.

тей «Искра» обличала царское самодержавие, используя каждый конкретный факт насилия, гнета и произвола. «...мы гордимся тем, что «Искра» пробуждает политическое недовольство во всех слоях населения...»¹, — писал Ленин. Самодержавие беспощадно разоблачалось в статьях Ленина: «Отдача в солдаты 183-х студентов», «Китайская война», «Борьба с господствующими», «Самодержавие колеблется...», «Крепостники за работой», «Каторжные правила и каторжный приговор» и др.

Большое значение имел заведенный в «Искре» отдел «Из нашей общественной жизни», в котором отмечались основные факты революционных и оппозиционных выступлений против царизма. В ряде статей Ленина определялась тактика марксистской партии по отношению к крестьянству («Рабочая партия и крестьянство» и др.). Тактика партии по отношению к пресмыкавшейся перед царизмом русской либеральной буржуазии была обоснована Лениным в работе «Гонители земства и Аннибалы либерализма», впервые напечатанной в искровском журнале «Заря», и в ряде статей, печатавшихся в «Искре».

Ленинская «Искра» подняла знамя общедемократической борьбы, воспитывала рабочий класс как вождя идущей буржуазно-демократической революции. Это понимали передовые рабочие, которые в своих письмах в редакцию писали: «Искра» первая указала нам, рабочим, что мы должны интересоваться не только одним рабочим движением, но и жизнью и движением всего народа и общества. «Искра» первая высказала вслух, что в революции в самой России примут участие, кроме рабочих и крестьян, и общество. Мы, рабочие, не можем не высказать редакции нашу сердечную благодарность за то, что она вывела нас из узкого круга мыслей и понятий...»².

«Искра», особенно номера со статьями Ленина, пользовалась среди рабочих России огромной популярностью. В ленинских статьях рабочие находили ответы на волнующие их вопросы. Один петербургский рабочий писал в редакцию: «Я многим товарищам показывал «Искру» — и весь номерок истрепался... Тут про наше дело, про все русское дело, которое копейками не оценишь и часами не определишь, когда его читаешь, тогда понятно, почему жандармы и полиция боятся нас, рабочих, и тех интеллигентов, за которыми мы идем... Рабочий народ теперь легко может

загореться, уже все тлеет внизу, нужна только искра и будет пожар. Ах как это верно сказано, что из искры возгорится пламень!.. Я прошлое воскресенье собрал одиннадцать человек и читал «С чего начать», так мы до ночи не расходились. Как все верно сказано...»³.

Ленинская «Искра» из номера в номер обобщала опыт рабочего движения и партийной работы в России. В отделах «Хроника рабочего движения» и «Письма с фабрик и заводов» печатался фактический материал о борьбе рабочего класса. Ленин напоминал агентам «Искры», чтобы они побольше доставляли рабочих корреспонденций. Одному из них, И. И. Радченко, он писал: «Передайте это непременно Вашим рабочим и передайте им нашу просьбу, чтобы они и сами писали нам не только для печати, а и так, для обмена мыслей, чтобы не терять связи друг с другом и взаимного понимания»⁴.

2 июня 1901 года П. К. Крупская писала агенту «Искры» И. В. Бабушкину: «Обе Ваши корреспонденции получили. Большое спасибо за правильность доставки сведений. Часть из них уже помещена в 3-м и 4-м номере, который вышел на днях, многое будет помещено в 5-м. Мы чрезвычайно были обрадованы извещению о сочувственном отношении иваново-вознесенских рабочих к Искре, — это сочувствие для нас важная нравственная поддержка»⁵. Н. Бауман, активный агент «Искры», посылая корреспонденции рабочих, писал в редакцию: «...Поместите, что возможно, в Искре, т. к. рабочие будут очень рады этому. Они очень любят Искру...»⁶.

В отделе «Искры» «Из партии» подвергалась резкой критике деятельность «экономистов», обобщался опыт партийной работы в отдельных организациях, разъяснялись вопросы искровской тактики. В «Искре» Ленин разрабатывал также организационные принципы и формы строения партии, указывая, что ядром партии являются профессиональные революционеры — те партийные кадры, которые отдают все свои силы и жизнь делу революции, которые делают революцию своей основной профессией. Партия должна была быть конспиративной, так как в условиях самодержавия нельзя было иметь легальную партию; партия должна была быть централизованной и обеспечить руководством все другие непартийные организации

³ «Искра» № 7 за август 1901 года.

⁴ Ленин. Т. XXVIII, стр. 142.

⁵ «Пролетарская революция» № 1 за 1939 год, стр. 228.

⁶ Там же, стр. 227.

¹ Ленин. Т. IV, стр. 343.

² «Искра» № 14 за январь 1902 года.

рабочего класса. Ленин спланировал вокруг «Искры» и воспитывал кадры профессиональных революционеров, которые провели огромную работу по строительству искровских организаций в России.

Ленинская «Искра» своей последовательной, принципиальной борьбой послужила «...не только средством идейного сплочения партии, но и средством организационного объединения местных организаций в партию»¹.

Товарищ Сталин писал: «Борьба старой «Искры» и блестящая критика теории «хвостизма», данная в брошюре Ленина «Что делать?», не только разбила так называемый «экономизм», но создали еще теоретические основы действительно революционного движения русского рабочего класса»².

3

«Искра» издавалась за границей. Центральный орган русских марксистов должен был выходить регулярно и находиться в безопасности от репрессий царского правительства. «Искра» должна была обобщать опыт работы всех организаций в России, связывать их воедино. В России, в подполье, могли печататься местные листовки и местные органы партии, но общерусский орган всей партии должен был в те годы печататься за границей.

Всеми возможными путями доставлялась «Искра» в Россию: из Мюнхена, Лондона, Женевы, через Стокгольм в Петербург; из Мюнхена через Кенигсберг в Вильню; через Мюнхен, Варну в Одессу; из Лондона через Львов, Каменец-Подольск в Киев; через Марсель в Батум и Баку; через Лондон в Либаву и Ригу. Все пути и средства были использованы для того, чтобы «Искра» стала широко известной передовым рабочим России.

Ленин придавал огромное значение умелой организации перевозки литературы в Россию и ее широкому распространению. При этом он предостерегал от кустарничества в местных организациях и возражал против попыток отдельных социал-демократов издавать в Петербурге районный орган, который в той или иной мере был бы противопоставлен центральному органу партии.

«Более самоубийственной тактики для «Искры» я не могу себе и представить! — писал Ленин по этому поводу. — ...Ради того, чтобы вместо борьбы с той узостью,

которая заставляет питерца забывать о Москве, москвича о Питере, киевлянина о всем, кроме Киева, вместо приучения людей (их надо годами приучать к этому, если мы хотим образовать заслуживающую этого названия политическую партию) к ведению общерусского дела, — вместо этого поощрять опять кустарническую работу, местную узость и развитие вместо общерусской — какой-нибудь помещицкой социал-демократии, — это будет ничем иным, как помещицством, это не может быть ничем иным»³.

Вместе с тем Ленин горячо приветствовал инициативу кавказских искровцев, которые создали нелегальную типографию и начали издавать орган тифлиского комитета искровцев «Брззола» («Борьба»), а затем наладили перепечатку «Искры» по матрицам, присылаемым Лениным.

Ленинская «Искра» парасхват читалась рабочими Кавказа. Товарищ Сталин говорил рабочим-социал-демократам: «Если «Искра» попадет тебе в руки, читай ее внимательно, особое внимание обращай на статьи «Н. Д.» (Ленина. — М. М.)⁴.

Революционные социал-демократы Закавказья во главе с товарищами И. Сталиным, А. Цулукидзе, Л. Кецохели и при активной поддержке замечательного ленинца В. Курнатовского (прибывшего в Тифлис осенью 1900 года) создавали здесь ленинско-искровские организации.

В борьбе с большинством «Месаме-даси», которое, по существу, принадлежало к «незаконным марксистам» Грузии, товарищ Сталин и его соратники (меньшинство «Месаме-даси») защищали революционный марксизм, руководили борьбой рабочего класса и создали нелегальную социал-демократическую печать, через которую они организовывали и спланировали закавказский пролетариат.

11 ноября 1901 года центральная Тифлисская группа по инициативе товарища Сталина созвала первую конференцию социал-демократической организации, на которой был избран первый Тифлиссский комитет ленинско-искровского направления. К этому времени тифлиссские искровцы наладили издание своего печатного органа — «Брззола» («Борьба»).

Товарищ Сталин придавал большое значение партийной нелегальной технике. Еще в 1898—1899 годах, будучи руководителем социал-демократического кружка рабочих-печатников в Тифлисе, товарищ Сталин интересовался возможностью созда-

³ Ленин. Т. XXVIII, стр. 121—122.

⁴ «Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине», стр. 32. «Молодая гвардия». 1937.

¹ История ВКП(б), стр. 32.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 15.

ния нелегальной типографии. Во время августовской стачки железнодорожников в Тифлисе (1900 год) была оборудована маленькая типография, в которой печатались листовки тифлисской социал-демократической группы. Соратник товарища Сталина Ладо Кецохели специально поступил на работу в типографию, чтобы научиться типографскому ремеслу, и в 1900 году был направлен Тифлисской социал-демократической группой в Баку для налаживания партийной работы и организации нелегальной типографии. Ладо Кецохели создал подпольную типографию, раздобыл печатную машину, приобрел шрифт на грузинском, русском и армянском языках, краску, бумагу.

Ленин горячо интересовался возможностью создания подпольной типографии в России, главным образом для перепечатки «Искры». 18 мая 1901 года Ленин пишет в Россию: «Каким образом думаете Вы поставить «Искру» в России? В тайной типографии или в легальной? Если последнее, то напишите немедленно, имеете ли определенные виды: мы готовы бы обеими руками ухватиться за этот плап (возможный, как нас уверяли, на Кавказе) и средств он потребовал бы не много»¹.

Вскоре Ленин пишет в Баку: «Относительно постановки «Искры» на Кавказе мы уже послали Х. (Л. М. Книпович. — М. М.) подробный запрос и ответа еще не имеем»².

В начале августа 1901 года Ленин запрашивает о плане бакинских искровцев: «Если техника у вас налажена, постарайтесь как можно скорее издать целиком хоть один номер Искры... Нам было бы крайне важно к здешнему съезду т. е. через месяц (минимум 1½) иметь экземпляр русского издания Искры»³.

В 1901 году начала работать созданная Л. Кецохели подпольная типография кавказских искровцев, которая являлась крупнейшей подпольной типографией нашей партии.

В сентябре 1901 года вышел первый номер нелегальной газеты «Брдзола» («Борьба») — органа тифлисской социал-демократической организации, ее ленинско-искровской группы.

4

С первого номера «Брдзола» стала боевым органом искровцев на Кавказе. Она отстаивала теоретические основы марксизма, идею диктатуры пролетариата,

¹ Ленин. Т. XXVIII, стр. 115.

² Там же, стр. 118.

³ Ленинский сборник VIII, стр. 189.

ленинскую идею гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции и идею централизованной партии рабочего класса. «Брдзола» была лучшей после «Искры» марксистской газетой в России.

«Газета «Брдзола» рассматривала себя как местный орган общероссийского социал-демократического движения, отстаивая неразрывную связь революционной борьбы закавказского пролетариата с революционной борьбой всего российского рабочего класса»⁴.

В редакционной статье № 1 «Брдзолы» были четко определены задачи газеты. Прежде всего газета подчеркивала единство борьбы и задач российского и грузинского пролетариата.

«Так как большинство грузинских рабочих читателей, — сказано в редакционной статье первого номера «Брдзолы», — не может свободно пользоваться русской газетой, руководители грузинской газеты не в праве оставлять без освещения все те вопросы, которые обсуждает и должна обсуждать общепартийная русская газета. Таким образом, грузинская газета обязана знакомить читателя со всеми принципиально-теоретическими и тактическими вопросами. Вместе с тем она обязана возглавлять местное движение и должным образом освещать каждое событие, не оставляя без разъяснений ни одного факта и отвечая на все вопросы, волнующие местных рабочих. Грузинская газета должна связывать и объединять грузинских и русских борющихся рабочих. Газета должна сообщать читателям обо всех необходимых им явлениях из местной, русской и международной жизни»⁵.

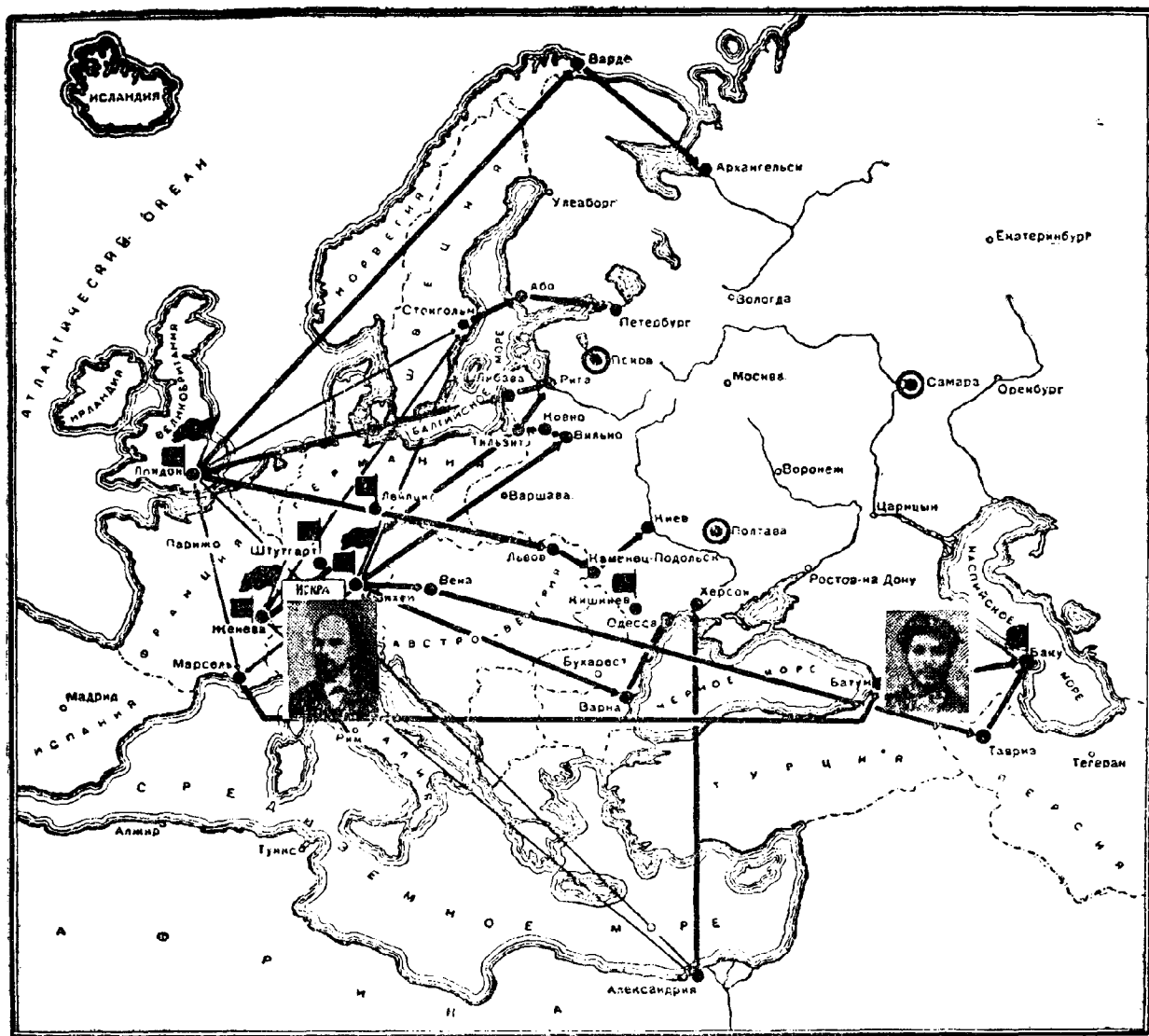
Указывая на содержание и направление газеты, редакция отмечала, что «Брдзола» в первую очередь будет заниматься социалистическим воспитанием рабочего класса, так как «пролетариат призван историей освободить все человечество и дать миру счастье». Вместе с тем «Брдзола», по примеру «Искры», будет систематически обличать царское самодержавие. «...газета должна уделить особое внимание тому революционному движению, которое происходит или произойдет среди других элементов общества; она должна разъяснять каждое общественное явление и тем самым влиять на каждое борющегося за свободу»⁶.

Так же как и ленинская «Искра», «Брдзола» ставила своей первоочередной

⁴ Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 32. Партиздат. 1938.

⁵ Сборник «Ладо Кецохели», стр. 19—20. Партиздат. 1938.

⁶ Там же, стр. 20.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- Редакция „Искры“
- Бюро организации „Искры“
- Типография „Искры“
- Пути транспорта
- Трассы с несколькими пунктами отправления
- Города, через которые транспортировалась газета „Искра“

Организация «Искры» (схема).

задачей защиту революционного марксизма и решительную борьбу с бернштейнством. В редакционной статье первого номера «Брдзолы» указывалось: «Мы только не должны забывать здесь социал-демократических принципов и революционных способов борьбы. Если мы будем измерять каждое движение этой меркой, мы будем свободны от всяких бернштейнских бредней»¹.

В статье «Политическая борьба» орган кавказских искровцев разъяснял значение революционно-политической борьбы рабочего класса и крестьянства и призывал рабочих откликаться на все случаи борьбы и протеста против самодержавия, от каких бы групп населения они ни исхо-

дили. По примеру лепицкой «Искры», «Брдзола» в отделах «Хропика», «Корреспонденции» отмечала стачечную борьбу рабочих на предприятиях Тифлиса, Батума и Кутанса и давала ей оценку. «Брдзола» учила рабочих связывать экономическую борьбу с революционно-политической борьбой против самодержавия.

В сентябре 1901 года грузинские князья, дворяне и буржуазная интеллигенция вместе с царскими властями торжественно отметили столетие присоединения Грузии к России. Ладо Кецховели по поручению руководящей Тифлисской группы революционных социал-демократов и лично товарища Сталина написал статью «По поводу столетнего юбилея», напечатанную в № 1 «Брдзолы». В этой статье давалась марксистская оценка присоеди-

¹ Сборник «Ладо Кецховели», стр. 20. Мартиздат. 1938.

ния Грузии к России и разоблачался союз грузинского дворянства и буржуазии с царизмом, а также национально-угнетательская политика самодержавия. Эта замечательная статья заканчивалась следующими словами: «Сегодня, когда тысячи трудового народа и его представители гниют в тюрьме, сегодня, когда перед нашими глазами каждый день льются реки крови этой измученной толпы, сегодня, когда свободное слово, действие, братская любовь — запрещенный плод для этого многострадального народа и когда гнусные агенты правительства сеют в обществе взяточничество, страх, разврат, сегодня, когда всякая искренность и честность пребывают под надзором правительства и с его гнусностью с ожесточенным борется наилучшая часть самой России,—сегодня, вот в это время, наше дворянство выступает от имени народа и благодарит это же правительство, по-братски пожимая ему руку!!!»

Прочь от нас, полное грузинское дворянство, прочь мерзкие союзники власти, у нас с вами нет ничего общего! У нас тоже будет свой праздник, но только тогда, когда нынешнее правительство с его опорой падет и развалится, когда ваше знамя, на котором написано «подлость и насилье», будет заменено нашим знаменем с надписью «свобода и любовь!» Мы тоже будем пировать, праздновать, но не насильем, не обманом, не полостью!!!

Так соединимся же, друзья, соединимся, рабочие всех стран, для победы над сегодняшним гнусным правительством!!!»¹.

Ленинская «Искра» горячо приветствовала «Брдзолу» и статью Л. Кецохели. В № 13 «Искры» от 20 декабря 1901 года, в корреспонденции «Столетие русского штыка в Грузии», сказано: «...но самое важное было то, что местная рабочая организация ознаменовала столетие выпуском в свет первого революционного грузинского периодического издания под названием «Борьба». Орган этот предполагается выпускать по мере накопления материалов в виде фактов из борьбы местной рабочей организации с буржуазией и жандармерией.

Первый номер заключал в себе несколько статей принципиального характера, прокламации и хрон. стачек на Кавказе (особенно в Тифлисе)»².

В ноябре — декабре 1901 года вышел объединенный 2—3-й номер «Брдзолы». Передовая статья «Российская социал-де-

мократическая партия и ее ближайшие цели» указывала на значение революционной теории Маркса и Энгельса для рабочего движения и объясняла, почему социал-демократы-искровцы должны внести теорию в массовое рабочее движение. В статье говорилось: «Русские социалисты сблизились с рабочей массой лишь в начале 90-х годов. Они увидели, что спасение лишь в рабочем классе и что только этот класс осуществит социалистический идеал»³.

Социал-демократия «...старалась развить сознание рабочих, старалась объединить разрозненную и расплывчатую борьбу отдельных групп рабочих против отдельных хозяев, слить их в общую классовую борьбу, чтобы это была борьба русского рабочего класса против класса угнетателей России, и главным образом старалась придать этой борьбе организационный характер»⁴.

В этой программной статье также разоблачался оппортунизм, хвостизм «экопомпистов» — этих русских бернштейнщипцев — и подчеркивалась важность руководства со стороны марксистской партии рабочим движением и всей революционно-политической борьбой против самодержавия.

«Вместо того, — сказано в статье, — чтобы руководить стихийным движением, внедрить в массу социал-демократические идеалы и направить ее к нашей конечной цели, эта часть русских социал-демократов превратилась в слепое орудие самого движения; она слепо следовала за недостаточно развитой частью рабочих и ограничивалась формулированием лишь тех нужд, тех потребностей, которые были осознаны в тот момент рабочей массой... Но печальнее всего и само по себе непонятно для революционеров то обстоятельство, что русские «социал-демократы» до того расширили учение своих западноевропейских учителей (Бернштейн и К^о), что бесстыдно заявляют: политическая свобода (свобода стачек, союзов, слова и т. д.) совместима с царизмом и поэтому особая политическая борьба, борьба с самодержавием, является совершенно излишней»⁵.

Так блестяще, по-ленински орган грузинских искровцев, сталинская «Брдзола», разоблачал бернштейнщипцев и определял пути и методы борьбы русских марксистов.

В этом же номере «Брдзолы» (ноябрь — декабрь 1901 года) помещена статья «Национализм и социализм». Эта статья имела большое значение для защиты и пропа-

¹ Сборник «Лето Кецохели», стр. 52 — 53.

² «Искра» № 13 от 20 декабря 1901 года.

³ Сборник «Лето Кецохели», стр. 24.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 26—27.

ганды взглядов революционных марксистов на национальный вопрос. В условиях многонационального Кавказа, когда большинство «Месаме-даси» и его орган «Квали» стремились подчинить классовую борьбу рабочих интересам буржуазно-национального движения, орган кавказских искровцев «Брдзола» ясно и четко формулировал программу социал-демократов по национальному вопросу. Основные положения статьи «Национализм и социализм» были впоследствии блестяще развиты товарищем Сталиным в его статье «Как понимает социал-демократия национальный вопрос?», помещенной в сентябре 1904 года в газете «Пролетариатис брдзола» («Борьба пролетариата»).

В № 2—3 «Брдзолы» помещена была также большая статья «Рабочее движение на Кавказе в 1899—1901 гг.». В этой статье обстоятельно разбирались основные факты революционной борьбы пролетариата в Закавказье и в первую очередь в Тифлисе. В статье отмечались маевки тифлисского пролетариата. На первой маевке 19 апреля 1899 года 70 рабочих тайно собрались за городом с красными знаменами. Через год, 19 апреля 1900 года, в маевке тифлисского пролетариата участвовало уже 300—400 рабочих. Еще через год, 22 апреля 1901 года, Первомайский праздник был ознаменован массовым политическим выступлением тифлисского пролетариата: две тысячи рабочих выступили на площади в самом центре города с красными флагами, с лозунгами: «Да здравствует политическая свобода!», «Долой тиранию!», «Да здравствует восьмичасовой рабочий день!» и т. п. «Словом, 22 апреля полностью показало рабочим и убедило их окончательно в том, что сегодня больше всего необходима борьба с правительством, борьба за завоевание политической свободы.

Да, 22 апреля многое показало рабочим и многому научило их, но не меньше показало оно и правительству. Правительство убедилось в том, что рабочее движение на Кавказе больше не шутка, что и здесь оно принимает столь же широкий характер, как и в России...»¹.

«Брдзола» несклонно подчеркивала единство рабочих Грузии, Армении и других национальностей с рабочим классом России: «Не забывайте, что вы не одни! Вместе с вами борется весь рабочий народ России...»².

Эту массовую маевку тифлисского пролетариата отметила также и ленинская

«Искра», которая писала: «Событие, бывшее в воскресенье 22 апреля (старого стиля) в Тифлисе, является исторически-знаменательным для всего Кавказа: с этого дня на Кавказе начинается открытое революционное движение»³.

«Брдзола» пристально следила за жизнью партийных организаций в России и за границей. Во 2—3-м номере «Брдзолы» было помещено сообщение об образовании Заграничной лиги русских социал-демократов.

5

Работа в нелегальной типографии и издание нелегальной литературы требовали исключительной энергии, настойчивости и смелости. Отважный профессиональный революционер Ладо Кецохели с честью выполнял эту ответственнейшую и рискованную работу. Круглые сутки, не разгибая спины, работал Ладо Кецохели в типографии, выполняя одновременно обязанности редактора, журналиста, наборщика, печатника и корректора. Вместе с тем Ладо Кецохели организовал Бакинский комитет искровцев и руководил им, держа тесную связь с товарищем Сталиным.

Ладо Кецохели установил связь с Лениным и по его заданию по матрицам, присланным из-за границы, перепечатывал в нелегальной бакинской типографии «Искру». Он налаживал также транспорт искровских изданий из-за границы в Россию, в Баку.

В октябре 1901 года Н. К. Крупская писала П. Э. Бауману в Москву: «Относительно литературы писала прошлый раз. Можете ли Вы устроить у себя большой склад, тогда к Вам аккуратно будет приходить литература с Кавказа (там налажен новый, скорый путь, есть своя типография, где будет печататься Искра и брошюры), народ очень надежный. Ладо будет брать все привозимое»⁴.

В бакинской нелегальной типографии «Нипа» (так она была названа в нелегальной переписке) перепечатывались ленинская «Искра» (№ 11), ряд брошюр и распространялись не только по Закавказью, но и по городам юга России.

Бакинская нелегальная типография была только искровской, и это вызывало обобрение Ленина.

Совсем иначе было в кишиневской нелегальной типографии, в которой наряду с напечатанным № 10 «Искры» была напечатана газета «Вперед», орган киевского комитета, близкий по направлению к

¹ Сборник «Ладо Кецохели», стр. 42—44.

² Там же, стр. 46.

³ Там же, стр. 57.

⁴ «Пролетарская революция» № 1 за 1939 год, стр. 224.

«экономизму». Ленин по этому поводу с негодованием писал, что эти люди «...перешагнули тайком в другое предприятие...»¹.

Начальник тифлисского губернского жандармского управления сообщил 30 марта 1902 года, что «...все прокламации, грузинский подпольный журнал «Брдзола», появившийся в конце минувшего года, и даже сама газета «Искра» печатаются в городе Баку, причем (зачеркнуто: действительными) деятельными участниками этого подпольного производства были названы: разыскиваемый Владимир Кецохели, скрывающийся будто бы под фамилией Демитрашвили...

Что касается вопроса о том, где именно помещается в Баку подпольная типография, то по этому уверенно еще ничего нельзя сказать. Дело это, несомненно, находится в руках интеллигенции...»².

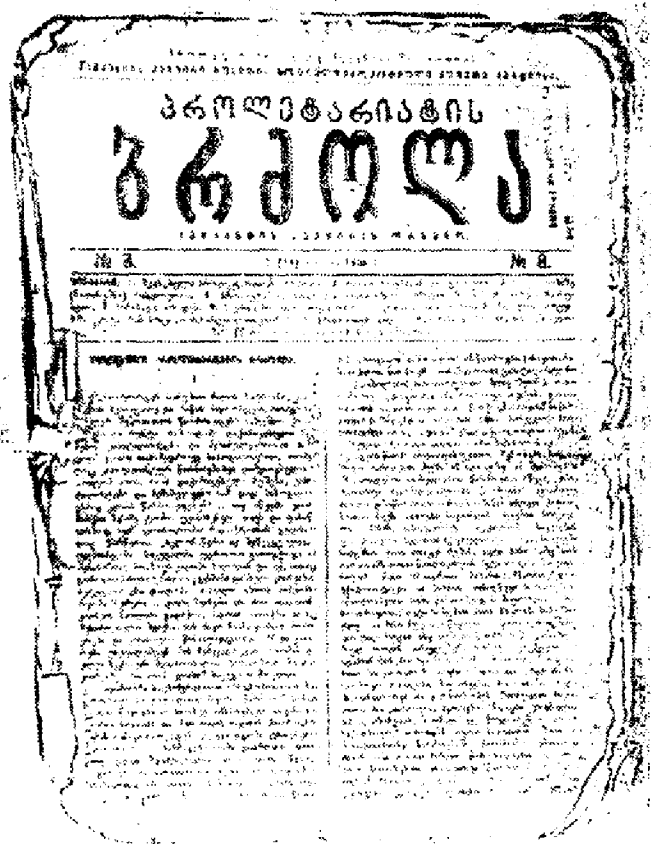
В марте 1902 года создалась угроза ареста типографии. Посланные в это время из-за границы матрицы «Искры» были обнаружены царскими властями. Решено было перевести типографию из Баку в центр России. С этой целью Ладо Кецохели об'ехал ряд городов (Киев, Самару и др.), но местные партийные организации не могли обеспечить необходимых условий для безопасной работы нелегальной типографии. В августе 1902 года Ладо Кецохели вернулся в Баку и снял для типографии новое помещение на Чадровой улице. Вот почему только в декабре 1902 года удалось выпустить № 4 «Брдзолы».

Передовая статья «Борьба с правительством — первейшая и святейшая цель народа» призывала к усиленной политической борьбе с царским самодержавием. В статье «Социал-демократическая борьба» говорилось о значении социал-демократической организации в Грузии, как неотделимой части Российской социал-демократической рабочей партии.

«Брдзола» училась у ленинской «Искры» вести борьбу с врагами рабочего класса. В начале XX столетия из обломков народнических групп появилась мелкобуржуазная партия так называемых социалистов-революционеров, которые в обстановке высокой политической активности рабочего класса возрождали уже битый жизнью, явно вредный для массового движения метод индивидуального террора. В полном соответствии со статьями Ленина в «Искре» «Брдзола» высказывалась против метода индивидуального террора и разоблачала партию мелкобуржуазных авантюристов (см. помещенную в № 4 «Брдзолы» статью «Как мы оцениваем террор»).

¹ Ленин. Соч. Т. XXVIII, стр. 128.

² Сборник «Ладо Кецохели», стр. 71.

Первая страница газеты «Пролетариатис брдзола», 1905 год.

В «Брдзоле» систематически в каждом номере отмечалась стачечная борьба рабочих Баку, Тифлиса. Большое внимание уделялось революционному движению крестьянства в Гурии, Имеретии и Мингрелии, а также и в южных губерниях России. В каждом номере читателей информировали о рабочем и социал-демократическом движении в России.

В конце лета 1902 года жандармам удалось напасть на след Ладо Кецохели. 2 сентября 1902 года он был арестован в Баку и отправлен в Метехскую тюрьму в Тифлисе, где его предательски убили по приказанию тюремного начальника.

Но бакинская подпольная типография, созданная Ладо Кецохели, продолжала работать, и печатное слово кавказских искровцев, их призыв к беспощадной борьбе с тиранами, за политическую свободу, за диктатуру пролетариата, за боевую партию революционных марксистов громко звучали среди пролетариев Закавказья.

В № 25 «Искры» было сказано: «Уверенный в наличии благоприятной среды, местный комитет партии развил в течение нескольких месяцев громадную организаторскую и пропагандистскую работу. Появилась на грузинском языке газета («Борьба») и несколько переводных брошюр. Прекрасно написанные прокламации выходили на русском, грузинском и ар-

мянском языке и заполнили все кварталы Тифлиса»¹.

В 1902 году наряду с «Брзолой» начала выходить на армянском языке газета «Пролетариат» для рабочих-армян, которых было очень много на Кавказе, особенно в Баку.

В марте 1903 года собрался первый съезд кавказских социал-демократических организаций, на котором была принята платформа ленинской «Искры» и был избран Кавказский союзный комитет РСДРП. В состав Союзного комитета был заочно введен товарищ Сталин, который в это время сидел в батумской тюрьме. Кавказский союз РСДРП решил объединить грузинскую газету «Брзола» (с № 5) и армянскую газету «Пролетариат» (с № 2) в одну газету «Пролетариатне брзола» («Борьба пролетариата»), которая сначала выходила на грузинском и армянском, а затем и на русском языке.

Когда после II съезда РСДРП «Искра» (с № 52) стала меньшевистской и Ленин повел борьбу за созыв нового, III съезда, орган закавказских большевиков «Пролетариатне брзола» целиком поддерживал Ленина в его борьбе за партию и партийность.

* * *

В обстановке острой внутрипартийной борьбы в конце 1904 года Ленин создал большевистскую газету «Вперед», которая продолжала дело старой «Искры». Ленин писал: «Направление газеты «Вперед» есть направление старой «Искры».

¹ «Искра» № 25 от 28 (15) сентября 1902 года.

Во имя старой «Искры» «Вперед» решительно борется с новой «Искрой»².

Так же, как «Вперед» продолжала традицию и идейную борьбу, начатую старой «Искрой», редактируемой Лениным, так и «Борьба пролетариата», редактируемая Сталиным, продолжала традицию «Брзолы», воспитывая в духе ленинских идей широкие массы рабочих и крестьян Закавказья.

Идеи ленинской «Искры», ее программа и направление, ее принципиальность и непримиримость к врагам марксизма стали знаменем большевиков. «Весь цвет сознательного пролетариата, — писал Ленин, — стал на сторону «Искры». За несколько лет до революции социал-демократия выступила с самой последовательной и непримиримой программой. И борьба классов, выступление масс во время революции 1905 года подтвердили эту программу... «Искра» воспитывала авангард рабочих, способный вести вперед массы»³.

Ленинская «Искра», «Вперед», «Пролетарий», «Правда» — вся большевистская печать не только пропагандировала идеи большевизма среди широких масс рабочих и трудящихся, но также сплачивала и организовывала их на борьбу с царизмом и буржуазией. По стопам центрального органа партии, так же неуклонно проводя упорную борьбу за ленинские принципы, шла большевистская печать Закавказья.

Между Лениным и Сталиным установилась тесная и неразрывная связь, которая крепла в последующие годы и обеспечила армии большевиков великие всемирноисторические победы.

Проф. М. МОСКАЛЕВ

² Ленин. Т. VII, стр. 94.

³ Ленин. Т. XVIII, стр. 218, 219.

С'езд развернутого наступления социализма по всему фронту

XVI с'езд ВКП(б) (июнь — июль 1930 года) занимает выдающееся место в истории борьбы нашей партии и всей страны за торжество социализма в СССР.

XVI с'езд собрался в момент, когда СССР вступил уже в период социализма. Если XIV с'езд партии, являвшийся по преимуществу с'ездом индустриализации, и XV с'езд, с'езд коллективизации, отражали период подготовки партии и страны к общему наступлению социализма, то XVI с'езд ВКП(б) вошел в историю партии как «с'езд развернутого наступления социализма по всему фронту, ликвидации кулачества, как класса, и проведения в жизнь сплошной коллективизации» (С т а л и н).

1929 год, предшествовавший XVI с'езду, был годом великого перелома. Это был переломный период не только для СССР, но и для капиталистического мира. Но, в то время как для Советского Союза перелом этот означал поворот в сторону нового, могучего экономического под'ема, для капиталистических стран этот период был началом поворота к экономическому упадку.

Достигнув довоенного уровня производства в 1929 году, капиталистические страны были поражены мировым экономическим кризисом, по своим размерам и глубине превосходящим все предыдущие. Острота и разрушительная сила мирового экономического кризиса определялись тем, что он развертывался на базе общего кризиса капитализма. Он охватил как промышленные страны мира, так и аграрные страны. Промышленный кризис переплелся с сельскохозяйственным кризисом и тем самым еще больше ухудшил положение капиталистических стран.

Товарищ Сталин в своем докладе на XVI с'езде партии дал глубокий марксистско-ленинский анализ характера и причин разразившегося тогда в странах капитализма экономического кризиса, характеризовал взаимоотношения СССР с капиталистическими странами и изложил внешнюю политику СССР как политику мира, политику укрепления экономических связей со всеми

странами и интернациональных связей трудящимися всех стран.

Подчеркнув, что мировой экономический кризис, разразившийся в 1929 году в капиталистическом мире, являлся самым серьезным и самым глубоким кризисом из всех существовавших до того времени мировых экономических кризисов, товарищ Сталин дал оценку возрастающим противоречиям в лагере империализма и указал на неизбежность их дальнейшего обострения.

Это предвидение товарища Сталина целиком оправдалось. За 3 года действия мирового экономического кризиса промышленность капиталистических стран, как известно, была отброшена далеко назад по сравнению с уровнем начала 1929 года — наивысшего в послевоенный период. Так, к концу 1933 года промышленность США упала до 65% уровня 1929 года, промышленность Англии — до 86%, промышленность Германии — до 66%, промышленность Франции — до 77%. За тот же период промышленность СССР выросла больше чем в 2 раза, достигнув 201% к уровню 1929 года.

В результате мирового экономического кризиса в капиталистических странах гигантски возросла армия безработных, достигнув 24 миллионов человек, а в деревне разорялись десятки миллионов крестьян.

В то же время рост социалистического строительства и связанный с ним неуклонный рост благосостояния рабочего класса, широких трудящихся масс в СССР демонстрировали все преимущества социалистической системы перед капиталистической.

В период, предшествовавший XVI с'езду партии, в СССР развернулось усиленное строительство социализма как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства. Правильная ленинско-сталинская политика большевистской партии обеспечила быстрые темпы социалистического строительства в стране и вызвала громадный под'ем производственного энтузиазма в массах, переход рабочих к новым формам социалистического труда — к социалисти-

ческому соревнованию и ударничеству. Промышленное строительство приобрело гигантский размах, неуклонно увеличивался выпуск продукции.

На порогах Днепра строилась одна из крупнейших в мире электростанций — Днепрогэс. На Украине возводились леса на стройках крупных заводов — в Краматорске, Горловке и др. В строй вступили новые шахты и домы. На Урале началось строительство Уралмашзавода. В Магнитогорске закладывался металлургический завод. Воздвигались крупнейшие химические комбинаты — в Березниках, Сталиногорске, Соликамске и др.

В этот же период развернулось строительство заводов-гигантов: автомобильных (Москва, Горький), тракторных (Сталиноград, Харьков, Челябинск), комбайнов, сельскохозяйственных машин (Ростов на Дону). В Сибири, в Кузбассе расширялась вторая угольная база СССР. В Казахстане строился Туркнеб.

Одновременно коренным образом реконструировались старые заводы, промышленные предприятия обновлялись и вооружались новейшим оборудованием.

Вся страна участвовала в этом великом социалистическом преобразовании. Рабочие на новостройках показывали образцы величайшего трудового героизма.

Преодолевая все трудности, решительно борясь с троцкистами и правыми, ленинско-сталинская партия неуклонно осуществляла курс на развитие производства средств производства. Темпы роста крупной социалистической индустрии обеспечивались систематическим увеличением капиталовложений из года в год.

В первую пятилетку, начавшуюся в 1928 году, капиталовложения в народное хозяйство были определены в сумме 64,6 миллиарда рублей, из них намечалось вложить в промышленность вместе с электрификацией 19,5 миллиарда рублей, в транспорт — 10 миллиардов рублей, в сельское хозяйство — 23,2 миллиарда рублей. План предусматривал рост промышленной продукции в 3 раза по сравнению с довоенным уровнем.

В 1929 году капиталовложения в крупную промышленность составили уже 3400 миллионов рублей, что превышало более чем в 2 раза вложения 1928 года (1600 миллионов рублей). Валовая продукция крупной промышленности в 1928 году дала прирост 23%, в том числе тяжелая промышленность выросла на 30%. А в 1929 году продукция крупной промышленности дала рост на 32%, в том числе тяжелая индустрия — на 46%.

Взятые темпы индустриализации страны обеспечивали экономическую самостоятель-

ность СССР и решение задачи укрепления обороноспособности страны.

Этих невиданных темпов роста тяжелой индустрии партия добилась, разрешив в основном задачу накопления средств для капитального строительства. А ведь задача накопления средств для индустриализации страны представляла одну из главных трудностей, которые стояли перед советской властью в тот период. Ибо впервые в истории отсталая в промышленном отношении страна приступила к строительству собственной мощной индустрии, не располагая ни долгосрочными внешними займами, ни длительными кредитами. Капиталисты всех стран, отказывая стране социализма в займах и кредитах, рассчитывали таким образом сорвать индустриализацию СССР. В то же время такие источники капиталистической индустриализации, как ограбление колоний, контрибуции с побежденных стран, кабальные концессии, кабальные займы, за счет которых развивалась промышленность, например, капиталистических стран, для нашей страны были неприемлемы как чуждые природе советской власти.

Источники социалистической индустриализации были найдены внутри страны. Такими источниками явилась прибыль советских фабрик и заводов, банков, торговли, которая в капиталистических странах идет на обогащение паразитических классов. Другим источником индустриализации страны явилась национализация земли, аннулирование царских долгов и освобождение крестьянства от ежегодной уплаты помещикам за аренду земли около 500 миллионов рублей золотом. Это позволило крестьянству, кровно заинтересованному в социалистической индустриализации, оказать помощь своему государству в накоплении средств на дело строительства крупной машинной индустрии. Все эти источники наряду с проведением режима экономии позволили накопить сотни миллионов и миллиарды рублей для создания тяжелой индустрии и взять нужный разгон в темпах индустриализации, не прибегая к кабальным займам у капиталистических стран.

Проблема накоплений была в основном разрешена, и это создало условия для превращения СССР из страны аграрной в страну индустриальную.

Указывая на коренное отличие нашей индустриализации от индустриализации, проводимой в капиталистических странах, товарищ Сталин говорил на XVI съезде партии: «Характерная черта нашей индустриализации состоит в том, что она есть индустриализация социалистическая, индустриализация, обеспечивающая победу о б о б щ е с т в л е н н о г о сектора промышленности над сектором частного

з я й с т в е л н ы м, над сектором мелко-товарным и капиталистическим»¹.

В результате социалистической индустриализации удельный вес частного хозяйственного сектора в продукции крупной промышленности страны уже в 1929—1930 году составлял всего 0,7%, «капиталистические элементы в крупной промышленности уже пошли ко дну». Вопрос «кто кого», как говорил товарищ Сталин на XVI съезде², уже был решен в основном в пользу социалистических форм промышленности.

Важнейшим достижением партии в тот период явился также решительный перелом в области производительности труда. Именно этот перелом обеспечил осуществление сталинских темпов и позволил за 1929 год достигнуть такого роста промышленности, который перекрыл наметки первой пятилетки. Перелом в области производительности труда «выразился в развертывании творческой инициативы и могучего трудового под'ема миллионных масс рабочего класса на фронте социалистического строительства» (С т а л и н).

В стране широко разрасталось социалистическое соревнование рабочих, появилось движение ударников. На 1 марта 1930 года в социалистическом соревновании участвовало 2 миллиона промышленных рабочих, более 1 миллиона рабочих было ударниками. Сплоченный вокруг партии Ленина—Сталина рабочий класс шел на огромные жертвы, проявлял изумительные образцы трудового героизма.

Одним из результатов социалистического соревнования явилось строительство Сталинградского тракторного завода в невиданно рекордные сроки — 11 месяцев. На 17 месяцев раньше установленных сроков был сдан в эксплуатацию Турксиб. При 40-градусном морозе комсомольцы Магнитогорска монтировали железные конструкции. На строительстве Днепрогэса и Сталинградского тракторного завода рабочие перекрывали мировые рекорды производительности труда.

В этом великом созидательном труде выковывалось в массах новое, социалистическое отношение к труду. Сами рабочие вели яростную борьбу с прогульщиками, лодырями, дезорганизаторами производства. Снизу, из среды рабочих, шла инициатива, направленная на выявление скрытых ресурсов и возможностей для более быстрых темпов социалистического строительства, выдвигались встречные планы, предложения о пересмотре норм, создавались сквозные и буксирные бригады.

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 365. 10-е изд.

² Там же, стр. 366.

Этот трудовой героизм масс дал свои результаты, заставившие весь мир — кого с нескрываемой враждой, кого с чувством преклонения и восхищения — признать великую силу социалистической революции, которая одна только способна рождать в народе массовые подвиги.

В то же время в год, предшествовавший XVI съезду ВКП(б), произошли крупнейшие изменения и в деревне. Ленинско-сталинская политика партии по отношению к крестьянству обеспечила величайший перелом и в развитии деревни. Широкие массы крестьянства повернули к социализму, в деревне народилось и выросло колхозное крестьянство — прочная опора советской власти. В связи с ростом колхозов и совхозов советская власть в конце 1929 года перешла от политики ограничения кулачества к политике уничтожения его хозяйственных основ, к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Отменив законы об аренде земли и найме труда, сняв запрет с раскулачивания, советское государство провело экспроприацию кулачества, передав средства производства, находившиеся в руках этого последнего и самого многочисленного эксплуататорского класса в нашей стране, в руки колхозов.

«Это был глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года»³.

Бурно развивавшееся колхозное движение, как известно, в начале 1930 года было поставлено под угрозу срыва ошибками и искривлениями партийной линии в практике местных организаций. Исправление этих ошибок Центральным Комитетом ВКП(б) закрепило успехи колхозного движения, создав почву для его нового мощного под'ема.

Посевная площадь колхозов уже в 1929 году составляла 4262 тысячи гектаров с товарной продукцией зерновых около 13 миллионов центнеров вместо 1390 тысяч гектаров и 3,5 миллиона центнеров в 1928 году.

Советская власть пришла на помощь колхозам организацией прокатных пунктов, тракторных колонн, МТС, поддержкой со стороны совхозов. На 1929—1930 годы колхозам были предоставлены кредиты на сумму до 500 миллионов рублей.

В 1929 году были созданы первые МТС в нашей стране, а в 1929—1930 годах этих могучих рычагов социалистической переделки деревни насчитывалось уже больше 100.

³ История ВКП(б), стр. 291.

Рост коллективизации обеспечивался также и многотысячной армией рабочих, посланных в деревню, которые помогали беднякам и середнякам в организации колхозов, в борьбе за ликвидацию кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

Посевная площадь совхозов, составлявшая в 1928 году 1425 тысяч гектаров с товарной продукцией зерновых более 6 миллионов центнеров, в 1929 году выросла до 1816 тысяч гектаров с товарной продукцией зерновых около 8 миллионов центнеров. Уже в 1929 году колхозы и совхозы производили не менее 400 миллионов пудов хлеба, из коих более 130 миллионов пудов составлял товарный хлеб, т. е. больше того, что производили кулаки в 1927 году.

Доля промышленности составляла в 1929—1930 хозяйственном году не менее 53% валовой продукции всего народного хозяйства СССР, а доля сельского хозяйства — около 47%. СССР был накануне превращения из страны аграрной в страну индустриальную.

В стране была уже развита система совхозов и колхозов, имевших более 40% всех посевов по СССР по одному лишь яровому клину, а коллективизация сельского хозяйства в основных зерновых районах страны уже в начале 1930 года охватила 40—50% крестьянских хозяйств.

Если раньше социалистическое наступление, имевшее целью ликвидацию капиталистических элементов, происходило главным образом в промышленности, которая уже была перестроена на социалистический лад, то с этого времени оно охватывает все народное хозяйство в целом и превращается из одностороннего, одностороннего в широкое наступление по всему фронту. К моменту созыва XVI съезда это наступление развертывалось уже по всей линии. Мы имели тогда, говорил товарищ Сталин, «умирающую «новую» буржуазию в городе, умирающее кулачество в деревне». Страна стояла «на пороге ликвидации последнего серьезного капиталистического класса, класса кулаков», она вышла уже в то время «из переходного периода в старом его смысле, вступив в период прямого и развернутого социалистического строительства по всему фронту»¹.

Все достижения, с которыми партия пришла к XVI съезду, означали, как указывал товарищ Сталин, что наша страна вступила уже в период социализма, «ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства...»².

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 432.

² Там же.

Победы, одержанные ко времени XVI съезда ВКП(б) большевистской партией под руководством товарища Сталина на всех фронтах социалистического строительства, явились результатом правильности генеральной линии партии и непримиримой борьбы партии со всеми врагами социализма, с уклонами от линии партии. Эти победы привели к краху надежд внешних и внутренних врагов советской власти на восстановление капитализма в СССР.

В результате решающих побед социализма и правильной внешней политики советского правительства возросла также и международная мощь СССР.

Советской власти удалось «отстоять мир, не дав врагам вовлечь себя в конфликты, несмотря на ряд провокационных актов и авантюристские паски поджигателей войны»³.

Социалистическое наступление на капиталистические элементы вызвало обострение классовой борьбы внутри страны и новые попытки международной буржуазии, действовавшей в союзе с капиталистическими элементами в стране, подготовить интервенцию против СССР. Конкретным выражением явной и скрытой работы по подготовке интервенции против Страны советов явились захват КВЖД китайскими милитаристами, финансовая блокада СССР, организация вредительства агентами иностранных государств, организация взрывов, поджогов и покушений на представителей СССР в ряде буржуазных стран и т. д.

Вскрывая корни антисоветской политики империалистов и подготовки интервенции против СССР, товарищ Сталин указывал в своем докладе на XVI съезде, что в основе этих тенденций лежал факт обострения капиталистических противоречий и попытки разрешить эти противоречия за счет СССР. Во главе всех черных сил, подготовлявших крестовый поход на СССР, стояли тогда империалисты Франции и Англии, генеральные штабы которых разрабатывали конкретные планы интервенции.

По планам империалистов, делавших ставку на обострение и использование внутренних трудностей в нашей стране, военная интервенция против СССР первоначально намечалась на 1928 год. Но 1928 год не оправдал надежд интервенстов, и начало интервенции было перенесено на 1930 год. В 1929 году империалисты, желая «процунуть» силу Красной Армии, спровоцировали конфликт на КВЖД в момент, когда правооппортунистические предатели внутри страны открыто выступили против генеральной линии партии, рассчитывая, что внутрипартийная борьба ослабит силы страны.

³ Там же, стр. 361.

В то же время империалистическая буржуазия вдохновляла, организовывала и финансировала шпионско-вредительскую деятельность контрреволюционных организаций в СССР. В качестве союзников империалистической буржуазии в ее борьбе против социалистического государства выступали правотроцкистские предатели, которые вели ожесточенную борьбу против генеральной линии ВКП(б) и ленинско-сталинского руководства. Так между внутренними и внешними врагами советской власти было установлено «разделение» труда в подрывной деятельности и в подготовке интервенции против СССР.

Однако всем этим планам внутренних и внешних врагов советской власти не суждено было осуществиться. Красная Армия нанесла сокрушительный удар провокаторам войны на КВЖД. Разгромлены были советской властью и их союзники, агенты внутри страны.

* * *

Теперь в СССР уже ликвидированы все эксплуататорские классы, социализм победил во всех сферах народного хозяйства. Но тогда—ко времени XVI съезда ВКП(б)—вопросы организации развернутого наступления на капиталистические элементы по всему фронту и доведение этого наступления до конца составляли, как указывал товарищ Сталин, центр и основу политики партии. Ибо от правильного решения этой задачи зависели судьбы социализма в СССР. Для осуществления основных задач партии, говорил товарищ Сталин, «требуется прежде всего и главным образом продолжение развернутого наступления на капиталистические элементы по всему фронту и доведение его до конца».

В этом центр и основа нашей политики в данный момент»¹.

Вот почему XVI съезд партии и сосредоточил главное внимание на этой задаче.

Историческое значение XVI съезда ВКП(б) в том и состоит, что он указал партии, как решить эту важнейшую задачу диктатуры пролетариата. В своем докладе на съезде товарищ Сталин гениально указал те пути и средства, которые необходимы были для того, чтобы обеспечить и довести до конца социалистическое наступление на капиталистические элементы.

Положения и задачи, выдвинутые товарищем Сталиным перед партией и страной в докладе на XVI съезде ВКП(б), получили свое полное выражение в решениях съезда.

XVI съезд партии подчеркнул необходимость всемерного развития тяжелой промышленности, «ибо только тяжелая промышленность,—говорил товарищ Сталин,—способна реконструировать и поставить на ноги и промышленность в целом, и транспорт, и сельское хозяйство»².

Особое внимание XVI съезд партии обратил на необходимость обеспечить высокие темпы развития промышленности и особенно отраслей производства средств производства.

Приведя ряд цифровых данных, иллюстрировавших отставание нашей промышленности в смысле уровня ее развития от передовых капиталистических стран, товарищ Сталин со всей силой подчеркнул, что «только дальнейшее ускорение темпа развития нашей промышленности даст нам возможность догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны»³.

При этом товарищ Сталин дал исчерпывающее разъяснение вопроса о разнице между темпами развития промышленности и уровнем ее развития.

«Темп развития промышленности и уровень развития промышленности нельзя смешивать друг с другом,—говорил товарищ Сталин.—У нас многие смешивают их, полагая, что ежели мы добились небывалых темпов развития промышленности, то мы тем самым уже достигли уровня развития промышленности передовых капиталистических стран. Но это в корне неверно»⁴.

О задаче пролетарского государства—догнать и перегнать передовые капиталистические страны в экономическом отношении—говорил еще, как известно, Ленин в своей работе «Грозная катастрофа и как с ней бороться», написанной накануне Октябрьской социалистической революции. И как только большевистская партия пришла к власти, она с первых же дней начала упорную и настойчивую борьбу за осуществление этой коренной задачи советской власти, исключительно трудной вследствие отсталости страны в прошлом и крайнего ее разорения.

Величайшими усилиями партии и всех трудящихся год за годом успешно подымался уровень промышленности Страны советов. XVI съезд партии, подчеркнувший в своем решении, что «достигнутые партией темпы социалистического строительства дают возможность Советскому Союзу в кратчайший исторический срок догнать и перегнать передовые капиталистические

² Там же, стр. 487.

³ Там же, стр. 369.

⁴ Там же, стр. 367.

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 408.

страны в технико-экономическом отношении», означал важнейший этап в разрешении этой задачи.

В борьбе за сталинские директивы XVI съезда ВКП(б) партия добилась новых крупнейших побед в области развития промышленности, ее уровня и темпов. Менее чем через 10 лет, на XVIII съезде ВКП(б), товарищ Сталин указывал, что по технике производства и по темпам роста нашей промышленности мы уже догнали и перегнали главные капиталистические страны. Однако задача сделать СССР самой передовой страной и в экономическом отношении, говорил товарищ Сталин, еще не разрешена. В отношении размеров нашего промышленного производства на душу населения экономика нашей страны все еще отстает от экономики капиталистических стран.

Но именно теперь, когда в результате борьбы за сталинские директивы в стране уже создана громадная техника и налицо полная возможность ее дальнейшего быстрого развития, выращены многочисленные кадры, овладевшие техникой, теперь, когда окончательно сложилось социалистическое общество, эта историческая задача встала во весь рост как практическая задача дня. Так ее именно и поставил XVIII съезд ВКП(б), исходящий из указаний товарища Сталина о том, что эта задача должна быть разрешена в ближайшие 10—15 лет. Только решив ее, «мы можем, — говорил товарищ Сталин, — рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления, у нас будет изобилие продуктов, и мы получим возможность сделать переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе»¹.

Осуществляя ленинские указания о том, что производительность труда является самым важным и самым главным для победы нового общественного строя, XVI съезд уделил этой задаче особое внимание.

Товарищ Сталин подчеркнул на XVI съезде ВКП(б), что рост производительности труда имеет первостепенное значение, ибо без систематического роста производительности труда как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства нельзя разрешить задачу социалистической реконструкции всего народного хозяйства, нельзя «не только догнать и перегнать передовые капиталистические страны, но даже отстоять свое самостоятельное существование»².

Руководствуясь этими указаниями вождя, XVI съезд ВКП(б) поставил перед партией задачу всемерного дальнейшего развертывания социалистического соревнования. XVI съезд партии указал также, что в развертывании социалистического соревнования и ударничества «партия и впредь должна искать основной источник для преодоления трудностей выполнения пятилетнего плана и для ускорения темпов строительства социализма»³.

XVI съезд уделил большое внимание вопросам сельского хозяйства, пятилетний план которого к моменту съезда, т. е. к середине третьего года первой пятилетки, уже был в 1½ раза перевыполнен. Съезд постановил ввиду этого пересмотреть этот план.

Важнейшее значение имело и имеет теперь указание XVI съезда ВКП(б) о том, что закрепление и дальнейшее успешное развитие коллективизации сельского хозяйства возможны лишь при условии неуклонного применения в практике работы марксистско-ленинских принципов колхозного движения: вступление в колхоз должно быть добровольным, основной формой коллективного хозяйства на данном этапе должна быть сельскохозяйственная артель.

Исключительно важное значение для организации партией успешного наступления социализма на капиталистические элементы имели указания товарища Сталина о существе и характере большевистского наступления.

Товарищ Сталин разоблачил правых оппортунистов, кричавших о том, что непонятно якобы несовместим с наступлением на капиталистические элементы, и показал, что партия правильно выбрала момент для перехода в наступление по всему фронту, провозгласив в конце 1929 года лозунг ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации сельского хозяйства. Товарищ Сталин отметил, что существо большевистского наступления состоит прежде всего в том, чтобы мобилизовать классовую бдительность и революционную активность масс против капиталистических элементов в стране.

«Существо большевистского наступления состоит, далее, в том, — разъяснял товарищ Сталин, — чтобы мобилизовать максимум средств на дело финансирования нашей индустрии, на дело финансирования наших совхозов и колхозов и направить на развертывание всего этого дела лучших людей нашей партии»⁴. Наступление это требует, учил товарищ Сталин, мобилизации и самой партии для организации всего дела

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 579, 11-е изд.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 402, 10-е изд.

³ «ВКП(б) в резолюциях». Ч. 2-я, стр. 417.

⁴ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 392, 10-е изд.

наступления, оно требует укрепления и самих партийных организаций, изгнания из них оппортунистов и выдвижения на первый план стойких ленинцев.

Реконструктивный период социалистического строительства выдвинул задачу решительной перестройки работы всех массовых организаций пролетариата. XVI съезд ВКП(б) заслушал и обсудил вопрос о задачах профсоюзов в реконструктивный период.

Исходя из известных решений X, XI, XIV съездов партии Ленина—Сталина, из указаний Ленина о том, что профсоюзы «должны быть быстрейшим и неперменным сотрудником госвласти, которою руководит во всей ее политической и хозяйственной работе сознательный авангард рабочего класса — компартия»¹, XVI съезд ВКП(б) следующим образом определил задачи профсоюзов:

«На профсоюзы, как на самые широкие массовые пролетарские организации, в первую очередь ложится задача мобилизовать и организовать массы вокруг задач строительства социалистического общества, которое может быть создано и упрочено лишь усилиями миллионов трудящихся»².

Эти указания XVI съезда ВКП(б) сыграли огромную роль в развертывании активности советских профсоюзов в деле строительства социализма. Организуя социалистическое соревнование, мобилизуя широкие массы рабочих вокруг боевых задач социалистического строительства, профсоюзы окрепли сами, перестроили свою работу.

Для мобилизации партии и широких масс трудящихся громадное значение имели и теперь имеют глубокая характеристика существа наших трудностей, данная на XVI съезде ВКП(б) товарищем Сталиным, его указания на особенности этих трудностей и на условия их преодоления.

Разъясняя, что «наши трудности являются не трудностями упадка или трудностями застоя, а трудностями роста, трудностями под'ема, трудностями продвижения вперед», товарищ Сталин указал, что «отличительная черта наших трудностей состоит в том, что они сами дают нам базу для их преодоления»³.

Трудности наши, являясь трудностями классовой борьбы, осложняются отчаянным сопротивлением классовых врагов внутри страны, поддерживаемых внешними врагами, а также колебаниями, косностью отдельных членов партии, отдельных про-

слоек партии. Для преодоления наших трудностей требуется, учит товарищ Сталин, «организовать наступление на капиталистические элементы и во всем у фронту и изолировать оппортунистические элементы в наших собственных рядах, мешающие наступлению, мечущиеся в панике из стороны в сторону и вносящие в партию неуверенность в победе»⁴.

Товарищ Сталин говорил на XVI съезде ВКП(б) и о тех условиях, без которых не мыслимо правильное большевистское руководство. «Для правильного руководства партии необходимо, помимо всего прочего, чтобы линия партии была правильна, чтобы массы понимали правильность партийной линии и поддерживали ее активно, чтобы партия не ограничивалась выработкой генеральной линии, а руководила из дня в день проведением ее в жизнь, чтобы партия вела решительную борьбу с уклонами от генеральной линии и примиренчеством с ними, чтобы в борьбе с уклонами партия ковала единство своих рядов и железную дисциплину»⁵.

* * *

Партия пришла к своему XVI съезду единой и сплоченной вокруг ленинско-сталинского ЦК. Она выросла и окрепла в борьбе с уклонами от ленинской линии. «В борьбе с уклонами выковала она себе ленинское единство своих рядов»⁶.

XVI съезд ВКП(б) — один из немногих съездов нашей партии, где не было уже «больше оформленной и сплоченной оппозиции, способной противопоставить свою особую линию генеральной линии партии»⁷.

В итоге многих лет борьбы с врагами ленинизма еще до XVI съезда ВКП(б) партией был разоблачен троцкистско-зиновьевский капитулянтский блок как блок антисоветский, а разгромленная и выброшенная из партии троцкистская группа уже тогда представляла собой антипролетарскую и антисоветскую, контрреволюционную группу. Партией разоблачены были также и правые капитулянты и реставраторы капитализма, выступившие в 1928—1929 годах на смену разгромленных партией троцкистов и зиновьевцев как кулацкая агентура внутри партии. XVI съезд ВКП(б) объявил взгляды правых оппортунистов несовместимыми с принадлежностью к ВКП(б).

Но это еще не означало, что в партии уже не осталось уклонов от линии партии, уклонов от ленинизма. Уклоны эти в пар-

¹ Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 152.

² «ВКП(б) в резолюциях». Ч. 2-я, стр. 429.

³ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 336, 337.

⁴ Там же, стр. 387—388.

⁵ Там же, стр. 410.

⁶ Там же, стр. 428.

⁷ Там же.

тии оставались и после разгрома троцкистов и правых капитулянтов. Эти уклоны проявлялись в извращении отдельными членами партии общей политики партии, в искривлении в отдельных республиках и областях ее национальной политики. Не вполне еще выветрились пережитки троцкизма, которые на практике проявлялись в форме «левых» загибов, грубейших ошибок в колхозном строительстве. Не был еще в то время полностью похоронен правый уклон, отражавший сопротивление гибнущего класса кулаков. В области национального вопроса усиливался уклон к великорусскому шовинизму и уклон к местному национализму.

По всем этим причинам XVI съезд ВКП(б) уделил большое внимание задаче полного преодоления уклонов от ленинской линии партии.

Величайшая заслуга товарища Сталина в том, что он в своем докладе на XVI съезде партии не только показал обстановку, породившую уклоны, но вскрыл со всей глубиной их действительную сущность и социальные корни, дав тем самым партии острое оружие для полного их преодоления.

Характеризуя обстановку, породившую эти уклоны от линии партии, товарищ Сталин на XVI съезде ВКП(б) разъяснял, что сопротивление отживших классов не могло не получить своего отражения и в рядах партии. «Отражением сопротивления отживающих классов, — говорил товарищ Сталин, — и являются все и всякие уклоны от ленинской линии, имеющиеся в рядах нашей партии»¹.

Сущность уклона к великорусскому шовинизму состояла в стремлении, как указывал товарищ Сталин, обойти национальные различия языка, культуры, быта народов СССР, подорвать принцип национального равноправия и дискредитировать таким путем политику партии. Прикрываясь маской интернационализма, уклонисты ратовали за один общий язык в пределах СССР, отрицали лозунг развития национальной культуры, понимая социалистическую культуру как культуру безнациональную, и пытались таким путем подготовить почву для ликвидации национальных республик, областей и т. д. Уклон же к местному национализму состоял в стремлении обособиться и замкнуться в рамках своей национальности, в стремлении затушевать классовые противоречия внутри своей нации; этот уклон культивировал местный буржуазный национализм и ослаблял единство народов СССР.

Товарищ Сталин на XVI съезде ВКП(б) сорвал маску «интернационализма» с укло-

на к великорусскому шовинизму, показав, что уклонисты ничего не поняли в диалектике исторических процессов.

Вступление СССР в период социализма, указывал товарищ Сталин на XVI съезде, отнюдь не означает, что нации отмирают, наоборот, нации, национальные культуры и национальные языки развиваются, расцветают, так как «период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме». «...Только при условии развития национальных культур, — говорил товарищ Сталин, — можно будет приобщить по-настоящему отсталые национальности к делу социалистического строительства»².

Товарищ Сталин напомнил партии указание Ленина о том, что национальные и государственные различия между народами и странами будут держаться еще очень долго и после победы социализма во всемирном масштабе.

«Может показаться странным, — говорил товарищ Сталин, — что мы, сторонники слияния в будущем национальных культур в одну общую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком, являемся вместе с тем сторонниками расцвета национальных культур в данный момент, в период диктатуры пролетариата. Но в этом нет ничего странного. Надо дать национальным культурам развиваться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт, — в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре»³. Разъясняя марксистско-ленинскую диалектику в проведении национальной политики, товарищ Сталин дал яркий пример такого применения диалектики и в отношении к государству:

«Мы за отмирание государства. И мы вместе с тем стоим за усиление диктатуры пролетариата, представляющей самую мощную и самую могучую власть из всех существующих до сих пор государственных властей. Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти — вот марксистская формула. Это «противоречи-

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 417.

² Там же, стр. 426.

³ Там же, стр. 426—427.

во»? Да, «противоречиво». Но противоречие это жизненное, и оно целиком отражает марксову диалектику»¹.

Здесь же товарищ Сталин привел и другой пример марксистско-ленинской диалектики — пример ее применения к постановке вопроса о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения.

«Ленин иногда изображал, — говорил товарищ Сталин, — тезис о национальном самоопределении в виде простой формулы: «разъединение для объединения». Вы только подумайте — разъединение для объединения. Это отдает даже парадоксом. А между тем эта «противоречивая» формула отражает ту жизненную правду марксовской диалектики, которая даст большевикам возможность брать самые неприступные крепости в области национального вопроса»².

Воруженная этими указаниями товарища Сталина, партия разбила троцкистов, бухаринцев, буржуазных националистов и других врагов народа, преодолела все и всяческие уклоны от линии партии и добилась за эти годы огромных побед в деле интернационального воспитания трудящихся нашей страны. В связи с этим укрепилась и стала нерушимой дружба народов СССР. В результате победы социализма в СССР сложилось и окрепло морально-политическое единство трудящихся страны социализма, ставшее наряду с дружбой народов СССР и советским патриотизмом могучей движущей силой советского общества.

Призывая партию к полному преодолению уклонов от ленинизма, товарищ Сталин на XVI съезде партии дал глубокое обоснование того, почему нельзя вести успешную борьбу с классовыми врагами без преодоления всех и всяческих уклонов в партии.

Товарищ Сталин говорил: «...невозможно развернуть настоящую борьбу с классовыми врагами, имея в тылу их отражение в партии, оставляя в тылу людей, не верящих в наше дело и всячески старающихся затормозить наше движение вперед»³.

Руководствуясь этими указаниями товарища Сталина и решениями XVI съезда ВКП(б), партия решительно очищалась от противников генеральной линии — от всяких «левых» и «правых» течений, троцкистско-зиновьевских и бухаринско-рыковских изменников и предателей, находившихся, как мы теперь знаем, уже в те годы в контрреволюционном подполье. Став еще более единой и сплоченной, партия выросла за эти годы и количественно. Партия еще теснее сплотила свои ряды вокруг

ленинско-сталинского ЦК, вокруг своего вождя и учителя товарища Сталина.

* * *

Прошло 10 лет с тех пор, как партия и советский народ, вооруженные идеями и положениями, развитыми в докладе товарища Сталина на XVI съезде ВКП(б), взялись за большевистское выполнение решений этого съезда, являвшегося съездом наступления социализма по всему фронту. Период крайне небольшой для исторических масштабов. Но какие поистине грандиозные изменения произошли в жизни нашей страны и нашего народа за эти 10 лет социалистического строительства под гениальным руководством товарища Сталина — великого вождя и учителя трудящихся всех стран!

Первая пятилетка развития народного хозяйства, несмотря на бешеное сопротивление врагов социализма, была выполнена досрочно — в 4 года и 3 месяца. Итоги этой пятилетки на деле подтвердили ленинско-сталинское учение о том, что вполне возможно построить в одной стране социалистическое общество. В стране созданы были черная металлургия как основа индустриализации, тракторная и автомобильная промышленность, станкостроение, промышленность по производству сельскохозяйственных машин, авиационная промышленность и современная химическая промышленность. СССР выдвинулся на одно из первых мест по производству электроэнергии, нефти и угля. В области сельского хозяйства первая пятилетка перевыполнена была в 3 раза. Партия добилась того, что она сумела уже к концу первой пятилетки организовать около 5 тысяч совхозов и более 200 тысяч колхозов, которые объединили 60% крестьянских хозяйств, охватывающих свыше 70% всей крестьянской площади.

В результате успешного выполнения первого пятилетнего плана СССР вступил в новый исторический период. В итоге выполнения плана первой сталинской пятилетки (1928/1929 — 1932 годы) СССР превратился из страны аграрной в страну индустриальную. В качестве основной исторической задачи второй пятилетки (1933 — 1937 годы) партия смогла поставить окончательную ликвидацию капиталистических элементов, завершение технической реконструкции всего народного хозяйства, завершение коллективизации сельского хозяйства. Осуществление этих великих задач проходило в острейшей борьбе с капиталистическим окружением и его агентурой — троцкистско-бухаринскими, буржуазно-националистическими и другими врагами партии и народа. Эта борьба под руководством товарища Сталина увенчалась

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 427.

² Там же, стр. 427.

³ Там же, стр. 417.

новой всемирноисторической победой партии и советского народа. Вторая пятилетка также была выполнена в 4 года и 3 месяца.

В итоге успешного выполнения плана второй сталинской пятилетки в СССР решена была основная историческая задача этого периода: окончательно ликвидированы все эксплуататорские классы и завершена коллективизация сельского хозяйства. В СССР «осуществлена в основном первая фаза коммунизма—социализм» (С т а л и н). Победа социализма законодательно закреплена в Сталинской Конституции СССР.

В итоге победы социализма изменилась классовая структура советского общества: оно состоит теперь из рабочих, крестьян и интеллигенции. Уже в 1937 году 94,4% населения СССР было занято в социалистическом хозяйстве или тесно связано с ним.

За годы второй пятилетки выполнена в основном главная и решающая хозяйственная задача второй пятилетки: завершена техническая реконструкция всего народного хозяйства СССР.

Закончив в основном техническую реконструкцию народного хозяйства, наша страна по уровню техники производства в промышленности и сельском хозяйстве стала впереди любой капиталистической страны Европы. Советский Союз превратился в независимую экономическую страну, обеспечивающую свое народное хозяйство и нужды обороны всем необходимым техническим вооружением.

Все это дало возможность СССР перейти в третьей сталинской пятилетке (1938—1942 годы) к новым грандиозным задачам. На основе победоносного выполнения второго пятилетнего плана и достигнутых успехов социализма СССР вступил в новую полосу развития, в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму. Во весь рост поставлена главная экономическая задача СССР: догнать и перегнать также в эконо-

мическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и Соединенные штаты Америки. Решающее значение приобрело дело коммунистического воспитания трудящихся — преодоление пережитков капитализма в сознании людей.

И сейчас, когда вокруг СССР все больше разгорается пожар второй империалистической войны, актуальнейшее значение продолжает иметь сталинский анализ основных противоречий империализма, сделанный на XVI съезде, а также его указание на те факторы, которые укрепляют международное положение СССР: «Сочувствие и поддержка СССР со стороны рабочих капиталистических стран, рост экономического и политического могущества СССР, рост обороноспособности СССР, политика мира, неизменно проводимая Советской властью. Это — факторы, укрепляющие международное положение СССР»¹.

Законом жизни партии, советского правительства и каждого советского гражданина стало заявление товарища Сталина на XVI съезде: «Эту политику мира будем вести и впредь всеми силами, всеми средствами»².

Великий советский народ, руководимый партией Ленина—Сталина, всемерно укрепляя дисциплину, повышая производительность труда, усиливая свою политическую бдительность, будет с еще большей энергией бороться за выполнение задач, поставленных XVIII съездом ВКП(б), за укрепление могущества СССР.

Стальное единство и монолитность рядов героической партии Ленина—Сталина — верный залог того, что и новые грандиозные задачи, вставшие на пути постепенного перехода СССР от социализма к коммунизму, будут выполнены нашей партией, всеми народами СССР под мудрым руководством товарища Сталина.

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 358.

² Там же, стр. 361.

Вооруженные восстания в декабре 1905 года

Уже в статье «Насущные задачи нашего движения» (декабрь 1900 года) Ленин затрагивал вопрос о восстании и о роли партии в его подготовке. Задача подготовки всепародного вооруженного восстания была обоснована Лениным в 1902 году, в работе «Что делать?». Однако до начала 1905 года большевики не призывали к немедленному восстанию, так как в стране еще не было непосредственно революционной ситуации. После 9 января 1905 года практическая подготовка вооруженного восстания стала неотложной задачей дня.

Ленин по получении известий о расстреле петербургских рабочих уже 12 января написал свою знаменитую статью «Начало революции в России», в которой выдвинул практическую подготовку восстания, как ближайшую задачу дня. Эту задачу большевики поставили перед рабочими в ряде прокламаций, выпущенных местными комитетами по поводу январских событий.

Под знаком подготовки восстания проходила вся деятельность большевиков по созыву III съезда партии.

Отношение большевиков к вопросу о подготовке восстания вытекало из всей совокупности взглядов Ленина и Сталина на руководящую и организующую роль партии в революции и из их оценки движущих сил революции.

Ленин всегда беспощадно бичевал меньшевиков за их отрицание гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции и за связанный с этим отказ от организации революции, от участия во временном революционном правительстве и от военно-технической подготовки восстания.

Указывая на готовность рабочих к «самооружению» и на начатые ими в этом направлении действия, Ленин особенно подчеркивал необходимость инициативной и активной работы самой партии по вооружению пролетариата и всю недопустимость отделения друг от друга политической и технической стороны подготовки восстания.

В феврале 1905 года Ленин написал в большевистской газете «Вперед» статью «Должны ли мы организовать революцию?», в которой обосновал необходимость подготовки партией вооруженного восстания и

едко высмеял меньшевистский лозунг вооружения пролетариата «жгучей потребностью самооружения». В выдвижении новой (то есть меньшевистской) «Искрой» этого лозунга Ленин видел рабленство перед стихийностью и проявление хвостизма¹.

Ленин жестоко бичевал также меньшевиков за их попытки подменить лозунг вооруженного восстания лозунгом «революционного самоуправления» и «самопроизвольного зарождения» Учредительного собрания. Ленин указывал, что организация революционного самоуправления «есть не пролог, а эпилог восстания»².

В феврале же Бюро комитетов большинства выпустило особую листовку, в которой говорилось, что «для нынешнего периода политической жизни русского пролетариата специальной ему свойственной формой прямой политической борьбы является соединение стачки с демонстрацией, а при условиях ближайшего будущего, уже наметившееся в январских событиях, соединение всеобщей стачки с вооруженным восстанием»³.

III съезд партии, собравшийся весной 1905 года, вынес конкретные решения по вопросу о вооруженном восстании и временном революционном правительстве. Большевики не ограничились открытым и прямым призывом к восстанию и непосредственной подготовкой к нему, а предсказали те конкретные формы, которые примет вооруженное восстание в русской революции. Большевики в резолюции III съезда предсказали «соединение стачки с восстанием»⁴.

В работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции», написанной в июне—июле 1905 года в развитие основных решений III съезда, и в ряде других статей Ленин беспощадно разоблачил оппортунистическую тактику меньшевиков и подробно разработал про-

¹ См. Ленин. Т. VII, стр. 125—127, 210.

² Ленин. Т. VIII, стр. 147.

³ Листовка была напечатана в № 9 газеты «Вперед» под названием «Насущные вопросы».

⁴ Ленин. Т. X, стр. 194.

блему вооруженного восстания, как высшей формы политической борьбы, как основного условия победы революции над царизмом.

При подготовке восстания Ленин особое значение придавал усвоению членами партии и рабочими военных знаний, знакомству с военной техникой и организацией. Ленин энергично призывал принять все меры к созданию революционной армии, состоящей из вооруженных рабочих и крестьян и их боевых отрядов и готовых перейти на сторону революции солдат, и особенно подчеркивал необходимость воспитания в бойцах готовности к нападению. Ленин учил новому отношению к бомбе как средству вооруженной борьбы: «Бомба перестала быть оружием одиночки-«бомбиста». Она становится необходимой принадлежностью пародного вооружения»¹.

Верным соратником Ленина в борьбе за осуществление тактики большевиков в революции 1905 года был товарищ Сталин. Написанная им прокламация Кавказского союзного комитета РСДРП «Что выяснилось?» (26 марта 1905 года) содержала ясный и четкий план подготовки и проведения вооруженного восстания.

«Организовать восстание — вот в чем наша задача, вот что должна сделать российская пролетарская партия, — писал товарищ Сталин. — Представьте себе такую картину. Положим, что в нескольких крупных пунктах дело восстания организовано, т. е. у комитетов имеются отдельные группы для работы среди солдат; существуют «боевые организации»; есть налицо оружие, бомбы и т. д.; заведены связи с батареями, с арсеналами; есть также связи со служащими государственных банков, почтовых, телеграфных учреждений, комитеты связаны с массой рабочих; кризис усиливается и революционизирует рабочих... Положим, что где-нибудь в Петербурге поднято знамя восстания, как это было 9-го января. Тут партия дает сигналы — и начинается восстание. Вооруженный пролетариат, взбудораженный всеобщей стачкой, производит нападения на арсеналы, государственные банки, почту, телеграф, железные дороги; все это происходит по возможности одновременно в названных главных пунктах, дабы у правительства не осталось времени для «мероприятий». За этими передовыми городами следуют остальные города, за ними идут деревни... Это и значит организовать восстание»².

¹ Ленин. Т. VIII, стр. 233.

² Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 58—59. Партиздат. 1938.

Уже в конце февраля 1905 года Петербургский комитет ассигновал особые средства на покупку оружия и выделил специальное лицо для заведывания вооружением. Помню этого комитет организовал несколько подсобных технических групп по вооружению рабочих и стал создавать военную организацию. Повсеместно развернулся сбор средств на вооружение рабочих (в Сибири, Екатеринославе и т. д.). За границей и в России закупались большие партии скорострельного оружия (преимущественно полуавтоматических пистолетов и карабинов).

Создавались вооруженные отряды для охраны митингов и собраний рабочих, разрабатывались уставы боевых дружин и военно-технических групп.

Комитеты РСДРП повсеместно издавали прокламации, обращенные к солдатам и крестьянам, призывавшие их готовиться к решающему штурму против самодержавия.

Ленин в 1905 году подчеркивал, что «...стихийно растущее восстание обгоняет нашу сознательную и планомерную работу его подготовки». Он особенно указывал на необходимость учитывать, что в подготовку восстания входит и задача «...удерживать от преждевременных вышпек подготовляемого или почти подготовленного восстания»³.

Ленин неоднократно указывал на то, что мероприятия партии по организации масс и по подготовке восстания в 1905 году значительно отставали от темпов нарастания революционного под'ема. Поэтому Ленин считал более выгодным для пролетариата оттянуть срок восстания до весны, по крайней мере, до возвращения манчжурской армии на родину. Об этом он писал в письме к М. М. Эссен в октябре 1905 года.

«Время восстания? Кто возьмется его определить? Я бы лично охотно оттянул его до весны и до возвращения манчжурской армии, я склонен думать, что нам вообще выгодно оттянуть его»⁴.

Однако восстание началось ранее казавшегося Ленину наиболее желательным срока.

Революционный кризис, разразившийся в стране в январские дни, в несколько месяцев «...довел до восстания»⁵.

Потемкинское восстание и другие начавшиеся летом и осенью в армии и флоте восстания, особенно восстание матросов в Кронштадте 26—27 октября, волнения среди солдат и матросов во Владивостоке

³ Ленин. Т. VIII, стр. 197.

⁴ Там же, стр. 319.

⁵ Ленин. Т. XII, стр. 300.

(конец октября и ¹начало ноября), восстание матросов и солдат в Севастополе 11—14 ноября, поддержанное всеобщей забастовкой в порту и на городских предприятиях, были великими предвестниками всепародного восстания в стране.

Центром вооруженной борьбы пролетариата в декабре 1905 года явилась Москва.

Петербургский совет рабочих депутатов, как революционная организация столицы и крупнейшего промышленного и революционного центра страны, должен был сыграть решающую роль в революции 1905 года и во всепародном восстании. Однако меньшевики, захватившие руководство Петербургским советом, помешали ему превратиться в руководящий штаб революционного восстания. Петербургский совет проводил под руководством меньшевиков Хрусталева, Троцкого, Парвуса гибельную политику отказа от восстания и изоляции рабочего класса от крестьянства, от армии.

В Москве дело обстояло иначе. В Московском совете рабочих депутатов руководство принадлежало большевикам. «Московский Совет с первых же дней своего существования проводил до конца революционную политику... Московский Совет стал органом вооруженного восстания»¹. В Москве рядом с Советом рабочих депутатов возник Совет солдатских депутатов, благодаря которому удалось установить контакт с революционными солдатами. Однако и в Москве, как увидим ниже, не удалось вовлечь широкие массы солдат в вооруженную борьбу против царизма.

Учитывая революционный подъем в рядах рабочих, Московский комитет большевиков 4 декабря постановил начать восстание против самодержавия. В тот же день он выпустил воззвание с призывом к немедленному вооруженному выступлению. 5 декабря, вечером, Московская общегородская конференция большевиков подавляющим большинством голосов постановила объявить с 7 декабря всеобщую политическую стачку и начать вооруженное восстание.

На второй день после этой конференции Московский комитет большевиков избрал политический центр для руководства восстанием. Все наличные силы большевиков были распределены по районам. Под их руководством на всех крупных фабриках и заводах были проведены собрания и митинги, посвященные всеобщей стачке и вооруженному восстанию.

На состоявшемся 6 декабря заседании Московского совета рабочих депутатов подавляющим большинством голосов против меньшевиков и эсеров было принято пред-

ложение большевиков начать всеобщую стачку и перевести ее в вооруженное восстание. Большевики вовлекли в борьбу массовые организации рабочих и служащих (конференция 29 железных дорог, союза железнодорожников и др.), руководимые большей частью представителями мелкобуржуазных партий — меньшевиков и эсеров.

7 декабря в Москве началась политическая забастовка. Уже к 12 часам дня в Москве прекратили работу до 100 тысяч рабочих, а 8 декабря бастовало свыше 150 тысяч. В течение 2—3 дней стачка в Москве переросла в восстание. Однако московскую всеобщую стачку не удалось распространить на всю страну: «... она недостаточно была поддержана в Петербурге, и это с самого начала ослабляло шансы на успех восстания. Николаевская, ныне Октябрьская, железная дорога осталась в руках царского правительства. Движение на этой дороге не прекращалось, и правительство могло перебрасывать из Петербурга в Москву гвардейские полки для подавления восстания»².

Московский генерал-губернатор Дубасов жестоко обстрелял из артиллерийских орудий училище Фидлера, где происходило общемосковское собрание дружинников, и «Аквардум», где собрались рабочие московских предприятий. Дубасов хотел этим способом деморализовать рабочих и подавить восстание в зародыше. Это ему не удалось.

Уже к вечеру 9 декабря на Тверской были построены первые 3 баррикады и сделаны проволочные ограждения из трамвайных проводов. Из двух оружейных магазинов было увезено оружие и роздано восставшим. Ночью начались стычки драгун с дружинниками на Тверской и Брестской улицах, на Страстной и Старой Триумфальной площадях. Постепенно и другие улицы стали покрываться баррикадами. Материалом для постройки баррикад служили ящики, доски, вывески, решетки, столбы, телеги, бочки и т. д. 10 декабря баррикадами покрылись Тверская, Садовая, Живодерка, Мясницкая, Сретенка, Покровка, Долгоруковская, Бронная улицы, Кудринская площадь и прилегающие к ним переулки.

К вечеру было построено несколько десятков баррикад.

10 декабря стрельба началась с часу дня и продолжалась до 9 часов вечера. «На Московских улицах уже много десятков лет не гремели выстрелы так, как вчера. Стреляли в одиночку, стреляли залпами, стреляли из пушек. Пока даже приблизительно

¹ История ВКП(б), стр. 76.

² Там же, стр. 79.

нельзя определить числа раненых и убитых, но оно очень значительно»¹. Екатерининская и другие больницы с 10 декабря стали заполняться ранеными.

11 декабря баррикадами начало покрываться Замоскворечье: Донская, Шаболовка, Калужская, Пятницкая улицы и ближайшие переулки. Появились баррикады в окрестностях Смоленского рынка, Арбата и т. д. Правительство бросило воинские части на улицы. Солдаты разгоняли выстрелами толпы рабочих и разрушали баррикады.

У Страстного монастыря стояло несколько орудий, которые стреляли по скопившимся на улицах рабочим и вооруженным дружинникам в сторону Охотного ряда, в сторону Тверского бульвара и Садово-Триумфальной. Орудия были также установлены на Театральной площади, на Смоленском рынке, у Сухаревой башни и т. д. Крупнейшими очагами восстания были район Пресни, Миусский район, мастерские Казанской железной дороги и район Сытинской типографии в Замоскворечье.

Энтузиазм и отвага дружинников были изумительны. Дружинники широко применяли новую баррикадную тактику — тактику партизанской войны. На месте разрушенных артиллерией баррикад немедленно возникали новые.

Ленин высоко оценивал самоотверженность и героизм дружинников Москвы: «Небольшая кучка восставших, именно организованных и вооруженных рабочих, — их было не больше в о с ь м и т ы с я ч — оказывали в течение 9 дней сопротивление царскому правительству»².

13 декабря Центральный комитет большевиков выпустил прокламацию с призывом к рабочим всей России поддержать московское восстание и не допускать переброски войск в Москву из Петербурга.

В течение 9 дней несколько тысяч рабочих вели героическую борьбу против значительно превосходивших их численностью правительственных войск. Рабочие были вооружены преимущественно револьверами. Винтовок было крайне мало. Начиная восстание, рабочие рассчитывали увлечь за собой часть солдат. Большевики предлагали рабочим при появлении войск вступить с солдатами в разговоры и действовать на них товарищеским словом, избегать открытых столкновений с войсками и давать вооруженный отпор только при особенно вызывающем их поведении. Эта правильная тактика имела лишь частичный успех, ибо работа в войсках до восстания была совершенно недостаточна.

«В самой Москве гарнизон колебался. Отчасти в расчете на поддержку гарнизона рабочие начали восстание. Но революционеры упустили время, и царское правительство справилось с волнениями в гарнизоне»³.

Однако, несмотря на то что правительство располагало в Москве значительными вооруженными силами (7 эскадронов драгун, 3 сотни казаков, до 14 рот пехоты с 16 орудиями и пулеметами, целая армия полицейских, жандармов, черносотенцев и т. п.), оно не могло из-за волнений, частично начавшихся в войсках, сразу бросить их целиком против восставших. Только после прибытия в Москву многочисленных войск из Петербурга, Твери и Западного края правительству удалось разгромить восстание.

Арест в начале восстания (7 декабря) руководящего центра восстания — Московского комитета большевиков — и отсутствие общего для всего города плана действий привели к тому, что вооруженное восстание в Москве превратилось в восстания отдельных районов, разобщенных между собой и ограничившихся преимущественно обороной. Особенно упорной была борьба на Пресне, превратившейся в решающий участок московского восстания.

В течение нескольких дней героические дружинники Пресни во главе с большевиками под ураганным огнем артиллерии не сдавали своих позиций. И лишь 18—20 декабря силы царизма, во много раз превышавшие силы дружинников, подавили восстание полностью.

Московское восстание нашло немедленный и одновременный отклик в Нижнем Новгороде, Харькове, Екатеринославе, Донбассе, Ростове на Дону, на Урале и в Сибири. Однако слабые стороны московского восстания — отсутствие общего плана и преимущественно оборонительная тактика — сказались еще больше в провинциальных восстаниях.

12 декабря в Нижнем Новгороде началась забастовка. В прокламации, выпущенной возглавлявшимся большевиками Нижегородским объединенным комитетом РСДРП в связи с начавшейся политической стачкой, говорилось: «Всеобщая политическая забастовка готовит мечту царскому правительству, восставший народ остановит всю промышленную и общественную жизнь и с оружием в руках нанесет последний удар самодержавию»⁴. Но Нижегородский комитет не призывал рабочих к немедленному восстанию. Ниже-

¹ «Известия Московского совета рабочих депутатов» от 11 декабря 1905 года.

² Ленин. Т. XIX, стр. 355.

³ История ВКП(б), стр. 79.

⁴ МСН. судеб. след. 1906. Д. № 471. Т. I, л. 99.

городские большевики, переоценивая самостоятельное значение и роль всеобщей стачки, считали возможным ограничить поддержку московского восстания забастовкой и откладывали вооруженное выступление на неопределенный срок.

Нижегородский губернатор использовал время и успел мобилизовать все имевшиеся в его распоряжении силы — вплоть до недавно созданной черносотенной дружины — и взять в свои руки инициативу нападения на революционных рабочих. Уже 12 декабря начались столкновения рабочих с полицией и войсками. В ответ на вызывающее поведение правительственных сил восстали рабочие Сормова.

13 декабря, с утра, сормовские рабочие приступили к постройке баррикад. Материалом для баррикад служили телеграфные столбы, опрокинутые возы с дровами, вывески, столы, парты. Построено было до 15 баррикад, оборонявших главную улицу и прилегающие к ней переулки. Баррикады защищались рабочими, вооруженными бомбами и револьверами. 13 декабря происходила перестрелка дружинников с полицией и казаками. Сормовским рабочим не хватало огнестрельного оружия. Они вооружались спешно изготовленным на заводе холодным оружием (пиками, кинжалами и т. д.). На заводе была даже отлита небольшая пушка, которая стреляла на короткую дистанцию.

Черносотенцы продолжали вести себя вызывающе и 14 декабря даже попытались напасть на митинг рабочих. В тот же день правительственные войска начали артиллерийский обстрел восставших. Первые же снаряды попали в училище, где укрепились дружинники; затем началась ружейная перестрелка. Было убито и ранено несколько дружинников и санитарок. Всю ночь на 15 декабря сормовские дружинники охраняли баррикады, ожидая нападения противника. С утра 15 декабря снова начался артиллерийский обстрел школы и главной баррикады, которая была высотой в человеческий рост. Рабочие отвечали выстрелами из винтовок и из своей маленькой пушки. Перестрелка продолжалась до 4 часов дня. Слабо вооруженные сормовские рабочие вынуждены были отступить.

Правительственные войска, захватив оставленную рабочими главную баррикаду, частично разобрали ее, прорвались к школе, овладели ею, а вечером сожгли столовую — обычное место митингов рабочих. За 2 дня баррикадных боев было убито 14 и ранено 35 рабочих.

15 декабря Нижегородский стачечный комитет, в состав которого входили, помимо большевиков, меньшевики и эсеры, предложил рабочим городских предприятий прекратить стачку. После этого забастовка про-

должалась только на железной дороге, почте, телеграфе и трамвае.

15 декабря Нижний и Сормово были объявлены на положении чрезвычайной охраны. Начались репрессии и расправа над восставшими рабочими.

2

Руководящую роль в подготовке и проведении восстания в Ростове-на-Дону сыграла группа большевиков, связанная непосредственно с большевистским ЦК РСДРП и с местными рабочими социал-демократами, осуществлявшими вопреки меньшевистскому руководству Донского комитета РСДРП большевистскую тактику.

Меньшевистский Донской комитет в своих прокламациях вынужден был под напором масс провозгласить лозунг вооруженного восстания и возглавить образовавшийся здесь в ноябре Совет рабочих депутатов Ростова-на-Дону и Нахичевани. От имени Донского комитета создавались боевые дружины, для них был разработан особый устав. Однако сам Донской комитет чисто по-меньшевистски рассматривал Совет рабочих депутатов, только как стачечный комитет, как профессиональное объединение рабочих, а боевые дружины — только как вооруженную силу для охраны митингов и собраний рабочих. Но эту тактику меньшевикам осуществить до конца не удалось благодаря работе по подготовке восстания, проводившейся большевиками.

В августе 1905 года Центральный комитет большевиков поручил группе большевиков организовать лабораторию бомб в Нахичевани. Установив связь с социал-демократической дружиной при Донском комитете РСДРП, эта группа фактически сконцентрировала в своих руках всю непосредственную подготовку к восстанию и стала во главе его.

Под влиянием революционных событий в стране (всероссийская стачка почтово-телеграфных служащих, восстания в Кронштадте и Севастополе и т. д.) рабочие рвались к вооруженной борьбе. Они рассматривали Совет рабочих депутатов как штаб восстания. Совет же, руководимый меньшевиками, вначале долго тешался на месте. Он обсуждал вопросы о создании профсоюзов, о предоставлении Совету помещения и другие второстепенные вопросы и не выходил за пределы «легальности» и «законности». Но в конце ноября на заседаниях Совета повеяло свежим ветром. Депутаты и рабочие заговорили о вооружении и подготовке к решающей борьбе.

Революционные рабочие Ростова помещали своим руководителям применить по отношению к войскам ту пагубную,

небольшевистскую тактику, какой придерживался возглавляемый меньшевиками Петербургский совет рабочих депутатов. После нескольких горячих выступлений рядовых депутатов-рабочих Совет отказался от предложения требовать ухода войск из Ростова и других пунктов Донской области и решил усилить агитацию и пропаганду среди солдат и казаков.

Политическая стачка началась в Ростове-на-Дону 9 декабря. Вооруженная борьба развернулась с 13 декабря. Дружинники разоружили жандармов на вокзале и пытались обезоружить полуроту солдат Феодосийского полка. В тот же день начался артиллерийский обстрел Темерника (привокзального рабочего предместья) войсками. В ответ на это рабочие начали постройку баррикад. При штабе восстания были созданы интендантская часть, санитарный отряд и столовая для дружинников. Темерник был целиком в руках рабочих. В боях с царскими войсками 14—16 декабря дружинники проявили героизм и отвагу. Но силы оказались неравными. У дружинников не хватало их для того, чтобы предпринять наступательные действия против города, где были сконцентрированы правительственные войска. Дружинники ограничились отдельными вылазками и мелкими стычками с войсками.

Решительный бой произошел 20 декабря. Дружинники в этот день расстреляли все свои патроны и ночью ушли обходным путем в Нахичевань (противоположная Темернику часть города). Однако здесь дружину постигла большая неудача. В столовой завода Аксай, где было сложено все оружие дружинников, в 7 часов утра 21 декабря произошел взрыв, в результате которого было уничтожено все оружие и погиб охранявший его наряд дружинников (причины взрыва остались невыясненными).

Дальнейшая борьба рабочих оказалась невозможной. 21 декабря казаки заняли Темерник и началась зверская расправа над участниками восстания.

Ход восстания в Новоросийске — типичный пример того, как при благоприятных для успеха восстания условиях лозунги и призывы руководителей значительно отставали от событий. Причина этого была в том, что во главе местного комитета РСДРП стояли меньшевики. После октябрьской стачки под нажимом рабочих при комитете была образована боевая дружина. Оружие приобреталось на средства, полученные путем сборов.

22 ноября, в момент политической забастовки, под руководством большевиков была организована массовая демонстрация, в которой участвовала боевая дружина.

8 декабря в Новоросийске снова началась политическая забастовка. Охранная милиция, образованная в числе 120 человек городской думой в начале декабрьской стачки и состоявшая в большинстве из рабочих, была затем присоединена к боевой дружине.

Совет рабочих депутатов, созданный еще в октябрьские дни, в декабре состоял из 70—72 депутатов и объединял до 10—12 тысяч местных рабочих.

В период 8—20 декабря вся власть была фактически в руках Новоросийского совета. Он ввел свой суд, организовал помощь безработным, создал боевые дружины, учредил местное революционное самоуправление, установил прогрессивно-подходящее обложение буржуазии, добился высылки казаков в Екатеринодар.

Однако Новоросийский совет не использовал благоприятных условий для того, чтобы полностью возглавить революционное движение масс. Он не стал органом восстания, а под влиянием местного меньшевистского комитета все время стремился играть и фактически играл роль пресловутого «органа самоуправления». По «теории» меньшевиков, несостоятельность которой была неопровержимо доказана Лениным в его работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «революционное самоуправление» должно было возникнуть до восстания и тем самым делать его якобы ненужным. Новоросийский совет в значительной мере копировал также Петербургский совет, который под влиянием Троцкого и других меньшевиков отрицательно относился к подготовке восстания. Авторитет столичного Петербургского совета — «старшего собрата» (как обычно пазывали его в обращениях и резолюциях советы других городов) — мешал революционным рабочим разглядеть его антиреволюционную тактику.

Только 17 декабря Новоросийский совет призвал рабочих «продолжать борьбу до последней капли крови» и «защищать свободу с оружием в руках». Но и это запоздавшее выступление Совета имело целью самооборону от наступающей контрреволюции, а отнюдь не наступательную борьбу против самодержавия. 19 декабря Совет решил прекратить общегородскую стачку. С 20 декабря забастовка должна была продолжаться только на железных дорогах, почте и телеграфе. В этих условиях призыв Совета к вооруженной борьбе был явно уже не ко времени.

Имея значительные вооруженные силы, Совет не пытался на основе конкретного плана восстания использовать их для разгрома царских войск: расчеты Совета были

построены единственно на том, чтобы при помощи революционных сил, действующих за пределами города, поменать правительственным отрядам добраться до Новоросийска. Эти расчеты оказались нереальными.

24 декабря в Новоросийск прибыл броненосец «Ростислав». Восстание было подавлено.

3

Особое место среди крупных пролетарских центров страны, участвовавших в декабрьском восстании, занимает Харьков.

ЦК, избранный на III съезде партии, признал единственной правомочной организацией партии в Харькове группу «Вперед», организованную местными большевиками в начале 1905 года.

Под руководством большевиков харьковские рабочие летом 1905 года провели ряд забастовок. Всеобщая октябрьская стачка сопровождалась в Харькове демонстрациями, вооруженными столкновениями и баррикадными схватками с полицией. Большевики вели работу в армии и к моменту восстания значительно укрепили свое влияние среди солдат харьковского гарнизона. Об этом свидетельствовала совместная политическая демонстрация солдат и рабочих 23 ноября. 23—25 ноября в Харькове была проведена политическая стачка в связи с восстанием, начавшимся в Севастополе, и отказом харьковских железнодорожников перевозить войска, посланные на его подавление. В середине ноября в Харькове был создан Федеративный совет харьковских комитетов РСДРП, который в дальнейшем играл роль Совета рабочих депутатов. Руководство в нем фактически принадлежало большевикам.

В конце ноября и в начале декабря большевики Харькова во главе с тов. Артемом (Сергеевым) организовали ряд политических митингов и вели подготовку к восстанию. Большевики намечали срок его на 12 декабря. Согласно разработанному плану, рабочие должны были явиться на завод вооруженными. Пунктом сбора был назначен завод Гельферих-Саде, где ночью были сосредоточены боевые дружины и санитарный отряд. Другая часть рабочих должна была собраться у вокзала.

В ночь с 10 на 11 декабря были арестованы руководители железнодорожной забастовки. 12 декабря, утром, рабочие железнодорожных мастерских вынесли резолюцию с требованием освобождения арестованных. Рабочие заявляли: «Мы не сло-

жим оружия, пока не победим или не умрем».

Часть боевой дружины, собравшаяся на заводе Гельферих-Саде (на Конной площади), была окружена пехотой, казаками и артиллерией. Командование царских войск потребовало от осажденных рабочих сдачи оружия. Не дожидаясь ответа рабочих, войска с трех сторон обстреляли завод из винтовок и пушек. Когда среди осажденных оказались убитые и раненые, рабочие прекратили сопротивление и вывесили белый флаг. Часть осажденных была арестована, часть сумела пробраться через преграды или была отпущена солдатами.

Когда весть об осаде рабочих на заводе Гельферих-Саде дошла до собравшихся на митинг рабочих паровозостроительного завода, они колонной в 3 тысячи человек, во главе с вооруженным отрядом, с красными знаменами и революционными песнями двинулись на выручку осажденным. Дойдя до Конной площади, занятой войсками, рабочие начали стрелять в них из револьверов. Казаки отступили на расстояние, на котором их не могли достать револьверные пули и бомбы, и дали по рабочим несколько ружейных залпов. Рабочие пошли в наступление. Казаки осыпали их целым градом пуль. Рабочие вынуждены были отступить, оставив на Конной площади много убитых и раненых. Разъяренные казаки не давали рабочим подобрать своих убитых и раненых товарищей. Только спустя значительное время трупы были убраны, а раненые отправлены в больницы.

Революционная борьба рабочих в Харькове резко пошла на убыль 12 декабря, в самом начале вооруженной борьбы в стране. Объяснение этому отчасти дает передовая статья в № 5 «Известий Федеративного совета Харьковского комитета РСДРП» от 18 декабря 1905 года: «Нам пришлось принять бой в самых невыгодных условиях, когда мы еще не собрались вступать в открытую войну, когда наши силы были еще не подготовлены. Царские генералы обрушились на нас сразу всеми силами, и мы потерпели поражение».

Харьковские события представляют особый интерес еще в связи с той ролью, которую сыграла в них стачка на Харьковско-Николаевской железной дороге. В связи с восстанием железнодорожная забастовка приобретала особое значение. В случае успеха восстания стачка могла привести к захвату рабочими станций и линии и становилась, таким образом, исходной точкой и базой для распространения вооруженного восстания в данной местности далеко за пределами железной дороги. «Железнодорожная забастовка есть вос-

станции, это неоспоримо после декабря», — писал Ленин в 1906 году ¹.

Это положение блестяще подтвердилось на примере «люботинской республики», история которой тесно связана с историей харьковского восстания. Люботин — крупная железнодорожная станция в 23 верстах от Харькова. Через нее поезда шли в 4 направлениях: на Харьков, Полтаву, Ворожбу и Мерефу. Здесь находились железнодорожные мастерские, отделы и службы 2-го участка дороги. Многие железнодорожные служащие и рабочие активно участвовали в нелегальном социал-демократическом союзе железнодорожников, начавшем свою деятельность еще в 1902—1903 годах.

Военное положение, введенное в Харькове и Харьковском уезде, не распространялось на Люботин, так как он находился в другом уезде. Поэтому делегатские собрания служащих Харьковско-Николаевской железной дороги стали созываться в Люботине. В октябре — ноябре в Люботине происходили митинги, на которые стекались тысячи рабочих и крестьян (местные социал-демократы активно работали в окрестных деревнях).

В начале декабрьской политической стачки Люботинская профсоюзная социал-демократическая организация железнодорожников образовала временное управление дороги, которое потребовало от железнодорожной администрации передачи ему станции. Временное управление стало руководить движением поездов с продовольственными грузами, демобилизованными запасными и т. д. Оно взяло в свое ведение железнодорожный телеграф и почтово-телеграфную контору при станции. Представители администрации были смещены со своих постов. Станцию и телеграф охраняли вооруженные рабочие. Была образована милиция в составе нескольких отрядов.

На многочисленных митингах массами безраздельно руководили социал-демократы. Состав вооруженной милиции был вскоре увеличен до 200 человек, разбитых на 4 отряда. Так как револьверов, охотничьих ружей, сабель и т. п. не хватало, в железнодорожных мастерских было изготовлено несколько сот пик. Тогда же был образован санитарный отряд.

В ночь на 11 декабря были разоружены местные жандармы и полицейские стражники. Отобранное у них оружие было передано рабочей милиции.

Попытка правительства овладеть Люботином с помощью одной роты солдат, присланной из Харькова, окончилась неуда-

чей. Солдаты были деморализованы слухами о том, что станция Люботин минирована. Не доехав до станции, рота вернулась обратно. Тогда власти сконцентрировали значительный отряд войск разных родов оружия и двинули его на подавление «люботинской республики». Войска подвергли Люботин артиллерийскому обстрелу. От попадания снаряда в вагон со взрывчатыми веществами на станции возник пожар. Огнем были уничтожены баррикады и ряд построек Люботина. Только после этого карательный отряд овладел станцией.

«Люботинская республика» просуществовала 10 дней, с 8 по 17 декабря.

«Люботинская республика» — пример того, какую помощь оказывали друг другу во время восстания железнодорожные пункты и соседние крупные города. Революционные организации этих городов руководили выступлениями рабочих соседних железнодорожных станций, оказывали им всяческую поддержку. Даже если в самых городах дело не доходило до восстания, они приковывали к себе значительные правительственные военные силы и тем самым облегчали революционным рабочим захват железных дорог. С другой стороны, захват власти на железнодорожных станциях оказывал громадную поддержку восставшим рабочим центрам.

4

В дни октябрьской стачки в Екатеринославе образовалось Делегатское собрание рабочих, которое в ноябре стало называться Депутатским собранием и фактически превратилось в Совет рабочих депутатов. В начале декабря организовался Боевой стачечный комитет, в состав которого, кроме большевиков, вошли меньшевики, бундовцы и др. Этот коалиционный комитет, возглавляемый большевиками, подменил собой игравший пассивную роль Совет рабочих депутатов и стал фактическим руководителем движения.

Политическая забастовка в Екатеринославе, начатая в октябре в связи со всеукраинской железнодорожной забастовкой и затем прерванная, вновь началась 8 декабря. В этот день прекратили работу все заводы, типографии, железнодорожные мастерские, остановились трамвай и железная дорога, закрылись магазины (за исключением продовольственных), прекратились занятия в учебных заведениях. 9 декабря бездействовали все правительственные и общественные учреждения, кроме ломбарда и Государственного банка. Повсеместно происходили собрания и митинги. Солдаты 276-го пехотного Бердянского полка заявили о своем сочувствии

¹ Ленин. Т. X, стр. 12.

стачечникам. Депутатское собрание рабочих (Совет рабочих депутатов) 11 декабря постановило на время стачки прекратить взнос квартирной платы и не вносить никаких платежей в городскую управу и в правительственные учреждения¹.

Настроение рабочих было бодрое, приподнятое. Рабочие организовывались в боевые дружины. В заводском районе на стенах и фонарных столбах были расклеены воззвания Боевого стачечного комитета, на площади у Брянского завода развевались два красных знамени, на которых красовались надписи «Долой самодержавие!» С 11 декабря рабочие стали усиленно готовиться к вооруженной борьбе. На отдельных станциях Екатеринбургской железной дороги началось формирование боевых дружин. С 12 декабря дружинники стали разоружать станционных жандармов, отбирать оружие у проезжающих солдат и офицеров.

13 декабря на станции Ясеноватая дружинники разоружили роту 230-го Балаклавского полка. 14 декабря состоялся съезд боевых дружин на станции Авдеевка.

Начавшаяся в декабре политическая стачка и массовое разоружение полиции быстро парализовали деятельность местной власти в Екатеринославе. Однако коалиционный Боевой стачечный комитет, политический состав которого был весьма пестрым, из-за внутренних политических разногласий не дал своевременно лозунга о переходе от всеобщей стачки к восстанию.

Несмотря на то что вооружено было много рабочих на железной дороге и в горнозаводских районах, Боевой стачечный комитет не предпринял решительных мер для полного захвата власти в самом Екатеринославе. Восстание в Екатеринославе имело ограниченный характер. В руках вооруженных рабочих находились Чечелевка, Кайдаки, железнодорожная слободка, то есть рабочие окраины Екатеринослава. А центр города был в руках правительственной власти.

Полицейские, жандармы и охранники, посправившиеся в начале стачки, снова появились на улицах города. 13 декабря магазины на Екатеринбургском проспекте (главной улице города) торговали под охраной солдат и полиции. 17 декабря Екатеринбург с окрестностями, Александровский, Бахмутский, Славяносербский и Верхнеднепровский уезды были объявлены на военном положении, а вся губерния — на положении чрезвычайной охраны. 18 декабря в город прибыл Симферопольский полк. Началось наступление

вооруженных сил реакции на рабочих. Были произведены первые аресты.

Получив известие о подавлении восстания в Москве, Депутатское собрание 22 декабря решило прекратить забастовку.

Несмотря на то что в самом Екатеринославе дело не дошло до общегородского восстания, ход событий в нем сыграл громадную роль в развертывании революционной борьбы в ближайшем к Екатеринославу районе, в Донбассе и в Криворожье.

Повсеместно создавались советы (Юзово, Мариуполь), боевые стачечные комитеты (Александровск и др.), распорядительные комитеты (на станции Екатеринбургской железной дороги).

Екатеринославский боевой стачечный комитет был для этих организаций революционным штабом, помогавшим им упрочиться.

Екатеринослав приковал к себе вооруженные силы, имевшиеся в распоряжении губернатора. Благодаря этому железнодорожники при поддержке екатеринославского пролетариата захватили Екатеринбургскую железную дорогу и вместе с шахтерами и металлистами Криворожья и Донбасса дали ряд боев правительственным войскам.

Наиболее значительным эпизодом вооруженной борьбы в Донбассе явилось горловское восстание. В нем, несмотря на слабую техническую подготовку и недостаток оружия, приняло участие несколько тысяч рабочих, проявивших исключительный героизм и отвагу².

5

Закавказье всю вторую половину 1905 года было охвачено волной революционных выступлений и вооруженных восстаний. Вождем и руководителем большевиков и революционных рабочих и крестьян Закавказья в период подготовки и проведения вооруженного восстания являлся верный и последовательный сподвижник Ленина — товарищ Сталин. Под руководством возглавляемых товарищем Сталиным большевиков стачки в Закавказье быстро перерастали в вооруженные демонстрации и вооруженные столкновения рабочих с полицией и войсками.

Царское правительство в Закавказье широко использовало весь свой аппарат репрессий и подавления, сделало все для того, чтобы разжечь национальную рознь и использовать темные, отсталые элементы для организации национальных погромов. «Оно разгромило посредством татар один из ре-

¹ См. «Бюллетень Екатеринбургского боевого стачечного комитета» № 3 от 13 декабря 1905 года.

² Горловскому восстанию в настоящем номере журнала посвящена специальная статья тов. Свежинского.

волюционнейших центров России и самый революционный центр Кавказа — Баку и отпугнуло от революции всю армянскую провинцию. Оно превратило весь многоплеменный Кавказ в военный лагерь, где население каждую минуту ждет нападения не только со стороны самодержавия, но и со стороны соседних племен, этих несчастных жертв того же самодержавия», — читаем мы в прокламации Тифлисского комитета, выпущенной в ноябре 1905 года и написанной товарищем Сталиным¹.

Политическая стачка железнодорожников, начавшись 14 октября в Тифлисе, быстро охватила все железные дороги Закавказья и превратилась во всеобщую. «Руководимый пролетариатом народ героически штурмует царское правительство. Вооруженные митинги, красные знамена, баррикады, разгром оружейных складов, война с войсками, осада правительственных учреждений, — слышите ли, товарищи, могучий гимн новой жизни?» — так писал товарищ Сталин в прокламации большевистского Тифлисского комитета, выпущенной 18 октября².

«Не пустые фразы, не бессмысленные «самовооружения», а настоящее вооружение и вооруженное восстание — вот к чему стремятся жаждущие народного самодержавия российские пролетарии»³.

В тот же день, 18 октября, в Тифлисе состоялась многолюдная демонстрация на Головинском проспекте и у Метехского тюремного замка и созван был многотысячный митинг, на котором с призывом к вооруженной борьбе выступал товарищ Сталин. Митинг принял постановление о необходимости подготовки к вооруженному восстанию против правительства.

В 1905 году в Грузии особенно широко развернулась революционная борьба крестьянства. «В ряде районов Грузии (Озургетский, Зугдидский, Сенажский, Горийский, Душетский, Тифлиссский и Телавский уезды), в особенности в Гурии (Озургетский уезд), происходили крупные вооруженные восстания крестьян. Крестьянские революционные комитеты — органы вооруженного восстания революционного крестьянства — осуществляли захват помещичьих земель, отмену всяких налогов, бойкот помещиков, духовенства и правительственных учреждений»⁴.

¹ Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 67—68.

² Сборник «Прокламации большевистской организации Закавказья 1904—1906 гг.», стр. 162—164.

³ Там же.

⁴ Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 44—45.

Накануне и после 17 октября в Западной Грузии началась полоса массовых митингов и сходок, забастовок и вооруженных выступлений против правительства. 16 октября в Чохатаури (в 25 верстах от Озургет) было совершено нападение на полицейское управление, 19 октября в нескольких верстах от Озургет, на Насакиральском перевале, повстанцы напали на сотню казаков 2-го Кубанского пластунского батальона и команду стражников. Отряд казаков был в окружении в течение 2 суток, до 21 октября, когда осажденным пришла на помощь из Озургет другая сотня казаков. В конце ноября в Озургетах были отстранены должностные лица городского самоуправления и выбраны новые на началах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Тогда же произошло столкновение повстанцев с войсками и полицией.

На состоявшейся между 26 и 30 ноября конференции Кавказского союзного комитета РСДРП, проходившей под руководством товарища Сталина, был выдвинут вопрос о создании при союзном комитете Кавказского бюро для практической подготовки к восстанию и вынесено решение об укреплении и развертывании деятельности стачечных комитетов, советов рабочих депутатов и революционных крестьянских комитетов.

Политическая забастовка на железных дорогах должна была начаться с 10 декабря, а в Тифлисе — с 12 декабря. Она быстро переросла во всеобщую забастовку по всему Закавказью. Созданное для руководства начавшейся забастовкой Стачечное бюро, куда вошли большевики, фактически стало выполнять роль Совета рабочих депутатов. «Стачечный комитет захватил управление Закавказской железной дороги, телеграф и стал регулировать экономическую жизнь города»⁵.

По решению Стачечного бюро, продолжали функционировать продовольственные магазины и городской трамвай. Выделены были специальные поезда, перевозившие железнодорожных делегатов, запасных, отправлявшихся на родину, и продовольствие для железнодорожников. Комитет приступил к регулированию цен на предметы первой необходимости. Нахаловка (Падзалеви — рабочий район Тифлиса) находилась в руках восставшего тифлисского пролетариата.

Правительство мобилизовало все имевшиеся в его распоряжении силы и обрушило их на восставших.

15 декабря в Тифлисе, Тифлиском уезде и на железной дороге было введено военное положение. В помещении Стачечного бюро был произведен обыск. 16—18 декабря были заняты правительственными

⁵ Там же, стр. 69.

войсками станция Тифлис, Навтлуг и Нахаловка.

Начавшееся в Тифлисе вооруженное восстание было поддержано в других местах Закавказья. «Под руководством большевистского Имеретинско-мингрельского комитета РСДРП велась напряженная вооруженная борьба в Кутаисе, Чиатурах, Квирилах, Зугдидлах, Самтрели и других местах. Вся Западная Грузия была охвачена восстанием»¹.

7 декабря вооруженные боевые дружины под руководством военно-революционного штаба, действовавшего по директивам большевистского комитета РСДРП, совершили нападение на Озургетское уездное управление, Кутаисской губернии. У стражников было отобрано 25 берданок с патронами и захвачено оружие, хранившееся в управлении.

Фактически к концу декабря город Кутаис и все 7 уездов Кутаисской губернии находились во власти революционных повстанцев. Губернские и уездные правительственные учреждения были упразднены, жандармы и полицейские обезоружены. Вся губерния была поделена на революционные районы с особыми начальниками во главе. Вооруженные милиционеры, захватив Сурамский перевал, преграждали войскам доступ из Тифлисской в Кутаисскую губернию. Повстанческое движение было подавлено в Гурии (Озургетский уезд, Кутаисской губернии) только в результате действий карательной экспедиции, прибывшей сюда 5—6 января 1906 года.

6

В Прибалтике революционная волна в 1905 году особенно высоко поднялась в Латвии.

В конце ноября в Латвии повсеместно производились выборы органов волостного самоуправления на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Были объявлены бойкот царским учреждениям и отказ от уплаты податей. Вновь избранные волостные органы самоуправления устанавливали прогрессивно-подходящий налог и регулировали отношения между батраками и хозяевами. Повсеместно созывались многолюдные политические митинги и собрания.

Правительство вскоре объявило Курляндскую губернию на военном положении. Начались столкновения вооруженных рабочих и батраков с войсками и полицией. Крупнейшим революционным событием в этом районе в конце ноября 1905 года явилось вооруженное выступление в Туккуме.

¹ Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 69.

29—30 ноября бойцы революционной милиции, поддержанные рабочими и батраками, захватили Туккум и начали боевые действия против царских войск. Милиционеры опутали подступы к городу густой сетью проволочных заграждений и разрушили часть железнодорожного пути. Восставшие героически отстаивали город в течение 3 дней. После захвата Туккума царскими войсками начались карательные экспедиции и бессудные расстрелы.

Действия милиционеров вначале были больше актом самообороны, чем наступлением на самодержавие. Но вскоре они переросли в вооруженное восстание, которое стало исходным пунктом революционной борьбы латышских рабочих и батраков на протяжении всего 1906 года. Этой борьбе Ленин дал высокую оценку. В 1910 году Ленин указывал, что в 1905 году латышский пролетариат «шел в авангарде вооруженного восстания, он больше всех содействовал поднятию движения на высшую ступень, то есть на ступень восстания. Он больше, чем кто-либо другой, втянул в великую революционную борьбу против царизма и помещиков латышский сельскохозяйственный пролетариат и латышское крестьянство»².

7

На Урале наиболее ярким моментом вооруженной борьбы пролетариата против самодержавия явилось восстание в Мотовилихе, проведенное под руководством Пермского большевистского комитета РСДРП. Политическая забастовка в Мотовилихе (на казенном Пермском пушечном заводе) началась 9 декабря. Рабочие немедленно создали милицию и вооружили ее револьверами (часть револьверов была захвачена на заводе братьев Побель и часть закуплена заранее по инициативе Пермского комитета РСДРП).

12 декабря на вокзале в Мотовилихе собралось до полуторы тысячи забастовавших местных рабочих, часть которых была вооружена. Рабочие остановили вышедший из Перми пассажирский поезд и стали отвинчивать рельсы, чтобы прекратить движение. Вызванная из Перми полусотня казаков обстреляла рабочих, они отвечали огнем револьверов. Под упорным натиском казаков рабочие вынуждены были оставить станцию.

Но эта неудача не остановила рабочих: они стали разоружать полицейских и жандармов. На следующий день, 13 декабря, на станцию Мотовилиха явилась еще с утра более многочисленная группа рабочих, среди которых было много вооруженных револьверами, пожарами и ружьями. Рабочие хотели снова остановить движение по же-

² Ленин. Т. XIV, стр. 340.

лезной дороге. Из Перми были командированы 2 сотни казаков. Рабочие устроили засаду в домах и в одном заводском помещении и стреляли в казаков. Получив подкрепление, казаки окружили рабочих и вынудили их сдаться. Четыре баррикады, построенные на улицах, рабочие не смогли использовать. Во время перестрелки было убито 5 и ранено 30 рабочих. 14 декабря в Мотовилихе начались аресты и обыски.

Для Сибири были характерны особенности восстания в пунктах, расположенных на крупнейших железнодорожных магистралях, по которым возвращались войска с Дальнего Востока.

6 декабря в Красноярске был образован Объединенный совет рабочих и солдатских депутатов, руководимый большевиками. Он контролировал работу железной дороги, провел стачку солдат железнодорожного батальона с 8 по 12 декабря, осуществил свободу печати, организовал охрану города вооруженными рабочими и солдатами и провел выборы в городскую думу на основе всеобщего избирательного права (вновь избранная дума, правда, ни разу не собиралась).

В ночь на 28 декабря в Красноярск прибыли правительственные войска, не затронутые революционным движением. Власти немедленно ввели военное положение. Рабочие и революционные солдаты забаррикадировались в железнодорожных мастерских. Они решили дать бой правительственным войскам и продержаться до получения поддержки извне.

Однако положение в Сибири сложилось крайне неблагоприятно для восставших. В Иркутске был значительный гарнизон, захваченный революционным влиянием, но город к концу декабря оказался совершенно не подготовленным к вооруженной борьбе. Во главе Иркутского комитета РСДРП стояли меньшевики, опиравшиеся преимущественно на мелкобуржуазные элементы города (железнодорожных мастерских в Иркутске не было).

Военно-стачечный комитет, руководимый эсерами, проявил нерешительность. Отстраненному начальнику гарнизона удалось предотвратить готовящееся восстание. Власти подтянули к городу войска, объявили в ночь на 1 января 1906 года военное положение и приступили к массовым арестам. Военная стачка была подавлена.

Призыв Красноярского комитета о помощи восставшим красноярским рабочим и солдатам дошел до Иркутска тогда, когда восстание здесь было подавлено. Понятно, что иркутские рабочие уже не могли помочь своим красноярским товарищам.

Читинские и харбинские рабочие не могли помочь ни Иркутску, ни Красно-

ярску, так как с востока на запад по Сибирской магистрали двигалась карательная экспедиция генерала Ренненкампа.

В течение 5 дней войска осаждали и обстреливали революционных рабочих и солдат в Красноярске. 3 января осажденные вынуждены были сдаться.

В Чите еще во время всеобщей октябрьской стачки были созданы боевые рабочие дружины, которым удалось захватить винтовки, в одном из вагонов и помешать черной сотне устроить еврейский погром. В начале ноября на Забайкальской железной дороге под руководством большевистского Читинского комитета РСДРП, в состав которого входил видный партийный работник В. Курнатовский, были образованы стачечные комитеты, а 22 ноября в Чите был создан Совет солдатских и казачьих депутатов. Рабочие железнодорожных мастерских с того же числа явочным порядком ввели 8-часовой рабочий день.

Читинские рабочие систематически получали или отбирали винтовки у возвращавшихся с Дальнего Востока солдат. В конце декабря 1905 года и начале января 1906 года они накопили значительный запас оружия (свыше 30 тысяч винтовок, много патронов, несколько сот револьверов, несколько пудов взрывчатых веществ и т. д.) и могли снабжать им рабочих по всей Забайкальской железной дороге.

Местные власти, несмотря на то что в их распоряжении было до 5 тысяч солдат, были бессильны перед вооруженными рабочими. Распропагандированные большевиками солдаты гарнизона отказывались выступать против рабочих и на совместных с ними митингах горячо обсуждали вопросы о войне, об улучшении положения солдат, о вооруженном восстании и роли в нем солдат.

В декабре 1905 года и в январе 1906 года власть в Чите фактически принадлежала Объединенному совету рабочих, солдатских и казачьих депутатов. Но Читинский совет не разработал плана активной наступательной борьбы против правительства, не сумел распространить свое влияние за пределы ближайшей к нему области и оказать решительную поддержку Иркутску, Красноярску и другим пунктам Сибири. Совет не арестовал представителей царской администрации и не помешал реакции собраться с силами.

После того как предоставленная самой себе «Красноярская республика» окончила свое существование, Читинский комитет РСДРП ограничился организацией 9 января 1906 года большой вооруженной демонстрации. Только получив сообщение о том,

что с запада приближается карательная экспедиция Меллера-Закомельского, а с востока — такая же экспедиция Ренненкампа, комитет 11—12 января обсудил вопрос об организации вооруженного сопротивления. Но к этому времени Чита не могла уже рассчитывать на поддержку. План вооруженного восстания был оставлен (попытки взорвать поезда карателей не удалось). 18—19 января начали прибывать головные отряды Ренненкампа. 22 января начались разоружение и аресты революционных рабочих.

* * *

Неудачу местных выступлений рабочих и солдат вызвали, с одной стороны, поражение декабрьского восстания в Москве, с другой стороны — общие слабости движения и ошибки при подготовке и проведении восстаний. Пользуясь огромным влиянием и во многих местах обладая фактической властью, Советы рабочих и солдатских депутатов оставляли представителей царской военной и гражданской администрации на свободе, не всякую предпринимали энергичные меры для вооружения рабочих, не всегда обеспечивали необходимое руководство военными силами восставших.

«Революция 1905 года кончилась поражением вовсе не потому, что она зашла «слишком далеко», что декабрьское восстание было «искусственным», как думают репегаты из либералов и т. п. Наоборот, причина поражения — та, что восстание зашло недостаточно далеко, что сознание его необходимости было недостаточно широко распространено и твердо усвоено в революционных классах, что восстание не было дружным, решительным, организованным, единовременным, наступательным»¹.

Влияние меньшевиков и эсеров в Советах мешало установлению твердого, большевистского курса на восстание и правильному руководству восстанием. Немало рабочих, находившихся под влиянием меньшевиков, подхватывало большевистский лозунг вооруженного восстания. Чтобы не потерять влияния на массы, местные меньшевистские руководители стали робко высказываться за поддержку этого лозунга, а кое-где даже принимать участие в создании боевых дружин. Но это «присоединение» не означало «полного» отказа меньшевиков от оппортунистических взглядов и практики. Их оппортунизм губительно сказался на ходе восстания всюду, где им удалось захватить в свои руки руководство в Советах.

Вооруженная борьба российского проле-

тариата осенью и зимою 1905—1906 года имела огромное историческое значение.

«Первый раз во всемирной истории, — писал Ленин, — была достигнута такая высота развития и такая сила революционной борьбы, что вооруженное восстание выступило в соединении с массовой стачкой, этим специфически пролетарским оружием. Ясно, что этот опыт имеет мировое значение для всех пролетарских революций»².

В 1905 году возникли Советы рабочих депутатов, бывшие «...невиданной еще в мире массовой политической организацией рабочего класса»³. Советы были органами восстания, зародышевыми органами революционной власти. В начале ноября 1905 года Ленин с гениальной прозорливостью писал о задачах Советов: «...в политическом отношении Совет Рабочих Депутатов следует рассматривать как зародыш временного революционного правительства. Мне кажется, что Совет должен как можно скорее провозгласить себя временным революционным правительством всей России или (что то же самое, лишь в иной форме) должен создать временное революционное правительство... Конечно, реальной опорой такого правительства может быть только вооруженное восстание. Но ведь проектируемое правительство и будет ничем иным, как органом этого растущего и зреющего уже восстания»⁴.

Возникновение Советов имело огромное, всемирноисторическое значение. Найдена была организационная форма не только для создания новой, революционной власти в условиях победоносной буржуазно-демократической революции, но и для осуществления пролетарской диктатуры в момент победоносной социалистической революции.

В период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции партия большевиков, единственная партия, возглавлявшая революцию, полностью учла уроки декабрьского вооруженного восстания, развила марксистско-ленинское учение о восстании как высшей форме классовой борьбы и как искусстве, сумела использовать в новых условиях выработанные Лениным и Сталиным методы революционной стратегии и тактики, сумела избежать повторения ошибок Парижской коммуны 1871 года и вооруженных восстаний 1905 года в России и провести победоносное восстание в октябре 1917 года.

² Ленин. Т. XXV, стр. 432.

³ История ВКП(б), стр. 75.

⁴ В. И. Ленин «Наши задачи и Совет Рабочих Депутатов». «Большевик» № 19—20 за 1910 год, стр. 74, 77.

¹ Ленин. Т. XV, стр. 537.

Горловское вооруженное восстание в 1905 году

1

В конце XIX века в Донбассе на средства русских и иностранных капиталистов начало быстро развиваться строительство шахт, рудников и заводов. В Донбассе в поисках заработка со всех концов России стекалась дешевая рабочая сила. Сюда бежали от голодной смерти крестьяне из Орловской, Курской, Рязанской, Черниговской губерний. Здесь они за бесценок продавали себя и свой труд хищникам-капиталистам. Нигде в России так варварски не эксплуатировался рабочий класс, как в Донбассе. Каторжный подземный труд в условиях отсталой техники, ежеминутная угроза быть заживо погребенными — таковы условия, в которых находились рабочие Донбасса. За двенадцати—четырнадцатичасовой день такой работы шахтеры получали от 30 копеек до 1 рубля 20 копеек. Большая часть этих денег возвращалась в виде штрафов в карман предпринимателя. Жизнь шахтера была поистине жуткой.

«Я жил на рудниках, где одно время работал, и видел эту жизнь,—рассказывал тов. Ворошилов на собрании рабочих Гартмановского завода.— Это не жизнь, а безумие. Я никогда не мог себе представить, что люди могут так жить, что имеются в наше время такие углы, где люди так изнывают под ярмом капитала. Только в допотопные времена наши предки жили при таких условиях. Вы должны были побывать в их квартирах. Виноват, это не квартиры, подобные нашим, а лачужки, землянки, крыши которых наравне с землей. В тесных и низких каморках с земляными полами ютятся несколько семей вместе, грязь и вонь стоит невыносимая. Здесь лягушки — постоянные посетительницы семьи шахтера — находят себе лучшее место. Здесь же над плитой, где варят,—сушат белье. Здесь же пол ногам, в грязи, вой и крик ребятишек. И этот ад крошечный должен служить местом для отдыха после двенадцати—пятнадцатичасового пребывания шахтера под землей, ли-

шленного в половине своей жизни царства светлых лучей солнца»¹.

Не в лучшем положении находились рабочие промышленных предприятий Донбасса. Останавливаясь на причинах двухнедельной январской забастовки рабочих на Петровских заводах, горный инженер Горловского округа В. В. Михайловский писал: «Между рабочими и управлением завода не было никакой связи. На рабочих смотрели как на машину. Личность их не уважалась. Производ низших служащих доходил до крайности. Начальник цеха являлся высшей и безапелляционной инстанцией. Жаловаться на него нельзя, так как из главной конторы рабочих выгоняли без разбора и к директору никогда не допускали. Обращаться к окружному инженеру рабочие боялись, вероятно, опасаясь, что им за это будут мстить. Меня всегда удивляло то обстоятельство, что в мои приезды на завод, каждый раз с предупреждением за два дня, ко мне почти никто не обращался с жалобами... Во время переговоров выяснилось между прочим, что один мастер-бельгиец по фамилии Дельвин обещал прибавки рабочим при том условии если их жены проявят к нему свою благосклонность»².

Положение рабочих на Петровских заводах было типичным для предприятий Донбасса. Не удивительно поэтому, что начавшуюся в стране революцию донецкий пролетариат встретил с огромным подъемом. После событий в Петербурге и всеобщей январской забастовки в Екатеринославе объединенный большевиками пролетариат Донбасса начал активную революционную борьбу.

События развивались быстро. 5 февраля 1905 года екатеринославский губернатор писал министру внутренних дел, что «январские забастовки в Екатеринославе в связи с забастовками в различных пунктах империи и событиями в Петербурге

¹ Газета «Северный Донец» № 5 от 5 октября 1906 года. Здесь и повсюду в статье даты даны по старому стилю.

² Днепронетровский областной исторический архив НКВД УССР, фонд № 192, дело № 1271, лист 32—33.

распространились на весь горно-заводской район губернии»¹. Забастовки и стачки охватили весь Донбасс. 17 января забастовал Юзовский завод. 22 января забастовали рабочие Петровских заводов в Енакиеве. 24 января начали забастовку рабочие Горловского машиностроительного завода. 25 января забастовало свыше 15 тысяч рабочих заводов и шахт Макеевского района и т. д.

Особенно долго продолжалась забастовка на Петровских заводах Русско-Бельгийского металлургического общества. «Прекратив работу 22 января, — писал в том же донесении губернатор, — они не работают еще и в настоящее время». Успешному проведению забастовки рабочие обязаны были руководителям ее — большевикам Енакиевского комитета РСДРП. Большинство требований, предъявленных рабочими дирекции завода, директор завода Цотье вынужден был удовлетворить. Забастовка закончилась победой рабочих.

В феврале и марте забастовочное движение продолжало развиваться. На ряде заводов и шахт рабочие выдвигали наряду с экономическими требованиями и политические. Местами забастовки переходили в вооруженные столкновения рабочих с войсками.

Из множества забастовок этого периода наибольший интерес представляет политическая забастовка рабочих в Луганске, проведенная под руководством К. Е. Ворошилова и завершившаяся вооруженным столкновением рабочих с войсками, а также политическая забастовка на Щербиновских и Александровских каменноугольных рудниках. Руководимые тов. Ворошиловым, луганские рабочие раньше чем остальные рабочие Донбасса осознали жизненную необходимость политической свободы для классовой борьбы пролетариата. 15 февраля рабочие Гартмановского завода, где работал К. Е. Ворошилов, объявили забастовку. Эта забастовка охватила около 4 тысяч рабочих и с первых же дней приняла политический характер. В вышущем Луганским комитетом РСДРП воззвании к рабочим Гартмановского завода большевики призывали рабочих к политической борьбе. Большевики требовали 8-часового рабочего дня, свободы слова, печати, собраний, союзов и стачек.

16 февраля начались политические забастовки на Щербиновских и Пелеповских рудниках. Шахтеры Щербиновки предъявили директору рудника и главному инженеру С. Ф. Янчевскому ряд требований, среди которых были: установление 8-часового рабочего дня, свобода собраний и

союзов, свобода печати, свобода личности. Рабочие выставили требование о прекращении работы в день 1 Мая и о признании 1 Мая праздником трудящихся. Большинство предъявленных рабочими требований дирекция отклонила. Это вызвало массовое возмущение рабочих. Они прекратили работу и вышли на улицу. Нанушенная администрация вызвала войска. На территорию рудника явились пехота и казаки. Рабочие встретили их, как сообщалось в рапорте окружного горного инженера, «градом камней и выстрелами из револьверов»². В результате столкновения рабочих с войсками было убито 5 рабочих и 7 ранено. На Александровско-Фуревском руднике Ауэрбаха произошло почти то же самое: здесь было убито 3 рабочих и тяжело ранено 5.

В первые же дни революции в Донбассе, особенно в Бахмутский и Славяносербский уезды, были направлены отряды всех родов войск. «Усиленное брожение рабочих, возникновение забастовок на многих рудниках, заводах и шахтах вызвали необходимость, — писал Булыгину екатеринославский губернатор Нейдгарт, — привлечь размещение войск: в Бахмутском уезде 3 сотни казаков, 1 эскадрон драгун, 1 батальон пехоты. В Славяносербский — 1 батальон пехоты, 2 сотни казаков и 1 эскадрон драгун»³.

В Горловку, на шахту № 5, Щербиновский и Александровский рудники было дополнительно послано по одной роте солдат и казаков. Но забастовочная волна продолжала нарастать. 18 февраля забастовали рабочие Сатурновского железопрокатного и стекольного заводов, близ станции Константиновка. 22 февраля забастовало около 5 тысяч рабочих металлургического завода Поворосийского общества в Юзовке. 23 февраля забастовали шахтеры Александровского каменноугольного рудника, 28-го — шахтеры Варваропольского каменноугольного рудника и т. д.

Авторитет существовавших уже в это время в Луганске, Горловке, Енакиеве, Юзовке большевистских организаций резко возрос. В лице большевиков рабочие видели истинных защитников своих интересов. В свою очередь успехи революционного рабочего движения ободряли большевиков в их упорной борьбе.

Изю дня в день увеличивалось число сочувствующих борьбе пролетариата с буржуазией. «После февральской забастовки, — писали из Донбасса в большевистскую газету «Пролетарий», — работа закинула. Растут связи, и там, где раньше

¹ Днепронетровский областной исторический архив НКВД УССР, фонд № 4, дело № 466, лист 60.

² Там же, фонд № 192, дело № 1271, лист 49—50.

³ Там же, фонд № 4, дело № 465, лист 62—63.

было «кое-что», сейчас создалась упорная работа»¹.

Большая разъяснительная работа большевиков помогала рабочим разбираться в сложнейших вопросах политической жизни. Уже в это время сознательные пролетарии Донбасса резко осуждали оппортунистическую, враждебную революции политику меньшевиков. Выносили им свое порицание. В приехавшей из Луганска в большевистскую газету «Вперед» корреспонденты рабочие писали: «Мы, рабочие, агитаторы и организаторы заводского района, после тщательного разбора позиций двух борющихся сторон в партии пришли к следующему заключению: существование какой бы то ни было партии возможно лишь при условии подчинения меньшинства большинству... Меньшинство нашей РСДРП, несмотря на свое торжественное обещание подчиниться решению съезда, начало рвать партию, устроило тайную организацию пролетарской партии, в результате чего мы можем оказаться в хвосте идущих событий в России, не использовав должным образом борьбу пролетариата в интересах его. Констатируя такое положение дел, порожденное дезорганизаторской работой «меньшинства», выносим ему полное свое порицание»². Передовые беспартийные рабочие стали вступать в партию. Это усилило влияние рабочей прослойки в партийных организациях, что обеспечивало правильное руководство дальнейшей революционной борьбой рабочих Донбасса против буржуазии.

2

Воспользовавшись безработицей в горнозаводских промышленных районах, буржуазия решила заменить кадровых рабочих пришедшими из деревень безработными. Это решение было принято в феврале 1905 года на съезде горнопромышленников юга России. Вслед за этим буржуазия через своих представителей добила у министра внутренних дел Булыгина принятия соответствующих мер. Булыгин уже 25 февраля 1905 года в шифрованной телеграмме на имя екатеринославского губернатора Нейдгарта писал: «Уполномоченные съезда горнопромышленников заявляют, ввиду увеличивающегося в горнопромышленном районе брожения придется прибегнуть к расчету рабочих, чтобы вызвать со стороны безработных предложение труда без увеличения заработной платы и тем

остановить рост стачек. Для осуществления этой меры необходимо усиление охраны предприятий, где будет расчет»³.

После того как в промышленные районы были переброшены воинские части, начались массовые увольнения рабочих. 3 марта 1905 года на одном заводе Новороссийского общества в Юзовке (ныне завод имени Сталина) было уволено свыше 3 тысяч человек, в Горловском и Бахмутском горных округах — около 8 тысяч человек и т. д. Это еще больше обострило отношения между рабочими и промышленниками. Спустя некоторое время Нейдгарт писал Булыгину: «Проектируемый съезд горнопромышленников, прекращающий рост стачек расчет рабочих, предотвращающий беспорядки, является крайне нежелательным, опасным, что вызовет рабочие беспорядки, ввиду установленной несомненно солидарности рабочих всего горнопромышленного района»⁴.

Руководимый большевиками, рабочий класс Донбасса ответил на повое наступление промышленников еще более грозными для буржуазии революционными выступлениями. Особенно значительные забастовки произошли в Луганском горном округе. По сообщению инженера этого округа Бибера, в мае, июне и июле в округе бастовало свыше 23 тысяч рабочих. Большинство забастовок, как видно из предъявленных рабочими заводчикам требований, носило политический характер. Политической была и июльская забастовка в Горловке, явившаяся откликом на восстание на «Потемкине».

Политические забастовки послужили толчком для первых крестьянских выступлений в Донбассе. 5 августа 1905 года пристав 1-го стана, Славяносербского уезда, доложил пачальнику Екатеринославского губернского жандармского управления о волнении крестьян в Успенской экономии землевладельца почетного гражданина Кирилла Михайловича Попова. 31 июня крестьяне Успенского сельского общества предложили Попову сдать им по низкой цене в аренду землю, причем требовали, чтобы «аренда была дана не на два года, а на три и в той местности, где они выберут». Попов решительно отказал. Тогда крестьяне приступили к самовольной расчистке земли и кричали по адресу помещика и управляющего именован: «Мы вас переведем, упиштожим!»⁵.

7 августа пачались волнения среди крестьян села Авдотьина, Григорьевской во-

³ Днепропетровский областной исторический архив НКВД УССР, фонд № 4, дело № 466, лист 13.

⁴ Там же, фонд № 4, дело № 466, лист 14.

⁵ Там же, фонд № 2, дело № 1053, лист 174.

¹ Газета «Пролетарий» № 1 от 27(14) мая 1905 года.

² Газета «Вперед» и «Пролетарий». Выпуск III, стр. 149.

лости, Бахмутского уезда. Явившись в имение дворянина Туткевича, крестьяне потребовали снизить арендную плату до 5 рублей. Туткевич возражал, однако вынужден был пойти на уступки, ибо крестьяне заявили, что они «заберут его землю силой, если он не пойдет на уступки»¹.

Массовый переход рабочих к политическим стачкам и демонстрациям, начавшееся крестьянское движение и вооруженные столкновения народа с полицией и войсками — все это свидетельствовало о том, что в Донбассе, как и во всей стране, созрели условия для вооруженного восстания народа.

Власти стали готовиться к отпору революционному народу. Екатеринославский губернатор Нейдгарт предложил царскому правительству ряд мер для «умиротворения» Донбасса: присылку войск в губернию, роспуск по домам из воинских частей ненадежных запасных, отсрочку очередного призыва в войска, усиленный надзор над оппозиционной печатью, замену на паровозах Екатеринославской железной дороги машинистов, отказавшихся перевозить войска, солдатами железнодорожного батальона.

Однако в сентябре, октябре и ноябре 1905 года революционная борьба масс в Донбассе, как и во всей России, продолжала нарастать с огромной силой.

Пролетариат Донбасса активно участвовал в первой всероссийской политической железнодорожной стачке. Забастовка охватила все железнодорожные узлы, заводы, рудники, шахты Донбасса. Революционной борьбой рабочего класса руководили главным образом большевики.

По примеру питерских рабочих донецкие пролетарии организовали Советы рабочих депутатов в Луганске, Мариуполе, Юзовке, Таганроге. Вместе с ними возникли распорядительные и боевые стачечные комитеты, на долю которых вышло почетное дело организации рабочих вооруженных дружин.

Рабочие Донбасса вплотную подошли к вооруженному восстанию.

Вдохновителем и руководителем вооруженного восстания была партия большевиков во главе с вождями рабочего класса — Лениным и Сталиным. Большое влияние на работу Донецкого комитета РСДРП оказывал Екатеринославский комитет РСДРП большевиков, еще в январе 1905 года окончательно порвавший организационную связь с меньшевиками. В листовке «Готовьтесь к вооруженному восстанию!»

(июль 1905 года) Екатеринославский комитет большевиков призывал рабочих взять в руки оружие: «Лишний раз пролитая кровь павших товарищей подтвердила необходимость вооружения, лихорадочно готовьтесь к вооруженному восстанию. Оно неизбежно и очень близко. Нам надо готовиться к нему. Вступайте в ряды нашей партии, и пусть она возможно шире охватит собою пролетариат. Нам нужно оружие, для этого нужны деньги. Нам неоткуда ждать их, как от самих себя. Пусть каждый из нас часть заработка уделяет на покупку оружия, на изготовление бомб. Пусть каждый помнит, что, внося деньги, он вносит их на общее пролетарское дело. Товарищи, самодержавие дезорганизовано. К нам присоединяется крестьянство, за нас местами встают солдаты, гибель самодержавия близка. Дружнее вперед. Горизонт ясен. Победа будет за нами. Долой самодержавие. Да здравствует народная революция. Да здравствует вооруженное восстание. Да здравствует российская социал-демократическая рабочая партия. Да здравствует социализм»².

Начало вооруженным выступлениям рабочих по всей России было положено в Москве. 7 (20) декабря в Москве началась политическая забастовка, перешедшая в вооруженное восстание. Вслед за пролетариями Москвы на вооруженную борьбу «поднялись и угнетенные народы России. Почти вся Грузия была охвачена восстанием. Крупное восстание произошло на Украине, в Донбассе: Горловке, Александровске, Луганске (Ворошиловград)»³.

3

Вооруженное восстание в Донбассе и в Горловке началось с момента объявления декабрьской всероссийской политической забастовки.

7 декабря из Москвы в Екатеринослав была передана телеграмма о начале забастовки. В телеграмме говорилось: «Конференция 29 железных дорог, Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза, Петербургский и Московский Советы Рабочих Депутатов объявляет 7-го декабря Всероссийскую политическую забастовку»⁴.

Немедленно после получения телеграммы в городе начались собрания и митинги рабочих. На них заслушивали и обсуждали призыв питерцев и москвичей. Рано

² Там же, фонд листовок, коллекция № 218, арх. № 5 за 1905 год.

³ История ВКП(б), стр. 79—80.

⁴ Днепропетровский областной исторический архив НКВД УССР, фонд № 4, дело № 890, лист 106.

¹ Днепропетровский областной исторический архив НКВД УССР, фонд № 2, дело 1052, лист 174.

утром 8 декабря на делегатском собрании рабочих и служащих Екатеринославской железной дороги совместно с рабочими городских предприятий было решено начать всеобщую политическую забастовку. В тот же день по всей линии Екатеринославской железной дороги и в Донбассе была послана телеграмма, призывавшая рабочих приступить к забастовке. Телеграмма гласила: «Сегодня, с 10 часов утра, объявлена всеобщая забастовка всех дорог и рабочих...»¹.

Для руководства забастовкой был создан 8 декабря в Екатеринославе Советом рабочих депутатов совместно с депутатским собранием Екатеринославской железной дороги Боевой стачечный комитет, который стал выпускать печатный орган «Бюллетень Боевого стачечного комитета». Объявив себя полноправным органом власти, Боевой стачечный комитет призвал рабочих и служащих Екатеринославской железной дороги к забастовке. 8 и 9 декабря на всех участках дороги — от Пятихатки до Зверева и Таганрога — началась забастовка. Она охватила рабочих и служащих депо и станций Екатеринослава, Нижнеднепровска, Долгинцева, Герянинова, Синельникова, Чаплина, Гришина, Ясиноватой, Авдеевки, Юзовки, Дебальцева, Алмазной, Алчевска и др. К рабочим и служащим дороги примкнули рабочие заводов, шахт и рудников.

Бастующие начали разоружать войска и полицию. Власть в большинстве мест района забастовки перешла в руки распорядительных и стачечных комитетов. Охрану железных дорог, заводов и шахт взяли на себя боевые рабочие дружины. Революционная борьба масс против неангажированного им самодержавия сразу же приняла грандиозные размеры.

На митингах рабочие и служащие принимали резолюции с лозунгом «Смерть или свобода». В резолюции, вынесенной на митинге рабочих, служащих и крестьян Горловки, говорилось: «Сегодня, 9-го декабря, в 9 часов вечера, по общему согласию станционных служащих, заводских и рудничных рабочих, мастеров, всех крестьян Горловского района в числе 5 тысяч человек решили осуществить всеобщую забастовку, дабы поддержать наших передовых борцов за свободу всего народа, дав клятву пасть костями или выйти победителями. Просим товарищи ж.-д., заводских, рудничных и всех районных подняться всем единодушно и сплотиться с нами, стать вместе для борьбы против правительства. Да здравствует полная гражданская свобода! Да здравствует народное правительство! Долгой

¹ Днепровский областной исторический архив НКВД УССР, фонд № 4, дело № 890, лист. 106.

правительство произвола и насилия! Служащие всех служб ст. Горловки, рабочие и крестьяне Горловского района»².

Росли и вооружались рабочие боевые дружины. Рабочие задерживали воинские поезда, разоружали солдат, полицию, забирали оружие, динамит, порох. Для обеспечения себя средствами на время восстания рабочие захватывали станционные кассы, задерживали артельщиков. Над рациональным использованием денежных средств был установлен твердый контроль. Для отпора правительственным войскам на многих станциях боевые дружины рабочих строили укрепления, возводили баррикады.

Полиция и местные власти были захвачены врасплох. «В Дебальцево, Ясиноватой, Авдеевке, Гришине засели боевые дружины, к которым примкнули крестьяне соседних сел, — писал исправник Федоренко. — Войска никак не могут соединиться, чтобы взять дружины. Телефон оборван. Многие чины полиции обезоружены»³.

Власти усиленно готовились к удару по восставшим рабочим. Первый бой рабочих вооруженных дружин с правительственными войсками произошел на станции Ясиноватая.

Для разоружения правительственных войск в Ясиноватую направились гришинские дружинники. В пути к ним присоединились дружинники Авдеевки. Прибывшие дружины совместно с рабочей дружиной станции Ясиноватая внезапно окружили роту капитана Коромышева, присланную на станцию для подавления революционных выступлений, и категорически предложили капитану и солдатам сдать оружие. Коромышев согласился на это требование, но, выйдя во двор, он, вместо того чтобы приказать солдатам сдать оружие, скормандовал: «В ружье!» Солдаты открыли огонь. Коромышев тут же был убит одним из дружинников. Рота после небольшой перестрелки сдалась. Трофеями дружинников были 54 винтовки с патронами. В тот же день рабочие телеграфировали в Екатеринославу Боевому стачечному комитету о своем успехе. Вечером дружинники возвратились в Гришино с пленными солдатами. Их встречали с ликованием. Поезд, в котором ехала дружина, был украшен красными флагами. Везде на его пути собирались толпы народа, приветствовавшие дружинников. Это была первая крупная военная победа пролетариев Донецкого бассейна в боевые декабрьские дни 1905 года.

² «Бюллетень Боевого стачечного комитета» № 2 от 12 декабря 1905 года.

³ Днепровский областной исторический архив НКВД УССР, фонд № 4, дело № 450, лист 15.

В Горловке за неделю до начала всеобщей политической стачки произошел конфликт рабочих Машиностроительного завода с дирекцией. Директор завода Лоэст объявил рабочим, что ввиду кризиса сбыта производство сокращается. Вместо десятичасового рабочего дня вводился шестичасовой с соответствующим уменьшением заработной платы. Этот скрытый локаут рабочие встретили организованным протестом. 2 декабря, на другой день после объявления Лоэста, на заводе, как указывается в обвинительном акте по делу о «вооруженном захвате станций на Екатеринбургской железной дороге в декабре 1905 года», было много разговоров, причем «рабочие сначала согласились работать на новых условиях, но затем их настроение резко изменилось...»¹. В тот же день на бурном собрании, состоявшемся в заводской столовой, рабочие под влиянием речей большевиков единодушно решили прекратить работу. Лоэст, стараясь запугать рабочих, вывесил дополнительное объявление, в котором предлагал тем рабочим, «которые не согласны работать по 6 часов, получить 17-го декабря полный расчет»².

В ночь с 8 на 9 декабря на станции Горловка была получена телеграмма о начале политической забастовки в Екатеринославе. В эту же ночь на станции, на заводе, в рудниках, шахтах и в поселке были расклеены напечатанные от руки объявления, в которых рабочие и служащие приглашались собраться 9 декабря, в 10 часов утра, на митинг в станционном здании. В назначенное время в зале 3-го класса состоялся многолюдный митинг, на котором было решено начать забастовку. Выступившие на митинге большевики и передовые рабочие призывали рабочих к вооруженному восстанию для свержения самодержавия. К железнодорожникам примкнули рабочие шахт и рудников. Политическая забастовка стала всеобщей.

Побывавший размах движения вызвал полную растерянность местных властей. В телеграмме, посланной на имя губернатора, исправник Федоренко писал: «В Горловке железнодорожные служащие пригласили рабочих завода на станцию и объявили политическую забастовку. Рабочие оставили работы и пошли на сходки. В Дебальцево такие же сходки. Следует ли препятствовать. В какой мере применять новый закон о стачках»³.

¹ Днепропетровский областной исторический архив НКВД УССР, фонд № 4, дело № 890, лист 119.

² Там же.

³ Там же, фонд № 4, дело № 480, лист 77. Здесь речь идет, очевидно, об указе от 29 ноября, предоставлявшем местным властям право объявлять исключительное

В тот же день, вечером, состоялся второй многолюдный митинг. На нем присутствовали рабочие окрестных рудников и шахт. Выступавшие большевики и беспартийные передовые рабочие призывали рабочих «к немедленной борьбе с правительством для неопровержения его, к отобранию земель заводов, рудников и фабрик у помещиков и капиталистов»⁴.

10 декабря власть в Горловке фактически перешла в руки избранного рабочими Распорядительного комитета. Комитет совещался по всем вопросам с делегатами от заводских и рудничных рабочих и руководителем движения — большевиком Ткаченко-Петренко. Дни 10 и 11 декабря прошли в многолюдных митингах, на которых большевики призывали горловских пролетариев к вооруженному восстанию. 10 декабря на пяти тысячном митинге рабочих и крестьян крупнейший руководитель горловского восстания Ткаченко-Петренко говорил: «Государственная дума никогда не соберется. Пользы от нее ожидать нельзя. Править государством должен сам народ через своих выборных, для чего и необходимо низвергнуть существующее правительство и созвать учредительное собрание, путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Вместе с тем, — говорил Ткаченко-Петренко, — правительство добровольно не откажется от власти, а потому народ должен таковую отобрать силой — путем вооруженной борьбы с правительством»⁵.

Чем сильнее обострялся революционный кризис, тем очевиднее становился оппортунистический характер тактики меньшевистской группы Горловского комитета РСДРП. В противоположность большевикам, доказывавшим рабочим необходимость свержения царского правительства путем вооруженного восстания и создания революционного правительства, меньшевики по вопросу о будущей государственной власти заняли явно антиреволюционную позицию, выставив по существу кадетский лозунг созыва представительного учреждения типа не то Земской думы, не то Государственной думы.

Воспользовавшись слабостью Боевого стачечного комитета и отъездом Ткаченко-Петренко в Енакиево, где он постоянно проживал и работал, горловские меньшевики в самый разгар подготовки к вооруженному восстанию начали разглагольствовать о том, что восстание несвоевремен-

но. положение «в случае железнодорожной или почтово-телеграфной стачки».

⁴ Днепропетровский областной исторический архив НКВД УССР, фонд № 4, дело № 890, лист 119.

⁵ Там же.

Сорвать забастовку и подготовку к вооруженному восстанию меньшевикам не удалось. Однако заводчики, воспользовавшись замешательством в рядах рабочих и выгадав время, добились присылки войск. 12 декабря, к вечеру, на станцию Горловка для подавления восстания прибыла 5-я рота Таганрогского полка.

В тот же день член Боевого стачечного комитета Снежко по настоянию рабочих послал телеграмму начальнику 33-й пехотной дивизии генералу Саенцкому, в которой предлагал «немедленно удалить войско со станции Горловка во избежание кровавых столкновений»¹. 13 декабря, вечером, под шум и свист рабочих рота ушла на станцию Пикитовка. После удаления солдат члены Боевого стачечного комитета повели усиленную подготовку к вооруженному восстанию. Весть о создании боевых дружин в Гришине, Дебальцево, Авдеевке, успех дружинников в Ясиноватой еще больше воодушевили рабочих. 13—14 декабря члены комитета продолжали собирать деньги на покупку оружия. Рабочие тем временем ковали пика, ремонтировали огнестрельное оружие.

14 декабря в Горловку снова приехал Ткаченко-Петренко. Рабочие встретили его исключительно тепло. В беседе с ними он рассказал о подготовке к вооруженному восстанию рабочих Петровских заводов и призывал рабочих действовать уверенно и решительно. Члены Боевого стачечного комитета в тот же день выехали в Таганрог для покупки оружия. Все готовились к решительной схватке.

Осведомленные через своих посланцев о действиях рабочих, крестьяне стали готовиться к восстанию и разделу между собой земель помещиков. 9 декабря началось движение крестьян в экономии Пикольское у землевладельца Корпы. 10 декабря крестьяне экономии Чихачева на митинге постановили присоединиться к крестьянскому союзу и разделить помещичьи земли. Такие же приговоры были вынесены крестьянами деревень Червоневки, Сербаневки и др.

14 декабря Федоренко доносил губернатору о начале «аграрных беспорядков» в экономии Баптыша и о том, что крестьяне деревни Копыловки готовятся к разгрому имения великого князя Михаила Николаевича.

Приближалось 16 декабря. В этот день Лоэст должен был произвести расчет рабочих. Не желая приступать к работе на кабальных условиях, рабочие собрались у завода и решили заставить директора от-

казаться от предложенных им условий. Около 11 часов утра группа рабочих во главе с кузнецом Евтушенко прибыла в кабинет директора для переговоров. Лоэст категорически отказался вступать с ними в какие-либо переговоры и вызвал войска. До появления солдат и драгун рабочие в количестве 600 человек заняли контору завода и заставили перепуганного директора отказаться от его прежних распоряжений. Неожиданно для рабочих на территории завода появились войска. Они окружили контору, в которой находились директор и делегаты от рабочих. Командовавший солдатами капитан Угринович и пристав Немировский потребовали немедленно удаления рабочих за пределы завода и освобождения Лоэста, угрожая в противном случае открыть огонь. Рабочие в свою очередь заявили, что они обеспечат безопасность Лоэста при условии, если войска гарантируют им бесприпятственный уход с территории завода.

Насмерть перепуганный Лоэст стал звонить по телефону Немировскому и упрямивать его не препятствовать выходу рабочих. Немировский пообещал исполнить его просьбу. Однако, когда рабочие вместе со своими делегатами стали выходить, пристав потребовал от них выдачи делегатов. Началось замешательство. Воспользовавшись этим, Лоэст быстро перебежал на сторону солдат. Солдаты по приказанию Угриновича и Немировского тут же открыли по рабочим огонь. Около 10 человек было убито, более 20 смертельно ранено².

Весть о кровавой расправе над рабочими быстро облетела Горловку и весь Донбасс. Спустя 2 часа после этих событий Боевой стачечный комитет разослал по всем станциям Екатеринбургской железной дороги телеграмму, в которой писал:

«Боевой дружины. Мы все без оружия. Требуем немедленной помощи со всех сторон. Комитет»³.

По получении телеграммы на большинстве станций, заводов, шахт рабочие по тревожным гудкам прекращали работу, собирали оружие, готовились к отъезду на помощь товарищам. Миронов, рабочий быв-

² Там же, фонд № 4, дело № 462, лист 71. «Дознание о Николае Семенове Торопове», конторщике станции Дебальцево, принимавшем участие в забастовке 8—20 декабря».

Сведения о количестве убитых противоречивы. Исправник Федоренко доносил губернатору, что 16 декабря было убито три человека, а ранено девять. Эти цифры явно преуменьшены. См. там же, фонд № 4, дело № 480, лист 9.

³ Там же, фонд № 4, дело 890, лист 121.

¹ Днепропетровский областной исторический архив НКВД УССР, фонд № 4, дело № 890, лист 119.

шего Петровского завода, в своих воспоминаниях пишет: «Примерно около часу дня 16-го было сообщено, что в Горловке стреляют в рабочих. На заводе и рудниках загудели тревожные гудки. Рабочие прекратили работу и с оружием отправились к вокзалу. Кузнецы стали спешно готовить пики из стали и железа»¹.

16 декабря в сумерках на станцию Горловка стали прибывать поезда с боевыми дружинами рабочих. Из опасения, что солдаты будут стрелять, в большинстве вагонов был потушен свет.

Первой в Горловку прибыла боевая дружина Петровского завода со станции Харцизск. Она заняла вокзал и разоружила жандармов. Вслед за ней прибыли дружины из Ясиноватой, Дебальцева и с Юрьевского завода. Поездом из Харцизска прибыли «комитетчики» (так называли членов комитета), едущие за оружием. В течение вечера и ночью 16 декабря на станцию Горловка прибыло 8 поездов с боевыми дружинами и санитарными отрядами. Поезда всюду осаждались рабочими, желавшими ехать в Горловку.

Общая численность рабочих, собравшихся в Горловку из различных пунктов Донбасса для участия в вооруженной борьбе с царскими войсками, доходила до 4 тысяч человек. Дружинники были плохо вооружены. Менее 150 из них имели винтовки, у 400 человек были берданки и охотничьи ружья. У остальных было холодное оружие: пики, кинжалы, кастеты.

17 декабря, в 7 часов утра, прибыли лучшие других вооруженные авдеевские и гришинские дружины. С их прибытием настроение дружинников резко поднялось. Было решено немедленно начать наступление на казармы. По распоряжению штаба дружинников вооруженный отряд, который должен был нанести главный удар противнику, занял территорию и надшахтное здание шахты № 1, из которого удобно было обстреливать казармы. Два слабее вооруженных отряда под командой членов стачечного комитета Гречнева и штейгера Гуртового, пройдя ведущую от казарм Салдовую улицу, заняли прилегающие дворы, из-за заборов которых были довольно хорошо видны казармы.

Вместе с дружинниками и впереди них находились большевики. Меньшевики куда-то спрятались, их не было среди участников боя.

В 9 часов начался бой. Первым открыл огонь отряд Гуртового. Несмотря на то что казармы были хорошо подготовлены к защите, среди солдат после первых же вы-

¹ «На баррикадах 1905 года. Воспоминания участников революционных событий 1905 года в Енакиеве и Горловке», стр. 77.

стрелов началась паника. Опасаясь полного разгрома, капитан Угринович под прикрытием драгун вывел 3 роты пехоты за пределы казарм и отступил в степь.

Оттеснив драгун, дружинники заняли казармы. Тут они допустили непростительную ошибку: не стали преследовать отступавшего противника и тем самым дали возможность Угриновичу перегруппировать свои силы. Получив подкрепления, Угринович «повел правильное наступление на Горловку»².

Дружинники открыли огонь по противнику. Начался бой. Несмотря на превосходство войск позиция не раз переходила из рук в руки. В неравном бою дружинники показали изумительные образцы храбрости. Там, где они не в силах были выбить противника плохо стрелявшими берданками, они переходили в атаку и выбивали врага пиками. Погибших дружинников заменяли женщины, которые сражались не менее храбро чем мужчины.

К 4 часам дня, после тяжелого восьмичасового боя, изнуренные дружинники были вынуждены оставить позицию.

Контрреволюция торжествовала. Извещая «о блестящей победе» над дружинниками, исправник Федоренко сообщал губернатору: «В Горловке войсками убито около 300 дружинников. Нападало свыше 4 тысяч. Солдат убито 3, ранено 12. Потери полиции не выяснены. Ранен городской и околоточный. Отнято до 7 тысяч патронов, свыше 300 пик, много ружей, винтовок, револьверов, бомб. Бой длился 6 часов»³.

После захвата казарм войска начали обстреливать Горловку. На протяжении нескольких дней обстреливались здания, железнодорожная колея, делегатские поезда, телеграф и т. д. Кварты рабочих были охвачены пламенем. Власти и полиция разбежались. Прибывший 19 декабря для «водворения порядка» предводитель дворянства Бантыш писал: «В Горловке пол-

² Днепропетровский областной исторический архив НКВД УССР, фонд № 4, дело № 890, лист 121.

³ Там же, фонд № 4, дело № 480, лист 1.

Сведения о количестве убитых дружинников противоречивы. Это даже вызвало длинную переписку Нейдгарта с министерством внутренних дел. Прибывший 19 декабря на место событий предводитель дворянства Бантыш писал губернатору, что «в разных зданиях лежит 21 труп и серьезно ранено 30. Объясняется это тем, что дружинники успели уже многих погибших развезти по станциям и шахтам». Губернатор писал, что наиболее точные сведения даны Федоренко. См. там же, дело № 4, дело № 480, лист 71, и фонд № 4, дело № 475, лист 107.

Группа заключенных рабочих — участников горловского восстания.
Днепропетровский областной исторический архив.*

ная анархия, позиции и судебных властей нет»¹.

17 декабря 1905 года председатель совета министров Витте в записке на имя Николая II писал: «Екатеринославская дорога находится в руках мятежников. Они распоряжаются движением. По моему мнению, необходимо послать туда решительного генерала с теми же инструкциями и полномочиями, какие даны генералу Ренненкампуф относительно Сибирской железной дороги. Это необходимо сделать безотлагательно, иначе закроются массы заводов, и часть России останется без топлива...»².

18 декабря весь Бахмутский уезд был объявлен на военном положении. Однако усмирить восставший пролетариат было нелегко. Только после подавления вооруженного восстания в Москве, Ростове, Екатеринославе правительство могло приступить к подавлению вооруженного восстания в Донбассе. В район восстания начали стягиваться войска. 18 декабря сюда был направлен весь Симферопольский полк. Несколько позднее Витте приказал губернатору направить дополнительно еще 4 сотни казаков и 2 роты пехоты. Получив подкрепления, войска 20 декабря снова перешли в наступление. Они двигались с двух сторон: из Екатеринослава на Гришино и из Харькова на Горловку и Дебальцево. 20 декабря войска заняли Горловку. 21 декабря было занято Дебальцево. 22 декабря буржуазные газеты торжественно сообщали о взятии Гришина. «Выступивший из

Екатеринослава летучий отряд в составе четырех рот, под командой подполковника, занял 21-го декабря станцию Гришино — главный укрепленный пункт центрального стачечного комитета Екатеринославской дороги, захвачено много оружия, 300 пудов динамита и некоторые главари»³.

В тот же день, сломив отважное сопротивление дружинников, войска заняли станцию Енаклево. Вскоре были заняты и другие пункты восстания. Начались массовые аресты и избиения участников восстания. Восставшие оказывали сопротивление озверевшим жандармам и полиции. 20 декабря в совершенно секретном, адресованном лично в руки генерал-губернатору рапорте Федоренко писал: «Подполковник Пахалович не решается делать ареста без достаточной воинской силы. А именно двух рот пехоты и сотни казаков»⁴.

Командующий карательными отрядами предупреждал рабочих: «Захваченные с оружием в руках или нарушающие мирную жизнь и продолжающие забастовки на железных дорогах, рудниках и заводах будут рассматриваться как бунтовщики. Командующий не остановится ни перед какими жертвами для подавления мятежного движения»⁵.

4

С помощью доносчиков, провокаторов и черносотенцев большинство активных участников восстания было арестовано. Их за-

¹ Днепропетровский областной исторический архив НКВД УССР, фонд № 4, дело № 480, лист 71.

² Е. М. Ярославский «Опыт политической массовой стачки и вооруженного восстания», «Историк-марксист» за 1930 год. Том XX, стр. 23.

³ Газета «Южный край» № 8652 от 22 декабря 1905 года.

⁴ Днепропетровский областной исторический архив НКВД УССР, фонд № 4, дело № 462, лист 62.

⁵ Газета «Южный край» № 8650 от 20 декабря 1905 года.

ключили в бахмутскую, луганскую, екатеринославскую тюрьмы. Подавляющее большинство составляли железнодорожные рабочие, шахтеры, крестьяне, служащие.

По делу о вооруженном захвате стаций Екатерипинской железной дороги в декабре 1905 года было привлечено к дознанию 300 человек. Из обвиняемых 43 человека, как указывалось в обвинительном акте, скрылись от суда. 132 человека были преданы военному суду. В отношении 120 человек военный суд и прокурорский надзор вынуждены были дело прекратить ввиду отсутствия улики. Министр Столыпин поручил ведение дела генерал-майору¹ Лопатину, известному своими кровавыми расправами над трудящимися.

7 ноября 1908 года, после трехлетнего томления в тюрьмах, обвиняемые предстали перед судом. Суд состоялся в Екатеринославе, в здании арестантского исправительного отделения. Заседания суда происходили при закрытых дверях, под усиленной охраной. Наибольшее внимание суд уделил руководителю восстания донецких пролетариев литейщику Ткаченко-Петренко.

Григорий Федорович Ткаченко-Петренко родился в 1882 году в местечке Богуславе, Биевской губернии. Пятнадцатилетним юношей он поступил на завод, в литейный цех, учеником. Уже в это время он сблизился с социал-демократической молодежью. В 1899 году Ткаченко-Петренко приехал в Екатеринослав. Весной 1900 года он поступил литейщиком во вновь открытый Бельгийский металлургический завод в Нижнеднепровске. Здесь впервые началась его боевая революционная деятельность. В 1902 году Ткаченко-Петренко вступил в РСДРП. В 1903 году за активное участие в подготовке забастовки рабочих на Гартмановском заводе в Луганске Ткаченко-Петренко впервые был арестован. Из тюрьмы его выпустили только в 1904 году. В сентябре того же года он поступил литейщиком на Петровский завод в Енакиеве. В конце того же года Ткаченко-Петренко был арестован и просидел в тюрьме до 28 октября 1905 года, когда была объявлена амнистия политическим заключенным. С этого момента до своего последнего ареста он организовывал боевые дружины, доставку оружия, готовил рабочий класс Донбасса к вооруженному восстанию. В начале 1906 года Ткаченко-Петренко был вновь арестован и посажен в екатеринославскую тюрьму, где он сидел до дня казни.

В справке, посланной в департамент полиции для Столыпина, Ткаченко-Петренко была дана следующая характеристика: «Ткаченко-Петренко Григорий, литейщик, был один из главных агитаторов на Петровских заводах. Устраивал собрания в училище, на заводе и в гостинице, где про-

износил зажигательные речи о необходимости низвергнуть существующее правительство, созвать учредительное собрание и поставить во главе правления выборных от народа. Под видом самообороны учредил из рабочих и жителей поселка боевую дружину, которую снабдил оружием. Собрал деньги на забастовочный фонд, на приобретение оружия. Когда началась железнодорожная забастовка, уехал в Горловку, где агитировал среди рабочих и железнодорожных служащих, доказывая о необходимости свержения самодержавия. На митингах, 10 и 11 декабря в Горловке в речи говорил: «Долой самодержавие и министров». Вернувшись в Енакиево, руководил рабочими, захватившими в свою пользу станцию Енакиево. 17 декабря, во время боя дружинников с войсками раз'езжал по окрестным селениям, собирая для них хлеб и другие продукты. 20 декабря уговаривал отца убитого в Горловке рабочего Апостолова хоронить сына без священника с пением революционных песен, а затем, утешая его, говорил: «Не плачь, старик, мы свое возьмем». При обыске после ареста найдены бумажка с заметками о пожертвовании в пользу «Потемкинцев» и петербуржцев, бумажка с заметкой следующего содержания: «141 рубль 18 копеек для пожертвования, 123 рубля остаток,—организации, всего 264 рубля 18 копеек». Квитанция о сдаче телеграммы в Москву и 4 различных заметки. По показаниям свидетелей у него в номере хранились для распространения на заводе и в окрестностях тюки прокламаций нелегальных изданий. Уже после ареста, находясь в кордегардии, демонстративно с другими заключенными распевал революционную марсельезу»¹.

Во время процесса среди обвиняемых образовались две группы: последовательные революционеры, которые мужественно вели себя на суде, и изменники. Поведение последних нашло себе достойную оценку в письме, которое Ткаченко-Петренко прислал из тюрьмы в газету «Социал-демократ» № 2 от 23 (10) февраля 1909 г. «Свидетели показывают,—пишет Ткаченко-Петренко,—очень сносно, но обвиняемые, явившись с воли, оказались в большинстве членами союза истинных русских². К ним примкнула большая часть бывших якобы партийных «передовых» с интеллигенцией и затеяла подачу поздравительной телеграммы ко дню рождения Николая, 6-го декабря и отслужили молебен в этот день... нас 28 человек не присоединились к затее и остались при своем взгляде...»

¹ Днепровский областной исторический архив НКВД УССР, фонд № 4, дело № 890, лист 127.

² Речь идет о черносотенной организации «Союз русского народа».

Группа рабочих — участников горловского восстания. Сидит (справа) Ткаченко-Петренко.

Днепропетровский областной исторический архив.

После молебна изменники приветствовали «здравием» пачальство и произносили настолько гнусные речи, что Ткаченко-Петренко не захотел их излагать. «Из-за стыда и боли, переживаемых мною сейчас, не могу повторить, ибо эти слова выходили из уст бывших партийных интеллигентов с. д. и с. р.»¹.

19 декабря, в 3 часа пополудни, был вынесен приговор. Выполняя указания вешателя Столыпина, военный суд приговорил 32 человек, в том числе и Ткаченко-Петренко, к смертной казни через повешение. К бессрочной каторге были приговорены 12 человек, к каторге от 3 до 8 лет — 28 человек.

Приговор суда рабочие встретили мужественно. В заключительном слове Ткаченко-Петренко заявил суду:

«Мы знаем, что вы палачи нас повесите, но мы знаем за что погибаем»². «Мы

предпочитаем лучше быть замученными в тюремном подземелье — карцере, или быть расстрелянными, чем стать предателями нашему общему делу. О, нет. Враги наши этого не дождутся», — писал он от имени приговоренных к повешению³.

Жестокый приговор суда вызвал у рабочего класса России единодушное негодование. Под нажимом массовых протестов царское правительство вынуждено было заменить части приговоренных казнь каторгой.

В екатеринославской тюрьме остались только смертники. Среди них также нашлись изменники. Меньшевики, не помилованные царским правительством, подавали на «высочайшее имя» просьбы о помиловании. «Из числа 28, которые были против ходатайства о помиловании, остались только 18 человек, — писал в предсмертном письме Ткаченко-Петренко, — но по всей вероятности еще найдутся, которые пристанут к большинству, которые обращаются к разным епископам. Эти 18 человек разных убеждений... Да я уважаю людей различных убеждений, если они действительно убеждены и имеют человечество, но пустомолов, прикрывающихся тенью какого-либо идеала, я терпеть не могу»⁴.

Ткаченко-Петренко и его товарищи встретили смерть, как подобало встретить ее людям, отдавшим всю свою жизнь, все свои силы за великое дело социализма. «Рабочих возлей, — писала в некрологе большевистская газета «Пролетарий». — не сломало испытание. Бесстрашно пошли они на смерть. Их повесили... Но они живы... Живы в памяти пролетариев, в неослабляющейся пролетарской борьбе...»⁵.

Причины поражения восстания в Донбассе были те же, что и общие причины поражения пролетариата в первой буржуазно-демократической революции.

Для донецких пролетариев участие в вооруженном восстании было генеральной ретивней дальнейшей борьбы против буржуазии. На опыте горловского восстания донецкие рабочие лишний раз убедились в том, что меньшевики — предатели революции. Для рабочих масс всего Донецкого бассейна стало ясным, что только партия большевиков способна сплотить и организовать пролетариат всей России и привести его к полной победе над буржуазией и помещиками.

³ Газета «Социал-демократ» № 2 от 10 февраля 1909 года.

⁴ Письмо Ткаченко-Петренко от 29 декабря 1908 года. Журнал «Летопись революции» № 3 за 1927 год, стр. 216.

⁵ Газета «Пролетарий» орган Петербургского и Московского комитетов РСДРП. № 49 от 3(16) октября 1909 года.

¹ Газета «Социал-демократ» № 2 от 23(10) февраля 1909 года.

² «На баррикадах 1905 года. Воспоминания участников революционных событий 1905 года в Вязьмине и Горловке», стр. 29.

Чехословацкий мятеж

Во время первой мировой империалистической войны чехи и словаки, мобилизованные австрийским правительством на восточный фронт против русских войск, не хотели сражаться за чуждые им интересы австрийской монархии и целыми частями сдавались в плен.

После февральской буржуазной революции в России приехал один из лидеров чехословацкого буржуазно-националистического движения — проф. Т. Г. Массарик. Он начал переговоры с Временным правительством о формировании регулярных воинских частей из военнопленных чехов и словаков, которых к этому времени насчитывалось в России около 50 тысяч человек. Массарик рассчитывал создать в глубине России армию будущей Чехословацкой республики, а участием этой армии в войне на стороне Антанты купить самостоятельность Чехословакии.

Временное правительство приняло предложение Массарика. К концу мая 1917 года в районе Киева была сформирована 1-я чехословацкая бригада, развернувшаяся скоро в 1-ю пехотную дивизию. В этот же период в Киеве было основано отделение чехословацкого Национального совета, ставшее штабом чехословацких войск.

Позднее была сформирована 2-я чехословацкая дивизия. К концу 1917 года дивизии были сведены в корпус, представлявший внушительную военную силу.

Представители Франции (Альбер Тома) и чехословацкого Национального совета (Массарик) договорились с Временным правительством о переброске корпуса в Западную Европу, где союзники рассчитывали использовать его против Германии. Однако мероприятие это не было осуществлено до Октябрьской социалистической революции, а после того как в России установилась диктатура пролетариата, союзники изменили первоначальный план и предназначили чехословацкому корпусу роль передового отряда в военной интервенции против Советской республики.

По свидетельству чехословацкого офицера Черенского, уже в конце ноября 1917 года на совещании в Яссах (Румыния) представители Антанты ставили во-

прос об использовании корпуса для «выступления против большевиков»¹.

Одновременно аналогичные переговоры велись в Киеве с русским отделением чехословацкого Национального совета. Англо-французы не останавливались даже перед обещанием предоставить чехословацкому народу «независимость». Буржуазный Национальный совет тем охотнее шел на союз с интервентами, что Антанта обещала признать его полноправным правительством будущей Чехословацкой республики. Англия и Франция щедро оплачивали услуги своих наемников. В течение 3 месяцев Национальный совет получил от английского и французского правительств около 15 миллионов рублей.

Чехословацкое командование занималось контрреволюционной обработкой солдат, прививало им ненависть к советской власти. Оно ежедневно по всякому поводу внедряло им в голову мысль о том, что советское правительство намерено выдать корпус немцам. Заключение брестского мира между Советской республикой и Германией командование корпуса не использовало для того, чтобы запугать и озлобить легионеров. Чехословацкие солдаты, зная, что в Австро-Венгрии их ожидает военно-полевой суд, серьезно тревожились за свою судьбу. Поддерживая эту тревогу распространением провокационных слухов, контрреволюционное офицерство отравляло сознание солдат и подготовляло почву для мятежа.

Солдатам было заявлено, что в случае вооруженного выступления против Советов им будет немедленно повышено жалование с 5 до 200 рублей в месяц на всем готовом. Им сулили пожизну от грабежа советских городов. Эти обещания сблазили морально неустойчивые, деклассированные элементы среди чехословацких солдат.

Но одни эти меры не могли еще толкнуть чехословацкий корпус на выступление против советской власти. Революционные события в России не могли не действовать на сознание чехословацких солдат. Наиболее передовые из них вступали в коммунистическую партию и вели рево-

¹ Б. Шмераль «Чехо-словаки и эсеры», стр. 9. М. 1922.

люционную работу в чехословацких отрядах. Готовясь к мятежу, командование корпуса всеми мерами старалось «изолировать» солдат от большевистского влияния. «Национальный совет, — пишет один из чехословацких коммунистов, — ввел в армии суровую дисциплину, запретил всякую литературу, кроме своей, и стал воспитывать солдат в духе национально-шовинистическом»¹.

Все заподозренные в большевизме изгонялись из корпуса. Около 4 тысяч бывших военнопленных, исключенных из чехословацких частей за «неблагодарность», вступили добровольцами в Красную Армию и сражались за советскую власть. Вернувшись впоследствии на родину, они заложили там основу Чехословацкой коммунистической партии.

Изгоняя из рядов корпуса чехословаков-коммунистов, Национальный совет в то же время с распростертыми объятиями принимал к себе русских белых офицеров. В результате в корпусе оказался очень высокий процент командного состава: на каждые 16 солдат приходился 1 офицер. 3125 офицеров держали солдатскую массу в ежовых рукавицах.

По замыслам империалистов, контрреволюционное выступление чехословаков должно было быть тесно связано с интервенцией. По свидетельству Ллойд-Джорджа, первоначальный план перемещения чехословаков союзниками заключался в переброске их корпуса в район Мурманска². К этому времени Мурманск был фактически оккупирован англичанами и французами.

9 марта 1918 года при преступном попустительстве председателя Мурманского совета Юрьева (Алексеева), действовавшего по указке изменника Троцкого, англичане беспрепятственно высадили в Мурманске с крейсера «Глори» десант в составе 200 солдат с 2 орудиями. Через пять дней в Мурманск прибыл второй английский крейсер «Кокрейн», а еще через три дня — французский крейсер «Адмирал Об».

Узнав о высадке десанта, товарищ Сталин от имени Ленина и от своего имени по прямому проводу: «Наличие своих войск в Мурманском районе и оказавшую Мурману фактическую поддержку англичане могут использовать при дальней-

шем осложнении международной конъюнктуры, как основание для оккупации»³.

Несмотря на прямые и неоднократные предупреждения Ленина и Сталина, Юрьев продолжал выполнять предательские задания Троцкого. Фактическими хозяевами Мурманска стали англо-французские интервенты. В связи с этими событиями стало ясно, что эвакуация чехословацкого корпуса через Мурманск грозит величайшей опасностью для советской власти. В случае соединения чехословаков с интервентами на Севере под удар ставились жизненные центры Советской республики. Поэтому, когда представители чехословацкого Национального совета обратились 13 марта 1918 года к советскому правительству с просьбой разрешить чехословакам выехать во Францию через Мурманск, им был предложен путь через Дальний Восток.

Вместе с этим Совет народных комиссаров непременным условием передвижения корпуса ставил частичное разоружение чехословацких солдат. По договору от 26 марта 1918 года чехословакам оставлялось 168 винтовок и 1 пулемет на каждый эшелон. На винтовку полагалось иметь 300 патронов, на пулемет — 1200.

26 марта товарищ Сталин по прямому проводу сообщил представителям чехословацкого корпуса:

«Совет народных комиссаров считает предложение чехословацкого корпуса справедливым и вполне приемлемым при непременном условии немедленного продвижения эшелонов по направлению к Владивостоку и немедленного устранения контр-революционного командного состава.

Чехословаки продвигаются не как боевые единицы, а как группа свободных граждан, берущих с собою известное количество оружия для своей самозащиты от покушений со стороны контр-революционеров. Совет народных комиссаров поручает Пензенскому совету... сменить всех старых комиссаров и назначить новых надежных для сопровождения до Владивостока с тем, чтобы комиссары эти охраняли целостность чехословаков как организованного целого и систематически осведомляли Совет народных комиссаров обо всех происшествиях с продвижением чехословаков.

Соответственная телеграмма будет разслана Советом народных комиссаров всем заинтересованным Совдепам.

Передайте чехословакам, что Совет народных комиссаров готов оказать им всякое содействие на территории России при

¹ Газета «Вперед», орган Уфимского губкома РКП(б), №№ 105 и 106 за 1918 год.

² Давид Ллойд-Джордж «Военные мемуары». Т. VI, стр. 83. Соцэкгиз. М. 1937.

³ К. Е. Ворошилов «Сталин и Красная Армия», стр. 166. 2-е изд. Партиздат. 1937.

условии их честной и искренней лояльности.

По поручению Совета народ[ных] комиссаров Сталин».

Чехословацкое командование приняло условия советского правительства, и чехословаки двинулись с Украины на Дальний Восток.

Украина, Крым, почти весь юг республики были оккупированы кайзеровскими войсками; Мурманск занят англичанами и французами. Оставались свободными Архангельск и Дальний Восток. Переброска корпуса через Архангельск способствовала бы осуществлению тайных планов англо-французских империалистов. Союзники не думали увозить чехословаков во Францию. «Для меня совершенно ясно, — пишет в своих мемуарах американский генерал Грэве, — что до 28 мая 1918 г. не существовало планов переброски чехов на Западный фронт»¹. Тем более не могло быть речи о таких планах после 28 мая, когда контрреволюционный мятеж чехословацких войск уже начался.

О том, как англо-французы хотели использовать чехословацкий корпус, Ллойд-Джордж сообщает следующее:

«В то время (в начале мая. — Н. С.) чехословацкие войска в Сибири насчитывали около семидесяти тысяч человек (цифра несколько преувеличена. — Н. С.); из них двадцать тысяч двинулись к Владивостоку, а остальные пятьдесят тысяч находились в Западной Сибири. Союзники считали, что если мы поможем им пробиться в Северную Россию, они смогут присоединиться к нашим силам и помогут нам воссоздать антигерманский фронт на востоке»².

Ллойд-Джордж откровенно признает, что «план о соединении с чехо-словаками в Северной России требовал оккупации Архангельска»³.

Из этих слов Ллойд-Джорджа можно заключить, что союзники под предлогом защиты русской территории от германского вторжения намеревались захватить Архангельск и совместно с чехословацкими войсками выступить против Советской России.

Таким образом, англо-французский десант в Архангельске и чехословацкий мятеж являлись неразрывными частями одного и того же плана военного нападения на Советскую республику.

В исторической литературе, как советской, так и зарубежной, широко распро-

странено мнение о том, что в начале мая советское правительство по собственной инициативе предложило союзникам изменить маршрут движения чехословацкого корпуса (вместо Владивостока на Архангельск).

Обычно ссылаются при этом на телеграмму народного комиссара иностранных дел, посланную в начале мая 1918 года омскому отделению чехословацкого Национального совета (см. В. Голдчек «Чехословацкие войска в России», стр. 29—30; Ф. Попов «Чехословацкий мятеж в Самарская уездилка». Куйбышев. 1939; БСЭ. Т. 61, статья «Чехо-словацкий мятеж»)⁴.

Нам кажется, что это мнение недостаточно обосновано.

После того как чехословацкие эшелоны двинулись на Дальний Восток, именно агенты англо-французских империалистов всячески старались изменить их маршрут и двинуть их на Север. С этой целью союзники с помощью Троцкого добились посылки указанной выше телеграммы Наркоминдела. О том, что инициатива в этом деле исходила от дипломатических миссий союзников, свидетельствует письмо представителя чехословацкого Национального совета в Вологде Старка от 9 мая 1918 года омскому отделению Национального совета. В письме сообщалось: «...не только телеграмма народного комиссара по иностранным делам Чичерина, на основании которой наши эшелоны, находящиеся пока на западе от Омска, направляются на Архангельск и Мурман... но и посещение генерала Огород и помощника председателя Чермака⁵ возникли благодаря влиянию союзников... Намерение союзников — направить нас на Запад — неизвестно посылкам, находящимся в Иркутске. Это известно лишь 4—5 лицам и непременно должно оставаться тайной: этого требует интерес самого вопроса, и от этого может зависеть успех»⁶.

Проводя эту иезуитскую политику, англо-французские империалисты хотели, во-первых, добиться путем негласного нажима изменения маршрута движения корпуса в выгодном для них направлении, т. е. на Архангельск, и, во-вторых, использовать изменение маршрута эшелонов для того,

⁴ Такой же точки зрения придерживается В. Гармиза в статье «Из истории Самарской уездилки». См. «Исторический журнал» № 5 за 1940 год, стр. 34.

⁵ Речь идет о посещении Троцкого представителем чехословацкого Национального совета.

⁶ В. Владимирова «Год службы «социалистов» капиталистам», стр. 224. Гиз, 1927.

¹ Грэве «Американская авантюра в Сибири», стр. 31. Военгиз, 1932.

² Давид Ллойд-Джордж «Военные мемуары», Т. VI, стр. 83.

³ Давид Ллойд-Джордж «Военные мемуары», Т. II, стр. 84.

чтобы спровоцировать чехословацких солдат на антисоветское выступление.

Как видно из ряда документов Старка, в лице предателя Троцкого интервенты нашли себе ревностного помощника. В начале мая 1918 года Троцкий принял представителя чехословацкого корпуса Вячеслава Нейберта, которому сообщил, что он, Троцкий, обратился через представителя Национального совета Макса и Чермака к союзникам с предложением перебросить чехов через Архангельск и Мурманск.

В этой же беседе Троцкий вопреки указанию Совета народных комиссаров о том, что чехословацкие войска должны продвигаться не как боевые единицы, а как группа свободных граждан, обещал Нейберту, что все чехословацкие части, «которые пожелают уехать, выедут в том виде, в каком они находятся сейчас, т. е. как сформированные боевые единицы». Этим самым Троцкий услужливо давал интервентам лишний повод для провокации, так как всякое противоречие в директивах из Москвы использовалось командованием корпуса для возбуждения солдат. Стремление же Троцкого направить чехословацкие эшелоны в Архангельск совпадало с планами интервентов.

«Неофициальный» представитель английского правительства, известный шпион Доккарт, с удовлетворением писал представителю США полковнику Робинсу о том, что Троцкий «согласился послать чешский корпус в Мурманск и Архангельск».

Если учесть, что англо-французские империалисты приурочивали к мятежу чехословацкого корпуса контрреволюционные выступления эсеров, «левых коммунистов» и белогвардейцев в Москве, Ярославле, Вологде и целом ряде поволжских городов, то станет ясно, что готовил Троцкий Советской республике своими преступными директивами о посылке чехословаков на Север. Мятеж чехословацкого корпуса неминуемо слился бы с эсеровско-белогвардейскими мятежами в Поволжье, что, в свою очередь, облегчило бы объединение мятежников с интервентами на Севере. Фронт протянулся бы от Архангельска до Царицына, отрезая Урал, Поволжье, Сибирь и угрожая сердцу Советской республики—Москве.

Именно о создании такого фронта и мечтали интервенты. Не случайно поэтому, что после мятежа чехословацкие эшелоны немедленно повернули на запад, причем одна колонна наступала в направлении Екатеринбург—Пермь—Вятка, а другая — к Волге и дальше на север, к Симбирску и Казани.

Представители Антанты всячески торопили чехословаков с захватом Волги. Французский представитель при чехословацком

военном совете Гина на общем собрании военных руководителей заявил, что, «согласно союзному плану, нам необходимо продолжать наши завоевания на Волге, для создания и удержания в своих руках волжского фронта до той поры, пока не придут союзники, а союзники, по его словам, должны были подойти очень скоро. Это вполне отвечало тому плану, который был выработан союзными и русскими организациями в Москве... В целях союзников и России нам необходимо торопиться с взятием города Симбирска, Казани, а также и Саратова».

Целый ряд фактов, связанных с подготовкой интервенции, не был тогда еще известен советскому правительству. Это, однако, не помешало Ленину и Сталину, исходя из анализа международной и внутренней обстановки, наметить единственно правильные для того момента мероприятия. В начале апреля товарищ Сталин по поручению Совета народных комиссаров вторично разъяснил работникам Центросибиря¹, что в Архангельск пускать чехословаков нельзя. Единственным путем для переброски чехословаков оставался Дальний Восток. В конце марта 1918 года там еще не были высажены иностранные десанты, а внутренняя контрреволюция, по выражению товарища Сталина, была пришиблена. Однако положение вскоре резко изменилось. 4 апреля 1918 года во Владивостоке был высажен японский десант. В связи с этим 7 апреля Ленин при непосредственном участии Сталина дал следующую директиву Владивостокскому совету:

«Мы считаем положение весьма серьезным и самым категорическим образом предупреждаем товарищей. Не делайте себе иллюзий: японцы наверно будут наступать. Это неизбежно. Им помогут все без изъятия союзники. Поэтому надо начинать готовиться без малейшего промедления и готовиться серьезно, готовиться изо всех сил. Больше всего внимания надо уделить правильному отходу, отступлению, увозу запасов и жел.-дор. материалов»².

Одновременно советское правительство разработало ряд мер для предотвращения чехословацкого мятежа, но маршрут движения корпуса оставался прежним. Меры, которые необходимо было применить к че-

¹ Центросибирь — Центральный исполнительный комитет Советов Сибири, избранный на I общесибирском съезде Советов в апреле 1917 года. В начале 1918 года власть во всех крупных сибирских городах находилась в руках Центросибиря, являвшейся высшим органом советской власти в Сибири.

² В. И. Ленин «Из эпохи гражданской войны», стр. 32. Партиздат. 1934.

чехословакам, были указаны в телеграмме товарища Сталина, посланной в Красноярск 9 апреля 1918 года на имя Вейнбаума¹. Товарищ Сталин телеграфировал: «Распоряжение о пропуске чехословацких эшелонов при условии оставления при них минимального количества оружия было дано от имени Совнаркома при иных условиях, когда не было японского десанта, а контрреволюция в Сибири была пришиблена. Теперь после десанта положение изменилось. Теперь необходимо полное разоружение эшелонов и отпуск их на восток только маленькими частями и с перерывами, ни в коем случае не вместе. Все дело в том, что чехословаки рассматривают себя как французскую армию, а союзники смотрят на них как на немецких военнопленных, ища в них повода к вмешательству. В Архангельск их нельзя. Разъясните все это чехословакам и неуклонно проводите эту линию. Другого пути нет. В Пензу передадим ваше требование. Сталин»².

На запрос Центросибири о том, как должны относиться местные Советы к отдельным вооруженным чехословацким отрядам, тов. Сталин от имени Совнаркома ответил, что в Российской республике не может быть вооруженных отрядов кроме советских и рекомендовал предложить местным Совдепам разоружить их»³.

Выполнение мероприятий, намеченных директивой товарища Сталина, требовало от местных советских и партийных организаций напряжения всех сил и ресурсов, энергичных и решительных действий.

Однако часть местных организаций не проявила должной оперативности, понадеявшись на помощь центра, а некоторые Советы (Пензенский и в особенности Сызранский) допустили грубейшие извращения директивы товарища Сталина.

Между тем англо-французы и командование чехословацкого корпуса лихомерно готовились к выступлению. Ни одно из условий договора с советским правительством не было выполнено. Контрреволюционный командный состав оставался на своих местах. Оружие сдавалось в минимальном количестве. В вагонах прятались не только винтовки, но и пулеметы и даже пушки в разобранном виде. В результате этих действий чехословаки к началу мятежа имели в своем распоряжении достаточно оружия и боеприпасов.

Впреки условиям договора с советским правительством чехословаки сохранили свою военную организацию и продвигались вви-

де регулярных воинских частей. Больше того: командование корпуса пыталось заняться формированием новых отрядов из тех военнопленных, которые не вошли в ранее сформированные дивизии и жили в советских городах. С этой целью Национальным советом были посланы в различные пункты «агитаторы», якобы с санкции товарища Сталина. Когда эти агитаторы явились в Екатеринбург, там усомнились в их праве выступать от имени товарища Сталина. На имя товарища Сталина была послана следующая телеграмма: «Приказом войскам Уралобласти воспрещено формирование отрядов по национальным признакам. Ныне явились Екатеринбург завербованные чешско-словацким революционным советом пленные и агитатор от Омского запасного батальона чешско-словацких войск для вербовки добровольцев отправки французский фронт со ссылкой на телеграмму наркома Сталина 26 марта. Просим дать разрешение. Военком Урала Уфимцев»⁴.

Товарищ Сталин 23 мая телеграфировал Екатеринбургскому совету: «Никаких мандатов представителям национального чехословацкого совета на предмет формирования каких-то отрядов я не давал и дать не мог. По поручению Совнаркома я дал соответствующим местным Совдепам распоряжение о разоружении чехословацких полков... Предъявляемые вам мандаты с правом формирования чехословацких отрядов очевидно являются подложными. Нарком Сталин»⁵.

Приведенные документы являются убедительной иллюстрацией того, как готовились чехословаки к мятежу против советской власти.

В апреле 1918 года в Москве состоялось совещание английской и французской военных миссий, посвященное организации интервенции. На совещании присутствовали представитель французского генерального штаба полковник Корбейль, начальник французской военной миссии генерал Лаверне, представитель английского правительства Локкарт и русские белогвардейцы: полковник Сыромятников, генерал Иностранцев и капитан Кошкин. Последний являлся представителем Центрального военного штаба, созданного в Сибири для свержения советской власти. На этом совещании был разработан общий план интервенции и, в частности, план выступления чехословацкого корпуса. Было решено занять чехословацкими войсками важнейшие пункты Уральской, Сибирской и Уссурийской железных дорог. Основной упор делался на захват Урала и Поволжья.

¹ Вейнбаум — большевик, наркоминдел Советской Сибири, расстрелян колчаковцами.

² ЦГАОР, ф. 130, оп. 12, д. 36, л. 21-а.

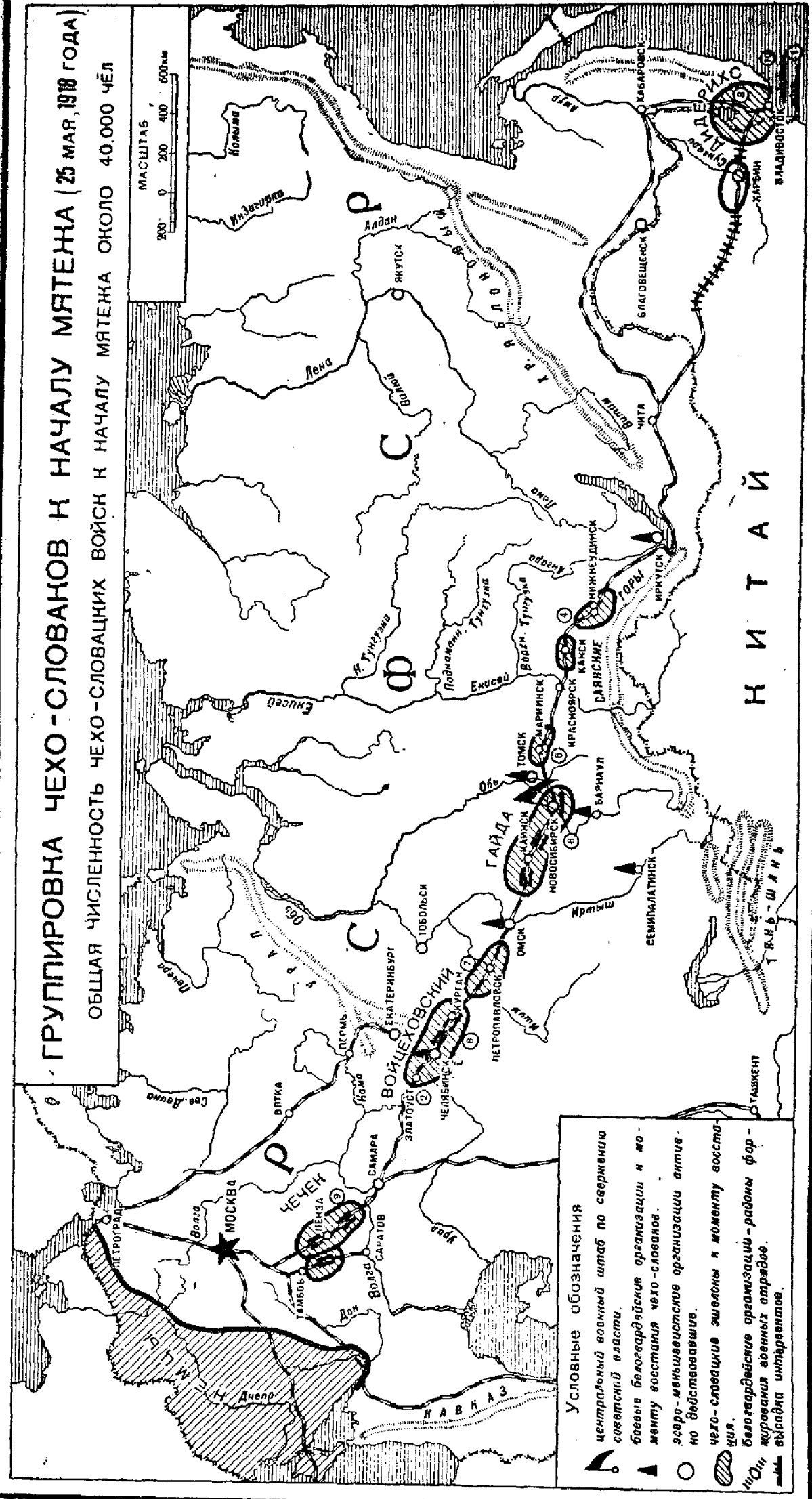
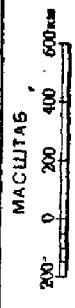
³ Там же. Из телеграммы Центросибири.

⁴ ЦГАОР, ф. 130, д. 36, лл. 29—30.

⁵ Там же, л. 31.

ГРУППИРОВКА ЧЕХО-СЛОВАКОВ И НАЧАЛУ МЯТЕЖА (25 МАЯ, 1918 ГОДА)

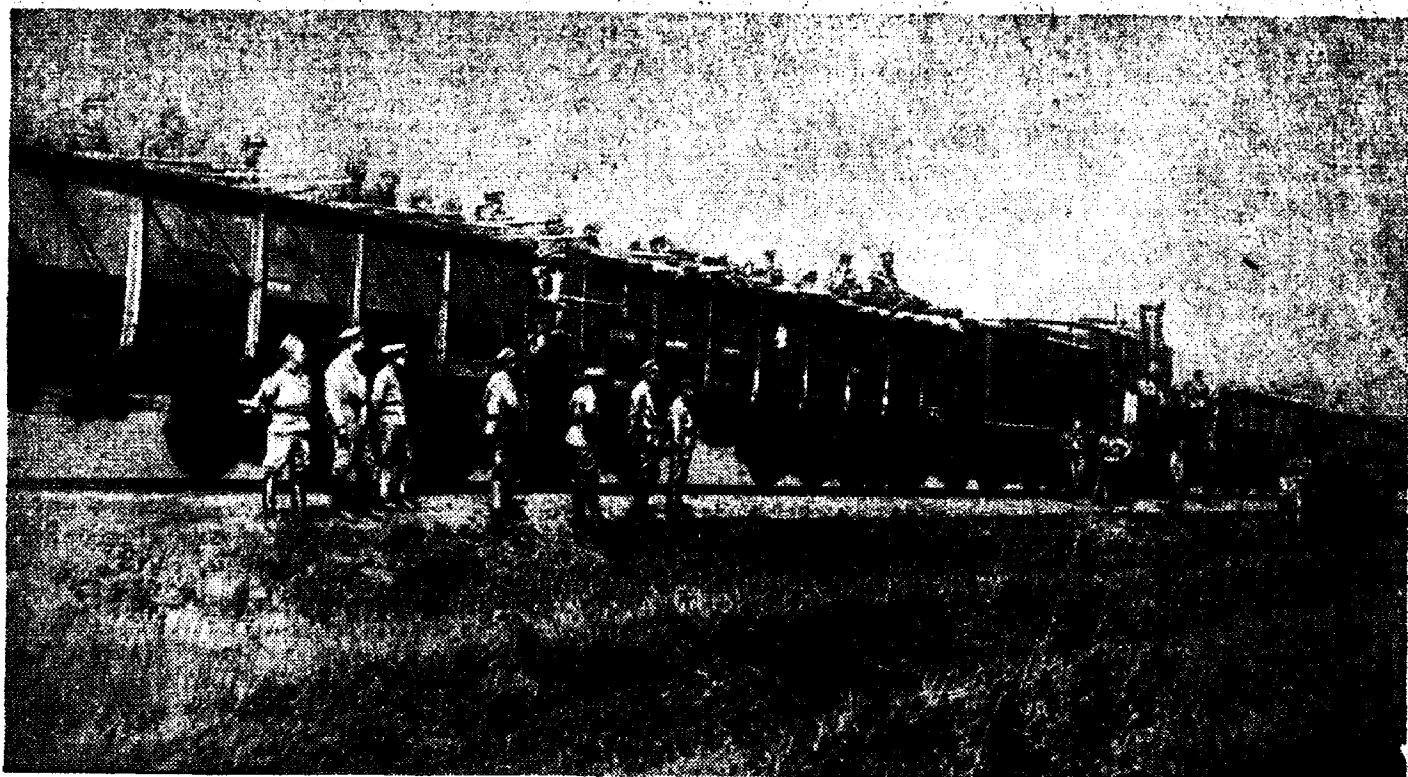
ОБЩАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ ЧЕХО-СЛОВАКОВ ВОЙСК И НАЧАЛУ МЯТЕЖА ОКОЛО 40.000 ЧЕЛ

Условные обозначения

- ☛ центральный военный штаб по северную советской власти.
- ▲ боевые белогвардейские организации и моменты восстания чехо-словаков.
- эсеров-меньшевистские организации активно действовавшие.
- ◐ чехо-словацкие эшелоны и моменты восстановления.
- ◑ белогвардейские организации - районы формирования военных отрядов.
- ◒ восточные интервенты.

НИТ АЙ

Чехословацкий бронепоезд на Урале. Июнь 1918 года.

Центральный музей Красной Армии.

Месяц спустя, 23 мая, в Челябинске было созвано совещание командиров чехословацких частей с участием англо-французских представителей и наиболее контрреволюционно настроенных чехословацких солдат. Совещание разработало детальный план выступления, постановило не сдавать оружия и подчиняться только временному исполнительному комитету, избранному на этом же совещании¹.

Для непосредственного руководства и координации движений частей исполнительный комитет назначил особую тройку в составе командира 4-го полка поручика Чечека, командира 7-го полка капитана Гайда и командира 3-го полка русского подполковника Войцеховского. Поручик Чечек был назначен командиром 1-й чехословацкой дивизии.

К моменту выступления чехословацкие части были расположены следующим образом: в районе Владивостока — около 14 тысяч человек, в районе Нижнеудинск — Банск — около 1½ тысячи, в районе Мариинска — около тысячи, в районе Новониколаевск (Новосибирск) — Чулымная — около 2 тысяч, в районе Мариановка — Петропавловск — около 2 тысяч, в Челябинске — около 6 тысяч, в районе Средней Волги (Сызрань — Пенза — Самара) — около 10 тысяч. Таким образом, общая численность чехословацких войск доходила до 35 тысяч человек.

25 мая по приказу штаба чехословацкого корпуса начался контрреволюционный мятеж, поддержанный эсеровскими и бело-

гвардейскими организациями. В этот день чехословаки захватили станцию и город Мариинск.

В дальнейшем мятеж развивался следующим образом: 26 мая чехи заняли Новониколаевск (нынешний Новосибирск), 27 мая — Челябинск, 28 мая — Нижнеудинск, 29 мая — Банск и Пензу, 30 мая — Сызрань и Кузнецк, 31 мая — Петропавловск, станцию Тайга и Томск, 2 июня — Миасс и Курган, 7 июня — Омск, 8 июня — Самару.

В захваченных городах чехословаки немедленно ликвидировали Советы и установили эсеровско-белогвардейские «правительства».

Челябинская группа чехословаков с помощью белогвардейцев и эсеров наступала из Челябинска на Омск, Златоуст — Бердяш, Курган — Шадринск. Главное операционное направление было Екатеринбург — Пермь — Вятка.

Первой дивизии Чечека (пензенская группа) ставилась задача — овладеть Средней Волгой. Однако до тех пор, пока пензенская группа была отрезана от основных сил мятежников, она не могла приступить к исполнению этой задачи и старалась прорваться на Волгу, но вовсе не для того, чтобы двигаться к Владивостоку, а для того, чтобы, укрепившись на левом берегу Волги, начать планомерное наступление на запад. Этим и объясняется ее «мирное» настроение, обманувшее некоторых пензенских и сызранских советских работников.

В этот период советская власть в Пензенской губернии только еще создавалась. К маю в ряде уездов еще не были ликвидированы кулацко-эсеровские волостные

¹ ЦГАОР, ф. 130, д. 36, лл. 37—39 и 48.

земства. Такое важнейшее мероприятие, как организация военных комиссариатов, затнулось не только в уездах, но и в губернском центре. Губернский военный комиссариат был создан только в конце мая, за три дня до чехословацкого мятежа в Пензе. Отношение к эсерам и меньшевикам со стороны губисполкома было явно либеральным. Особенно сильны были примиренчество и политическая близорукость по отношению к чехословакам.

Пока сибирская группа чехословаков захватывала советские города и расстреливала советских работников, пензенская группа вела себя еще мирно. Ожилая подхода от станции Ртищево 4-го полка, командир пензенской группы Чечек отсрочил выступление и даже вступил в переговоры с представителями губисполкома о разоружении чехословацких солдат. Несомненно, что Чечек начал переговоры только с целью выиграть время до прибытия отставшего 4-го полка. Руководители губисполкома не сумели, однако, разгадать эту лицемерную тактику. Кровавые события в Маршине, Новониколаевске и Челябинске ничему их не научили. Председатель губисполкома Кураев даже после нападения Пепзы был уверен, что чехословаки не выступают против Советов. В телеграмме по прямому проводу он уверял Совет народных комиссаров, что чехи пастрелы весьма мирно, и убеждал «сговориться с чехами на том компромиссе, который был принят раньше»¹, т. е. пропустить чехов за Волгу, не отбирая у них оружия. По свидетельству самого Кураева, товарищ Сталин ответил ему, что «переговоры кончены, надо действовать»². Это было единственно правильное решение после того, как чехословаки начали вооруженную борьбу с Советами.

В телеграммах на имя Совета народных комиссаров Кураев ссылался на слабость местных военных сил. Действительно, по приблизительным подсчетам, в Пензе в это время насчитывалось около 1500 бойцов при 50 пулеметах и 6 орудиях. Естественно, что при таких силах целью было рассчитывать на сколько-нибудь успешную оборону города от противника, который насчитывал более 6 тысяч хорошо вооруженных и дисциплинированных солдат. Но задача местных красных войск заключалась не столько в обороне города (чехи не собирались в нем задерживаться), сколько в том, чтобы затруднить продвижение чехословацких войск по направлению к Волге. Этого больше всего боялась пензенская группа. «Даже в случае неуспехов большевистских гарнизонов,— писал чехословацкий капитан В. Голечек,— пензенская

группа могла быть задержана техническими препятствиями, которые могли в самых широких размерах производиться на полотне железных дорог и дать большевикам возможность собрать в тылу превосходные силы для уничтожения группы».

До 28 мая чехословаки не проявляли особой агрессивности. Но с утра 28 мая, когда был подбит 4-й полк, они начали военные действия. Красногвардейские отряды удерживали город в течение целых суток. Утром следующего дня под давлением превосходящих сил противника красногвардейцы оставили Пензу.

Чехословаки торопились к Волге. Захватив награбленные оружие и имущество, они спешно погрузились в эшелоны и в ночь с 30 на 31 мая двинулись на Сызрань. Эвакуировавшиеся на станцию Рузаевка, пензенские губернские организации не предприняли никаких мер для того, чтобы задержать или хотя бы затруднить движение чехословаков.

Тем временем чехословацкие эшелоны приблизились к Сызрани. Стратегическое значение Сызрани было очень велико. Белогвардеец, скрывшийся под псевдонимом NN, отмечал в своих записках: «Сызрань, как охраняемая подступы к Александровскому железнодорожному мосту через Волгу, имела большое значение, так как с отдачей его невозможно было бы удержать Самары и вообще всего левого берега»³.

Чехословаки прекрасно учитывали стратегическое значение Сызрани. Капитан В. Голечек писал, что после оставления Пепзы «в первую очередь является необходимым обеспечить группе переход через Волгу». Поэтому, заключал он, «удар должен быть нанесен со всею стремительностью, чтобы вовремя захватить сызранский мост». С этой целью эшелон за эшелоном быстро подвезает к Волге: ее линия является необходимой стратегической базой для предстоящих решительных сражений, а нападение врага ни в каком случае не должно иметь место раньше, чем Волга будет в руках группы».

Сызрань была плохо подготовлена к обороне. В сызранском исполкоме было записные эсеров и меньшевиков. Тов. Мясников⁴ телеграфировал Совету народных комиссаров: «Должен отметить, что на самом деле в Сызрани никогда не было постоянной советской власти, для характеристики которой достаточно, кажется, того факта, что председателем совета состоял больше-

³ «Начало гражданской войны. Мемуары», стр. 356. Гиз. 1926.

⁴ Мясников А. Ф.—старый большевик, участник гражданской войны. В конце мая 1918 года был назначен командующим поволжским фронтом. Погиб при воздушной катастрофе в 1925 году.

¹ ЦГАОР, ф. 130, д. 36, л. 79.

² Там же.

вик, а товарищем его, секретарем совета и редактором советского органа были меньшевики»¹.

Разумеется, подобный состав исполкома был только паруку чехословакам. Не доезжая до Сызрани, Чечек выслал вперед вагон с делегатами «довольно левого направления» для переговоров с Сызранским советом. «Посылая делегацию, — вспоминал Чечек, — я рассчитывал на то, что нашим левым скорее удастся сговориться с Сызранским Советом».

И действительно, как только делегация чехов прибыла в Сызрань, исполком заключил с ней капитулянтский договор, по которому чехословаки беспрятственно завладели городом и мостом через Волгу. Этим была, по существу, решена судьба Самары.

От Пензы чехословацкие эшелоны сопровождал самарский эсер Брушвит, выехавший заранее к ним навстречу. Он вручил Чечоку план города Самары и его укреплений, составленный полковником Галкиным, и заверил, что наступление чехов на город будет поддержано изнутри эсеровско-меньшевистским восстанием.

Обороной Самары руководил военно-революционный комитет во главе с В. В. Куйбышевым. Самарские большевики, учитывая значение Александровского моста, решили удержать его за собой. Однако после пензенских и сызранских событий сделать это было тяжело. Чехословаки под прикрытием бронепоездов перебрасывали эшелоны через Волгу. 31 мая 4-й полк 1-й чехословацкой дивизии уже был на левом берегу реки. Немедленно началось наступление чехов на Самару. Немногочисленные советские отряды с боем отступали от Волги по линии железной дороги. 2 июня была оставлена станция Пващенко (ныне город Чапаевск), а 4 июня после жестокого боя у станции Липяги, где красные отряды потерпели поражение, чехословакам была открыта дорога на Самару. Утром 8 июня при активной помощи эсеров и меньшевиков чехи вступили в Самару. Группе руководящих партийных и советских работников во главе с В. В. Куйбышевым удалось вырваться из города и добраться до пристани.

С приходом чехов гражданская власть в Самаре перешла в руки Комитета членов Учредительного собрания (Комуч). Новое «правительство» прибыло к зданию городской думы на чешском автомобиле и под охраной чешских штыков².

Чехословацкий мятеж и организация Комуча активизировали кулаков, контрре-

волюционное казачество и прочих белогвардейцев, способствовали слиянию отдельных местных бунтов в организованное контрреволюционное движение.

Новая война, в которую империалисты втянули Советскую Россию, принесла советскому народу огромные тяготы и лишения. Чехословацкий мятеж вспыхнул весной 1918 года, когда хлебные запасы республики были исчерпаны и необходимо было начать заготовку и вывоз хлеба, чтобы спасти население страны от голодной смерти.

Основными поставщиками хлеба обычно являлись Украина, Северный Кавказ, Поволжье и Сибирь. В связи с чехословацким мятежом Сибирь и часть Поволжья попали в руки интервентов; на Северном Кавказе хозяйничали белогвардейские банды Краснова; Украина была оккупирована германскими войсками. Голод и контрреволюция шли рука об руку. Чехословацкий мятеж, говорил Ленин, «усиливается, естественно, голодом»³.

Перед советским правительством стояли трудные задачи — разгромить чехословацких мятежников и спасти страну от голода. Обе эти задачи были тесно связаны, и их необходимо было решать одновременно.

В конце мая 1918 года «в связи с чехословацким мятежом и казачьим бунтом»⁴ Совет народных комиссаров решил послать на места целый ряд ответственных партийных и советских работников для организации отпора врагу. Товарищ Сталин был направлен в Царицын.

Прибыв в Царицын 6 июня, товарищ Сталин развернул энергичную деятельность по снабжению пролетарских центров хлебом и организации отпора южной и восточной контрреволюции. 10 июня в воззвании ко всем трудящимся по поводу чехословацкого мятежа Совет народных комиссаров писал: «...взять взмором революцию русским, французским и чехословацким империалистам не удастся. На помощь голодающему Северу идет Юго-восток. Народный комиссар Сталин, находящийся в Царицыне и руководящий отсюда продовольственной работой на Дону и в Кубани, телеграфирует нам об огромных запасах хлеба, которые он намерен в ближайшие недели перенравить на Север... Как ни тяжело положение страны, но умереть себя голодом Советская Россия не даст.

А тем временем будет очищен от мятежников Сибирский путь»⁵.

Таким образом, Ленин видел прямую и непосредственную связь между работой то-

¹ ЦГАОР, ф. 130, л. 36, л. 152.

² О самарской учредилке см. статью В. Гармизы в «Историческом журнале» № 8 за 1940 год.

³ Ленин, Т. XXIII, стр. 92.

⁴ ЦГАОР, ф. 1235, д. 28/84. Ч. 3-я, лл. 326—327.

⁵ «Правда» № 116 от 11 июня 1918 года.

партия Сталина в Париже и разгром чехословацкого мятежа. От успеха этой работы зависело положение на восточном фронте. И товарищ Сталин блестяще выполнил возложенную на него задачу.

Совет народных комиссаров принял ряд мер для укрепления красных войск в Поволжье, Прикамье и на Урале.

В этому времени в огромном районе Пенза — Симбирск — Казань — Саратов — Пермь — Верхотурье — Екатеринбург — Челябинск — Оренбург — Уральск — Самара против контрреволюционных сил действовали отряды красновардейцев, сформированные местными военкоматами из добровольцев, и присланные из центра отдельные красноармейские части. Армий тогда еще не было, не было и фронтового командования. Отдельные отряды сражались на свой страх и риск, не имея общего руководства. Это, между прочим, в огромной степени облегчило победу чехословацким мятежникам.

В конце мая 1918 года советское командование создало в районе Средней Волги западный чехословацкий фронт, а на Урале в начале июня — северо-урало-сибирский фронт. Но это существенных изменений в обстановку не внесло. Единого командования попрежнему не было, разрозненные отряды не были сведены в армию.

Расширение масштаба военных действий выдвинуло новые задачи в области военного строительства. Практика показала, что принцип добровольности в новых условиях оказывался уже недостаточным. Необходимо было перейти от добровольчества к всеобщей военной повинности рабочих и безземельных крестьян, необходимо было отказаться от выборности командного состава, от системы мелких, разнородных отрядов и создать боеспособные армии, спаянные сознательной и железной военной дисциплиной.

29 мая ВЦИК принял исключительного важности декрет — о переходе от добровольческой армии ко всеобщей мобилизации рабочих и безземельных крестьян. Этот переход, говорилось в декрете, «повелительно диктуется всем положением страны как для борьбы за хлеб, так и для отражения обнагдевшей на почве голода контрреволюции как внутренней, так и внешней»¹. Спустя две недели после опубликования декрета, 12 июля, был объявлен первый призыв в Красную Армию пяти возрастов (1893—1897 годов) в 51 уезде Приволжского, Уральского и Западносибирского округов.

13 июня Совет народных комиссаров постановил организовать Реввоенсовет восточного фронта. В этот же период началось систематическое укрепление восточ-

ного фронта надежными красноармейскими частями. 10 июня в помощь симбирской группе советских войск были направлены 2 отряда: Козловский отряд в состав 30 птыков при 10 пулеметах и 4 орудиях и Нижегородский отряд в состав 100 птыков при 4 пулеметах и 2 орудиях. В начале июня пермский губисполком послал на Екатеринбургский участок отряд в 2500 птыков. 11 июня туда же был направлен из Петрограда батальон в 600 человек при 12 пулеметах и 4 орудиях. 15 июня военный совет Западной завесы перебросил на восточный фронт 1-й Курский отряд. Из Нижнего Новгорода 20 июня отправился на фронт батальон пехоты в составе 550 птыков при 2 легких орудиях.

В июле 1918 года на восточном фронте было сосредоточено (по приблизительным подсчетам) 35 550 птыков, 2318 сабель, 224 пулемета и 38 орудий. Это дало возможность приступить к созданию армии. Постановлением Реввоенсовета восточного фронта от 26 июня отряды и отдельные части, действовавшие против чехов в районе Уфа—Самара и Уфа—Челябинск, были объединены во II армию восточного фронта.

Отряды, действовавшие против чехов в направлениях Пермь—Екатеринбург—Челябинск и Пермь—Екатеринбург—Ишим, объединились в III армию.

В течение июня в Среднем Поволжье (район Бугульма — Ставрополь — Сегейлей—Сызрань) была создана I армия восточного фронта, в которой политическим комиссаром работал В. В. Куйбышев. В Туркестане, в районе Актюбинска, в начале июля была образована Туркестанская армия.

Силы Красной Армии восточного фронта постепенно росли и крепли. Но пока происходила эта военно-организационная работа, чехословаки и белогвардейцы добились значительных успехов.

Во Владивостокском направлении чехословаки и белогвардейцы захватили 18 июня Ачинск и Красноярск и продвигались к Владивостоку. Группа Литвинова с помощью японцев 29 июня произвела во Владивостоке переворот, арестовала членов Совета и установила белогвардейскую власть.

В Екатеринбургском направлении чехи превосходящими силами начали теснить советские войска урало-сибирского фронта.

Активную помощь чехам и белогвардейцам оказывали уральское кулачество и эсеры, провоцировавшие отсталую часть рабочих на мятежи против советской власти. 20 июля чехи заняли Тюмень, а 25 июля—Екатеринбург. Советская власть на Урале была свергнута и заменена

¹ «Правда» от 30 мая 1918 года.

Наступление частей Красной Армии на Казань под огнем чехословацкой артиллерии. Сентябрь 1918 года.

Центральный музей Красной Армии.

контрреволюционным «Областным правительством Урала».

Одновременно с наступлением на Урал чехословаки совместно с белой армией Комуча достигли больших успехов на Волге. Немедленно после захвата Самары чехи повернули на запад и заняли линию Волги. 18 июня чехословаки захватили Сызрань. 6 июля в результате предательства эсеровского агента, бывшего офицера Махина, назначенного Троцким начальником штаба уфимских красных войск, пала Уфа. Сибирская контрреволюция сомкнулась с поволжской, и это дало возможность Комучу и чехам, не беспокоясь о своем тыле, проводить операции на Волге.

План этих операций, составленный Комучем, заключался в том, чтобы движением на югозапад захватить район Саратов — Царицын и объединиться с южной контрреволюцией. «С захватом Саратова, — писал член Комуча эсер Климушкин, — мы протягивали одновременно руку Астраханскому казачеству, Уральскому и Алексееву. Захвативши Саратов, мы овладеваем линией железной дороги Саратов—Уральск и тем самым освобождаем все силы уральского войска, в конх мы так все время пуждались. Одним ударом мы освобождаем огромную территорию с населением, несомненно настроенным антибольшевистски, составлявшую географически вполне законченное целое, отделенное от остальной России Волгой и Каспием с одной стороны и Уралом — с другой. Это положение значительно облегчало борьбу с Москвой».

Товарищ Сталин гениально разгадал

планы противника. В разгар борьбы за Царицын он говорил, что «...взятие Царицына и перерыв сообщения с югом обеспечило бы достижение всех задач противников: оно соединило бы донских контрреволюционеров с казачьими верхами Астраханского войска и Уральского, создав единый фронт контрреволюции от Дона до чехословаков, оно закрепило бы за контрреволюционерами, внутренними и внешними, юг и Каспий, оно оставило бы в беспомощном состоянии советские войска Северного Кавказа...»¹.

Таковы были планы объединенных сил контрреволюции. Но события развивались далеко не так, как предполагали самарские урядловцы. План Комуча остался невыполненным.

Основная причина краха белогвардейских планов заключалась в том, что волею партии Царицынский участок был превращен в могучую крепость, о которую разбились все атаки контрреволюционеров.

Товарищ Сталин, как руководитель производственного дела всего юга России, разрешил в Царицыне две крупнейшие задачи: он снабдил Советскую республику хлебом и организовал отпор донской контрреволюции, которая стремилась прорваться к Волге на соединение с чехами и армией Комуча. Только в течение одного июня 1918 года товарищ Сталин отправил из Царицына в различные пункты страны 2379 вагонов продовольствия. Это была

¹ К. Е. Ворошилов «Сталин и Красная Армия», стр. 51—52.

Эвакуация чешских войск в 1920 году и посадка их на пароход в бухте Золотой Рог.

Центральный музей Красной Армии.

огромная помощь голодавшему населению советских городов. Из Царицына товарищ Сталин посылал продовольственные экспедиции в Саратовскую и Самарскую губернии. Эти экспедиции не только выполняли свою прямую задачу — заготовку хлеба, — но и содействовали укреплению советской власти на местах. Можно с уверенностью сказать, что без той работы, которую провел товарищ Сталин в Царицыне, объединение восточной и южной контрреволюции было бы неизбежным. Отсюда ясно, какое исключительное важное значение для разгрома чехословаков и Комуца имела деятельность товарища Сталина на юго-востоке России.

Другая причина неудач восточной контрреволюции заключалась в разногласиях между Комуцем и его англо-французскими хозяевами относительно направления главного удара. Тогда как Комуц рассчитывал наступать на юг, на соединение с допскими, астраханскими и уральскими белоказаками, англо-французские интервенты предпочитали движение на север, для соединения с десантом, который предполагалось высадить в Архангельске. По свидетельству белогвардейца В. Лебедева, французский капитан Капю от имени военного атташе в России генерала Лаверне передал русским эсерам и белогвардейцам мнение союзников о том, что «необходимо как можно скорее взять Казань для того, чтобы через Вятку соединиться с союзными войсками».

Французский военный агент при чешском Национальном совете Альфонс Гинэ

также настаивал на движении в сторону Симбирска—Казани после того, как чехословаки заняли Сызрань.

Поэтому основные силы самарской группы чехов были двинуты именно в этом направлении.

Интервенты не отказались от захвата Саратова и Царицына, но в связи с укреплением Царицынского участка и растянутостью фронта белых им не удалось добиться в этом направлении каких-либо успехов. Зато в северном направлении чехословаки и белая армия Комуца имели ряд успехов. 22 июля они захватили Симбирск, а 6 августа — Казань.

Большую роль в падении Симбирска и Казани сыграла замена Муравьева, назначенного по настоянию Троцкого, вопреки предостережениям Ленина и Сверлова, командующим восточным фронтом. Выдвижение Муравьева на пост главнокомандующего против советской власти были не случайными. В этот период «левые» эсеры и «левые коммунисты», подстрекаемые Троцким и Бухариным, составили чудовищный заговор, направленный на свержение советского правительства, убийство вождей революции: Ленина, Сталина, Сверлова — и втягивание России в новую войну с Германией. В то время, как «левые» эсеры готовились к мятежу в Москве, Муравьев должен был подготовить мятеж на фронте и повернуть войска против советского правительства.

6 июля 1918 года, в день своего мятежа в Москве, «левые» эсеры хвастались,

что «Муравьев идет к ним на помощь»¹. То, что «левые» эсеры ссылались на помощь Муравьева за четыре дня до начала его выступления, доказывает, что Муравьев и «левые» эсеры действовали по одному плану.

Получив известие о выступлении «левых» эсеров в Москве, Муравьев покинул Казань, где находился штаб фронта, и 10 июля прибыл в Симбирск. В тот же день он поднял мятеж и разослал во все концы страны телеграммы о прекращении борьбы с чехословаками и начале войны с Германией.

Мятеж Муравьева был прямо направлен на свержение советского правительства. В одной из своих «программных» речей Муравьев открыто заявил, что в новое правительство войдут, помимо «левых» эсеров, и «левые коммунисты», в том числе и Бухарин, который «борется против Брестского мира и политики Ленина»².

Симбирские большевики не растерялись в этот критический момент: благодаря их энергичным мероприятиям муравьевская авантюра была быстро ликвидирована, а сам Муравьев убит.

Все же мятеж Муравьева внес известное замешательство в ряды Красных армий восточного фронта и тем самым облегчил чехословакам захват Симбирска и Казани. Впоследствии Ленин отмечал, что «...измена левого эс-эра Муравьева... на Восточном фронте стоила жизни десяткам тысяч рабочих и крестьян в войне с белогвардейцами...»³.

Захват Казани был последним крупным успехом чехословаков и учредильцев на Волге.

11 июля 1918 года Ленин телеграфировал комиссару Воронежа: «Левое-эсеровский мятеж и измена Муравьева вполне ликвидированы. Необходимо усиленная помощь на чехо-словацкий фронт»⁴. Партия посылала на восточный фронт новых военных и политических работников, усиленно укрепляла Красные армии. 9 июля из Орла и Курска в Пензу были направлены 2 пехотных полка, 1 отдельный батальон и батарея—всего 2200 штыков. В течение июля и первой половины августа Курск направил против чехов еще 2 бригады собственного формирования.

Уверенный в безопасности Царицына, поскольку там находился товарищ Сталин, Ленин уделял исключительное внимание

разгрому чехословацких мятежников. 1 августа в письме к работникам восточного фронта он рекомендовал комиссарам более тщательно контролировать деятельность главкома Вацетиса и других военных руководителей. «Сейчас, — предупреждал Ленин, — вся судьба революции стоит на одной карте: быстрая победа над чехословаками на фронте Казань—Урал—Самара.

Все зависит от этого»⁵.

10 августа Ленин послал предписание Высшему военному совету о необходимости всяческого усиления восточного фронта. Наряду с этим Ленин принял меры к усилению созданной по инициативе товарища Сталина Волжской военной флотилии. Из Балтийского флота по Мариинской системе на Волгу было переправлено 3 эсминца. В результате всех этих мероприятий на восточном фронте произошел резкий перелом.

В середине августа IV Красная армия, занимавшая правый фланг восточного фронта и имевшая в тылу укрепленный товарищем Сталиным Царицынский участок, перешла в наступление. 15 августа чехам было нанесено поражение на реке Белой, а вскоре после этого Николаевская дивизия В. И. Чапаева заняла Николаевск (ныне Пугачев).

Активизировались действия советских войск и в Казанском направлении. К Казани были стянуты части I и II армий, сюда же прибыл Вятский отряд под командованием тов. Азина⁶. В Казани 3 сентября вспыхнуло восстание рабочих порохового завода против чехословаков и учредильцев. С помощью эсеров и меньшевиков чехи жестоко расправились с повстанцами, но это не спасло белых от разгрома. В ночь с 9 на 10 сентября красные войска перешли в наступление и с помощью Волжской военной флотилии выбили белогвардейцев из Казани. Чехи бежали, захватив с собой золотой запас страны — 651,5 миллиона рублей.—эвакуированный в Казань во время мировой войны.

Вслед за Казанью советские войска заняли Вольск и Симбирск. В ответ на приветствие бойцов I армии и пожелание скорейшего выздоровления после предательского покушения на него Ленин телеграфировал комиссару I армии В. В. Куйбышеву: «Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны. Я чув-

¹ «Правда» № 139 от 8 июля 1918 года. Доклад тов. Дзержинского Совету народных комиссаров о восстании «левых» эсеров.

² Сб. «Поезд смерти», стр. 19. Куйбышев, 1940.

³ Ленин, Т. XXIV, стр. 73.

⁴ В. И. Ленин «Из эпохи гражданской войны», стр. 34.

⁵ Там же, стр. 37.

⁶ В. М. Азин — герой гражданской войны; при взятии Казани командовал правым флангом красных войск; в начале сентября 1918 года начальник 2-й сводной, а потом 28-й дивизии II армии; погиб в 1919 году на Дону.

отвую небывалый прилив бодрости и силы. Поздравляю красноармейцев и от имени всех трудящихся благодарю за все жертвы»¹.

В этапе контрреволюции в это время происходила организационно-политическая перестройка. Интервентов не удовлетворяло существование многочисленных местных и областных, независимых друг от друга правительств. Для успешной борьбы с советской властью империалисты нуждались в едином правительстве, которое бы объединило всю внутреннюю контрреволюцию. С этой целью 23 августа в Челябинске было созвано совещание представителей омского, екатеринбургского и самарского правительств, белого казачества, «Союза возрождения», ЦК эсеров и меньшевиков, чехословаков и паличных членов учредительного собрания. Челябинское совещание не привело ни к чему, так как каждое областное правительство хотело стать центральным.

Между тем белые армии на восточном фронте стали терпеть поражения. Среди чехословаков и «народной» армии Комуца началось разложение. Все это вынудило союзников созвать вторичное совещание в Уфе. Под давлением интервентов уфимское государственное совещание сформировало, наконец, «единое» правительство — директорию. В директорию вошли 2 эсера (Авксентьев и Зензинов), 2 казета (Вицогратов и Володарский) и царский генерал Болдырев, который был назначен верховным главнокомандующим белыми армиями на Востоке.

По пока разрешался вопрос о «единой центральной власти», Красные армии подошли к Самаре, и директория ничего не оставалось делать, как перенести свою резиденцию в Омск.

Вечером 7 октября советские войска заняли Самару и тем самым очистили Волгу от чехословацких мятежников и белогвардейцев. В начале октября, писал В. Голечек, «приходят самые ужасные дни. На-

родная армия, организованная самарским правительством, совершенно распадается». В то же время разложение в чехословацких полках усиливалось. «Отступлением от Волги,— писал в своих воспоминаниях генерал Сахаров,—и кончилась боевая деятельность чехословацкого корпуса. Некоторое время они стояли еще на фронте, правильное сказать, обозначали там свое место, каждый раз только до первого появления красных сил, затем сматывались и уходили на Восток»².

Успехи Красных армий на восточном фронте сорвали план соединения чехословаков с англо-французским десантом в Архангельске. Ллойд-Джордж отмечает в своих мемуарах, что уже в августе—сентябре «...стало ясно, что нет никакой надежды на соединение с чехословацкими войсками из Западной Сибири»³.

Так был ликвидирован чехословацкий мятеж, организованный англо-французами с помощью эсеров и меньшевиков. Впоследствии чехи сражались против советской власти в белой армии Колчака, по это был уже новый этап контрреволюционного движения.

Чехословацкие мятежники добились на первых порах успехов, потому что они совместно с эсерами обманывали трудящихся, обещая им свободу и демократию. Но как только крестьянство испытало на себе все прелести эсеровско-чехословацкой «свободы», оно повернуло в сторону советской власти. «...бесщипства офицеров чехословацкой армии, жестокости над населением, стремление восстановить во всей полноте царские и помещичьи порядки,— все это научило крестьян»⁴.

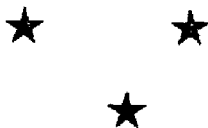
Поворот крестьянства в сторону советской власти, энергичные меры, принятые партией для укрепления Нариньинского участка и восточного фронта, обеспечили разгром контрреволюционного чехословацкого мятежа и самарской авантюры.

² «Начало гражданской войны», Воспоминания Сахарова, стр. 329.

³ Дэвид Ллойд-Джордж «Военные мемуары», Т. VI, стр. 84.

⁴ Ленин, Т. XXIV, стр. 46.

¹ «Правда» от 25 января 1940 года.

Восстание в Чечне в 1877 году

1

После завоевания Восточного Кавказа в 1859 году русский царизм превратил Чечню в свою колонию. Трудящиеся массы этой области были захвачены в тиски национально-колониального гнета.

Наряду с военной колонизацией проводилась экспроприация лучших чеченских земель в пользу туземных верхушечных слоев, русских помещиков и казны. По документальным данным, в 60—70-х годах свыше 100 лиц из местной администрации и русских помещиков получило в Чечне участки размером от 30 до 1000 десятин каждый.

С 70-х годов расхищение чеченских земель усложнилось.

«В пореформенную эпоху происходила... сильная колонизация Кавказа, широкая распахка земель колонистами (особенно в Северном Кавказе), производившими на продажу пшеницу, табак и пр. и привлекавшими массы сельских наемных рабочих из России»¹.

Отнимая у чеченских масс жизненно необходимые для них земли, царское правительство в то же время давило покоренный народ налогами. Были установлены налог с дыма, дорожная и гужевая повинность, поборы в пользу чиновничества. Особенно тяжело было для населения, живущего в условиях слабо развитых меновых отношений, уплачивать большие налоги деньгами. Крестьянин-горец вынужден был нести на рынок не только излишки, но и последние, необходимые ему для личного потребления продукты.

Невыносимое положение трудящихся горцев усугублялось разгулом чиновничьего произвола. Введенная царским правительством в покоренной Чечне колониальная система управления, известная в официальных документах под названием «военно-народной», опиралась на туземную знать и открывала полный простор для разбойничьей деятельности царской администрации. Взятничество, хищения, принудительные сборы — все, вплоть до разбоя на большой дороге, были типичными для завоеванной колонии явлениями².

¹ Ленин. Т. III, стр. 463.

² ЦВИА. Фонд департамента генерального штаба, Кавказское отделение. 1868 г., л. 18.

Объезженное и обнищавшее горское крестьянство попадало в кабальную зависимость либо от русских и туземных крупных землевладельцев либо от кулаков, снимавших у помещиков крупные земельные участки и сдававших горской бедноте в порядке субаренды клочки земли на кабальных условиях. В скотоводческих районах горной Чечни горскую бедноту закабалляли, сдавая ей в пользование скот.

В то же время начавшееся в пореформенный период проникновение русского капитализма в горский аул в форме вывоза фабричных изделий приводило к гибели вековых кустарных промыслов в Чечне.

Проникая на Кавказ, русский капитализм втягивал эту окраину в систему мировых связей и тем самым давал толчок развитию ее производительных сил и новых производственных отношений. На прогрессивную роль России для Востока и, в частности, для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии указывал Энгельс в письме к Марксу от 23 мая 1851 года³.

Эту роль русского капитализма для остальных окраин, в частности для Кавказа, отмечал В. И. Ленин в своей гениальной работе «Развитие капитализма в России»⁴.

Но земельная теснота, разрушение домашних промыслов, непосильные налоги, грубый произвол властей — все это вело к деградации хозяйства Чечни и к крайнему обнищанию чеченских масс.

«Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодалный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве. Царизм намеренно заселял лучшие уголки окраин колониаторскими элементами для того, чтобы оттеснить туземцев в худшие районы и усилить национальную рознь»⁵.

Капитализм в первые десятилетия пореформенного периода проникал в Чечню в форме торгового и ростовщического капитала, а потому его внедрение в чеченский аул не сопровождалось решительной ломкой местной системы хозяйства.

В экономике, как и в общественном строе Чечни, продолжали удерживаться патриархальные отношения, которые русский

³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 211.

⁴ См. Ленин. Т. III, стр. 461.

⁵ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 81.

капитализм стремился не столько разрушить, сколько подчинить своим интересам. Чечня превращалась в сырьевой рынок метрополии, что удерживало чеченские массы на чрезвычайно низком экономическом и культурном уровне и обеспечивало царскому самодержавию возможность безграничного господства в крае.

Колониальный гнет углублял и усиливал расслоение горского аула. С одной стороны, шло массовое объединение горского крестьянства, а с другой — усиливалась и крепла туземная верхушка: крупные землевладельцы, кулаки, торговцы и ростовщики. Вместе с мусульманским духовенством эти верхушечные слои являлись опорой царского самодержавия. Основные же массы горского крестьянства, поставленные в невыносимые социально-экономические условия, оказывали жестокое сопротивление царизму.

В первые же годы после покорения Восточного Кавказа в горных районах Чечни вспыхнул ряд крупных восстаний: пазраповское 1858 года, беновское 1860—1861 годов, аргуновское 1860—1861 годов, восстание Кунта-хаджи 1863—1865 годов. Восстания носили чрезвычайно упорный характер и подавлялись царским правительством с невероятной жестокостью: уничтожались десятки аулов, население выселялось тысячами, а руководители восстаний предавались смерти.

В 70-х годах к внутренним причинам, толкавшим горцев на выступления против царизма, примешиваются внешние влияния.

В связи с подготовкой русско-турецкой войны правительство Турции развернуло активную пропаганду среди горцев Кавказа через своих эмиссаров. Турецкие агенты пытались использовать справедливую войну горцев против царских захватчиков в целях укрепления позиций султанской деспотии. При этом необходимо отметить, что за спиной Турции действовала Англия, которая во второй половине XIX века имела решающее влияние на Константинополь. Английская буржуазия видела в господстве русских на Кавказе угрозу своему владычеству в Индии и Передней Азии и потому мечтала захватить Кавказский перешеек и передать его Турции.

Несомненно, деятельность турецких эмиссаров и назревавший русско-турецкий конфликт активизировали настроения горцев. Однако если отдельные представители аульских верхов готовы были признать в лице Турции нового хозяина, то трудящиеся горские массы ни о каком подчинении Турции не думали, так как боролись за независимость. Война между Россией и Турцией явилась лишь поводом для угнетенных горцев к новому массовому восстанию против

колониальных захватчиков в 1877 году, которое приняло столь грозные размеры, что поставило под серьезную угрозу господство царизма на Кавказе.

2

Восстание чеченских масс 1877 года началось в апреле и продолжалось до конца октября.

Бойна была объявлена 12 апреля, а в ночь с 12 на 13 апреля около 60 человек разных селений 2-го участка Веденского округа собрались в лесных грунбах близ аула Сайсан, где приняли присягу «разорвать всякие сношения с существующей властью» и «объявить себя независимыми»¹.

В первые же дни к восставшим присоединились жители соседних аулов. К 21 апреля восстанием было охвачено 47 аулов Ичкерии с населением в 18 тысяч человек.

Одновременно развивалось движение в районе Чеберлая.

Во главе движения стал молодой (22 лет) чеченец Алибек-хаджи родом из Ичкерии, провозглашенный имамом².

Первый период восстания (апрель и начало мая) отличался бурным наступательным характером движения, вызвавшим растерянность русских властей.

Сигнал к восстанию был подан из Ичкерии на другой день после объявления войны Турции.

Задачей восставших было объединить силы Ичкерии с Чеберлаем, прервать сообщение с Ведено и затем распространить движение на Большую и Малую Чечню.

Обстановка для успешной борьбы восставших складывалась довольно благоприятно. Полки и батальоны местных войск не были достаточно укомплектованы даже для мирного времени. Власти ожидали прибытия первых партий запасных солдат лишь к 25 апреля. По данным официальных источников, царское командование располагало всего 3 тысячами солдат, помимо охранных и караульных частей.

Нависшую грозную опасность отчетливо сознавали местные представители царской власти, вплоть до высшего командования на Кавказе.

«Все колеблется кругом»³, — наипочески сообщал в телеграмме от 18 апреля полковник П. Батьянов.

¹ Центральное архивное управление Северо-Осетинской автономной ССР (ЦАУ СО АССР), фонд походного штаба войск Терской области 1877—1878 годов, д. № 18, лл. 2—3 и д. № 2, ч. 1-я, л. 1.

² Имамат — духовная и светская власть, которая должна доставаться лучшему из членов мусульманской церкви, по всеобщему избранию.

³ ЦАУ СО АССР, д. № 3, ч. 1-я, л. 4.

«Положение было самое критическое»¹, — писал впоследствии в своем приказе командующий войсками Терской области.

Высшее командование на Кавказе в тревоге требовало частых и подробных уведомлений о положении дел, приказывая во что бы то ни стало «задушить первую искру пожара»².

Руководители восстания также, несомненно, понимали в общих чертах выгоды своего положения; но они не учли всех деталей обстановки, не выработали себе ясного плана действий, а главное, не сумели захватить в свои руки переправ и связей, чего так боялось царское командование.

20 апреля отряды Алибека спустились по Аксаю, присоединяя к себе на пути все аулы и направляясь к Герзель-аулу с целью воднять Румыкскую плоскость. Но в ночь на 21 апреля восставшие изменили направление, двинулись к аулу Маюртуп, намереваясь оттуда спуститься в наиболее многочисленные пункты Большой Чечни, население которой готово было примкнуть к движению.

22 апреля под Маюртуном произошла встреча восставших с царскими отрядами: Умахан-Юртовским под начальством полковника Мылова и Эрзенговским под начальством полковника Нурида. Только превосходство в вооружении спасло царские части от разгрома. По словам рапорта, повстанцы несколько раз бросались в атаку, но были отбиты огнем. Русские выпустили в этом сражении 69 пушечных снарядов и 44 629 пуль. Однако полковник Нурид под напором восставших вынужден был отступить к аулу Курчалой, а затем — к Герменчуку.

Бой под Маюртуном не только не решил дела в пользу царского командования, как хвастливо утверждал впоследствии начальник области в своем приказе по войскам от 5 декабря 1877 года, а послужил толчком к дальнейшему росту движения в Горной Чечне.

23 апреля к восставшим присоединились качкалыкковские аулы. В то же время усилилось восстание в верховьях Аргуна.

26 апреля Нурид панически сообщал в Грозный: «По всем сведениям, мятежники в больших силах находятся в ауле Бечик-Юрт и сегодня должны занять Маюртуп и Элнехен-Юрт. Оттуда намерены присоединить жителей плоскости и, заняв Шали, перейти в Урус-Мартан. Нет уже никакого сомнения, что вся Чечня за мятежников

и ждут только их появления, чтобы открыто против нас действовать»³.

Известие Нурида подтверждалось появлением в Грозном торговых людей из Автуров, Шали и даже Урус-Мартана, которые, испугавшись волнения населения, съездили свои товары и семейства под покровительство царских властей.

Для царской власти в Чечне наступал чрезвычайно критический момент. Аул Шали, к которому стремился Алибек, был самым большим из чеченских аулов по реке Бассу и считался как бы столицей Большой Чечни. Присоединение его к движению, несомненно, явилось бы сигналом для поголовного вооруженного восстания горцев Большой Чечни и дало бы восставшим прочную стратегическую опору для дальнейшей борьбы на чеченской плоскости. Но Алибек-хаджи, вместо того чтобы немедленно двинуться на плоскость, направился 26 апреля к Умахан-Юрту, затем возвратился оттуда снова к Маюртупу и только 28 апреля подошел к Шали. Эта задержка была одним из крупнейших промахов, которые были допущены руководителями движения в описываемые критические дни.

Пользуясь свободными путями сообщения, русское командование успело привести из Владикавказа в Чечню Таманский пехотный полк и под его конвоем тысячу чинов запаса. Вместе с тем к Грозному стягивались все запасные части из окрестных станций. Спешно приводились в порядок укрепления, усиливались гарнизоны, делались запасы снаряжения и велась усиленная агитация через верных агентов царизма среди верхушки чеченского населения. Царское правительство знало, на кого делать ставку для достижения своих целей, и не ошиблось в своих расчетах. Так называемые влиятельные туземцы и «почетные лица»: старшины, муллы, торговцы и крупные землевладельцы — в начале движения колебались. Хотя они посылали депутации к начальнику области и подавали адреса на имя русского «падишаха» с заверением в своих верноподданнических чувствах, они все же открыто шли против движения не решались, не будучи уверены в успехе царизма. К концу апреля русские власти, пользуясь тем, что восстание в горных районах затянулось, успели сосредоточить значительные воинские силы на плоскости и перерезать путь восставшим.

«Вновь прибывшие части, — писал в своем приказе № 254 генерал Свистунов, — вместе с собранными от 20-й дивизии и казачьих полков, быстро заняли линии рек Басса и Аргуна. Под влиянием их, шалинский аул, присоединение которого к мятежу послужило бы сигналом общего восстания

¹ Томкеев «Материалы для описания Русско-турецкой войны 1877—1878 годов». Т. VI. Ч. 1-я. Приложение XVI, стр. 297.

² ЦАУ СО АССР. Фонд походного штаба войск Терской области 1877 года, д. № 6, лл. 7, 8, 16.

³ Там же, д. № 2, ч. 1-я, л. 52—53.

всей Чечни, 28 апреля, сам встретил выстрелами вновь вышедшую из гор партию мятежников и нагнал ее на стоявпия вблизи части отряда. При содействии этих частей и ближайших аулов Большой Чечни, партия была окончательно разбита и рассеяна»¹.

Победой под Шали царское командование обязано было не перелому в настроении масс, а открытому переходу на сторону колониальных поработителей шалинского кулацкого и чиновного элемента, убедившегося в перевесе сил русских.

В решительные дни 27 и утром 28 апреля старшина аула Шали, тамошний житель Боршик Хамбулатов, собрал всех мулл, хаджей и других «почетных» лиц аула и убедил их, что для них выгоднее оставаться верными русскому правительству и выступить против восставших.

Поэтому партия Алибека-хаджи была встречена толпою вооруженных жителей, которые открыли залп по прибывшим. Озадаченные отряды повстанцев отступили и направились к аулу Автуры. По дороге они натолкнулись на части казаков, вооруженных ружьями новейшего образца, и после стычки повернули в горы.

Предательство верхушки имело громадные последствия. В телеграмме главнокомандующему начальник области писал после шалинского дела: «Чечня торжествует свое спасение»².

Боршику, как первому выразителю предательских замыслов чеченской верхушки, был пожалован чин прапорщика милиции и дарована пожизненная пенсия около 400 рублей в год; кроме того распоряжением начальника области он был зачислен в милицию на офицерскую вакансию, что давало ему еще 600 рублей в год.

После шалинского дела Алибек отступил со своими силами за аул Гуни, а затем вынужден был удалиться в глубь Ичкерии, избрав местом своего пребывания урочище Самсыр, расположенное при истоках реки Ярык-су, почти на самой границе Ичкерии, Луха и Салатавии. Движение начало нескоролько утихать.

3

С середины мая начался второй период движения, который продолжался до конца июля.

Этот период характеризуется новым соотношением борющихся сил и новыми методами борьбы.

К этому времени русское командование успело сосредоточить в Чечне крупные

воинские силы. Всего в начале мая в Терской области было собрано: 28 пехотных батальонов и 6 команд с количеством 24 409 человек, 16 казачьих сотен в составе 2261 человека, 11 сотен постоянной местной милиции и 104 орудия. Для действий против восставших командование выделило 84 роты и 8½ казачьих сотен при 32 орудиях³. Кроме того начальник Дагестанской области, генерал-адъютант Меликов, желая оказать содействие своим войскам в подавлении движения в соседних с Дагестаном округах, сформировал отряд из 2 батальонов Аншеронского и Самурского полков и 6 дружин и 3 сотен постоянной местной милиции под начальством полковника Накашидзе. Наконец, русское командование могло рассчитывать теперь на активную поддержку со стороны чеченской верхушки, проявившей уже в первый период восстания готовность стать на защиту интересов самодержавия.

Располагая такими силами, царское правительство решило перейти от обороны к наступлению. По совместному соглашению командующих войсками Дагестанской и Терской областей, намечено было начать наступление на Ичкерия с 3 сторон, причем вперед должны были двигаться отряды туземной милиции.

Подготовка к наступлению велась в течение 10 дней. Для организации отрядов из туземной милиции и «вразумления непокорных безумцев» вперед были направлены «почетные» люди Чечни во главе с генералом Арпу-Чермоевым. Отряды милиции формировались из князей, старшин и других представителей местной знати.

10 мая началось генеральное наступление на Ичкерия: из Грозного направилась колонна под начальством командующего войсками Терской области генерала Свистунова, из Хасав-Юрта двинулся отряд во главе с полковником Батьяновым и из Дагестана — части под управлением полковника Накашидзе.

Но в то время как царские войска готовились сжать железное кольцо вокруг восставших аулов Ичкерии, полковник Батьянов получил 14 мая известие, что восстали салатавские аулы: Алмак, Дылым, Костала и Миатлы. Батьянов немедленно сообщил об этом начальнику области следующей запиской: «Салатавия (аулы Буртуной, Алмак, Дылым) в полном восстании; принимаю меры, но на мою помощь в Ичкерии не рассчитывайте»⁴.

Царскому командованию пришлось изме-

¹ Томкеев. Цит. соч. Т. VI. Ч. 1-я. Прилож. XVI, стр. 298.

² ЦАУ СО АССР. Фонд походного штаба войск Терской области 1877 года, д. № 4, ч. 1-я, лл. 17, 20—29.

³ Томкеев. Цит. соч. Т. VI. Ч. 1-я. Прилож. III, стр. 18—21.

⁴ А. С. «Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году». «Военный сборник» № 6 за 1896 год, стр. 210. СПб.

нить план действий и бросить главные силы против Салатавиш.

Подавление восстания в Салатавиш заняло всю вторую половину мая и было проведено с чрезвычайной жестокостью. Аулы Алмак, Дылым и Буртунай с их хуторами были уничтожены. Все жители были назначены к поголовному выселению в северные или средние губернии России. Особенно горячо настаивал на этом командующий Дагестанской областью князь Меликов. Выселению подлежало до 500 семейств, то есть до 3 тысяч человек. Для охраны такого количества выселяемых требовалась большая военная сила. После некоторых колебаний местное командование решило подвергнуть выселению 200 человек — наиболее видных участников восстания, которые и были направлены под ковшом в глубь России.

Царское командование с беспощадной последовательностью сжигало аулы, выселяло население, уничтожало посевы.

Но несмотря на жестокие репрессии царского командования движение не затихало, а продолжало расти и крепнуть, принимая характер подлинно народного освободительного движения.

3 июня полковник Нурид писал командующему войсками, что население Чечли разбивалось на две партии: «одна — желающая спокойствия, другая — требующая восстания. Последняя партия в Шали настойчиво требует соединения с нею первой, упрекая за прошлую измену, оказанием помощи русским»¹.

6 июня полковник Лохвицкий сообщал из Шатоя:

«Внимательно следя за настроением населения, я пришел к тому убеждению, что восстание в недалеком будущем должно повториться, но в гораздо больших размерах, чем было в мае месяце»².

Ввиду всех этих известий военное командование решило возобновить попытку окружить и захватить главарей восстания с помощью местной милиции. С этой целью объявлено было о формировании отрядов милиции из охотников Хасав-Юртовского, Веденского, Аргунского и Грозненского округов для поимки или уничтожения Алибека и его отрядов. Охотникам-милиционерам было назначено по 10 рублей в месяц и кроме того фураж на лошадь. «Милиция обязывается уничтожать не только засевших в лесу абреков, но и всех тех людей, которые пытались бы скрытно пробраться в лес из аулов». При этом было объявлено, «что за каждого пойманного или убитого

¹ Томкеев. Цит. соч. Т. VI. Ч. 1-я. Прилож. I, стр. 13.

² ЦАУ СО АССР, фонд походного штаба войск Терской области 1877 года, д. № 2, ч. 1-я, л. 238.

таким образом человека они будут получать по 25 рублей вознаграждения. За главных же абреков: Алибека-хаджи, Султан-Мурада и Даду-Залмаева — за первого несколько тысяч рублей, а за второго и третьего по несколько сот. В случае доставления этих главных абреков живыми вознаграждение будет еще увеличено»³. Однако, как отмечалось в рапорте командующего от 5 июля 1877 года, охотников нашлось очень немного.

Извещенный о приготовлениях, Алибек прорвался через кордоны между аулами Гендырген и Запдакар и засел на лесистых высотах Кежелген-Дука.

24 июня полковник Батьянов бросился туда с крупными силами, но восставшие, убив и ранив несколько десятков нападавших, скрылись в лесах.

После этого генерал Свистунов должен был сознаться, что «поимка или уничтожение Алибека самими жителями» совершенно неисполнима, так как, пояснял он в рапорте от 5 июля за № 751, «надо признать... что все без исключения чеченское население, если не прямо сочувствует и желает успеха Алибеку, то, по крайней мере, видит в нем несчастного, которому приходится страдать за предпринятое им святое дело религии и которому поэтому, хотя втайне, помочь обязан каждый правый».

При таком положении дела нам приходится силою наших войск и администрации сдерживать только массу населения от явного участия в деле восстания... Настроение населения вообще становится весьма напряженным; сдерживать его все труднее»⁴.

Последние слова пачальника области отмечали начало нового периода в движении (июль и август), являвшегося кульминационным пунктом в героической борьбе горцев Чечни против царизма в 1877 году.

Внешним поводом к под'ему движения послужили неудачи русских на турецком фронте и усиленная агитация агентов султанской Турции среди кавказских горцев.

В начале июля в Чечне распространились слухи, что Сванетия находится в тайных сношениях с абхазцами и турками и что Турция намеревается двинуть на Северный Кавказ отряды горских переселенцев с целью поднять общее восстание горских народов против России, для чего готовится провиант на некоторых перевалах, в том числе на Азауском в Сванетии.

³ Томкеев. Цит. соч. Т. VI. Ч. 1-я. Прилож. X, стр. 66.

⁴ ЦАУ СО АССР, фонд походного штаба войск Терской области 1877—1878 годов, № 18, лл. 74—75.

Ума Дуев.

Музей народов СССР.

Вместе с тем среди горцев стали появляться султанские грамоты, доставляемые турецкими эмиссарами, в которых говорилось, что войска халифа, разбив гауров, приближаются к Тифлису и скоро будут в горах Кавказа под начальством Казии-Магомы, сына Шамиля, и что все те, кто теперь поднимается против русских, будут навеки освобождены от всяких податей и утверждены в обладании землей; те же, кто будут служить северным, навсегда потеряют свои права на землю и будут обращены в рабство. Основной отличительной особенностью борьбы на данном этапе явилось дальнейшее углубление классовой дифференциации внутри движения: на сторону царизма перешла не только вся кулацко-чиновничья и торговая верхушка Чечни, но и местное мусульманское духовенство.

«Почетные люди Махкетов, — писал 4 июля начальник Веденского округа князь Авалов генералу Свистунову, — явились ко мне с уверениями в том, что сами жители покончат с взбунтовавшимися»¹.

Тот же Авалов 2 августа сообщал, что «против Алибека-хаджи составляется оппозиционная партия» и что старшина аула Гордали собрал партию в 100 чел. против Сулеймана.

¹ Там же с. в. Цит. соч. Т. VI. Ч. 1-я. Прилож. XI, стр. 90.

«Да будет проклят тот, кто во вред своим ближним поднимает руку против сильного!» — провозглашали, опираясь на коран, духовные авторитеты края.

Не менее значительную поддержку оказали правительству и представители местного торгового сословия. «Богатые торговцы, принадлежавшие сами к чеченскому племени, — пишет один из царских историков, скрывший свое имя под псевдонимом А. С., — как только приближалась смута и грозила направиться к их аулам, каждый раз свесили на грузить свой товар на арбу и укрыть его за Терек или Сунажу, ближе к охране войск. Собираясь с указаниями этого верного барометра, нередко рассчитывали мы сосредоточение отрядов и меры охраны вообще»².

Вполне понятно, что движение приобрело на этом этапе исключительно ожесточенный характер. Измена бархучских групп привела к тому, что массы начали активно выступать не только против царизма, но и против господства «своих» эксплуататоров.

«Партия Алибека, — писал 7 июля полковник Авалов, — сожгла дом Хатуниевского старшины и его родственников»³. 16 июля полковник Лохвицкий сообщил из Аргунского округа, что Алибек арестовал всех старшин Чеберлоевского общества. В документальном материале о восстании приведено немало фактов избиений и убийств аульных старшин. С другой стороны, озверевшее царское командование, имея за собой крупные военные силы и активную поддержку всей местной знати и духовенства, перешло на путь самого беспощадного террора. Вот несколько выдержек из распоряжений командующего войсками генерала Свистунова, характеризующих методы «усмирения».

«Теперь остается одно, — говорится в письме к полковнику Авалову от 3 июля, — действовать силою оружия и не против скрывающейся партии, а против аульных обществ»⁴. В письме от 9 июля тому же полковнику Авалову предлагается аулы Махкеты, Таузен и Хатуни, жители которых ушли в леса, «разорить в конец, т. е. отнять у народа все средства»⁵.

В письме от 20 августа начальнику Аргунского округа предлагалось объявить всем селениям, «что в случае не только приятия мятежников каким-либо аулом, но малейшего в нем беспорядка, илислушания властям, вы будете присылать сюда в

² А. С. Цит. соч. «Военный сборник» № 7 за 1896 год, стр. 25—26.

³ Там же с. в. Цит. соч. Т. VI. Ч. 1-я. Прилож. XI, стр. 94.

⁴ Там же с. в. стр. 89.

⁵ Там же с. в. стр. 96.

Грозный аманатов такого аула, а я их буду расстреливать»¹.

В распоряжениях генерал-майору Смекалову, главному усмирителю движения, неизменно повторялось требование: «ради бога, только не отходите назад, а подвигайтесь хотя пощемногу вперед, беспощадно уничтожая перед собой все и всех... Силы (наши) все будут прибывать; только без сожаления косите все, бейте и вешайте беспощадно»².

Таков был характер борьбы на данном этапе. Перейдем к краткому обзору самых событий.

4

В начале июля восстали жители бассовских аулов. Затем со всех сторон стали поступать сведения о разраставшемся брожении, которое в связи с общим отступлением войск на кавказско-турецком фронте грозило охватить Ичкернию, Аух, Кумыкию, Большую и Малую Чечню, Ингушетню и Кабарду.

12 июля против бассовских аулов были двинуты крупные карательные отряды, но жители аулов с семьями и всем движимым имуществом скрылись в лесах. Карательная экспедиция уничтожила аулы, а посевы вытравила и вытоптала.

Алибек перешел в Чеберлой; восстание охватило весь Аргунский округ. Во главе повстанческих отрядов стал старшина аула Дзумсой Ума-хаджи Дуев. В 1861 и 1862 годах он участвовал в восстании на Аргуни под предводительством Умы Атабая, был сослан, но затем возвращен.

На подавление повстанческого движения были брошены значительные части не только местных войск, но и войск из соседней Дагестанской области под начальством князя Накашидзе. Усмирение Аргуна заняло вторую половину июля и проведено было с обычной жестокостью. Князь Накашидзе доносил о своих действиях: «не ручаюсь, но мне кажется, что я навел такую панику на жителей, что они не попытаются повторить сделанные ими беспорядки»³.

Другой предводитель карательных отрядов, полковник Лохвицкий, писал 17 июля: «наказание Чеберловскому обществу я думаю сделать следующее: 1-ое) Со всего участка, исключая Шароевского общества, теперь же взывать штраф, полагая на двор по 5-ти рублей; 2-ое) всех главных виновников в приглашении к себе Алибека-Хаджи и в оказании ему помощи —

арестовать; 3-е) арестовать семейства и имущества тех лиц, кои не явятся с повинною; 4-е) разорить до основания селения: Нижелой, Ригахой и Нуи-Хой и 5-е) весь участок обязать теперь же в самый кратчайший срок сделать широкую просеку от Босоевской горы к р. Шаро-Аргуни на пространстве сличном 6-ть верст»⁴.

Аулы и посевы Чеберловского участка были сплошь уничтожены; такая же участь постигла многие из аулов Шатоевского и Евдокимовского участков. Жители разоренных аулов скрылись в лесах.

Однако несмотря на всю жестокость карательных экспедиций движение нарастало с неослабевающей силой. Основной удар готовился в Ичкерни. Подготовку вели здесь центроевский житель Сулейман и брат Алибека — Хаджи-Алимхан.

10 августа Алибек появился в Центрое и оттуда двинулся в Беной. С появлением Алибека в центре Ичкерни восстание быстро охватило весь Даргинский участок. В телеграмме от 14 августа командующий войсками генерал Свистунов сообщал полковнику Мылову: «Положение дел ~~важ~~ое серьезное. Вся Ичкерния в полном восстании»⁵. В телеграмме от 16 августа в ставку главнокомандующего он писал: «Ичкерницы... восстали почти поголовно, обнаруживают давно небывалую дерзость и появились под самым укреплением Ведено»⁶.

Восставшие стремились отрезать и держать в блокаде Ведено, а с главными силами броситься на плоскость Чечни по рекам Гудермесу или Хулхулау.

Однако царское командование давно уже предвидело эту опасность и успело подготовиться. Большая Чечня зажата была сильными отрядами, расположенными в трех важнейших пунктах: Герзель-ауле, Шали и Грозном. Кроме того начальнику Грозненского округа приказано было «разделить все селения Чечни на группы из двух, трех или четырех аулов каждая, обязав селения каждой группы подачею взаимной помощи и круговой ответственностью за пропуск мятежников на территорию группы»⁷. Входы в Малую Чечню были также закрыты крупными заслонами войск.

Царское командование решило направить основной удар на Ичкернию и огнем и кровью задушить движение. Главным руководителем усмирения назначен был

¹ Томкеев. Цит. соч. Т. VI. Ч. 1-я. Прилож. XII, стр. 140.

² Там же. Прилож. XV, стр. 187—188.

³ Там же. Прилож. XIV, стр. 171.

⁴ ЦАУ СО АССР. фонд походного штаба войск Терекской области 1877 года, д. № 2, ч. 1-я, лл. 328—329.

⁵ Там же, д. № 3, ч. 2-я, л. 3.

⁶ Там же, д. № 4, ч. 2-я, л. 3.

⁷ Там же, д. № 18, лл. 233—234.

помощник командующего войсками генерал-майор Смекалов.

Действия против восставших открылись 14 августа взятием аула Дышпы Ведень, расположенного у стен самой крепости. Но заявлению генерала Смекалова, горцы оказали упорное сопротивление. В ауле они пользовались каждой саклей, каждым прикрытием и героически отстаивали позиции несмотря на губительный артиллерийский огонь.

О характере предпринятой экспедиции свидетельствуют распоряжения генерала Свиштунова. «Имейте в виду, — писал он 15 августа генералу Смекалову, — что цель наша должна заключаться в том, чтобы выбрать из всех аулов неблагонадежных людей и сослать их навсегда с семьями в Россию, взятие же аманатов должно составить только переходную к этому меру. Вообще очень много пабирать их стеснительно. Беной же и Зандак надо поголовно выселить в Сибирь или, если эти полцы не пожелают, выморить всех зимой, как тараканов, и уничтожить голодом. Зандаковских аманатов, которых прошу я выслать всех в отдаленные губернии, пришлите сюда, как только можно, им будет нужно назначить надежный конвой. При этом вести не со связанными, а буквально со скрученными позади спины руками, так чтобы ладонь левой приходилась и была привязана крепко к самому плечу правой и наоборот.

По дороге не развязывать ни под каким предлогом и в случае малейшего сопротивления одного немедленно перебить всех. Прибавить должен: очень желал бы, чтобы именно это последнее и случилось»¹.

В письме от 20 августа он напомнил Смекалову: «Пока могу в виде указания повторить вам только одно: требовать безусловной покорности и отнюдь никаких обещаний не давать, внушить им убеждение, что торговаться с нами они не могут и что, в случае малейшего непослушания, теперь уничтожим хлеба и аулы, а зимою выморим голодом в лесах».

Совершенно в том же духе давались указания полковнику Батьянову².

Аулы и хлеба были действительно уничтожены. Вся Ичкерия с семьями и имуществом переселилась в леса. «Вследствие этого, — писал генерал Смекалов начальнику области, — делаются затруднительными всякие требования, обращаемые непосредственно к жителям; говорить и приказывать не с кем и некому»³.

¹ ЦАУ СО АССР, фонд походного штаба войск Терской области 1877 года, д. № 7, ч. 2-я, л. 19.

² Там же, д. № 4, ч. 2-я, лл. 5—7.

³ Томкеев. Цит. соч. Т. VI. Ч. 1-я, стр. 200.

«Неусмирными» оставались только бассовские аулы, во главе которых стоял Ума Дув. В конце августа сюда двинулись главные силы генерала Смекалова из крепости Ведено, поддержанные колоннами князя Эристова из аула Шали. Восставшие оказали упорное сопротивление русским войскам. С помощью артиллерийского огня Смекалову удалось захватить устроенные горцами завалы, но он не решился продолжать свои операции и, преследуемый отрядами восставших, отступил в Ведено.

Так закончился третий период борьбы.

К началу сентября положение в Чечне сложилось следующим образом.

Русское командование успело мобилизовать к этому времени казачьи полки третьего комплекта и все резервные батальоны.

На 1 сентября в распоряжении генерала Свиштунова имелись 24 батальона и 8 команд пехоты, 28 казачьих и 21 милицмейская сотня, 1 артиллерийская рота и 49 орудий, а всего — свыше 25 тысяч человек⁴.

Открыто стояли теперь на стороне царизма и все зажиточные слои туземного населения: старшины, торговцы и духовенство. «Сожжение аулов до основания, — писал полковник Батьянов в одной телеграмме, — произвело одуряющее действие на зажиточных в этой местности чеченцев»⁵.

Трудящиеся массы Нагорной Чечни не сдавались, но силы были явно неравные. Главные аулы — Ауха и Салатавни — превращены были в пепел, а жители выселены на плоскость, или в Россию. Население Ичкерии почти поголовно находилось в лесах. Небольшие отряды Алибека, Султан-Мурада и Сулеймана укрылись в самсырских лесах.

Население бассовских аулов также переселилось в леса, махкетинцы с Умою во главе засели в труднодоступном и укрепленном урочище Сульме-таузен; таузенцы и часть хатупинцев, руководимые Хорсаном и Тангаем, заняли верховья Бассовского ущелья; наконец, элистанджинцы и некоторые из ичкеринцев бежали в лесные трущобы Элистанджинского ущелья.

Таким образом, восставшие могли противопоставить регулярной русской армии в 25 тысяч человек, поддерживаемой туземной верхушкой, лишь слабые, разрозненные отряды в сотни человек, лишенные вооружения и продовольственной базы.

⁴ Там же. Прилож. IX, стр. 36—41.

⁵ ЦАУ СО АССР, фонд походного штаба войск Терской области 1877—1878 годов, д. № 13, л. 246 об.

Несмотря на поддержку горцев Дагестана, где назревавшее в течение лета восстание вспыхнуло теперь грозным пламенем, движение в Чечне не могло уже оправиться от нанесенных ему ударов.

Сентябрь и октябрь были последним периодом восстания, периодом жестокой расправы паризма с Горной Чечней, поднявшей знамя борьбы за национальную независимость.

Первый удар был направлен против бассовских аулов, откуда отряды Умы Дуева угрожали Аргунскому округу и Плоскостной Чечне. Крупные силы двинулись сюда с четырех сторон: 1) со стороны Ведено, 2) от аула Шали, 3) от Шато-Аргуна и 4) со стороны Чеберлая.

Зажатые в кольцо, бассовцы героически отступали каждую балку и каждую переправу. Борьба длилась в течение трех недель, с 3 до 25 сентября. Окруженные со всех сторон превосходными силами противника, лишённые продовольствия, бассовские аулы вынуждены были сдать. Жителей этих аулов поголовно выселили на плоскость. В телеграммах главнокомандующему Дагестанской области генерал Свистунов сообщал, что результатом действий за последний месяц было поголовное выселение на плоскость аулов Махкеты, Хатуни и Таузенъ.

Ума Дуев скрылся в урочище Букказе. С 25 сентября по 15 октября была произведена такая же операция против самсырских лесов, где скрывались отряды Алибека, Султан-Мурада и Сулеймана. Прорубая просеки с помощью мобилизованных жителей ближайших аулов и уничтожая встречающиеся на пути хутора, запасы хлеба и сена, войска Смекалова пятью колоннами окружили последнее убежище восставших. Русским властям помогла измена в рядах восставших. 3 октября к Смекалову явился беглец Бий-Султан, бывший весьма зажиточным человеком и состоявший последнее время в партии Алибека. Бий-Султан подробно описал местонахождение Алибека и обещал провести туда русских солдат кратчайшим путем: наградой ему должно было служить прощение прежних преступков и разрешение собрать в Дарго остатки имущества.

С помощью этого проводника русские неожиданно палили на хутор Самсыр и разгромили отряды Алибека, захватив все приготовленные на зиму продовольственные запасы. Алибек с остатками партии перешел в Андю.

Одновременно колонны полковника Лохвицкого окончательно вытеснили отряды Умы с Аргуна, вынудив их также перейти в Андю.

Счет 1878.

Счета, израсходованных на совершение казни над Государственными Преступниками в Сел. Срогном. — 1878 года Марты Дюва.

	Сентябрь	Октябрь
<i>Арестантам Грозненской губернии</i>		
<i>вспомогательным исполняющим обязанности</i>		
<i>Начальник Казначейства Грозненский</i>	10	..
<i>Возможным помощником Виссимова</i>	5	..
<i>Вспомогательным и престопающим</i>	5	..
<i>На веревки, веревки и т.д.</i>	8	..
<i>С 15 Шатаков, вместо севинской</i>	3	..
<i>Вспомогательным исполняющим обязанности</i>	2	25
<i>Полковнику С.Ю. Грозненскому</i>	3	..
<i>на командировку войскам Терской области</i>		
<i>или Арестантам надзирательной</i>		
<i>редакции Селичу Р. Коранскому</i>	10	..
<i>Лидовскому</i>		
Итого	41	25

Грозненский Коллеж Магистр

Губернский Секретарь

Коллеж Секретарь

Губернский Секретарь

Счет денег, израсходованных на совершение казни над группой повстанцев в Чечне. Грозный. 1878 год.

Музей народов СССР.

О методах, применявшихся здесь парским командованием, свидетельствуют распоряжения генерала Свистунова. 28 сентября он писал начальнику Аргунского округа: «Если только подтвердится, что Ума раз'езжал по селениям Шатоевского участка, или только скрывался несколько дней, или обнаружился бы какой-либо иной признак дурных умыслов Шатоевского участка, то все аулы этого участка... нимало не медля уничтожить, то есть все население выгнать поголовно за Терек, не давая им даже времени собрать свое имущество... Если же население не пошло бы и разбежалось бы по лесам, то уничтожить аулы, хлеба, скот, все имущество и жителей преследовать, не давая пощады никому и ничему, так чтобы обратить весь участок в пустыню»¹.

На другой день Свистунов снова напоминает о необходимости выгнать жителей Шатоя, всех поголовно, за Терек. «Если же они станут упорствовать, — заявляет он, — и нам придется всех их перебить, делать нечего и на это надо решиться»².

¹ ЦАУ СО АССР, фонд походного отряда войск Терской области 1877 года, д. № 7, ч. 2-я, л. 82.

² Там же, л. 85.

Группа арестованных повстанцев в Чечне.

Музей народов СССР.

К середине октября восстание в Чечне было окончательно подавлено.

16 сентября генерал Свистунов сообщил телеграммой главнокомандующему, что область совершенно очищена от мятежников и военные действия прекратились.

Главные силы под начальством генерала Смекалова и полковника Лохвицкого брошены были в Дагестан. Восстание в Дагестане успело к этому времени принять чрезвычайно широкие размеры. Однако генерал Свистунов не хотел посылать туда большие подкрепления несмотря на просьбы и требования князя Меликова, опасаясь за спокойствие Плоскогорной Чечни. Еще 25 сентября генерал Смекалов писал Свистунову: «Помогать соседу тушить пожар следует, но отдавать ему все пожарные средства в то время, когда горит собственный дом едва ли удобно. Такого великодушия никто не вправе требовать»¹. Наконец, царское командование, уничтожившее значительную часть Горной Чечни, нашло возможным оказать помощь соседу. На территории Чечни военные действия сменились административными репрессиями.

В течение октября—декабря в Грозненском, Веденском, Аргунском и Хасавюртовском округах были арестованы многие из главных участников восстания и все родственники Алибека. 27 ноября добровольно явился к властям сам Алибек, не желая, чтобы за него страдали родные

аулы. Ума с сыновьями был захвачен в Дагестане при взятии аулов Тизитль и Согратль. Султан-Мурад и Сулейман успели перебраться в Турцию.

4—6 марта 1878 года в городе Грозном состоялся военно-полевой суд над главными руководителями восстания. К суду привлечено было 17 человек. Суд приговорил 11 человек к смертной казни через повешение, в том числе Алибека-халжи Алланова, Уму-халжи Дуева, сына его Даду Умаева, Даду Залмаева и других. Остальные приговорены были к 20 годам каторжных работ. 9 марта 1878 года, в 6 часов утра, в городе Грозном смертный приговор был приведен в исполнение. Осужденных доставили к месту казни в следующем порядке: впереди везли на «дезорной» колеснице старика Уму Дуева, за ним на двуколке Алибека-халжи, остальные шли сзади с связанными руками и в кандалах.

Первым должен был войти на эшафот молодой Дада, сын Умы... Роль палачей исполняли два уголовных преступника, которым заплачено было по 5 рублей каждому. Все повешенные были зарыты в общей яме на месте казни².

Что касается населения восставших районов, то по отношению к ним царизм применил приемы победителей периода Кавказской войны. Целые аулы были выселены или внутрь России или на плоскость. Освободившиеся участки плодородной земли были переданы участникам

¹ Томкеев. Цит. соч. Т. VI. Ч. 1-я. Прилож. XV, стр. 260.

² Материалы Чечено-Нигушского исторического музея в Грозном.

подавления движения или казакам. Точно определить количество чеченцев, выселенных в Россию, не представляется возможным, так как официальные документы перечисляют то целые аулы, то семейства, то отдельных лиц. Во всяком случае, количество это определяется тысячами.

Первоначально местом жительства горцев, выславшихся с Кавказа, назначались губернии Средней России, преимущественно Тульская, Рязанская, Калужская. Затем поток выслаемых был направлен в Вологодскую, Новгородскую, Новгородскую губернии и в Западную Сибирь. Царское правительство отлично понимало, что высылка горцев в холодные, северные губернии равносильна смертному приговору. Министр внутренних дел писал 23 апреля 1878 года о последствиях подобной высылки: «Можно без особого преувеличения сказать, что она едва ли не равносильна поголовному истреблению»¹.

Действительно, смертность горцев в местах новых поселений была ужасающей. Так, в Новгородской губернии из числа прибывших сюда в начале 1878 года 1625 человек в первые же месяцы умерло 429 человек (118 мужчин и 311 женщин) и кроме того 74 человека оказались безнадежно больными².

Так расправлялся царизм с трудящимися горскими массами, поднимавшими

знамя борьбы против колониального порабощения.

Свирепые правительственные репрессии не сломили революционного сопротивления горцев Чечни и Дагестана. Борьба против царского владычества продолжалась и приняла особенно грозный для царизма характер во время революции 1905 года и февральской буржуазно-демократической революции 1917 года.

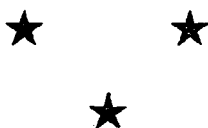
В борьбе против царизма, против национального гнета, против помещиков и капиталистов закалялись и сплывались горские трудящиеся массы и вместе с тем завязывалась крепкая дружба между горскими народами и передовой частью великого русского народа. Под влиянием революционного движения народных масс России трудящиеся Чечни все более проникались сознанием необходимости борьбы за свое национальное и социальное освобождение. Великая Октябрьская социалистическая революция нашла в трудящихся массах Чечни самых верных союзников и помощников.

«Свергнув власть помещиков и капиталистов, основных носителей национального гнета, и поставив у власти пролетариат, Октябрьская революция одним ударом разорвала цепи национального угнетения, перевернула старые отношения между народами, подорвала старую национальную вражду, расчистила почву для сотрудничества народов и завоевала русскому пролетариату доверие его инонациональных братьев не только в России, но и в Европе и Азии»³.

³ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 136.

¹ Ленинградский центральный исторический архив (ЛОЦИА). Дело Кавк. комитета 1878 года № 85, л. 55.

² Там же, л. 55.

Мазепа и Меншиков

Новые материалы

Печатаемая статья не имеет целью дать исчерпывающую историю взаимоотношений между Меншиковым и Мазеной. Ее задача очень скромная — познакомить читателей журнала с теми документами, которые сохранились в бумагах Меншикова.

Первоисточники истории Украины, в частности за годы гетманства Мазены и особенно за последние годы перед его изменой, опубликованы давно и в достаточном количестве. Однако и в этой области есть заметный пробел: скудость, почти полное отсутствие в печати первоисточников, выясняющих сношения Меншикова с Мазеной. Что они писали письма друг другу, — это сомнению не подлежит, но печать этих писем не знает. Возможно, что письма Меншикова к Мазене погибли вместе с их владельцем. Письма Мазены к Меншикову, очевидно, остались в семье Меншикова, так как среди опубликованных документов, сохранившихся в бывших архивах Государственного совета (в Ленинграде) и Министерства иностранных дел (в Москве), их нет. Что же касается до письменного наследства Меншикова, оставшегося в руках его последников, то судьба его та же, что и судьба всех прочих частных наследств: оно раздробилось между наследниками, обветшало, а частью и совершенно сгнило и, в конце концов, распродано на пуды старьевщикам.

В конце XIX века в Москве хорошо знали двух дочерей последнего Меншикова, известного по Крымской войне. Одна из них носила фамилию Мелокс и проживала в собственном доме на Малой Дмитровке; другая, Анна Ивановна Корейша, проживала в своем доме на Пречистенке, где теперь помещается Толстовский музей. В этот дом свезено было все малоценное имущество из собственного дома Меншиковых на Большой Якиманке. В число малоценного имущества были включены и бумаги. Повидимому, их размещали на чердаках, где они гнили под протекавшими крышами.

В самом конце XIX века, когда скончалась А. И. Корейша, дом ее купил московский городской голова М. В. Челюков. Наследникам Анны Ивановны пришлось ликвидировать остатки меншиковского на-

следства, в том числе и старинные книги и бумаги. И вот из ворот челюковского дома потянулись ломовые подводы со всякой рухлядью и с большими связками книг и бумаг. Это были подводы московских букинистов, скупивших на пуды за бесценок имущество, ставшее ненужным и обременительным для владельцев. Когда книги и бумаги свезены были в лавки в подвалы букинистов, на них налетели любители и коллекционеры и выбрали из них все, что каждый из них считал наиболее ценным.

В конце концов маленькая часть меншиковского письменного наследства поступила в Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Та часть этого наследства, которая представляет собою письма Мазены и письма других лиц к Меншикову о событиях 1708 года на Украине, печатается ниже. Ввиду того интереса, какой имеют не только содержание, но и язык и стиль этих документов, мы печатаем их с буквальной точностью.

Наступил 1708 год.

1

Уже двадцать лет Мазепа гетманствовал на Украине, и за этот срок он успел приобрести полное доверие московского правительства. Молодой царь Петр I полюбил его и считал его своим искренним, безгранично преданным слугою. А Мазепа со своей стороны принимал все меры, чтобы подогреть у царя эти чувства доверия и любви. Излюбленными приемами Мазены в этом деле были лесть и угодничество перед московскими временщиками. Еще в первый приезд в Москву, когда не по своей воле Мазепа оказался на допросе в Малороссийском приказе, которым тогда заведывал знаменитый боярин Артамон Сергеевич Матвеев, будущий гетман сумел поправиться всевышнему боярину, был допущен на поклон царю Алексею Михайловичу и поехал из Москвы с почетными поручениями. В чине генерального есаула Мазепа еще несколько раз бывал в Москве. Заметив, что в правление Софьи вся власть находилась в руках князя Василия Голицына, ее любимца, Мазепа ловко подделался к этому временщику и сумел так расположить его к себе, что Голицын настоял на

избрании Мазепы гетманом после Самойловича (1687 год).

Шляхетское происхождение, польское образование, воспитание при дворе польского короля дали возможность Мазепе блистать в Москве и своей образованностью и любезностью в обращении.

Благоприятным для Мазепы было в Москве то обстоятельство, что все временщики преклонялись перед западным просвещением, носителей его всячески приближали к себе и баловали безмерно. Сама судьба, казалось, была на стороне Мазепы и в дальнейшем: случайно приехав в Москву в 1689 году, он стал очевидцем переворота. Правление Софьи кончилось, Голицын был отправлен в ссылку, всю власть взял в свои руки молодой царь Петр I. Быстро порвав связи с прежним правительством, Мазепа примкнул к новому и, чтобы заручиться его расположением, пустил в ход свои испытанные средства.

Прежде всего Мазепа успел подделаться к Петру. Царь полюбил Мазепу, и между ними надолго установились самые дружеские отношения. Друзья засыпали друг друга подарками. Мазепа отправлял Петру дичь своей охоты, лосей, серн, а из своих садов — дули, яблоки, вишни. Для царского стола в Москве все эти яства были редкостью. В свою очередь Петр посылал Мазепе разные гостинцы из произведений северной природы и живую рыбу из Невы и Ладожского озера. Когда Мазепа приезжал в Москву, царь принимал его, по словам Мазепы, «з великим уcontentованием».

Мазепа не только льстил и угождал перед царем. Гетман оказал Петру немало услуг и под Азовом, и у Коломака, и против шведов и поляков. Петр так полюбил гетмана и так доверился его преданности, что не придавал никакого значения многочисленным предостережениям, которые шли непрерывной чередой за двадцать лет гетманства Мазепы. Царь в конце концов перестал принимать доносы и направлял их вместе с доносчиками в распоряжение Мазепы.

Пользуясь неограниченным доверием Петра и его дружеским расположением, Мазепа не упускал случая подделаться и к новому временщику, Александру Даниловичу Меншикову. Каждое письмо его было переполнено самыми льстивыми обращениями, самыми изысканными выражениями услужливости и покорности. Помня о происхождении Меншикова, гордясь своим ранством перед временщиком-плебеем и обижаясь в то же время за свое подчиненное положение в отношении к Меншикову, Мазепа полагал каскадом лестн скрыть свои истинные намерения, расположить к себе честолюбивого Меншикова, отвести от себя всякую возможность подозрений и не-

Мазепа.

Государственная библиотека СССР
имени В. И. Ленина.

доверия. Одним из средств залезть в дружбу были подарки. 10 января 1708 года, посылая Меншикову дичь своей охоты, Мазепа высокопарно писал:

«Светлейший Римского и Российского государств Ижерский князь господине господине мой любезнейший брате

Рад бым вседушно як найболшим зверинним вашей светлости прислужитися половом, но попеже оного за неспособною зимою много не явилося, убо сколько могло сыскатися посылаю на кухню вашей светлости. А який звер и сколько оного и сколько оного до вашей светлости посылается, с том ваша светлость з росписе известен будеш. Что все прошу вашей светлости благодарие прияти, во здравие кунати и мене в непременной своей братерской и благодетельской сохрпяти любви и ласце, которим себе навсегда вручаю и есмь.

вашой светлости всего добра щире зычливый

Брат и слуга

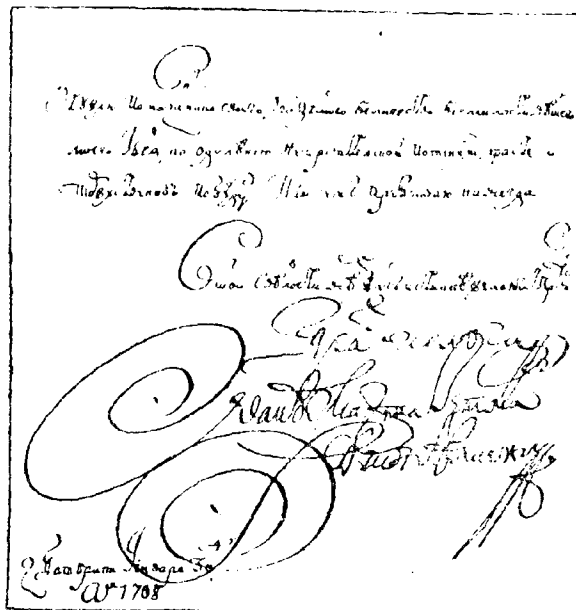
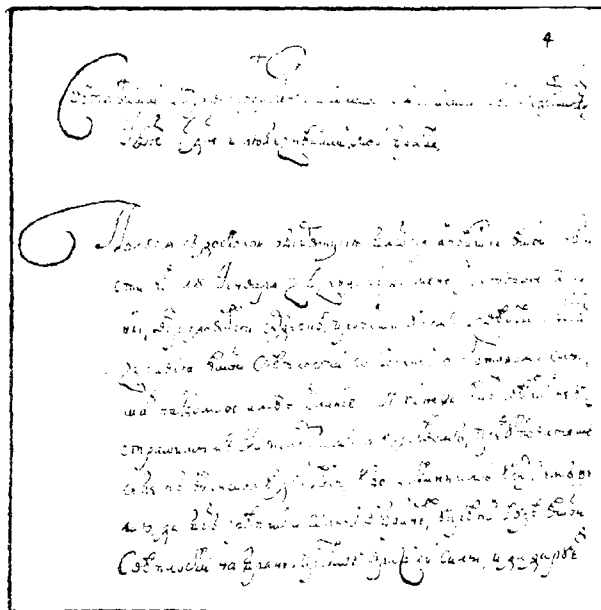
Иван Мазепа гетман

рукою власною

З Батурина Гелвара 10 д.

Року 1708».

Невольно рождается вопрос: чем вызбалась эта льстивая напыщенность писем Мазепы? Почему Мазепа день ото дня все сильнее заискивал перед Меншиковым? Зачем Мазепе нужно было держать на своей стороне все сильного Меншикова, когда у царя Петра положение самого Мазепы было неуязвимым, не оставлявшим желать ничего лучшего? Ведь еще так недавно Мазепа в сношениях с Меншиковым умел

Рукопись письма к А. Д. Меншикову с подписью Мазепы.

Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина.

держатъ себя с достоинством, как равный. Его письма к Меншикову содержали деловые сообщения, не выходящие из круга дел, подведомственных непосредственно Мазепе. И Мазепа находил язык, на котором он, гетман, кавалер Антрея Первозванного, облаканный царем, разговаривал с Меншиковым, не унижая себя и не превознося без меры «брата» и «приятеля». Вот письмо Мазепы от 9 ноября «к его сиятельству князю губернатору Александру Даниловичу Меншикову из Обозу»:

«Государь мой и любезный брат Александр Данилович

Каковы сегодня получил от Дмитрия Мазеимовича, писаря полкового Пешинского, с его царского пресветлого величества думным дьяком, комиссаром межевым, Емельяном Украинцовым на комиссии зист с ведомостью о комиссарном деле, до меня писанном, тойт наскоро для ведома великому государю нашему до его ж монаршого двора посылаю.

При сем же вашей велможности объявляю, ибо, пришедши ку Гродлу, над рекою Бугом будущему, и распорядивши войска regimentу моего на зимовые кварталы в воеводстве Бельском, в земле Хелмской, велими в пустых, не только конским кормом, сеном и соломою, но и хлебом в скудных местах, как пред сим чрез ссаула моего генерального Ивана Скоропадского и Климата Долгопалова до вашей велможности писал; сам по указу великого государя пойду ку Добнове.

При том неотменно братерской вашей велможности вручаю мя приязни и ласке; писал в обозе.

вашей велможности всего добра
желательный приятель
Гетман Мазепа».

Так писал Мазепа еще в 1707 году. С приближением, а особенно с наступлением следующего года и тон и язык писем Мазепы резко меняются. Заискивающий тон усиливается от письма к письму и то и дело переходит в хвалебный по отношению к адресату и непомерно умаляющий достоинство корреспондента. Услужливость выдвигается на главное место. Таковы услуги по пересылке иерусалимских подарков. Особенно выхваляются мужество и военная мудрость Меншикова. Меншиков уже начал бить шведов, и Мазепа торопится пообещать ему дальнейших успехов. Мазепа пишет:

«Светлейший и превосходительнейший Римского и Росейского государств Ижорский князь господине господине и любезнейший мой брате.

Получя с достойною observationeю благоприятнейшее вашей светлости от 18 Января з Дзенцол до мене ординованое писание, возрадовахся сердечне прочетши в нем известие о благом здравии вашей светлости состоянии, о котором слышать пайболное имею желание. А поспеже ваша светлость неустрашимым кавалерским мужеством предуготовляет себе к воинскому действию, убо истинным усердием желаю, да бог кренкий и сильный в бранех укрепит руке вашей светлости на брань противу вражней силы, и дарует оружие помазанника своего, его царского величества, всемплоштивейшего моего государя, ко одолению неприятельской потещици, щасте и торжественную победу.

При сем пребываю навсегда
вашей светлости всех благ истинне
желаючи приятель

брат и слуга
Иван Мазепа гетман

рукою власною
З Батурина Генваря 30 д.
Ан 1708».

«Искал до мене сиятелинейший его милость господин Гаврило Иванович Головкин, его царского величества верховой комнатный и кавалер, дабы я вещи от святейшего патриарха Иерусалимского, так его царскому величеству, всемилостивейшему моему государю, и его величеству государю царевичу, яко и вашей светлости, присланные, нынешним зимним путем посылал до Минска, по яком писании все те вещи посылаю, а что з тех вещей надлежит особе вашей светлости, и того росписе по греческу, а з греческого нашим диалектом переведеная в сем же листе заключенная».

Мазепа выше меры превозносит военные таланты и успехи своего корреспондента. Мазепа в восторге от успехов царского войска и сулит врагу окончательную гибель. Мазепа всемерно подчеркивает свою преданность Петру, хотя в таких уверениях, настоячивых и усиленных, не было никакой нужды. Ни царь, ни его окружение не сомневались в верности Мазепы и в его ревностных стараниях на пользу русского войска и русского царя. Тем не менее Мазепа продолжал свое ласкательство перед Меншиковым и свои уверения в преданности.

26 февраля Мазепа писал Меншикову:

«Светлейший и превосходительнейший Римского и Российского государств Ижорский князь господине господине любезный мой брате и особливый благодетелю.

Получил я с нарочным курьером моим почтешнейшее вашей княжой светлости от 13 Февраля из местечка Плецениц до мене ординованное писание, в котором як много слов, толкико не постыдных, истинной и нелицемерной вашей княжой светлости любви знамений вычитав, благодарствую непременно вашей княжой светлости, что по кавалерском своем обещанию не применяет к мне никогда братолюбной своей милости, яко я до кончины жития моего, аще и краткого, усердный емь синекатель.

О благом вашей княжой светлости и всей его царского величества армен состоянии известясь с листа вашей княжой светлости, радуясь сердечне и верным моим желанием желаю, да бог крепкий во бранех, лев сын из колена иудова, дарует и послет оружию помазаника своего, его царского величества, всемилостивейшего нашего все-российского императора, непреодоленную крепость и щастье, и да пособит силою своею ко поправанию огнедышущаго шведскаго лва, а вашу княжую светлость к предлежащему подвигу военному да укре-

пит и да осенит над главою вашей княжой светлости в день брапи.

Я отсюда ко извещению вашей княжой светлости ничего болши кроме того не имею, токмо что здесь в Хвастове по указу его царского величества, всемилостивейшего моего царя и государя, с войсками рейменту моего стою во всякой к отпору неприятелю готовности, и по указу его монаршем, в нынешних конюнктурах военных зионоусь взаимными корреспонденциями с господином Сенявским, гетманом великим коронным, который прежде до мене искал, чтоб я посылал до великой Польши 3000 избороного войска в суцкуре польскому войску под коменду его ж гетманскую, а теперь ищет требуя 6000 войска туда ж до великой Польши. Я убо незнаю и сам, яким образом желание его исполнити, понеже на то не имею от его царского величества, всемилостивейшего моего государя, указу, чтоб ему гетману партиям войско рейменту моего давать, а до того в нынешнее бездорожье и великую безкормицу в так далекую сторону, а еще и под коменду мяцкую посылать бы и опасно.

Сие вашей княжой светлости объявив, пребываю навсегда.

вашей княжой светлости истинно желательный приятель

брат и слуга
Иван Мазепа гетман
рукою власною.

Из Хвастова февраля 26
року 1708».

2

Всячески стараясь убедить Меншикова, а через него, конечно, и Петра в полной своей готовности служить своему государю безоговорочно и тотчас исполнять его распоряжения и все пожелания и указания Меншикова, Мазепа очень осторожно выдвигает внешне прениятствия к их выполнению: он сам якобы всегда готов служить всеми способами и выполнять любое распоряжение, но он ничего не может поделат с препятствиями, которые мешают ему выполнить царскую волю или указания Меншикова. Что он может поделат с отсутствием конских кормов?

Чтобы окончательно убедить царя в своей верности и непоколебимости, Мазепа посылает ему (и извещает об этом Меншикову) «пашквильный и прелестный лист», очевидно, с предложениями об измене, полученный им от поляков. Мазепа посылает успокоительные сообщения о состоянии южных границ: черкесы помирились с крымским ханом, а в Турции наступают внутренние затруднения в связи с ожидаемой смертью султана. На польской грани-

не междуособие раз'единяет силы поляков. Помощи от султана Польше придется ожидать долго. Впрочем, обо всех изменениях в международном положении Мазепа обещает своевременно сообщать. Он пишет: «Светлейший и высочайший Римского и Российского государств Ижерский князь, господине, господине, любезный мой брате и особливый благодетель.

Посылая до двора его царского величества с писмами пужными нарочного моего курьера, приказал ему вступить и до вашей княжой светлости, через которого сим моим писанием, по обыклов мой братолюбивой должности, почтеннейшую вашей княжой светлости особу венерую, желая на пынешней кампанни пашливого, одолетельного, торжественного и врагом страшного вашей княжой светлости поведения.

О себе известую вашей княжой светлости, что, по повелению и совету его остави восприятый ку Полце марши, возвращаюся воснять ку Киеву и, не доходя самого Киева...¹ стоять в близости на приличных местах для лучшего в копских кормах доволства, о которые там под Киевом труд...

Чтоже надлежит до коммункации публичных действий, и о тых доношу вашей княжой светлости.

Кухмистра коронного, а у противной стороны маршалка надворного, прозываемого Тарла, по указу Порты, Сераскер паша на сих днях отправил ни з чьим. Токмо в добрых приятели, у Бендери пребывающии, разсуждают, что не без секрету и не без причины меет быть, что его Тарла перш отправлено и отпущено без суккурсу, а потом велено для чого с удержатца. И теперь отежжает он з Бендеру до Сороки такожде без суккурсу. Где если удержитца, или уже в свой путь поедет, о том подлинно невозможно еще ведать. Тот же Тарло який до мене з Бендеру писал пашквильный и прелестный лист, послал я оный до двору его царского величества для ведома, о котором... безизвестен ваша княжая светлость будешь.

Хан Крымский от походу своего, который с всеми ордами крымскими и белгородскими восприял был на Черкесы, для унятия бунтов тамошних и для одобрания обыклов себе оттуду дани, по указу солтана Турского возвратился воснять, понеже Черкесы, проведав о том его ханском походе и выбрав наилучших девок и хлопцев, послали оных до солтана с чолобитьем, прося милости, чтоб им теперь, когда приняли веру бесурманскую, хану дани не давать, которую алкоран Махометов от биссурман

брать возбраняет. И по тому их Черкесов челомбитию посылал солтан Каничи пашу з ферманом до хана, чтоб воснять возвратился, что и собылося.

О солтану Турецком подтверждаетца, что велики болен на осну и близкий есть врат смертных, который еслибы мел... той болезни умереть, то надеются у Порты великого внутреня... смущения, междуособной брани и кровопролития.

От Полци многими подлинными ведомостми подтверждаетца, что Стапислав, з частию войска шведского, з войсками Литовскими и иными своих партизантов, идет от Литвы просто на Волынь.

Гетманы коронныи еще повидному коллигации з царским величеством постоянно держатца, токмо от всех воеводств великую на себе имеют печальность, пререкания и роптания. А что впредь там явитца и якое будет поведение, не умедлю вашей княжой светлости донести. Ныне же и на всегда непременно пребываю

вашой княжой светлости истинный
приятель

брат и слуга
Иван Мазепа гетман
рукою власною.

З обозу Июля
1708

P. S. Почтеннейшие вашей княжой светлости писания, до господина Корсакова надлежащие, когда колбеки от вашей княжой светлости до мене справленные доходили, всегда я оные по должности моей нарочным моим курьерами, чрез почту, до рук его отсылал. Яко и теперь полученный от вашей княжой светлости пакет наскоро нарочным же моим посланцем в обоз польский до его, господина Корсакова, сего дня адресовал. Которую мою и высокопочтеннейшой вашей княжой светлости особе должность и впредь обещаюся сохранять, такожде и отголь якие мене будут респонса доходить, рукам вашей княжой светлости надлежащие, если пужнейшие самые, то нарочным моим посланцами, а когда не велики нужные, то почтою без наимедшого задержания стапу посылать.

Ведомостей полских не выпишю вашей княжой светлости, понеже там всяких состояний дела на сторону его царского величества, всемогуществейшого нашего царя и государя, добре (слава богу) управляютца, и господа гетманы коронныи при коллигации постоянно держатца.

Кухмистр коронный Тарло еще у Сераскера пашы синистрийского обретається, и надеясь, что под сее время противной нашей стороне не дадут суккурсу ордою чрез его, понеже хан Крымский з ордою пошел на черкес бунтовщиков своих.

¹ Часть листа сгнила и утрачена, как и в других местах, отмеченных многоточиями.

А о суккурсе турецком целе отказано ему Тарлу, даючи тую причину: что Порта на войну не готова теперь, и когда бы одной войну починать, то надобно б чрез целый год до того приуготовлятица.

Однак порта чрез сераскера обнаджила его Тарла, что будто на приидущее лето войну зачнет. О чем добрии приятели, значивши корреспонденти, донесли мне.

А впрядь воспоминаутый Тарло, когда п з чим будет оттоль отпавлен, незамедля вашу княжую светлость известна о том учинит».

На новое сообщение Меншикова о военных успехах русского войска Мазепа тотчас откликается приветственным письмом Меншикову. Одно обстоятельство смущает Мазепу — это распоряжение Меншикова прислать к нему беглых калмыков. Мазепа жалуется на недостаток регулярных (компанийских) войск и малое число казаков (городовых). А для копвоя калмыков требуется немалое количество тех и других. По словам Мазепы, он почти бессилен что-либо сделать: полки казачьи отсутствуют, они в командировках. Со своей стороны Мазепа предлагает такой план эвакуации калмыков, который потребует не только большого копвоя, но и подвод. Гетман направляет калмыков к Меншикову не прямо, а более длинным путем — через Киев. 5 июля Мазепа писал:

«Светлейший и высокопочтеннейший Римского и Российского государств Ижерский княже господине господине любезный мой брате и особливый благодетелю.

Благоприятнейшее и вожделенное мне всегда вашей княжой светлости писание из Гнездина, от 27 июня выдыванное, получил я с подобающею честью зде в Обозе в 5 д. июля, с которого уведомясь о благополучном вашей княжой светлости состоянии и о щасливом войск монарших поведении, сердечне радуюся, верным усердием желая победы тежкому его царского величества оружию и вашей княжой светлости бессмертной славы и триумфов, а неприятелю не токмо нужды, но и крайней погибели.

А что вапа княжая светлость повелевашь мне за крепким караулом присылать до себе беглых калмыков, и я в том повеление вашей княжой светлости рад был вседушно без всякого умеления исполнить. Токмо тое разсуждение вашей княжой светлости предаю, что, посылая их калмыков, надобно б в так далекий путь для караулу придать полтораста и более компаний, яко до людей военных и отчаянных, понеже городовии, яко не искуснии, не могут в том справитца. А я под сие время не токмо компаний, но и городовых полков не великое число при себе имею, ибо една компания з городовими козаками стоит у Поло-

А. Д. Меншиков.
Государственная библиотека СССР
имени В. И. Ленина.

ного, другая с полком Полтавским ордынована на зменника Булавина, городовии также полки Стародубовский и Чернеговский ку Быхову три тысячи выборного войска на суккурс в Польшу, а полку Лубенского большая часть до Казане посланы, и хотя городовых до тех калмыков и придал, то не надеюсь, что б их устерegli, и опасаясь, дабы они калмыки какой беды на дороге им з отчаяния не зделали и не увоишли. И того ради чи не лутше б отсюду послать их калмыков полетичне в Киев, а оттуду б сиятелнейший князь его милость Димитрий Михайлович сковав одослал их на подводах за караулом до вашей княжой светлости.

Сие вашей княжой светлости объявив, себе самого непременно его братской любви и ласке на всегда вручаю.

Вашой княжой светлости истинный
приятель

брат и слуга
Иван Мазепа гетман
рукою власною.

Р. S. Его царского величества всемпло- стивейшого моего царя и государя щасливое прибытие дай боже вашей княжой светлости видеть и мне радосне услышать.

З Обозу

Июля 5 року 1708».

Через несколько дней Мазепа получил из Польши письмо на имя Меншикова и немедленно переправил его адресату. Вместе с тем Мазепа сообщил свои сведения о внутреннем положении в Польше, о не-

В. Л. Кочубей.

Государственная библиотека СССР
имени В. И. Ленина.

довольстве среди населения и среди войск коронными гетманами. Сам коронный гетман Сиявский будто бы писал Мазепе, что в Польше вспыхнет революция, если король Стапислав с войсками шведскими и иными своими союзниками вступит в Польшу.

Подобными сведениями Мазепа стремился внушить Меншикову уверенность в том, что польский фронт разваливается и вовсе не опасен для русских границ. 12 июля Мазепа писал Меншикову:

«Светлейший и высокопочтеннейший священных Римского и Российского государств Ижерский княже господине господине любезный мой брате и особенный благодетелю.

Сего дня Июля 12 повернул з Обозу коронного нарочный мой посланный, и якне принесл ко мне писма от господина Сиявского, гетмана великого коронного, до рук вашей княжой светлости надлежачие, тыя я в себе ни мало удерживая в ненарушной целости чрез курьера моего вашей княжой светлости посылаю.

О состоянии Полеском нынешнем ничого до вашей княжой светлости не внесую надеясь, что господин Корсак, вашей княжой светлости резидент при господину Сиявском, гетману великом коронном пребывающий, о всем подлинно и совершенно до вашей княжой светлости имеет писать.

Тое тилко вашей княжой светлости подаю до известие, что сказал мне повернувший з Обозу коронного тот мой посланный, же яко между посолством и шляхтою мелкою, так и в самом обозе корон-

ном, великое на гетманов обоих происходит роптанье и негодование.

Да и господин Сиявский, гетман великий коронный, пишучи теперь до мене, тое выражает, что если бы король Стапислав з частью войска шведского и из иными своей партии войсками мел вступити до Полески, то невне во всех коропа Полеской воеводствах новой якошь части революции.

Сие довед, вручаю мя навсегда неотменной вашей княжой светлости ласце, любви и приязне.

Вашой княжой светлости все добра цылиный приятель

брат и слуга
Иван Мазепа гетман
рукою власною.

З Обозу под Борщаговкою.
...я 12 Року 1708».

3

Гетман проявил столько энергии в своем ухаживании за московской властью, что, наконец, полностью притупил ее внимание и зоркость. Между тем разобратся в подозрительности поведения Мазепы было нетрудно. Лястя и заискивая перед Москвой, гетман одновременно и даже предварительно сговаривался с царскими врагами. Оказавшись между сильными соперниками, вмешавшись в их борьбу, Мазепа, мечтавший создать себе трон на Украине, искал спасения в хитрости и двосудии. Он не хотел и не смел открыто разрывать с царем московским, а между тем на всякий случай сносился со Стапиславом польским. Сея подозрительность и страх среди старшины и казаков, пугая их тем, что «москал» будто хотят забрать украинские города в земан и разогнать казаков, Мазепа одновременно уверял москвичей, что украинцы и все казаки, городовые и сечевые, ненадежны, легкомысленны и готовы служить хотя бы султану, да и по природе они бунтовщики, на которых нельзя положиться. Этим обманом Мазепа сразу добивался двух целей: царь убеждался в необходимости оставить Мазепу на Украине, так как без него некому было держать казаков в повиновении Москве, а старшина и казаки, перенуженные наветами Мазепы, готовы были отказать Москве в повиновении и торопили гетмана заручиться вражеской помощью против нее.

Предательская деятельность Мазепы могла оставаться неизвестной Москве, но ее невозможно было скрыть от ближайшего окружения гетмана. И старшина, и полковники, и особенно войсковой писарь давно уже знали тайну Мазепы, доносы на него сыпались в Москву непрерывно

с первых дней его гетманства. Когда же Мазепа от намерений перешел к действиям, невольный страх обуял его душу, и он стал бояться и трепетать доносов. Орлик, его писарь, знал тайну, и гетман боялся Орлика и говорил ему: «Смотри, Орлик, удержи мне верность! Ведаешь ты, в какой я у царского величества милости, не променяют там меня за тебя; я богат, а ты беден, а Москва гроши любит; мне ничего не будет, а ты погибнешь» (Показания Орлика).

Но не один Орлик знал о преступных сношениях Мазепы с врагами России. Еще больше людей было, которые могли подозревать о чем-то неладном, о каких-то затеях гетмана. Кто они, эти зоркие и любопытные наблюдатели его поведения? Всех не подкупишь и не запугаешь. А ведь среди его ближайших и когда-то самых доверенных сподвижников были и такие люди, которые давно посвящены были в замыслы Мазепы, которые предпочитали Москву Польше и были политическими и личными врагами Мазепы. Гетман метался от страха и не знал, как обезопасить себя от этих действительных защитников Украины и верных сторонников московского царя. Такими были войсковой судья Кочубей и полковник полтавский Искра. С Кочубеем особенно расстроились отношения Мазепы после того, как гетман увлек Матрену, младшую дочь Кочубея. Эти недруги Мазепы могли быть для него чрезвычайно опасными. Они все знали, были знатны и богаты. Как заставить их молчать? Как обезопасить себя с этой, самой опасной стороны? И Мазепа решился прибегнуть к ложному доносу. Едва Кочубей и Искра приняли свои меры против измены Мазепы, гетман задумал сам обвинить их в измене и во вражде к нему.

Получив донос Кочубея и Искры на Мазепу, царь 1 марта послал соответственно грамоту гетману. Извещая Мазепу, что «зло тихо лежать не может», что «явно в том себя явили, чрез особливых посланных, Кочубей и Искра», царь, «объявляя сие, яко верному человеку», учил его, как «понимать оных воров», «ибо я, — писал царь, — чаю в этом деле великому их воровству быть и неприятельской факции». Царь сам подсказывал гетману, что Кочубей и Искра могут быть измепниками, и предложил Мазепе «о сем деле тихо держать», соблюдать полную тайну и переловить всех доносчиков. «Не снукая времени, немедленно, — писал Петр, — поймав и сховав, оных к нам пришлите».

Вот этого-то больше всего и боялся гетман: Кочубей и Искра располагали достоверными сведениями об измене Мазепы, и вынуждать их из своих рук ему

Матрена Кочубей.

Исторический этюд И. Е. Репина.

было опасно. Поэтому Мазепа немедленно отвечал царю и просил «на тех клеветников судной управы, и дабы оные присланы были к розыску в Киев». Ничего не подозревавший царь в новом письме, от 11 марта, старался успокоить Мазепу и уверить его, что никакие попытки поколебать царское доверие к нему не будут иметь успеха. «И мы, — писал царь, — наше царское величество, ведая верную и непоколебимую вашу пздревле долголетнюю, усердную службу, вас, верного нашего подданного, нашего царского величества милостию обнадеживаем, что таким клеветникам, на вас ложно наветующим, никакая вера от нас не дастся, но и наче оные, купно с наустителями, воспримут, по делам своим, достойную казнь». «И ты б, — заключал письмо царь, — верной наш подданной и кавалер, Иван Степанович, о той нашей, царского величества, присременной к вам милости верен и надежен был, что она, за верные ваши к нам службы, никогда отъеме не будет».

Мазепу не могли успокоить эти уверения, ему нужны были головы его недругов. Он написал Меньшикову донос на Кочубея и Искру. Он желал вселить в Меньшикова убеждение, что они истинные враги гетмана и царя, что они имеют влияние на украинцев, что они способны на измену и что дальнейшая их свобода и безопасность угрожают жизни гетмана и спокойствию украинского народа и украинских границ. По всем этим соображе-

шего моего царя и государя, его царского величества, для неприсутствия под сее зремя его величества двору своего монаршого, то они враги что похотят, без всякого пренятия исполнят. Того ради прошу покорне вашей княжой светлости, дабы (если возможно) изволил ваша княжкая светлость, утверждаясь на указе монаршом чрез господина Скоропадского с тех врагах посланном, послал от себе до кого надлежит указ его царского величества, чтоб их з полку Ахтырского в Киев для розыску, очной ставки з посланным их и суду выдано, о том и нажи вашей княжой светлости прошу».

В конце концов Мазепа своей цели достиг, хотя и не получил немедленно в свои руки Кочубея и Искру: царь интересовался во всем этом деле одним вопросом: «не было ли присылок от неприятелей», «не было ли от иных народов к ним посылки для возмущения»? Но Кочубей и Искра стояли кренко на том, что никаких присылок от неприятеля не было. Перед царем поставлен был вопрос: «какою казнью казнить Кочубея с товарищи?» Петр отвечал: «не иною, что какою ни есть только смертью, хотя головы отсечь или повесить — все равно».

После этого Кочубей и Искра отпращены были в Киев, а оттуда в местечко Борцаговку, в 8 милях от Белой Церкви, где гетман стоял обозом.

Здесь 14 июля 1708 года они были казнены «при всей посполитой речи генеральной и при многом собрании всего малороссийского народа».

А 26 октября Меншиков уведомил царя об измене Мазепы: «И чрез сие злохитрое его поведенье, за истинно мы признаваем, что конечно он изменил и поехал до короля шведского». 27 октября Петр получил письмо Меншикова и ночью написал ему ответ: «Письмо ваше о печальном никогда злом случае измены гетманской мы получили с великим удивлением, и ныне надлежит трудиться, как бы тому злу забежать и дабы не допустить войску козацкому, при Десне бывшему, переправиться за реку по прелести гетманской».

4

Царь Петр не ошибся: гетман не терял времени. Ближайших своих помощников он уверил, что главной целью всей его жизни является благополучие родной Украины и что никаких личных побуждений, а тем более корыстных, нет у него на душе, что все его действия следовало оценивать с точки зрения пользы Украине. Если, говорил Мазепа, своих сил Украине не хватает для ограждения коварных замыслов Мос-

квы, гетман готов воспользоваться помощью шведов для окончательного разгрома царского войска и изгнания его с Украины.

Убежденные сторонники Мазепы сейчас же приступили к оповещению всей Украины о действиях и намерениях «нашего добродее» Мазепы. Меншиков получил копию одного из таких документов, который бесспорно убеждал его в справедливости его догадок об измене Мазепы. Это было письмо Дмитрия Горленка, прилуцкого полковника. Он был в свите Мазепы и, соединившись с войском шведским, тотчас поспешил известить свой полк о своем местопребывании и о любовной встрече гетмана шведским войском. Одновременно полковник приказывал в точности исполнять его словесные указы. Он напоминал о необходимости осторожно вести себя с «неприятелями» (т. е. русскими войсками) и ожидать распоряжений и «универсалов» «его милости пана гетмана, нашего добродее». Письмо Горленко адресовал своему заместителю в Прилуках полковому судье. Горленко писал:

«Мой ласкавый приятелю, господине Судия наш полковый Прилуцкий.

Ознаймую вашей милости, за божиею помощию, щасливо пребыли мы с ясновельможным добродеем нашим паном гетманом 24 числа месяца октоврия до шведского войска, где всех нас с принадлежитою обсервациею любовне приняли. Яко изуточно вашей милости приказывал, так теперь и листовне повторяючи, шлю приказую, дабы всякую вместе осторожность имел, людей пресмыкающихся поместу перестерегал, также со всех местечок и сел полку нашего Прилуцкого, всех казаков, конных и пешных, согнал для обороны места. А бысте имели ежели от неприятеля, на вас наступающагося, боронитца, что все дабы было с полным вашей милости доглядом и стараньем, шлю шлю приказуем, и личим ему жь доброго здоровья.

Вашей милости зычливый
приятель
его царского пресветлого величества
войска Запорожского полковник
Прилуцкой.

Дмитрий Горленко.

Для чего и для каких причин с шведскими войсками совокупились, будет универсалами его милости пана гетмана, нашего добродее, в скором часе всей Украине объявлено, ибо не для какой приватии, но для добра всего поштуства их волностей».

24 октября Мазепа с другими изменниками «щасливо прибыли до шведского войска». Известие об измене гетмана быстро

распространилось среди московских войск. 27 октября через киевского воеводу князя Дмитрия Михайловича Голицына оно было получено в Чернигове. В тот же день Иван Вельяминов-Зернов из Чернигова сообщил Меншикову об этом известии. В этом же письме Вельяминов-Зернов просил указаний для своего кавалерийского корпуса. О черниговских жителях он еще ничего не мог сообщить. Очевидно, население еще ничего не знало об измене гетмана. Вельяминова-Зернова смутило только безлюдье в Черниговщине. Он писал Меншикову:

«Превысочайший светлейший княже, ко мне низжайшему премилостивейший

Получил я письмо сего октября 27 от князя Дмитрия Михайловича Голицына о недоброй ведомости о Мазепе, о чем и полковник Черниговской объявил чрез присланное письмо Мепского сотника. А которое письмо вашего сиятельства получил до господина полковника Скрипичина, и оно послал того ж часу. А драгунских лошадях и о самих драгунах что повелит ваша светлость: быть ли тем лошадям по станциям, или повелите удержатца. А в жителях черниговских еще не мнитца чему пыне быти. А что впред покажет время, о том предлагати до вашего сиятельства будем. Толко, государь, опасает нас безлюдство. Также просим определения и о Шведах, которые ныне у нас в Чернигове 157 человек, присланы з драгунам. Также и мост, которой указом вашей светлости зделан чрез Десну, держать ли, или нет.

Низжайший раб

Иван Вельяминов Зернов

Из Чернигова

Тогоже Октября 27».

28 октября, в полночь, такое же известие от киевского воеводы князя Д. М. Голицына получено было в Терпах начальником отряда московских войск Семеном Неплюевым. Голицын, по приказу Меншикова, сообщил Неплюеву о «случении» Мазепы со шведским королем и предписал Неплюеву со своими полками поспешить в Повгород-Северск. Извещая о выполнении этого приказа, Неплюев сообщал Меншикову точные сведения о численности своих полков. Он просил указать отряду место стоянки и «явить» к солдатам милость: солдатам все лето провианту не давали, и теперь в провианте «скудость». Неплюев писал:

«Светлейшему князю Александру Даниловичу, ко мне милостивейшему.

Октября в 28-м числе в первом часу ночи получил я в Терпах ближнего стольника Киевского воеводы князя Дмитрия Михайловича Голицына письмо, в котором ко мне написано, что гетман отложился и,

переправясь Десну за Кореном, в случение пошел к шведскому королю. А того же ради ты, милостивый мой, указал ему ко мне отписать, дабы я с полками шел к Новогородку Северскому. И октября ж в 29 числе из Тернов с полками своими, которые пыне при мне есть, я пошел и переправился реку Сем октября в 30-м числе, и октября в 31-м числе прошел Путивль и в дву милях от Путивля деревню Возенки, а из Возенки к Новогородку Северскому я пошел того ж октября в 31-м числе. А в тех полках салдат: полковника во Афанасьевом полку Рагозина 670 человек; подполковников, которые вместо полковников: в Ивановом полку Хотунского 500 человек, в Гавриловом полку Реньева 460 человек.

Милости у тебя, милостивого, прошу об указе, где мне с полками повелишь быть, прикажи ко мне отписать.

Доношу тебе милостивому: выпеписанных полков салдатом провианту все лето не давало, и пыне в провианте скудость. О том по милостивому своему рассмотрению яви к ним убогим отеческую свою милость.

Услужник милости твоей
Семен Неплюев челом бью».

Начальники московских гарнизонов по городам и селам Украины продолжали следить за настроениями украинских полков и сообщали о своих действиях и наблюдениях Меншикову. Князь Григорий Волконский, стоявший в Сорочинце, писал Меншикову о переездах адъютанта Резанова с приказами Меншикова и о местных событиях: о появлении неприятельского отряда (ноезда) в трех милях от Сорочинца и о том, что полковник Миргородский в настоящее время «зело склонен к нашей стороне», а не к стороне Мазепы и шведов. Волконский жаловался на малолюдство своих отрядов и отсутствие артиллеристов. Вот его письмо к Меншикову:

«Светлейший князь,
мой милостивый государь

Покорно доношу твоей светлости: отъютапта господина Резанова я к себе в Сорочинск получил, и господин полковник Миргородской з господином Мавриным и Резановым поехали да царского величества и до твоей светлости. И с ними, для опасения от неприятеля, по твоему указу, отправил драгун и казаков 200 человек.

Я ж даношу твоей светлости, сего ж числа получил я ведомость, что неприятельской поест приехал до Комышня, и я против того поезде послал свой поест, и какие впред получу ведомости, а том до твоей светлости писать буду. А та Камыш-

ня от Сарочинца в трех милях; и будто тот поест хочет быть к Сарочинцу.

Полковник Миргородской имеет опасения, а я по вышнему ево поведению мыслю, что он ныне zelo склонен нашей стороне.

**Униженный твой слуга
князь Григорей Волконский**

Из Сарочинца поября 28-го дня 1708.

Которые, государь, люди от меня посланы с ним полковником поволь их или иных с прибавкою прислать ко мне: фортеца велика, а людей zelo мало, обнять ни половины не ким, и пушкорей нет».

Другой начальник московских войск, отпращенных в Полтаву, бригадир Волконский, 3 декабря прибыл в Полтаву во главе Ингерманландского полка и тотчас рапортовал Меншикову. Он сообщил, что жители Полтавы, полковник и старшина, казаки и мещане встретили его за городом и «ласково» приняли. И населению, и полковнику, и старшине, и казакам был объявлен царский указ, посланный с Волконским. Разместив полк «на мещанских дворах» и отметив плохое состояние драгунских лошадей, Волконский сообщал об осмотре крепости и о ее состоянии, а также об оставленных в Ахтырке лошадях и о других делах в своем полку. Между прочим, Волконский, посылая через Меншикова письмо царю Петру («господину вышнему полковнику»), просил Меншикова прочесть его и, если окажется «угодно», переслать адресату. Сообщал он также, что новый гетман, Скоропадский, прислал приказ полтавским полковнику и старшине «довольно выкармливать» драгун и драгунских лошадей. Волконский писал:

«Светлейший князь мой
милостивейший государь

Покорно доношу вашей княжей светлости. По указу его царского величества и по приказу вашему, с полком Ингерманландским в Полтаву пошел декабря дня 3. И того города жители, наказной полковник, и старшина, и казаки, и мещаны приняли ласково, встречая за городом.

Которой указ его царского величества послан со мною, и оной наказному полковнику и старшине, казаком и мещаном всем объявил.

Полк поставил на мещанских дворах. Лошади подрагунами худы и саднены, и оных велел выкармливать и садна лечить, а которых не можно было довести до Полтавы 98 лошадей, и тех оставил в Ахтырке с офицером и приказал довольно выкармливать.

Около города всего сам осмотрел, пушек в нем медных 6, чугушных 2. С одной стороны по дороге Гадницкой и Сарочинской, валу и полисаду, от реки Варслы, ничего крепости нет, а где сколки можно, велел починить.

Ингерманландского полку маеор, который был за арестом, шпага оному отдана, а в полку не имеет команды, просит вашей княжей светлости определить.

При сем письме господину вышнему полковнику письмо посылаю до вашей княжей светлости не запечатываячи. Ежели угодно, прикажи ваша княжая светлость вручить.

Сего 4 числа декабря господин гетман Шкуропацкий писал в Полтаву к полковнику и старшине, дабы правянтну драгунном и фураж лошадем давали на месяц по 1 четвернику муки ржаной на 4 человек, круп четверник, сена по 2 возы, овса осмен на лошадь.

При сем же письме посылаю до вашей светлости табел полку ингерманландского.

Которые в Ахтырки оставлены худые лошади, прикажи отписать ваша светлость до ахтырского полковника, дабы довольно корму давали на тех лошадей и драгунам провианту.

покорный услужник

Вашей княжей светлости

бригадир Волконский

Из Полтавы дня 4

Декабря 1708».

Такие меры приняты были по всем царским войскам. «Прелесть гетманская» успеха не имела, а шведам, как известно, Петр I подготовил Полтаву.

Испано-американская война 1898 года

1

В конце XIX столетия США не только окончательно стали страной крупнейшего капиталистического производства, но уже вступили в новый этап развития — фазу империализма. Молодому империалистическому хищнику становилось тесно в национальных границах. Ближайшими объектами колониальной экспансии США явились испанские владения в Америке: Куба, Порто-Рико и Филиппины.

Американские интересы на Кубе накануне испано-американской войны были очень значительны. От 30 до 50 миллионов долларов американского капитала было инвестировано в плантационные, железнодорожные и другие предприятия Кубы. Торговый оборот между США и Кубой составлял:

в 1889 г.	—	64	млн.	долларов
» 1893	»	103	»	»
» 1894	»	96	»	» ¹

Но не только торговля и капиталовложения связывали Северную Америку с Кубой. Последняя имела для США также большое стратегическое значение как удобная военно-морская база. Владея ею, американцы легко могли перекрыть вход в Карибское море. С постройкой же в Панаме канала, связывающего Атлантический и Тихий океаны, Куба приобрела бы еще большее военно-стратегическое значение.

Заинтересованность США в кубинском вопросе обнаружилась еще в начале XIX столетия. В 1809 году Джефферсон писал президенту Мадисону о значении Кубы для США. В 1823 году государственный секретарь США Джон Адамс писал американскому послу в Мадриде, что аннексия Кубы «является необходимой предпосылкой целостности США»². В 1849 году президент США Полк предложил Испании 100 миллионов долларов за Кубу, но это предложение было отклонено. Сенатор Стефен Дуглас, один из вождей демократической партии, в 1858 году зая-

вил: «Судьбою предначертано, чтобы США владели Кубой, и всякие дебаты на эту тему являются безрасчетным»³.

Правящие круги США выступали поборниками «справедливости» в отношении кубинцев и оказывали негласное покровительство кубинским руководителям национально-освободительного движения.

Национально-освободительное движение на Кубе, жестоко подавляемое Испанией, началось еще в начале XIX века и парало по мере экономического усиления Кубы. В первой половине XIX века на Кубе быстро развивалось плантационное хозяйство (сахарный тростник, табак, отчасти кофе). Постепенно Куба становилась одним из основных поставщиков сахара на мировой рынок.

Испания извлекала из этого острова огромные доходы, почти ничего не давая взамен. В испанское казначейство поступало 40—50% ежегодных доходов Кубы. Торговая политика Испании была разорительна для Кубы. Достаточно указать, что пшеница из США, чтобы попасть на Кубу, должна была предварительно пройти через порты Испании, где она облагалась чрезвычайно высокими пошлинами. Недаром ньюйоркская газета «Evening Post» в 1897 году писала, что «торговая политика Испании по отношению к ее колониям осталась такой же, какой она была в 1750 году»⁴.

Испанские чиновники смотрели на свое пребывание на Кубе как на средство легкой наживы и прибегали к самым возмутительным способам обогащения за счет местного населения. Испанская военщина управляла Кубой при помощи террора. Жалкие права, которыми пользовались кубинские муниципалитеты, составляли привилегию кучки испанских резидентов; местные уроженцы не пользовались самыми элементарными гражданскими правами. 14 тысяч испанских резидентов на Кубе (зажиточных купцов и чиновников) посылали в испанские кортесы 16 представителей, а миллион кубинских уроженцев — только 8 представителей. Все выс-

¹ Chadwick «The Relations of the United States and Spain Diplomacy», p. 478. New-York, 1909.

² Ferraga «The Last Spanish War», pp. 37, 38. 1937.

³ См. Фолькнер «История народного хозяйства САСШ», стр. 430. М. и Л. 1932.

⁴ Wisan «The Cuban Crisis as reflected in the New-York Press», p. 216. New-York, 1934.

шие должности в колониальном управлении были заняты уроженцами метрополии.

В 1895 году на острове вспыхнуло восстание. Повстанцы провозгласили независимость Кубы и избрали временное правительство. На действия повстанцев испанский главнокомандующий генерал Вейлер отвечал беспощадными репрессиями. 21 октября 1896 года он издал декрет об установлении режима «концентрации». Все лица, проживавшие вне городской линии укреплений, должны были в течение восьми дней сконцентрироваться в городах, занятых испанскими войсками. Вывоз продовольствия из городов, а также его переброска из одного города в другой могли производиться лишь с разрешения и под контролем испанских властей.

Этими мерами испанские власти хотели лишить повстанцев продовольственной базы. Созданная «концентрацией» колоссальная скученность в городах приводила к эпидемиям, голоду и огромному росту смертности.

Правящие круги США, готовившие войну с Испанией, использовали растущее возмущение народных масс Кубы. Американская пресса уделяла много места описанию зверств испанской армии на Кубе, что подготовляло общественное мнение для оправдания вмешательства США в кубинские дела.

4 апреля 1896 года государственный секретарь Олли вручил испанскому послу в США Де-Тому ноту, в которой недвусмысленно заявил, что США не могут равнодушно относиться к непрекращающейся войне на Кубе и что, по видимому, только непосредственное вмешательство США может положить конец этой войне. Вместе с тем Олли считал нужным подчеркнуть, что «нелюю настоящей ноты не является ни осуждение возможности интервенции, ни подготовка к ее осуществлению. Наоборот, правительство США исходит из желания найти такой выход из положения, который сделал бы ненужным какое бы то ни было вмешательство США»¹.

В ответной ноте (от 22 мая 1896 года) испанское правительство заявило о своей готовности провести некоторые реформы на Кубе, после того как будет покончено с восстанием; нота заключала в себе решительное отклонение всякого посредничества США, которое могло бы только привести к подрыву престижа Испании на Кубе.

Когда перспектива вмешательства США в кубинские дела приобрела реальные очертания, испанское правительство решило прибегнуть к помощи европейских держав.

План председателя совета министров Испании Кановас дель Кастильо состоял в следующем: если США пойдут на превращение испано-кубинского конфликта в испано-американский, то Испания, в свою очередь, расширит его еще более, втянув в него ряд европейских держав. При этом предполагалось, что уже самая угроза вмешательства европейских держав охлаждающе подействует на американцев.

Когда испанское правительство стало весной 1896 года зондировать настроения дипломатического корпуса в Мадриде, у него создалось впечатление, что несмотря на противоречия, разделявшие Тройственный (Германия, Италия, Австро-Венгрия) и Двойственный союзы (Франция, Россия), европейские державы в принципе не отклоняют испанское предложение о коллективном воздействии на США. Но вскоре выяснилось, что это первоначальное впечатление было ошибочным.

Руководящая группа английских политиков прямо склонялась к поддержке кубинской политики США, рассчитывая взамен получить американскую поддержку в дальневосточных и южноафриканских делах. Празднование «бриллиантовой» свадьбы королевы Виктории (июнь 1897 года) было использовано Англией и США для демонстрации их крепнущей дружбы.

У России было достаточно забот на Ближнем Востоке, и портить отношения с США из-за кубинских дел, в которых она непосредственно не была заинтересована, не входило в ее намерения.

Консервативное правительство Кановаса возлагало большие надежды на помощь Франции, но и здесь его постигла неудача. Перспектива вступить в конфликт с такой сильной державой, как США, ради закрепления дружбы с гораздо более слабой Испанией не соблазнила французское правительство.

Что касается Германии, то, хотя ее посол в Мадриде Раловиц высказался одобрительно по поводу испанского плана коллективного демарша держав, как показал дальнейший ход событий, дальше этого дело не пошло.

В конечном итоге ни одна из великих держав не пожелала проявить инициативу в деле организации коллективного давления на США. Кос-кто из иностранных послов в Мадриде выражал Кановасу «сочувствие», но этим и ограничилась по-

¹ I. Becker «Historia de las relaciones exteriores de Espana». V. VIII, p. 830. Madrid, 1924—1926.

иощь держав. Испания оказалась предоставленной своим собственным силам.

20 мая 1897 года конгресс США вотировал резолюцию, признававшую кубинских повстанцев воюющей стороной¹. 24 мая проиел законопроект об ассигновании 50 тысяч долларов для помощи «страдающим американским гражданам на Кубе». 26 июня государственный секретарь Шерман обратился к испанскому послу Делому с протестом против испанской политики «концентрации» на Кубе.

В августе 1897 года в Испании произошла смена правительства. Каповас, убитый анархистом, был заменен другим консерватором — генералом Аскаррага. В сентябре новый американский посол в Мадриде Вудфорд предложил испанскому правительству следующий план решения кубинского вопроса: США окажут Испании поддержку при подавлении восстания на Кубе, но с условием, чтобы при этом были полностью «обеспечены интересы США»². Таким образом, испанское правительство было поставлено перед альтернативой: либо пойти на уступки США и совместно с ними подавить кубинское восстание либо отклонить уступки и тем самым вызвать вооруженную интервенцию США.

Правительство Аскаррага не в силах было принять определенное решение. Разразившийся в октябре правительственный кризис в Испании привел к власти либералов во главе с Сагастой.

Между тем тон руководящих государственных деятелей США становился все более вызывающим. В своем послании к конгрессу президент Мак-Кинли заявил: «Ближайшее будущее покажет, существует ли возможность добиться условий, обеспечивающих мир на Кубе. Если мир не осуществится, то... США окажутся перед необходимостью принять меры»³.

¹ 27 июля 1896 года президент Кливлэнд опубликовал прокламацию о нейтралитете США в отношении конфликта между Кубой и ее метрополией и о том, что нарушающие этот нейтралитет американские граждане будут подвергнуты наказанию. Эта прокламация, продиктованная главным образом соображениями внутренней политики (значительная часть демократов — партии, к которой принадлежал Кливлэнд, — выступала против войны с Испанией), была вскоре отвергнута. В ноябре 1896 года на президентских выборах в США победил кандидат республиканцев Мак-Кинли. Таким образом, к власти пришла партия, особенно тесно связанная с империалистической буржуазией. Республиканцы открыто требовали войны с Испанией во имя «освобождения» Кубы.

² I. Becker «Historia de las relaciones exteriores de Espana». V. III, p. 852.

³ I. Becker. Op. cit., p. 856.

В начале февраля 1898 года в Гавану прибыло «для защиты интересов американских граждан» военное судно «Мэн». Чтобы спасти свой престиж, испанское правительство сочло нужным направить в Нью-Йоркский порт военное судно «Бискайя». Испанский министр иностранных дел обратился ко всем испанским послам в Европе с телеграммой, в которой указывал на сосредоточение морских сил США в кубинских водах и на то, что это легко может повлечь за собой какой-нибудь нежелательный инцидент.

15 февраля 1898 года на рейде Гаваны произошел взрыв на «Мэне», в результате которого судно пошло ко дну. Этот инцидент обострил конфликт между США и Испанией. Взамен погибшего судна в Гавану было послано другое военное судно США — «Моптгомеря». Американский сенат вотировал 10 миллионов долларов на военные нужды.

29 марта американский посол в Мадриде Вудфорд предъявил испанскому правительству нечто вроде ультиматума. Правительство США заявляло в этом документе, что оно отнюдь не стремится завладеть Кубой, а настаивает лишь на немедленном умиротворении Кубы. Для этого между Испанией и кубинскими повстанцами должно быть заключено перемирие до 1 октября 1898 года, с тем чтобы за этот срок подготовить почву для заключения мира; режим «концентрации» должен быть немедленно отменен.

31 марта последовал ответ Испании. Правительство Сагасты выражало готовность отменить режим «концентрации» в западных провинциях Кубы; вопрос же о прекращении военных действий откладывался до начала мая.

Этот ответ не удовлетворил США. 10 апреля Вудфорд в телеграмме Мак-Кинли указал на необходимость затребовать от конгресса полномочия на использование американских вооруженных сил для обеспечения мира на Кубе. «Если это будет обеспечено, — писал Вудфорд, — то, я полагаю, вы добьетесь решения вопроса на одном из следующих условий: либо такая автономия, которая удовлетворит повстанцев, либо признание Испанией независимости Кубы, либо уступка всего острова Соединенным штатам...»⁴.

В этот момент Испания вновь делает тщетную попытку добиться помощи со стороны европейских держав. В начале октября 1897 года она обратилась к Франции с просьбой, чтобы в случае каких-либо серьезных осложнений Франция и

⁴ A. Dennis «Adventures in American Diplomacy 1896—1906», p. 72. New-York. 1928.

Россия своим вмешательством предотвратила войну. С такой же просьбой Испания обратилась и к державам Тройственного союза.

Французский министр иностранных дел Ганното сообщил царскому правительству о просьбе испанцев. 8 ноября Петербург ответил, что несмотря на традиционные симпатии России к Испании международные связи русского правительства таковы, что в случае испано-американской войны оно должно будет занять позицию строгого нейтралитета. Опасаясь, что выступление Двойственного союза против США в кубинском вопросе может вызвать сближение США с Англией или даже с Тройственным союзом, царское правительство готово было предоставить американскому империализму полную свободу действий в отношении Испании. Американский посол в Петербурге Брекенридж отмечал в своих депешах «атмосферу сердечности», которая его окружала¹.

Французское правительство также настаивало на своем нейтралитете. Газета «Le Temps» прямо писала, что «весьма существенные интересы не позволяют Франции навеки порвать дружественные отношения с США»².

В Германии же пресса открыто высказывала свои симпатии Испании. 28 сентября 1897 года Вильгельм II телеграфировал Бюлову, предлагая организовать вмешательство европейских держав или хотя бы держав континентальной Европы в пользу Испании в интересах спасения ее монархического строя, который был бы поставлен под удар в случае потери Кубы.

Однако и в Германии имелось немало сторонников более осторожной политики. Их аргументация нашла свое отражение в ответе Бюлова Вильгельму II от 29 сентября 1897 года³. Бюлов убеждал императора не предпринимать никаких шагов, пока Франция и Россия не выскажутся определенно за коллективное вмешательство держав. Он указывал, что мероприятия Германии в пользу Испании могли бы быть использованы Францией или Англией для того, чтобы обострить отношения между Германией и США и обеспечить себе торговые преимущества за счет Германии. Бюлов прозрачно намекал, что «принципиальные» соображения («солидарность монархической Германии с монархической Испанией против республиканских США») должны быть подчинены гораздо более весомым экономическим интересам Германии, ибо в импорте США германские товары занимают второе место (после Англии). Точка зрения Бюлова

восторжествовала, и Германия воздержалась от вмешательства.

Правящие круги США, конечно, были в достаточной степени информированы о переговорах Испании с европейскими державами, но они сохраняли полнейшее хладнокровие, так как отлично отдавали себе отчет в том, насколько утопичны все проекты создания единого общеевропейского фронта против США. Американский посол в Берлине Уайт сообщал 7 января 1898 года своему правительству: «Быть может, никогда еще отношение европейского континента к США не было столь враждебным, как в настоящее время. Тем не менее, я не думаю, чтобы могла возникнуть какая-либо коалиция, направленная против нас. Интересы европейских держав настолько противоречивы и во многих отношениях настолько враждебны друг другу, что было бы крайне трудной задачей организовать коалицию держав против нас... Противоречия, разделяющие европейские державы, более серьезны, чем противоречия между Европой и Америкой»⁴.

Испанские правящие круги обращались за поддержкой также и к Англии. 17 марта 1898 года испанская королева-регентша Марья-Христина направила английской королеве Виктории письмо, полное слезливых жалоб и униженных просьб о покровительстве. «Я убеждена, — писала Марья-Христина, — что вы не откажете мне в вашей могущественной поддержке и добром совете... Мы давно закончили бы войну на Кубе, если бы Америка оставалась нейтральной, но она непрерывно снабжала мятежников деньгами, оружием, амуницией. И вот теперь, когда восстание почти подавлено, американцы намерены спровоцировать нас на войну, чего я хочу избежать во что бы то ни стало. Однако есть предел всему, и я не могу допустить, чтобы моя страна была унижена Америкой! Я прошу вас не отказать в вашей помощи!.. Ради своего сиротки-сына я умоляю вас помочь мне. Это так потрясет меня, если Англия не будет заодно с другими державами в этом вопросе!»⁵. На это «трогательное» послание королева Виктория ответила лишь через две недели в самых неопределенных выражениях.

Таким образом, став вполне совершенно очевидным, что на иностранную поддержку Испания не могла рассчитывать. Беседуя с испанским послом в Берлине, Бюлов откровенно заявил ему: «Вы изолированы... никто не хочет навлечь на себя неудовольствия США... Я восхища-

¹ Ferrera. Op. cit., p. 90.

² См. Becker. Op. cit., p. 896.

³ «Die grosse Politik». В. XV, S. 34.

⁴ См. Ferrera. Op. cit., p. 97.

⁵ Ibidem, p. 102.

юсь мужеством, которое выказала Испания, но я был бы еще более восхищен, если бы она проявила больше здравого смысла»¹.

Это был недвусмысленный совет Испании капитулировать перед США, не доводя дела до войны.

3

11 апреля 1898 года Мак-Кинли потребовал у конгресса полномочия распоряжаться по своему усмотрению морскими и сухопутными вооруженными силами, чтобы положить конец «кубинским беспорядкам». В тот же день американский консул в Гаване Ли и все американские резиденты покинули Кубу.

19 апреля конгресс США принял резолюцию, которая гласила, что население Кубы должно стать свободным и независимым, что Испания должна отказаться от своего суверенитета на Кубе и отозвать с острова свои вооруженные силы. При этом указывалось, что США не намерены осуществлять свой суверенитет на Кубе и стремятся лишь добиться умиротворения острова. Одновременно президенту США предоставлялись полномочия на объявление мобилизации.

21 апреля посол США был отозван из Испании. Накануне своего отъезда он вручил испанскому правительству уведомление о том, что если до полудня 23 апреля Испания не заявит о своей готовности разрешить кубинский вопрос в соответствии с требованиями США, то президент США без дальнейших предупреждений примет «все необходимые меры». В тот же день испанский министр иностранных дел Гуллон телеграфировал всем испанским послам в Европе о начале войны с США.

25 апреля конгресс США формально объявил Испании войну.

Еще до начала военных действий было ясно, что исход борьбы будет решаться на море. Испания обладала более многочисленной и лучше организованной армией чем США: но более сильный флот США легко мог перерезать коммуникации между испанскими колониями и метрополией и таким образом лишить сконцентрированные в колониях испанские войска возможности получать подкрепления из метрополии.

Испанский флот не был готов к войне. Еще 26 февраля, до начала войны, адмирал Сервера, командовавший главными морскими силами Испании, направил морскому министру докладную записку, в

которой указывал, что «сметно посылать военные корабли без пушек, без военных материалов и без угля воевать на расстоянии 4000 миль от их основных баз». В тот же день в личном письме министру он выказался еще более определенно: «Уже давно меня все это беспокоит. Я спрашиваю себя, имею ли я право молчать и принять на себя свою долю ответственности за авантюру, которая... приведет к полному разгрому Испании? И все это — ради острова, который когда-то был нашим, но уже не принадлежит нам. Если мы даже не потеряем Кубу в результате войны, то она все же будет потеряна для нас в силу самой логики вещей. Все, что мы можем сделать, — это пожертвовать нашей молодежью, предоставив ей гибнуть от пуль и болезней, ради защиты идеала, который становится фантазией»².

Морской министр Бермехо, прекрасно осведомленный о состоянии испанских военно-морских сил, не только не прислушался к словам Сервера, но отдал приказ, чтобы испанский флот, не ограничиваясь защитой Кубы и Порто-Рико, блокировал американские порты Мексиканского залива, разрушил морскую базу США в Ки-Вест и блокировал все американские порты на побережье Атлантического океана. На этот бредовый приказ Сервера ответил письмом, в котором с похвальной откровенностью писал: «Предполагать, что с такими силами... мы сможем заблокировать какой-нибудь американский порт, — это бред сумасшедшего. Война против США должна носить оборонительный характер, если только к нам на помощь не придут союзники, что могло бы полностью изменить всю картину»³.

К 19 апреля, за несколько дней до начала войны, Сервера собрал свою эскадру в Сан-Винсенте, на островах Зеленого Мыса. Его эскадра состояла из 4 бронированных крейсеров и 6 миноносков, из которых 3 были совершенно непригодны к боевым действиям. «Кристобаль Колон», самый новый и самый быстроходный из 4 крейсеров, был лишен своей главной артиллерийской батареи. Вооружение остальных крейсеров также оставляло желать лучшего. Подводная часть крейсера «Бискайя» настолько прогнила, что его быстроходность значительно сократилась. Команда не имела почти никакой артиллерийской подготовки⁴.

² Ferrera. Op. cit., p. 136.

³ Ibidem, p. 137.

⁴ W. Millis «The Martial Spirit», p. 163. 1931.

¹ См. Ferrera. Op. cit., p. 127.

Адмирал Сервера не имел даже сколько-нибудь достоверных сведений о движении американских морских сил и несмотря на все старания не мог добиться от своего морского министерства ничего похожего на план кампании. Одно лишь казалось ему ясным и бесспорным: атаковать американский флот было бы равносильно самоубийству. Сервера созвал военный совет, на котором признали «неоспоримое превосходство американских морских сил» и решили, что благоразумнее всего было бы возвратиться в испанские порты, чтобы в случае необходимости защищать берега родины. Однако 22 апреля Сервера получил из Мадрида приказ как можно скорее отплыть в Америку. Он стал бомбардировать морское министерство каблограммами: «Прошу разрешить мне доказать, что наше плавание в Америку окажется гибельным для будущего нашей страны», «Не знаю дислокации сил противника», «Нуждаюсь в точных инструкциях» и т. п.¹

Однако специально созданный в Мадриде военный совет постановил, что «честь Испании» требует, чтобы Сервера беспрекословно подчинился приказу об отплытии к берегам Вест-Индии. Монархическая верхушка Испании, жившая воспоминаниями о былой славе, недооценивала сил молодого американского империализма и не желала придулииваться к тревожным сигналам. В Мадриде считали, что все решается «рыцарскими подвигами», недооценивали роль техники в войне и не готовились всерьез к военным действиям.

Сервера не мог отплыть без угля. Погрузка угля заняла несколько дней и все же не была доведена до конца. Наконец, 29 апреля он дал условленную каблограмму: «Иду на Север». Это была излишняя предосторожность, так как американская разведка была прекрасно осведомлена о движении испанских сил. Уже 30 апреля американское командование знало, что Сервера был на пути в Америку.

19 мая он прибыл в кубинский порт Сантьяго, где вскоре был блокирован американским флотом. Испанская эскадра оказалась в мышеловке.

Иллюстрацией к настроениям, царившим в среде офицеров этой злополучной эскадры, может служить письмо командира дивизиона миноносцев Вильямля премьер-министру Испании. «Я хочу поставить вас в известность,— писал этот офицер,— что все мы, моряки, готовы умереть на боевом посту; однако, я думаю, что наши морские силы приносятся

в жертву совершенно бесплодно, без всякой пользы для успешного окончания войны»².

Оказавшись хозяевами в кубинских водах, американцы могли теперь беспрепятственно высадить десант. С 24 по 30 июня американцы стягивали свои силы к Сантьяго. Американцы высадили около 16 тысяч человек под командованием генерала Шаффера. Испанцы для обороны Сантьяго располагали лишь 7 тысячами человек (позднее они получили значительные подкрепления).

Началась осада Сантьяго. Испанцы сражались упорно, и положение американцев подчас становилось напряженным. Но 3 июля кубинский губернатор Бланко приказал эскадре Сервера выйти из порта Сантьяго и дать морское сражение американцам. Тщетно Сервера доказывал, что этот приказ обрекает эскадру на гибель. Ничего не добившись у Бланко, адмирал запросил каблограммой мнение испанского правительства. Ответ последнего гласил: «Правительство считает, что интересы родины и честь нашего оружия требуют, чтобы все корабли эскадры в благоприятный момент покинули порт»³.

Сервера подчинился. В тот же день, 3 июля, все испанские суда, за исключением одного, были уничтожены.

С этого момента положение осажденного испанского гарнизона в Сантьяго стало безнадежным. 16 июля, после ряда атак и бомбардировок, предпринятых американцами, испанцы капитулировали. В средней и южной частях острова еще оставалось некоторое количество испанских войск, но их положение было безнадежным, так как они не могли рассчитывать на получение подкреплений из метрополии.

Вместе с американскими войсками в осаде Сантьяго принимали участие отряды кубинских повстанцев под командованием генерала Каллието Гарсия, одного из деятелей национально-освободительного движения на Кубе. Когда испанский гарнизон сдался, Гарсия намеревался организовать управление городом от имени «Кубинской республики». Но американский генерал Шаффер протрез отказал ему в этом и настоял на том, чтобы все испанские гражданские чиновники остались на своих местах. Американские империалисты сбросили маску «покровителей» кубинской независимости. Гарсия, возмущенный поведением американского командования, отвел свои отряды на 50 километров к

² Ibidem. p. 170.

³ A. Sagavasa Ortis-Ramos. «Historia Ilustrada de la Revolucion Española», p. 344. Barcelona. 1931.

¹ W. Millis. Op. cit., p. 169.

северу от Сантьяго и послал генералу Шафферу письмо, в котором выразил свое возмущение предательской тактикой американцев.

С этого момента отношения между кубинцами и американцами стали крайне напряженными. Американский дивизионный генерал Юнг, отражая настроение американского командования, писал: «Повстанцы представляют собой кучку дегенератов, совершенно лишенных чести и благодарности. Они способны к самоуправлению не больше, чем африканские дикари»¹.

Корреспонденты американских газет в один голос сообщали из Сантьяго, что за исключением кучки кубинских богачей, мечтающих о присоединении Кубы к США, огромное большинство кубинского народа находится под влиянием «обешенных ораторов» и «демагогов», сеющих недоверие к США и выдвигающих «мятежный» лозунг «Куба для кубинцев!»

Между американцами и кубинцами возникла атмосфера недоверия и ненависти. Один из американских офицеров писал: «Часто мне приходилось слышать, как кубинцы, предполагая, что я не понимаю испанского языка, говорили, что не испытывают любви к американцам и ожидают, по окончании этой войны, конфликта между нами и Соединенными штатами. Далее они выражали готовность участвовать в таком конфликте, как только он возникнет. Вообще я полагаю, что настроение во всех частях острова против нас».

4

24 апреля американский адмирал Девью получил приказ отплыть к Филиппинам. Здесь Америка придерживалась той же тактики, что и на Кубе, т. е. стремилась использовать в своих интересах филиппинское национально-освободительное движение. Американский консул в Сингапуре Пратт, узнав о прибытии вождя филиппинских националистов Агинальдо, провел с ним секретное совещание. На совещании было условлено, что США возьмут на себя защиту Филиппин до того времени, пока местное население не установит своего собственного правительства. Вслед затем Агинальдо обратился к филиппинцам с воззванием, в котором писал: «Сображдане! Божественное провидение способствует нам в достижении независимости... Американцы сочли нужным протянуть руку помощи нашей возлюбленной родине, и они делают это не из корыстных целей, а из соображений гу-

манности, из сочувствия к страданиям народа, который в течение столь длительного времени подвергался угнетению»².

В тот самый момент, когда Агинальдо убеждал филиппинцев в «бескорыстии» США, американский посол в Сиаме Баррет с похвальной откровенностью заявил газетным корреспондентам: «Захват нами Филиппинских островов будет иметь исключительно большое значение. США еще не отдали себе отчета во всей их ценности. Они богаче Кубы и в руках мощного государства явятся ключом к Дальнему Востоку»³.

27 апреля американская эскадра под командованием Девью вышла из Гонконга; в ее состав входили 4 бронированных крейсера и 3 бронированных канонерки. 1 мая американцы встретились в Манильской бухте, вблизи форта Кавите, с испанской эскадрой адмирала Монтохо, состоявшей из 2 бронированных крейсеров и 4 небронированных канонерок. Манила была очень слабо укреплена береговой артиллерией, и испанское морское министерство возлагало главную надежду на минные заграждения. Еще 19 апреля в Манилу был послан приказ минировать все порты Архипелага: во этот приказ не удалось выполнить по той причине, что в распоряжении местного командования имелось лишь 14 миин, да и то неисправных.

Не обращая внимания на слабый огонь противника, американская эскадра подошла к нему на расстояние всего в 200 ярдов и стала расстреливать его почти в упор. Вся испанская эскадра была уничтожена. Только один испанский снаряд попал в американское судно, все остальные ложились на воду.

19 мая Агинальдо, прибывший на американском крейсере в Кавите (военный порт и гавань Манилы на о-ве Люсон), встретился с Девью. Повстанческая армия к этому времени насчитывала 25 тысяч человек. Девью выдал повстанцам оружие и предложил им осадить Манилу, испанский гарнизон которой насчитывал 8 тысяч человек. При этом Девью категорически запретил филиппинцам штурмовать город; взятие Манилы повстанцами не входило в его планы.

Между тем в США снетно формировался экспедиционный корпус, предназначенный для оккупации Филиппин. Он прибывал в Манильскую бухту отдельными эшелонами в течение всего лета. 11 августа началась подготовка к атаке Манилы с суши и с моря. 13 августа местное

¹ W. Millis. Op. cit., p. 362.

² Ibidem, p. 183.

³ Ibidem, p. 182.

испанское командование, не надеясь удержать город, капитулировало¹.

Американцы запретили филиппинским повстанцам вступить в Манилу и отказались признать Агинальдо правителем Филиппин. В дальнейшем выяснилось, что американцы намерены аннексировать Филиппины, не считаясь со стремлением местного населения к независимости. Тогда Агинальдо порвал с американцами, объявил город Малаос временной столицей Филиппинской республики и призвал народ к вооруженному сопротивлению захватчикам.

Американскому империализму удалось подчинить себе Филиппины лишь после 3 лет ожесточенной борьбы с национально-освободительным движением.

5

27 июля 1898 года президент США отдал распоряжение блокировать все порты на побережье Кубы и Порто-Рико. Кубинское население оказалось в исключительно тяжелом положении. Мужчины, женщины и дети умирали от голода.

21 июля американцы высадили десант на Порто-Рико; к 12 августа остров почти целиком был оккупирован.

Испания проиграла войну. 26 июля президент Мак-Кинли через Французского посла в Вашингтоне Камбона получил от Испании предложение — приступить к мирным переговорам. 30 июля американцы сообщили свои предварительные условия: 1) отказ Испании от своих суверенных прав на Кубу и немедленная эвакуация с острова испанских войск; 2) уступка Соединенным штатам Порто-Рико и одного из Маршалльских островов (по выбору США) в порядке возмещения военных расходов США; 3) оккупация американскими войсками Манилы (на Филиппинах) впредь до заключения мирного договора, который должен будет окончательно урегулировать вопрос о дальнейшей судьбе Филиппин.

7 августа испанское правительство приняло эти условия. 12 августа был подписан предварительный договор, и США сняли блокаду с портов Кубы, Порто-Рико и Филиппин.

Испанская и американская делегации, на которые была возложена выработка окончательного текста мирного договора,

¹ Еще за день до сдачи Манилы между США и Испанией было заключено перемирие, но на Филиппинах это стало известно лишь 16 августа.

начали свою работу в Париже 1 октября 1898 года. В течение двух месяцев испанские дипломаты тщетно добивались уступок со стороны США. Наконец, 10 декабря был подписан мирный договор.

По этому договору, Испания отказывалась от Кубы, уступала США острова Порто-Рико и Гуам (один из Маршалльских островов); Филиппины также отходили к США за денежную компенсацию в 20 миллионов долларов. Было постановлено, что в течение 10 лет со дня заключения договора испанские товары будут пользоваться в бывших испанских колониях теми же преимуществами, что и американские.

Так закончилась эта война. Экономическое и военно-техническое превосходство США, отсталость и слабость Испании, благоприятная для США международная обстановка — таковы были факторы, обусловившие исход этой войны.

* * *

Испано-американская война 1898 года была одной из первых империалистических войн. В статье «Империализм и раскол социализма» (1916 год) Ленин писал: «Империализм, как высшая стадия капитализма Америки и Европы, а затем и Азии, сложился вполне к 1898—1914 г.г. Войны испано-американская (1898), англо-бурская (1900—1902), русско-японская (1904—1905) и экономический кризис в Европе 1900 г. — вот главные исторические вехи новой эпохи мировой истории»².

Это была империалистическая война с обеих сторон. Испания воевала ради того, чтобы увековечить свое «право» на колониальное порабощение народов Кубы, Порто-Рико, Филиппин. США воевали с целью ограбить Испанию и присвоить себе право на колониальное порабощение тех же народов.

Испано-американская война показала, что в круг старых империалистических хищников, претендовавших на решение судьбы мира, вступил новый партнер — империализм Соединенных штатов Америки. Он вступил в этот круг во всеоружии, полный сил и неутолимой жажды захватов.

Куба, «освобожденная» от испанских эксплуататоров, стала полуколонией США. Филиппины были превращены в опорный пункт американской империалистической экспансии на Дальнем Востоке.

² Ленин. Т. XIX, стр. 302.

Оборонительные сооружения древнегреческой колонии юга СССР

(Укрепления Херсонеса и Гераклейского полуострова)

1

Развитие ремесла и торговли в древней Греции стимулировало поиски рынков для приобретения сырья и сбыта продуктов ремесла. Уже в очень давние времена греки заселили побережье Малой Азии, острова, юг Италии, северное побережье Африки, даже восточный берег Испании и устье Роны на юге Франции.

Начиная с VII века до нашей эры греки устремляются на северовосток и заселяют берега Мраморного и Черного морей. Здесь, особенно на северном побережье Черного моря, греки нашли неисчерпаемые источники хлеба, рыбы, пеньки, рабов для продажи и т. д. Но все эти места уже имели своих хозяев — кочевые скифские племена, которые, несомненно, весьма неприятели встретили новых пришельцев. Греки старались путем торговли, выгодной для обеих сторон, завоевать симпатии туземцев, старались сделать для них необходимыми. В первое время скифы, очевидно, благодушно к ним относились, тем более что вначале у греков не было постоянных поселений, а лишь эмпориев, т. е. ярмарочные пункты. Греческие купцы приезжали для торговли и снова уезжали обратно. Повидимому, древнейшая ионийская колонизация VII века до нашей эры носила характер ярмарочной торговли наездами.

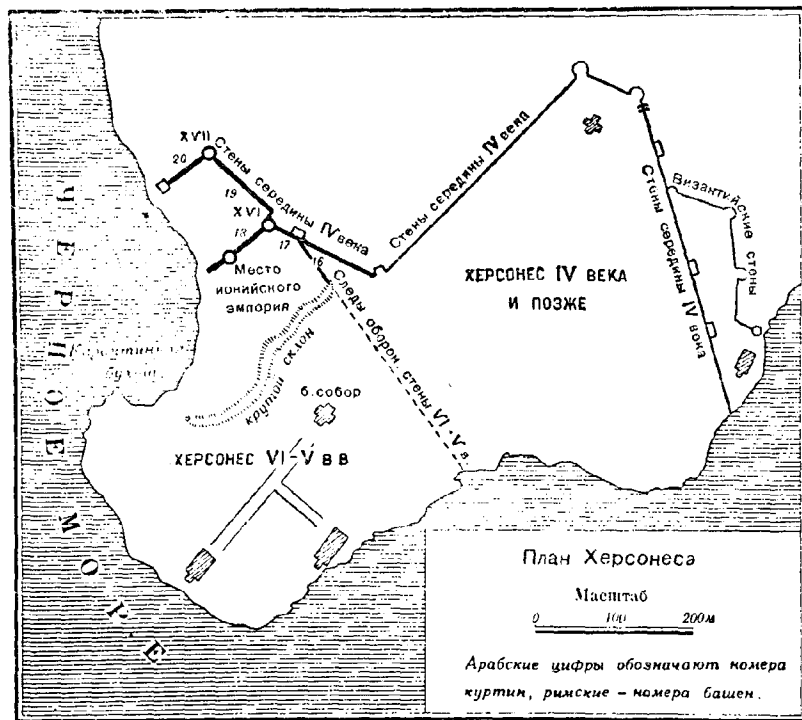
Эмпориев, разумеется, в особой охране не нуждались, и в случае опасности греки просто могли стащить свои корабли в воду и уплыть. Этим объясняется отсутствие в древнегреческих колониях на юге СССР оборонительных сооружений этого древнейшего периода. Но, начиная с VI века до нашей эры и позже, в связи с усилением колонизации, на местах ярмарочной торговли возникают вполне оселые поселения. С появлением таких поселений вопрос о безопасности, об охране от набегов диких кочевников стал весьма актуальным. Во многих древнегреческих колониях на юге СССР обнаружены остатки более

или менее сохранившихся оборонительных сооружений. Они найдены в Ольвии, в Керчи, вблизи Камыш-Буруна и в других местах. По нигде они не сохранились так хорошо, почти на всем протяжении крепостной ограды, как в Херсонесе Таврическом. Поэтому наше ознакомление с оборонительными сооружениями древнегреческих колоний мы начинаем с Херсонеса.

Херсонес Таврический находится в Крыму, в 5 километрах к западу от Севастополя. Он расположен на скалистом мысе между двумя бухтами. Первоначальный эмпориев был, повидимому, на берегу Карантиной бухты, и лишь впоследствии город разросся и занял всю территорию скалистого мыса. Об этом ясно говорят следы оборонительных стен, по которым можно установить постепенный рост города (см. план).

В 1927 году была открыта стена, очевидно, пачала V века, которая была обнаружена под стеной середины IV века. Направление этой древнейшей стены удалось проследить на городище по чуть заметным ее остаткам. К сожалению, ничего больше сказать об этой стене невозможно. Ее толщина равна приблизительно 2,35 метра. Она имела красивую облицовочную кладку из тесаных плит, которые связывались друг с другом только кусками дерева, вкладывавшимися в особые углубления в двух соседних плитах. Кладка была сделана насухо, без глины или гипса (другого раствора греки не знали), и камни держались своей собственной тяжестью, но они были тщательно, математически точно пригнаны друг к другу и отесаны на месте.

Если от сооружений V века больше ничего не осталось, кроме самой стены, то зато прекрасно сохранилась крепостная ограда середины IV века до нашей эры, которая тянется вокруг почти всего Херсонеса на протяжении свыше 1200 метров и имеет многочисленные башни, ворота, вылазные калитки и т. д. Ценность этого памятника еще в том, что он может быть

довольно точно датирован, так как внутри оборонительной стены раскопками 1899 года был обнаружен погребальный склеп, имеющий в плане букву «Т», в котором находились урны с железными костями и драгоценностями. Совершенно очевидно, что сооружение склепа относится к тому же времени, что и постройка стены. Сравнивая найденные в склепе вещи с древними ювелирными изделиями из других мест Греции, ученые установили, что они относятся к середине или второй половине IV века до нашей эры. Анализ кладки стены и сравнение с датированными крепостными сооружениями самой Греции также приводят к выводу, что крепостная ограда Херсонеса была сооружена именно в середине IV века.

В это время город переживал свой расцвет, вел обширную торговлю с Афинами и быстро богател. На связь с Афинами указывают многочисленные чернолаковые и краснофигурные вазы, которые находят в херсонесских погребениях этого времени, в том числе и в упомянутом выше подстенном склепе. Любопытно, что один из погребенных в склепе был победителем на афинском празднике Анакий в честь Дноскуров, так как на горле одной бронзовой гидрии¹ сохранилась надпись: «Приз с праздника Анакий». К IV же веку относится и ряд надписей, найденных в Херсонесе: гражданская присяга жителей города (о которой речь будет ниже), надпись в честь Агасиклета, строителя стен, увенчанного золотым венком, и некоторые другие.

¹ Гидрия — сосуд для носки воды.

Крепостная ограда Херсонеса IV века описывала (как это видно на схематическом плане) весь город. Топографически и в военном отношении (в смысле его защиты) Херсонес разделялся на две части: низменную, портовую, и собственно город, находившийся на более возвышенном месте. Низменная часть была наиболее уязвимой, так как вне стен недалеко находится возвышенность, господствующая над всей этой местностью. Поэтому здесь много дополнительных укреплений.

Стены в те времена были главной защитой города, они должны были оказывать достаточное сопротивление, во-первых, метательным орудиям, стрелявшим каменными ядрами (их много в музее Херсонеса), во-вторых, что было гораздо страшнее, — противостоять ударам стенобитных машин. Херсонесские стены имеют среднюю толщину до 3—3,5 метра, что вполне согласуется с требованиями архитектора Филона (III век до нашей эры), и представляют собой как бы две параллельные стены, сложенные из мощных квадратных камней различной кладки. Внутренняя часть заполнена бутовым камнем на глине. Для большей прочности стены ее наружные кладки соприкасаются в середине длинными брусками, положенными поперек стены. Это было необходимо, чтобы лучше противостоять ударам стенобитных орудий.

Филон Византийский в своей «Полноречетике»² дает несколько правил антично-

² См. Rochas d'Aiglun «La poliorcétique chez les grecs (Philo)» и его перевод Филона с греческим текстом «Re-

го стеностроительства. Крепостная стена, во-первых, должна стоять на скале или на другом основании, достаточно прочном. Херсонесские стены всюду стоят непосредственно на скале. В тех местах, где скалы нет, как например в Ольвии, там для крепостной ограды глубоко в земле было сделано искусственное основание, состоящее из многочисленных перемежающихся слоев глины, золы, песку и снова глины. Это основание создавало прочную горизонтальную связь лессовой почвы, и на него уже клался фундамент крепостной стены. Подобная техника строительства укрепления ведет свое начало из Понии.

Другим требованием древней осадной техники является создание в линии обороны как можно большего количества углов, выступов (в этих целях строились паружные башни), чтобы защитники крепости имели возможность путем бокового обстрела не допускать приближения к стенам стенобитных машин. Крепостная ограда Херсонеса IV века была слишком пряма, и впоследствии пришлось исправлять этот недостаток. Так, в одном месте (куртина 16—17) археологами был обнаружен пролом, произведенный стенобитным орудием; впоследствии этот пролом был наскоро заделан, а с паружной стороны была пристроена вначале полукруглая, а потом прямоугольная башня. Херсонесские башни IV века в большинстве своем круглые или полукруглые¹. В среднем диаметр башен — от 8 до 10 метров. Высоту башни, как и высоту стен IV века, установить невозможно, так как благодаря многовековому существованию города стены и башни часто перестраивались и верхние части всюду были надстроены в более поздние времена².

Стены и башни в древности, судя по древним монетам Пантиконея (например по монете царя Котиса), увенчивались зубцами. Только в одном месте в Херсонесе сохранилась до самой верхней части крепостная стена, а именно: возле древнегреческих ворот, между двумя прилегающими склепами римского времени. Здесь сохра-

vue de Philol». V. III. (Nouvelle série). См. «Архитектура античного мира» № 115, 1. 107. 107а, стр. 45. Составили В. Зубов и Ф. Петровский, М. 1940.

¹ Древний архитектор Витрувий говорит: «Башни следует делать круглыми или многоугольными, ибо четырехугольные скорее разрушаются осадными орудиями, потому что удары таранов обламывают их углы, тогда как при закругленных они, как бы заходя клинья к центру, не могут причинить поврежденный» («Архитектура античного мира» № 116).

² Филон рекомендует строить стены не ниже 20 локтей, т. е. около 5½ метров («Архитектура античного мира» № 107а).

пились следы выемок, расположенных на одинаковом друг от друга расстоянии. Возможно, эти выемки и есть следы древних зубцов³.

Античная крепостная стена IV века в Херсонесе поражает нас тщательностью и красотой своей кладки, резко отличающей ее от римской и особенно от византийской крепостной стены в том же Херсонесе.

Всего имеется четыре системы кладки, причем во всех этих системах камни сложены насухо, без всякого связующего вещества. Камни связываются между собой, во-первых, математически точной пригонкой и притеской каждого камня друг к другу, во-вторых, скрепление камней друг с другом производилось при помощи небольших деревянных брусочков, обычно расширявшихся к концам. Эти скрепы, так называемые пироны, впоследствии сгнивали без остатка, и о них можно судить лишь по оставшимся вырубкам в прямоугольной форме или в виде хвоста ласточки. Пироны были необходимы на первом время, когда стена могла дать осадку.

Почти всегда средняя часть облицовочного камня, так называемое зеркало, оставалась полуобработанной, пестесанной и на ней часто видны знаки каменотесов в виде отдельных букв греческого алфавита. По начертанию букв, эти камни можно, по авторитетному мнению акад. В. В. Латышева, датировать концом V или IV веком до нашей эры. Эти метки являются для археологов подкрепляющим моментом при датировке крепостной ограды Херсонеса.

Есть основание предполагать, что в IV веке стеной было обнесено только место древнейшего понийского эмпория в верхний город, и только 100 лет спустя были построены две куртины и башня, расширившие территорию древнего города на юг.

В период римского владычества стены были перестроены. Римляне засыпали древнегреческие стены до известного уровня (метров на пять) и на них как на фундаментах построили свои стены, подняв, таким образом, вверх линию обороны. Судя по найденной здесь надписи, это произошло в эпоху Феодосия Великого. Надпись гласит: «За владык наших, вечных Августов, непобедимых Флавиев, Феодосия и Аркадия и много потрудившегося при деле Флавия Вита трибуна и строителя построена эта стена...» Камень с этой надписью найден во время раскопок 1899 года возле древнегреческих ворот в кладке

³ В склепе римского времени на Туровской горе, близ Херсонеса, сохранилось настенное изображение крепостной ограды, быть может, херсонесской. Стены и башни сверху имеют зубцы.

Пирамидальная башня и дворик с калиткой. Херсонес. Раскопки 1929 года.

византийских помещений и, очевидно, когда-то был вставлен в стену. Феодосий и Аркадий (отец и сын) царствовали вместе между 383 — 395 годами нашей эры.

В средние века стены снова подняли, и теперь, раскопав их до скалы, археологи могут наблюдать кладку всех трех исторических эпох. Византийские средневековые стены сложены из известняков и имеют значительно меньшую толщину чем древнегреческая стена.

Возле XVII башни, слева, находится отверстие в 19-й куртине для бывшей здесь некогда вылазной калитки. Расположение калитки возле башни вполне согласуется с древними правилами обороны, идущими еще от критомикенской эпохи¹. Так как в руках нападающих были только меч и щит, притом меч в правой руке, то при падении они поневоле должны были подставлять под удары защитников башни свою не защищенную щитом правую сторону. Вот почему вылазные калитки возле XVII башни и на западе, возле круглой башни, устроены с левой стороны от башни (слева со стороны поля).

В 16-й куртине находятся древнегреческие ворота, снабженные башнями для бокового обстрела. Недалеко от ворот (на расстоянии 5,47 метра), слева, видны следы полукруглой башни, от которой осталось несколько камней кладки. По этим камням можно восстановить приблизительно диаметр башни. Он равен диаметру XVI башни, т. е. около 10 метров. Возможно, что и справа от ворот была башня, превращенная впоследствии в склеп. Самые ворота имеют форму коридора

шириной 3,63 метра, длиной 4,8 метра. Этот коридор образуют 2 пилоны шириной 3,14 метра, идущие от линии стены в глубь города и имеющие по концам небольшие утолщения — анты.

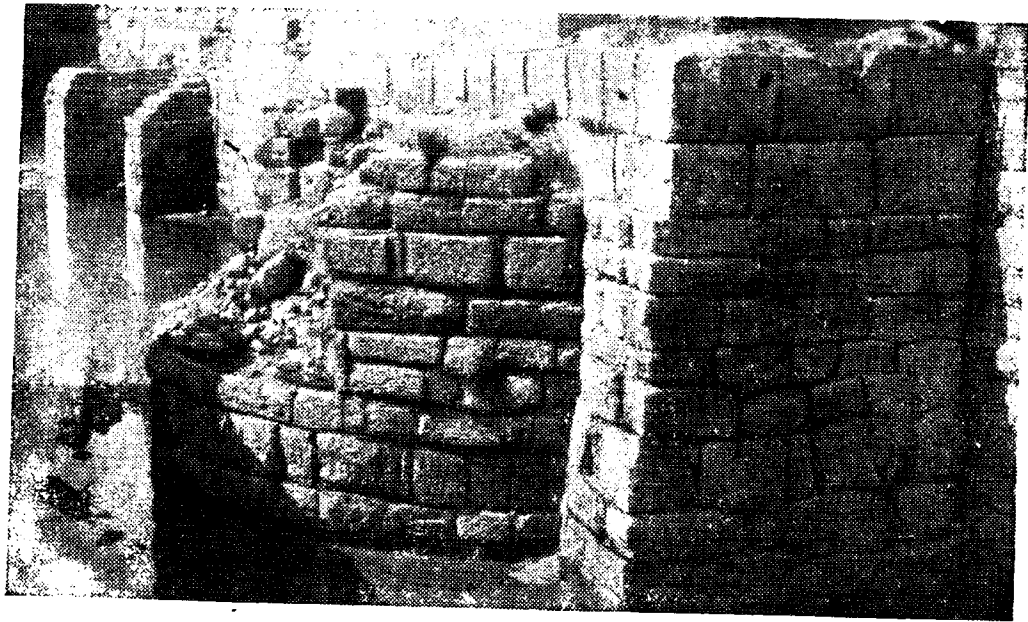
При входе в ворота, на расстоянии 0,75 метра от углов ворот и на высоте 1,02 метра от уровня скалы, сделаны по обеим сторонам ворот углубления — пазы. — по-видимому, для бывшей здесь некогда падающей решетки. Эта решетка имела вид зубья, для защиты которых и сделаны пазы, чтобы зубья не ломались о плиты порога. Такие падающие решетки в воротах (так называемые катаракты) были хорошо известны древним, о них есть упоминания у Энея в IV веке до нашей эры. В Геркуланских воротах в Помпеях тоже имеются пазы от подобной решетки. Она служила первым запором и в случае осады опускалась и заваливалась изнутри бревнами, камнями и землей.

Кроме этого первого запора почти в конце коридора обнаружены следы второго запора, представлявшего двухстворчатые ворота. Такое устройство ворот в виде коридора по системе так называемого «Дипилона»² характерно для древней Греции, где оно встречается повсюду. Военный смысл коридорообразного устройства ворот с двумя запорами состоит в том, что в случае прорыва врагами первого запора их можно легко истребить с верха пилонов в тесном коридоре.

Южная часть херсонесских крепостных стен в настоящее время засыпана и остается для изучения только западная ли-

¹ Там же устроены ворота в Тирине, под защитой пилонов, играющих роль башен.

² «Дипилон» — двойные ворота города Афин.

Полукруглая башня.

Херсонес.

ния обороны города. Западная стена имеет один излом, снаружи которого когда-то находилась круглая башня. Ее в настоящее время нет, так как на ее месте сейчас находятся остатки башни римской эпохи, но в фундаменте последней замурованы камни древнегреческой башни. Слева от башни находилась вылазная калитка, от которой сохранился порог со следами движения одностворчатой железной двери. Древнегреческая стена шла прямо к берегу моря. Она была снабжена водоотводными сточными желобами и имела три или четыре прямоугольных башни.

От древнегреческой стены отходит к западу византийская крепостная стена; впоследствии эта древнегреческая стена в пределах города была уничтожена за ненадобностью. На месте стыка двух стен были сооружены в середине века большие крепостные ворота. В X—XI веках вся крепостная ограда Херсонеса в целях усиления обороны была удвоена, т. е. впереди старых стен была на протяжении всей линии обороны построена еще одна стена, так называемая протейхизма.

Такова в самых общих чертах крепостная ограда Херсонеса¹.

2

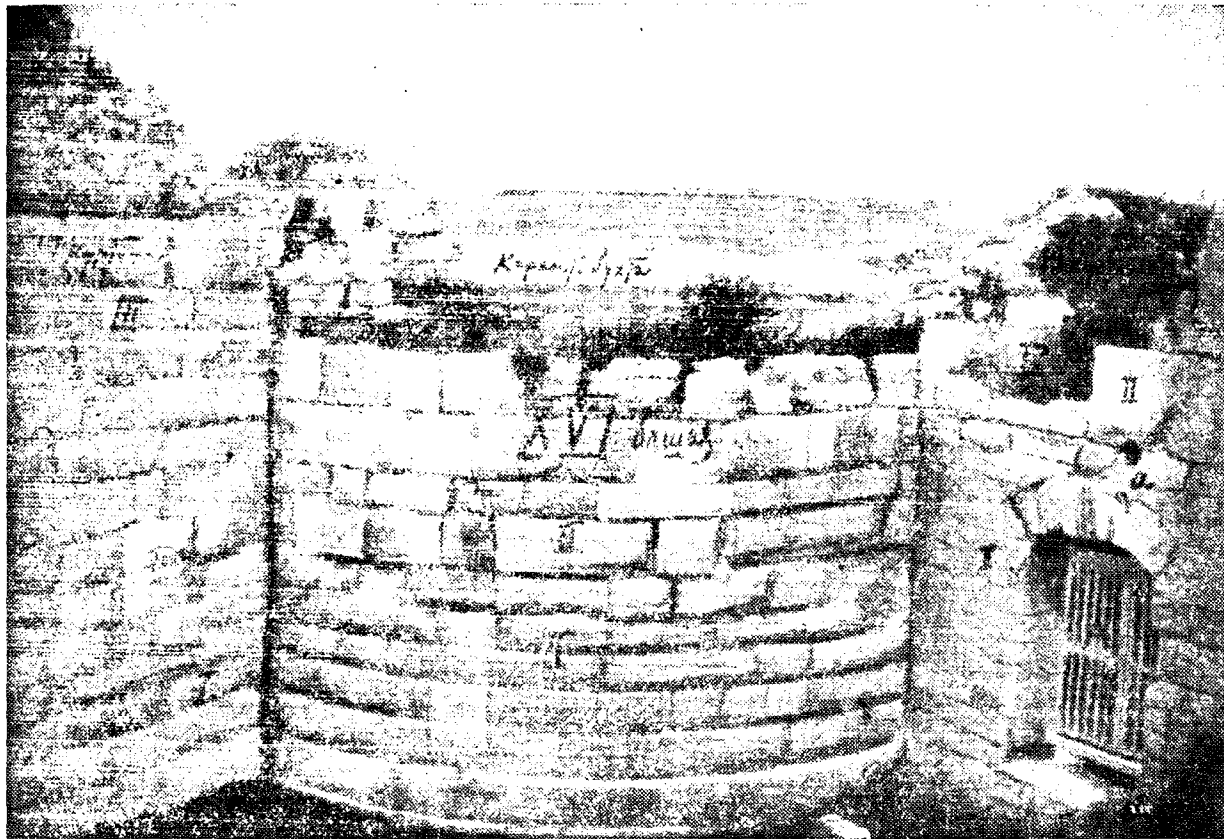
К IV веку до нашей эры Херсонес из торгового пункта, каким он был в первые столетия своего существования, стал городом-производителем. В его руках был

¹ Более подробно ознакомиться с характером укреплений древнего Херсонеса читатель может по специальной работе автора этой статьи — «Стены Херсонеса Таврического». Херсонесский сборник. Выпуски 1-й и 2-й, 1926 и 1927.

обширный производящий район, занимавший весь западный участок Крыма, начиная от нынешней Евпатории (древней Керкинитиды) и вплоть до Балаклавы (древней Бухты символов).

Основным письменным памятником этой эпохи является знаменитая присяга херсонесцев, найденная на территории древнего города. Приводим ее полностью: «Клянусь Зевсом, Землею, Солнцем, Девой, богами и богинями Олимпийскими и героями, кои владеют городом и землею и укреплениями Херсонаситов: я буду единомыслен относительно благосостояния и свободы города и граждан и не предаю ни Херсонаса, ни Керкинитиды, ни Прекрасной гавани, ни прочих укреплений, ни прочих земель, коими Херсонасы владеют или владели, ничто никому — ни Еллину, ни варвару, но буду охранять для народа Херсонаситов; и не нарушу демократии и желающему предать или нарушить не дозволю и не утаю вместе с ним, но заявлю городским дамургам; и врагом буду злоумышляющему и предающему и склоняющему к отпадению Херсонас или Керкинитиду или Прекрасную гавань или укрепления и область Херсонаситов; и буду служить дамургом и членом совета как можно лучше и справедливее для города и граждан; и «састера»² народу охраню и не передам на словах ничего тайного ни Еллину, ни варвару, что может повредить городу; и дара не дам и не приму ко вреду города и граждан; и не за-

² Непонятное слово. По остроумному замечанию проф. Н. И. Новосадского («Труды Херсонесской конференции», стр. 39), здесь ошибка резчика: следует читать «мастера». Так назывались магистраты, которые наблюдали за конфискацией имущества граждан, осужденных на изгнание.

Башня № XVI с прилегающими куртинами №№ 17 и 19.

Херсонес.

мыслию никакого несправедного деяния против кого-либо из граждан не отнавших и никому замысливающему никакого подобного деяния не дозволю, но заявлю и при суде подам голос по законам; и в заговор не вступлю ни против общины Херсонаситов, ни против кого-либо из граждан, кто не объявлен врагом народу; если же я с кем-либо вступлю в заговор и если связан какой-либо клятвой по обету, то нарушившему да будет лучше и мне и моим¹, а пребывающему обратное; и если я узнаю какой-либо заговор существующий или составляющийся, то заявлю дамиургам; и хлеба вывозного с равнины не буду провозить и вывозить в другое место с равнины, но только в Херсонас.

Зевс и Земля и Солнце и Дева и боги Олимпийские, пребывающему мне в этом² да будет благо и самому и роду и моим, а не пребывающему — зло и самому и роду и моим, и да не приносит мне плода ни земля, ни море, ни женщины да не рожают мне прекрасных детей»³.

Следует обратить внимание на то, что в присяге три раза указывается на укрепления херсонесцев.

В настоящее время археологами изучена

¹ Местомяне, вероятно, стоит в среднем роде и обозначает имущество.

² Т. е. соблюдающему эту клятву.

³ «Материалы по археологии России» № 9 (Над. Археологической комиссии), стр. 2—3. СПб. 1892.

часть этих укреплений, что позволяет восстановить всю их систему.

Полуостров топографически разделяется на две части: на ограниченный узким перешейком между морем и Базачьей бухтой Маячный полуостров, где ныне находится Херсонесский маяк, и на остальную часть полуострова. Маячный полуостров являлся отдельным объектом обороны: он представлял когда-то большую непостоять, так как красноземная почва позволяла здесь с успехом заниматься виноградарством. На старинной карте работы Струкова конца XVIII века⁴ видны явные следы деления всей земли на участки. Некоторые следы остались и до сих пор. Между участками помещались древние фермы. Все фермы датируются эпохой IV—III века до нашей эры, и других, более поздних культурных слоев не имеется. На перешейке, соединяющем Маячный полуостров с остальной частью Гераклеяского полуострова, раскопаны крепостные стены грубой кладки на глине с несколькими прямоугольными башнями.

Гераклеяский полуостров было труднее защитить от набегов кочевников, так как он своей широкой частью примыкает к остальной территории Крымского полуострова. Система укреплений здесь строго

⁴ Карта Струкова хранится в Одесском историко-археологическом музее. Она датируется 1786 годом. (Дело архива музея № 4/84.)

продумана: стены расположены по верхним склонам плодородных балок и, таким образом, защищают последние. Средняя толщина стен — 2—2,5 метра; сложены они насухо из правильных квадратов известняка. На склонах балок к стенам примыкают укрепленные земледельческие фермы, число которых достигает сотни. Одна из таких земледельческих ферм была раскопана в 1928—1929 годах. До раскопок из земли торчали только еле заметные следы древней кладки. По склонам балок Гераклеийского полуострова рассеяно множество таких заплявнивших земель следов кладки.

Центром раскопанной фермы являлась пирамидальная башня размером 10 × 10 метров, сложенная насухо. Внутри башни была обнаружена еще более древняя кладка из мощных прямоугольных плит. В одной из стен оказались ниши, у которых были найдены маленькие votивные алтарьки. Очевидно, первоначально здесь был какой-то небольшой храм, в дальнейшем использованный как центр фермы и превращенный, путем обкладки плитами, в пирамидальную башню. Пол башни вымощен плитами.

Вокруг пирамидальной башни шел целый ряд помещений, жилых и служебных, в том числе дворик для давки винограда, и кладовые с огромными инфосами (глиняными бочками). Перед лицевой стороной башни помещался довольно обширный двор, куда вела из башни калитка. Рядом с калиткой были найдены плиты, которыми она наглухо закладывалась, причем на каждом камне была вырезана греческая буква. Такие же буквы находились в проходе у калитки. По начертанию букв их можно отнести к концу IV и началу III века до нашей эры. Все сооружение было обнесено мощной оборонительной стеной, сложенной насухо из огромных прилопнических камней. Находки внутри комплекса, кладка стен и буквы указывают, что этот памятник относится к IV—III векам до нашей эры. Но все сооружение существовало очень долго: так, в одном из поме-

щений была найдена разбитой на части надпись иконоборческого периода VII века нашей эры, встречались монеты даже X века нашей эры.

Таким образом, ферма существовала около полутора тысячи лет. Пирамидальная башня служила одновременно и как складочное место (кладовая), и как наблюдательный пункт, и как место, куда все собиралось во время осады.

Рядом с этим комплексом находилось прямоугольное сооружение, сложенное из очень больших камней; под ним было расположено подземелье, состоящее из двух помещений. Это были, несомненно, складочные помещения. В 1929 году были раскопаны еще две башни. Одна из них имела глубокое подвальное помещение в виде круглой цистерны, что подтверждает предположение о том, что здесь были склады.

Все эти комплексы с пирамидальными башнями в центре датируются IV—III веками до нашей эры и, несомненно, о них-то и говорится в присяге как об «укрепленных Херсонесе». В настоящее время насчитывается около сотни еще не раскопанных комплексов. Они поражают одинабием своего плана, кладки и размерами камней. Это свидетельствует о том, что все эти памятники вряд ли являются делом индивидуального строительства: правильнее видеть в них постройки, собственником которых был сам державный Херсонес. Отсюда понятно, почему в присяге трижды упоминаются эти укрепленные места, так как они именно и являются главной независимости и богатств державного города. Повидимому, эти сооружения были построены по одному плану, быть может, даже одним архитектором.

Таким образом, древние греки, заселив оседло Херсонес и окрестные с ним местности, не только хорошо укрепили самый город и гавань, но к IV—III векам сделали хозяевами всего западного Крыма, а Гераклеийский полуостров превратили в сплошной укрепленный район.

Жан Кальвин и протестантская республика в Женеве

С распадом большой панской державы (XV век), управлявшей половиной Европы посредством своей финансовой и бюрократической организации, образовался многочисленный церковный «набег». Роскошная жизнь панского двора, кардиналов, прелатов, соборных капитулов, привилегированных комиссаров представляла резкий контраст с жалкой участью викариев, сельских священников, церковно-мануфактурных инсцов и массы рядового монашества. Но недовольное церковное плебейство, рассеянное по всем странам феодально раздробленной Европы, никогда не могло бы подняться до активных действий и не могло бы увлечь за собой на путь социально-религиозного переворота более широкие массы городской и сельской бедноты, если бы не нашло центра объединения своих протестов в университетах, т. е. в том учреждении, которое первоначально было создано панями для подготовки церковной бюрократии.

В первые два десятилетия XVI века университеты в Германии и во Франции были переполнены студентами. Конкуренция кандидатов на церковные должности создала перепроизводство aspirantorum (индуцирующих должности). А в то же время с развитием деловых профессий в городах, с расширением транспорта товаров, с ростом иммиграции в монархиях появились новые виды светской службы. Старая, схоластическая выучка явно не соответствовала новым потребностям жизни. Особенно остро сознавали неудовлетворительность архаических методов преподавания младшие поколения студентов, проходивших подготовительный факультет¹ (так называемый арифметический), где изучались artes liberales; сюда впервые проникли новые идеи гуманистов, увлечение греко-римскими классиками. Студенты-художники протестовали вместе с тем

¹ Семь «свободных искусств», 7 ступеней лестницы премудрости, делились на 2 цикла: тривиум и квадриум. В первый входили грамматика, риторика и диалектика; во второй — арифметика, астрономия, музыка и геометрия.

против привилегий высших факультетов (богословского, юридического, медицинского). Перед самым началом Лютера с его 95 тезисами в большей части германских университетов произошла волна студенческих беспорядков, в которых главным требованием было уравнение в правах артистов со студентами высших факультетов. Эта университетская «революция» была решительным шагом к превращению высших школ из духовных семинарий в светские учебные заведения, а сами «революционеры» — бравадные монашеские званье и уклонавшиеся от аскетических обетов модели учены, учителя, проповедники и писатели — вышли непосредственно на публичную арену и оказались во главе могущественного религиозно-социального движения 20-х годов XVI века, которое мы привыкли звать реформацией.

О том, какие планы реформы грезилась в умах переломной интеллигенции до того времени, когда ей пришлось столкнуться с суровой действительностью, можно судить по интимным беседам в кружке ученых, собиравшемся в первые годы XVI века в Оксфорде и состоявшем из трех друзей: Джона Колета, Эразма Роттердамского и Томаса Мора. Мы находим тут смесь библии с влассиками, пророков и апостолов с Платоном, Цицероном, Вароном и Тацитом. Гуманисты мечтали о возврате к простой вере и чистым нравам древнехристианской общины, о том, чтобы напоить всех жаждущих просвещения из самых первоисточников религии, из «Нового завета», текст которого следовало проверить и читать со всюю тщательностью критического анализа по новым изданиям греческих и римских классиков. Они мечтали об отмене наиболее кричащих злоупотреблений развращенного клира, причем реформа предполагалась мирная, без ломки учреждений, без шумного вмешательства царских масс, но инициативе просвещенных монархов. Наконец, они мечтали о прекращении войн между народами и о внутреннем мире, об устранении споров и распри, религиозных и социаль-

Цвингли.

ных. Если судить по «Утенчи» (1516 год) Мора, они даже намеревались внести в будущее общество элементы коммунистического строя.

В этой программе сквозь занавес фактажи, воспитанной на чтении античных авторов, просвечивает классовая среда и обстановка, которая внушила гуманистам таи и направление их мечтаний: они были горожанами и при том гражданами общины старого типа, сложившихся в эпоху феодального раздробления государств и преобладания натурального хозяйства. Они вышли из кругов богатой буржуазии, трудолюбивой, скуповатой, консервативной. Мор проповедует презрение к золоту; граждане его идеальной общины обходятся без денег, посредством обмена продуктами. От циничного скотоводства, приносящего громадные прибыли мануфактуре и торговле, он хотел бы вернуться к патриархальному земледелию.

Нечего говорить о том, что реформаторы — монахи-расстриги или летавшие студенты в рясах — были совершенно не подготовлены к той ответственной роли, которую им пришлось играть. Вместо реформы верований и научных методов им пришлось разбираться в требованиях разных общественных классов и профессиональных групп, выдерживать постоянный натиск преуспевающих и высказывать жалобы угнетенных. Воспитанные на образах натуральнохозяйственной идиллии,

они стали лицом к лицу с жадными устремлениями молодой буржуазии и со стихийными протестами антибуржуазного характера.

Они реагировали по-разному на социальные бури своего времени. Меньшинство — и это были самые горячие головы, героические натуры, — радикальное в религиозных воззрениях, отрицавшее буквоедство и догматизм, стало на сторону бедного крестьянства и городского пролетариата — таковы были Мюнцер, Шанеллер, Ротман. Они понимали коммунистический строй как реальное осуществление «божьей правды» на земле; все они, за исключением немногих бежавших на восток будущих основателей коммунистических сект меннонитов и моравских братьев, погибли в крестьянской войне 1525 года и в восстании 1534—1535 годов, известном под названием Мюнстерской коммуны.

Большинство стало на сторону имущих классов. Лютер, до 33 лет не выходящий мыслью за пределы своей кельи, метнулся сначала в сторону мелкого рыцарства и крестьянства, потому что вообразил в них армию для уничтожения «римского Содома» и завоевания «христианской свободы». Скоро, однако, он отшатнулся от народной массы; свою повую, преобразованную церковь он отдал под покровительство монархической власти в лице курфюрстов и князей империи. Главное материальное достижение реформации — секуляризацию церковных имуществ — Лютер благословил на пользу тех же князей и помещиков в их настоящих успехах увеличить барщину крестьян, потому что считал ее полезной для эцицилизации «нижней породы человечества», осужденной на вечный труд.

Цвингли в отличие от Лютера, выступившего сразу с общегерманскими и чуть ли не общечеловеческими манифестами, ограничился узкой сферой Цюрихской городской республики и связанной с ней Швейцарской федерации. Рационалист, далеккий от мистических порывов радикального направления, швейцарский патриот, противник ухода молодых людей за границу в качестве военных наемников, он связал свою церковную реформу с интересами высших и средних классов городского населения. Его новая церковь с крайне упрощенным культом отлично подходила к политике магистрата, состоявшего из представителей виднейших купеческих фамилий и мастеров ремесленных цехов, политике бережливой, осторожной, очерченной границами небольшого района.

Цвинглианская церковь совершенно слилась с маленьким государством-городом: пасторы стали советниками республикан-

ского правительства и вместе с тем в качестве духовных руководителей превосходными помощниками его в деле поддержания порядка и подчинения низших классов, отстраненных от управления (мелкой буржуазии, подмастерьев и рабочих).

Цвинглианское устройство церкви припала большая часть городов Швейцарии, а также прилегающей к ней югозападной Германии, городов, которые приобрели независимость в эпоху наибольшего феодального раздробления в XIV—XV веках, когда отсутствовала сильная государственная власть. Они выросли на транзитной торговле, развившейся со времени крестовых походов, проходившей через Альпы и соединявшей Италию с Германией. С открытием океанических путей и образованием больших держав эти центры старинной индустрии, станции и складочные пункты сухопутной торговли потеряли значение, должны были отступить перед торговыми и денежными центрами нового типа, такими, как Гамбург, Антверпен, Лондон. Реформация застала города старого типа накануне их неминуемого захирения. Вместе с падением их экономической и политической самобытности должна была заглухнуть и принятая ими форма церковного устройства; она осталась в виде местной провинциальной системы, без размаха, без каких-либо замыслов широкой пропаганды.

По сравнению с реформаторами первого поколения иной характер носила деятельность Кальвина и иначе сложилась судьба устроенной им церковной организации. По своему происхождению, по своему образованию он такой же горожанин и такой же аразмовец, как и более ранние реформаторы; у него был такой же рационалистический ум, как у Цвингли; его цели в устройении церкви были те же: упрощение культа, строгий контроль поведения всех членов общины, отмена роскоши и всяких развлечений. Но различие прежде всего в том, что Кальвин на 25 лет моложе двух немецких реформаторов (родился в 1509 году, тогда как Лютер и Цвингли — в 1483 и 1484 годах); он начал действовать после трагических событий 1524—1535 годов, когда в Германии погасли надежды на мирную реформацию, когда протестантам пришлось вооружиться и вести борьбу за существование. Кальвин обладал иными талантами, дарованиями, как раз пригодными для воинствующей пропаганды новой веры. Женевская республика, где развернулась его деятельность, заключала в себе совершенно иные качества и возможности сравнительно с лютеровской Саксонией и цвинглианской Швейцарией.

Кальвин вышел из среды старого бюр-

Кальвин.

герства, процветавшего в XII—XV веках, его мировоззрение складывалось на основе традиций средневековой промышленности и торговли, развивавшихся в тесных провинциальных границах. Деятельность Кальвина в Женеве, будущем центре международной денежной торговли, заложила основы для выработки идеологии самой смелой части буржуазии, которой предстояло развиваться в эпоху капиталистического производства и буржуазных революций XVI—XVIII веков.

1

Кальвин (собственно Ковен, Calvinus получился из латинизации фамилии Calvin) родился в зажиточной буржуазной семье города Пойона в Никардии, одной из тех областей Северной Франции, где за 3¼ века до того произошли первые коммунальные революции и где буржуазия гордилась своими старинными вольностями. Многие исследователи, особенно враждебные Кальвину католики и свободомыслящие, настаивали на его дворянских симпатиях, ссылаясь на его воспитание в аристократическом доме Мопморв, на его постоянные сношения с дворянами, на его пребывание при дворах Маргариты Наваррской и Репаты Феррарской.

А между тем к дворянству, особенно высшему, придворному, Кальвин относился с глубоким недоверием. Нигде и никогда он не говорит о дворянстве как о могущественном классе и неоднократно резко

его изобличает. Главный упрек, который он делает дворянам, состоит в том, что они вместо мирной жизни в довольстве в своих поместьях тянутся ко двору, что они предпочитают своей скромной доле палачье и публичную службу у государей. Выразить в этих кругах выраженные мужество и справедливость Кальвин почитает право за мудр. Только на деле, на примере дурным страстям государей особенно прощальные, и на них падает главная вина в том, что правители, не считая сменного и мнимительного высемерия, забывают о своих первейших обязанностях перед богом и человечеством, заводят ненужные и несправедливые войны, грабят и насидают беззачетных людей в своей собственной стране. Сам дворяне, опираясь на свою силу и на милость государей, без всякой меры рахищают имущество частных лиц как голые звери и никогда не могут насытиться. «Откуда же сканиваются огромные богатства в столь короткое время, как не обманом и грабежом, посредством которого эти пиявки сосут кровь жалкого мелкого люда!»

В этом раздражении, в этих нападках на высший класс сказывается представитель деловой и экономической буржуазии. Однако если Кальвин проводит резкую черту между высшим классом и людьми среднего состояния, то, с другой стороны, он отделяет не менее отчетливо буржуазию от низших слоев народа. В пределах господства буржуазного общества Кальвин предпочитает отдать руководящую роль известного рода олигархии. И в церковной и в политической жизни правление должно быть, по мнению Кальвина, в руках меньшинства, облеченного значительным авторитетом. На рынине деятельности не годится выбирать людей беззачетных и бедных; напротив, следует выдвигать лиц независимых и влиятельных по своему материальному и общественному положению. Уже в первой своей работе «Комментарии к de Clementia Сенекки» Кальвин в резких выражениях распространяется о «дурных» свойствах простого народа: вполне правильно, по его мнению, что в литературе массу всегда называют мятежной, беспильной, раздражаемой ссорами. Чернь всегда склонна к переменам; примером служит Рим, который благодаря ее волнениям был не раз на краю гибели. После у Кальвина нельзя найти тех теплых выражений об участи нечастной, заброшенной массы, какие встречаются в проповедях его долгодельного товарища и друга Гильома Фареля.

Умственное и моральное развитие у Кальвина совершалось методически, без прыжков и революционных увлечений: у него точно и не было мимологии. Товарищи по

школе метко прозвали его «accusativus» (винительный падеж) за его страсть вечно обвинять всех других. По окончании классической школы (того же парижского колледжа Монтею, где немного лет спустя учился Игнатий Лойола, основатель иезуитского ордена) Кальвин, по желанию отца, стал учиться юриспруденции в Орлеане и Бурже у знаменитых законоведов д'Этуазя и Алына. Эти занятия еще усилили присущее ему стремление к чисто рационалистическим построениям, несомненно последовательным, но в случае необходимости он умел пользоваться и казуистическими приемами, пригодными для искуснейшего адвоката. Однако его особенно привлекали филология и богословие, и ради изучения этих наук он приехал опять в Париж и поступил в университет, где в это время кипели религиозные споры и сильно сказывалось влияние германского лютеранства.

Здесь в 1533 или 1534 году произошло обращение Кальвина в протестантизм. Биограф Кальвина Лефран (Lefran «La jeunesse de Calvin», 1888) говорит по этому поводу: «...в противоположность лютеранскому Лютеру, Кальвин не знал душевных мук, не болел сомнениями, не впадал в отчаяние. Его религиозная эволюция совершалась методически. В качестве юриста он взвесил основательно все доводы за и против... Обратившись к новой системе веры, он не стал ее апостолом. Все это было делом логики и рассуждения, чувства тут были не при чем. Скандальная жизнь духовенства очень мало тревожила его; его внимание занимали только вопросы доктрины».

Осенью 1533 года Кальвин был свидетелем весьма бурных событий в Парижском университете. Знаменитый во всем католическом мире богословский факультет, Сорбонна, столп правоверия, кровно задел короля Франциска I, осудив теологическое сочинение его сестры, гуманности Маргариты Наваррской. Раздражением короля, который отослал в ссылку вождя консервативных богословов Бедэ, воспользовался только что избранный ректором (т. е. главой студенчества) Николай Коп: он созвал общее собрание студентов всех факультетов, за исключением Сорбонны, для выражения протеста и для осуждения погруженной во мрак суеверия устарелой теологии.

Похоже было на приближение реформации во Франции. В «день всех святых» (1 ноября 1533 года) Коп произнес в церкви демонстративную речь, направленную против культа святых; он развил вместе с тем основное учение протестантизма о том, что спасение дается грешникам исключительно заслугой Христа, един-

ственного посредника между богом и людьми, что верующие должны повиноваться богу ради его «неизреченной милости», а не в расчете на награду или из страха наказания за свои грехи.

Известно, что Кальвин дружил с Еюпом; в бумагах Кальвина после его смерти нашли копию проповеди Копы; отсюда возникла легенда, будто бы речь эта была составлена Кальвином и вдушена Копу. У нас теперь есть все основания сомневаться в правдивости такого представления о роли Кальвина. Устная проповедь нового учения не только не занимала его, но, можно сказать, вызвала в нем страх. В его натуре не было героизма, жажды мученичества, не было охоты рискнуть жизнью из-за распространения новой веры. Когда в следующем, 1534 году велел за расклеивкой афиш, резко осуждавших католическую мессу, на протестантов поднялись гонения, Кальвин воспел эмигрировать из Франции.

Кальвин уехал сначала в Базель, потом — в Страсбург, в то время важнейший центр гуманистических ученых. В 1535 году он вынул в свет свою работу, которая потом несколько раз переиздавалась в расширенном виде, — «Institutio religionis christianae (можно переводить двояко: «Учреждение христианской религии» и «Наставление в христианской религии»). Впервые здесь строго логический ум приводит в догматическую систему те идеи, которые возмущались Лютером, Меланктоном, Буцером и другими реформаторами. До него эти идеи, разбросанные в многочисленных проповедях и трактатах и не согласованные друг с другом, находились в хаотическом состоянии.

Среди формулированных в «Institutio» тезисов особенно выделяется учение Кальвина о предопределении (praedestinatio), которое у предшествующих реформаторов едва намечено. По убеждению Кальвина, если спасение людей зависит не от их собственных заслуг и усилий, а от благодати божьей, то, значит, всемогущий и всеведущий бог заранее определил их судьбу, их путь к спасению или гибели. Решение божье вечно и неотменно. Оно составлено на небесах до рождения людей, которым оно остается неизвестным до самой их смерти. Люди заранее разделены на достойных спасения и осужденных на вечную гибель; каковы бы ни были усилия отдельных личностей в течение их жизни, своей конечной участи они изменить не могут. Догмат Кальвина о предестинации, или предопределении, сформулированный в виде религиозного предсказания, стоит в тесной связи с интересами бур-

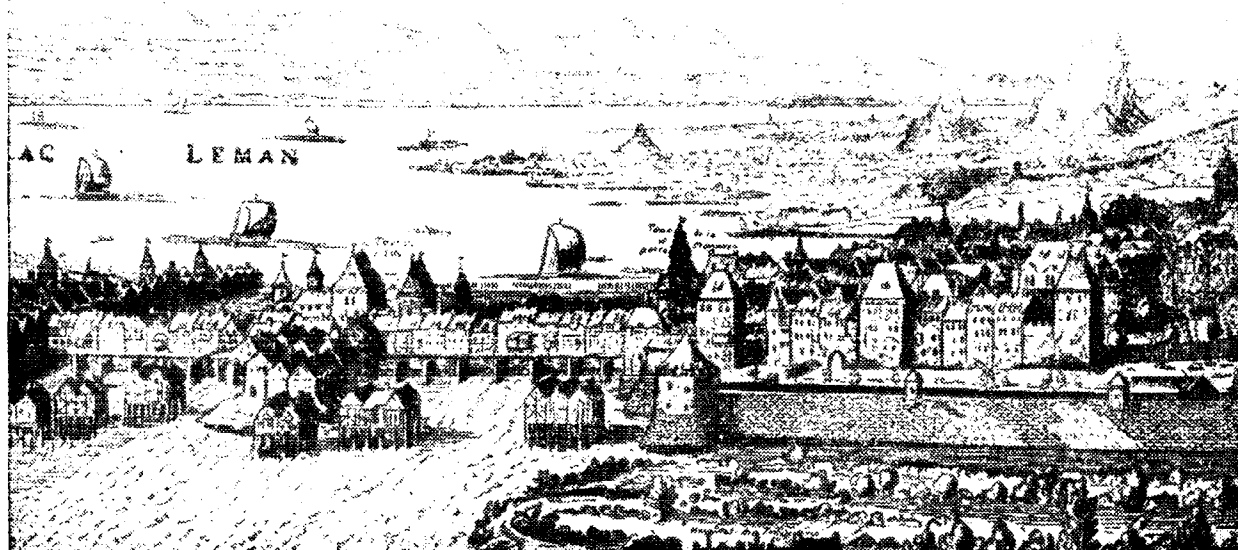
жуазии эпохи первоначального накопления и отражает убеждение людей этого класса в том, что высшие силы определяют неизбежную судьбу и направление их жизни. Ф. Энгельс во «Введении» к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» объясняет классовые основы этого учения следующим образом: «Его (Кальвина. — Р. В.) учение о предопределении было религиозным выражением того факта, что в мире торговли и конкуренции удача или банкротство зависят не от деятельности или некуесства отдельных лиц, а от обстоятельств, от них не зависящих. «Определяет не воля или действия какого-либо отдельного человека, а милосердие» могущественных, но неведомых экономических сил. И это было особенно верно в эпоху экономического переворота, когда все старые торговые пути и торговые центры вытеснялись новыми, когда были открыты Америка и Индия, когда даже издревле почитаемый экономический символ веры — ценность золота и серебра — пошатнулся и потерпел крушение»¹.

Это отрицание за человеком свободной воли чрезвычайно важно для Кальвина как оружие в борьбе против суеверий католичества, как опровержение мнимого сверхъестественного авторитета духовенства. По учению, ни о каком посредничестве церкви в деле спасения не может быть речи, грамоты о прощении грехов, заупокойные молитвы, торжественные мессы и пр. служат для одурачивания народа. Все эти жалкие средства бессильны против решения небес.

Но если такие формулы и были великодушными аргументами в волеизъявлении, то у непредубежденных читателей возникало недоумение: как же их применить практически? В самом деле, если все заранее решено и установлено на небесах, зачем тогда человеку волноваться, зачем что-то строить и что-то разрушать, отчего ему не отдаться неизбежному течению вещей, зачем ему вообще быть активным?

Тут могла бы получиться опасная трещина во всей системе реформатора, но на помощь Кальвину, неуклонному логисту, пришел Кальвин — газунет, адвокат, мастер хитроумных комбинаций. Идею предопределения, представление об идеальной церкви, состоящей из одних избранных, пребывающей не то на небесах, не то на земле, он быстро подменяет идеей совершенно противоположной: мало строить реальную, земную церковь, которая была бы оружием пропаганды, борьбы с иррациональностью, средством перевоспитания людей;

¹ Маркс и Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 297.

Женева.

С гравюры 1641 года.

поэтому надо приложить все усилия к тому, чтобы дисциплинировать общину верующих, чтобы выработать людей, безусловно послушных воле божьей.

В первом издании «Institutio» Кальвин не говорит о том, как будет устроена новая церковь; для него ясно одно: церковь должна быть свободной и независимой, вполне автономной. «Institutio» посвящена королю Франциску I. Кальвин предлагает ему как просвещенному государю взять на себя инициативу реформы. Поэтому он настаивает на лояльности протестантов, выдвигает принцип повиновения власти, напоминая, что всякая власть исходит от бога. Однако он указывает и на ограничение светской власти правом критики и осуждения, принадлежащим служителям божьим; последних он изображает в чертах ветхозаветных пророков: «...пусть они безбоязненно дерзают на все, пусть заставляют всех сильных, гордых и прославленных мира сего преклоняться перед величием божьим, пусть словом божьим повелевают как высшему, так и низшему, пусть строят дом Христов, разрушают царство сатаны, громят и мечут молнии на мятежников».

Так представлял себе Кальвин великую религиозно-социальную реформу накануне своего появления в Женеве, где начался новый этап его жизни.

2

Женева весьма рано получила значение международного центра. Город расположен изумительно выгодно в тор-

говом отношении, на границе трех национальностей: немецкой, французской, итальянской. Здесь соединялось в один узел несколько французских и германских дорог и начинались пути, которые по альпийским переходам вели в Италию и к Средиземному морю. Со времени крестовых походов по ним происходило оживленное движение товаров и Женева служила складочным пунктом и местом распродажи; на этом были основаны знаменитые жевевские ярмарки, процветавшие в XIV и начале XV века. С течением времени торговое движение усилилось, развились торговые обороты в кредит, умножились пути сообщения между городами, появились новые конкурирующие рынки, жевевские ярмарки стали приходить в упадок, уступая первенство лионским; в 1462 году они вовсе прекратились. Это не означало, однако, ослабления транзита через город, вообще не означало экономического падения Женевы; произошла лишь перемена в направлении деятельности жевевских коммерсантов. Крупнейшие из них — менялы, которые накопили большие запасы денег во времена ярмарок, — сделали кредиторами купечества. Женева стала местом торговых сделок и расчетов, банковских ссуд и уплат по векселям. С этой-то новой Жевевой, где все вертелось вокруг интересов денежной торговли, с Жевевой банкиров и ростовщиков, пришлось иметь дело Кальвину и его ученикам.

Существенная перемена, происходившая в экономической жизни Женевы в конце XV и начале XVI века, совпала с круп-

нейшим политическим кризисом, определившим внешне политические судьбы города.

В феодальной раздробленной Европе XIV—XV веков Женева занимала своеобразное положение. Французский город по языку и культурным связям, Женева принадлежала политически к Священной Римской империи и находилась под суверенитетом епископа, который считался одним из князей империи. С образованием швейцарского союза в XIV веке Женева, фактически отрезанная от Германии, потеряла всякую политическую связь с империей и была предоставлена собственной участи. Отделенный в свою очередь от империи, епископ утратил свой авторитет и признал за Женевой почти полную автономию; город получил демократическую конституцию: он управлялся народным собранием (*conseil général*), четырьмя ежегодно избираемыми синдикатами и тремя также ежегодно изменявшимися в своем составе советами: малым из 25, большим из 60 и расширенным из 200 человек.

Женева стала, таким образом, одной из тех маленьких республик, которые могли существовать изолированно благодаря общеевропейской анархии того времени. Но в конце XV века ей начинает грозить опасность быть поглощенной кем-либо из сильных соседей: Бургундо-Австрией, Францией или Савоией-Пьемонт. Казалось, что наибольшими шансами обладают савойские герцоги, владения которых с трех сторон окружали Женеву; к тому же они захватили власть наместников епископа и старались проводить в епископы своих родственников. В 1519 году герцог Карл III через своих клеветников добился изгнания из Женевы защитников независимости, которые были вместе с тем и сторонниками тесного сближения с Швейцарским союзом (в это время появляется их название *eidgenots* от *eidgenossen* или *huguenots* от имени их вождя *Bezanson Hugues*; то и другое значит «республиканцы», «федералисты»).

Однако все замыслы савойского герцога овладеть Женевой потерпели крах вследствие противодействия швейцарцев, которые были тогда на вершине своей военной славы и имели лучшее в Европе пехотное войско. Соседние кантоны — Берн и Фрейбург — поддержали женевацев. В 1526 году швейцарцы начали военную интервенцию: они помогли женеваским республиканцам изгнать партию герцога Савойи, отменить власть епископа и его наместника. Богатый и сильный Берн отнял у савойского герцога соседнюю с Женевой область Ваадт с Лозанной, а Женева была объявлена независимой республикой, состоящей в союзе

(комбуржуазии) со Швейцарской федерацией (в 1531 году).

События 1526—1531 годов имели для Женевы самые решительные последствия и определили ее политическую участь вплоть до нашего времени. Швейцарцы с Берном во главе спасли Женеву от поглощения савойской монархией тем, что включили город в свой союз, а этот союз уцелел в течение последующих веков как островок средневекового соединения городских республик среди моря больших монархических держав нового типа.

Политическая перемена неизбежно повлекла за собой религиозную. Берн незадолго до того принял реформацию по учению Цвингли и потребовал введения ее также у своего союзника — Женевы, которой он доставил свободу. Уничтожение католицизма в Женеве состоялось путем всепародного плебисцита. На главной площади собралось народное собрание и приняло следующее решение: «Мы единогласно постановили, обещали и поклялись перед богом, поднявши руки кверху, что все мы единодушно с божьей помощью хотим жить, соблюдая святой евангельский закон и слово, покинув всякие мессы и другие церемонии и злоупотребления папские, иконы и идольские изображения» (21 мая 1536 года).

Если эта демонстрация прошла легко и гладко, воспринятая женевацами как завершение политического освобождения, то на практике проведение реформы встретило такие затруднения, о которых в других местах и не слыхали. В Женеву как город романской культуры пришлось пригласить французских проповедников, а французы явились со своими радикальными требованиями независимой, морально строгой и властной церкви. Эта программа мало подходила к традиционным понятиям женевацев о вольностях, к образу жизни Женевы. Как город ярмарок, как место съезда иностранцев, Женева привыкла к зрелищам, развлечениям, танцам, к большой легкости нравов; недаром этот город называли веселой гостиницей. С другой стороны, в женевском обществе была мало распространена гуманистическая культура: в отличие от Базеля, Страсбурга и других городов, принявших протестантизм, тут не было просветительских издательств и типографий, не было интереса к серьезному чтению, господствовала легкая литература.

Гильом Фарель, стоявший во главе вновь прибывших проповедников, был великодушный оратор, приводивший в священный трепет сердца прихожан, но он оказался плохим организатором. Составленные им правила воспрещали неприличные танцы и песни, азартную игру, шум-

ные вирушки, пьянство, разврат, совместное мытье мужчин и женщин в банях, роскошные костюмы, вычурные прически и т. п.; но в этом регламенте не было никаких указаний на устройство надзора за гражданами и на способы их перевоспитания.

В крайнем смущении Фарель ухватился за случайно оставившегося в Женеве проездом из Италии Кальвина, в котором не смотря на невзрачную фигуру и крайнюю застенчивость он разгадал дарования властного реформатора. Фарель почти силой удержал при себе Кальвина, пригрозив ему в случае отказа проклятием божьим. Кальвин был назначен пастором собора св. Петра и преподавателем религии, но тотчас же принял участие в выработке залужаемых Фарелем правил. В начале 1537 года пасторы предложили магистрату (4 евидика и малому совету) составленный Кальвином на основании идей «Institutio» проект церковной конституции.

В первом пункте признавалось желательным еженедельное совершение таинства причащения при участии всей общины, и только ввиду «нетвердости» народа допускалось пока еженедельное повторение обряда. Но это всенародное прощение грехов представлялось мыслимым без учреждения строжайшего надзора, сопровождаемого отлучением недостойных. Согласно проекту, правительство должно было отобрать людей доброй нравственности и хорошей репутации и распределить их по кварталам города для наблюдения за образом жизни и поведением каждого отдельного лица. Если надзиратели замечали, что кто-нибудь «дурно» ведет себя, они должны были сообщить об этом проповеднику и к виновному обращались с братским увещанием исправиться. Если после всех мер воздействия виновный все же упорствовал, он «исключался из среды христиан» до тех пор, пока не выкажет раскаяния; в знак этого исключения он лишался причастия, а остальным верующим запрещалось с ним споделяться. «Если же найдутся такие дерзкие и извращенные люди, которые стали бы смеяться над отлучением, то уже на вашей ответственности, — заявляли проповедники правительству, — будет лежать, потерните ли вы и оставите ли без наказания такое презрение и надругательство над богом и его евангелием».

На первое время, чтобы выяснить, кто может быть допущен в число членов общины и кто нет, проповедники предлагали заставить всех граждан и обывателей принять составленное ими повеление и дать отчет в своей вере. Начало должен был положить сам магистрат.

Таким образом, проповедники вовсе не признавали высшее собрание верховной властью в решении вопросов веры, но магистрат эти смотрели как на исполнителя указаний проповедников — единственных истолкователей слова божия. Магистрат же, напротив, следуя швейцарскому образцу, считал себя высшим авторитетом в духовных делах, а проповедников — лишь своими помощниками. Он отверг требования пасторов об еженедельном совершении причастия и придуманную ими процедуру увещания порочных членов общины с последующим отлучением неисправимых. Магистрат согласился только на то, чтобы привести всех жителей в возмужавшей приюте. Положено было раздать всем экземпляры составленного пасторами повеления и затем обойти отдельные дома и собрать подписи граждан; но вместе с тем они должны были принести присягу верности городу. Таким образом, женевское правительство считало, что религиозная верность должна была служить только лишь обеспечением политической покорности граждан.

Проповедники почувствовали себя оскорбленными. Теперь можно было ожидать конфликта между духовной и светской властью, которого не знали в швейцарских городах, где пасторы покорно подчинялись магистрату. Но спор о правах церкви осложнился борьбой двух политических групп, на которые распалась большая партия еидженотс. Собственно говоря, между двумя враждующими группами не было принципиального расхождения; скорее, это были две коалиции связанных между собою родством и материальными интересами фамилий, которые боролись за власть. Они отличались друг от друга только во внешней политике: одна держалась французской ориентации, другая — швейцарско-бернской. Борьба обострялась во время ежегодных выборов синдиков, причем победившая партия производила также изменение состава трех советов: малого, большого и совета 200. В январе 1538 года победили бернофилы, занявшие все правительственные места. С требованиями пасторов они были склонны считаться еще менее чем их предшественники, французофилы.

В протокол малого совета занесены следующие резкости, которыми обменялись спорящие стороны: пасторам было сказано, чтобы «они не вмешивались в политику, а проповедывали бы евангелие», а Кальвин бесцеремонно назвал совет «завязальским собранием». Из желания угодить своему союзнику — Берну — новое правительство потребовало, чтобы пасторы отразничивали пашку по бернскому обряду, с причащением на

пресном хлебе (тогда как, по мнению преноведников, это было католическим суеверием и они допускали в образе лишь облагороженный хлеб). Так как пастеры отказались, то им запретили проповедывать в церкви; но они нарушили и это распоряжение правительства и выступили с речами перед народом. Тогда постановлением народного собрания они были осуждены на изгнание из Женевы.

Кальвин ушел в Страсбург, где стал руководить небольшой общиной французских эмигрантов. В спокойной обстановке он подготовил новое, расширенное издание «Institution». Это было теперь монументальное произведение протестантского богословия, создавшее автору громкую известность.

Его обширная репутация, его диалектическое искусство нашли себе признание в религиозной дипломатии. В 1540 году Кальвина привлекли к участию в переговорах между светилами католической и протестантской теологии, устроенных Карлом V (императором Священной Римской империи) в Регенсбурге для примирения религиозных партий. Во второй раз, казалось, открывается перед Кальвином карьера ученого богослова, который может посвятить себя целиком преподаванию, вопросам теории, диспутациям, спорам с гуманистическими противниками. Но очень скоро Кальвин вынужден был прекратить свою научную деятельность и вновь вернуться в роковую для него Женеву, которую он и ненавидел и любил, которой смертельно боялся и которую все-таки хотел переделать на свой лад.

3

За три года отсутствия Кальвина (1538—1541 годы) в Женеве произошли большие перемены. Управление бернофилов вызывало большое недовольство населения: мелочные и близорукие, они не выходили из круга узких, местных интересов, играли подчиненную роль при своем швейцарском союзнике — Берне. Невыгодно отразилось на деловой жизни Женевы изгнание выдающихся французских проповедников Фареля и Кальвина: приостановился приток религиозных эмигрантов и ослабли торговые связи города с другими странами. Гораздо дальновиднее оказались представители французофильской партии, одолевшей бернофилов в 1540 году. Они хорошо сознавали международное значение Женевы. Поэтому они горячо принялись хлопотать о возвращении приобретшего огромную славу Кальвина. В посланиях к своим единоверцам в Цюрихе они так мотивируют свое обраче-

ние к изгнанному реформатору: «Женева — порог Франции и Италии, от нее может исойти великое просвещение или, напротив, гибель». Выразившая Кальвина у Страсбургской общины, новое Женевское правительство писало: «Кальвин может больше содействовать славлению и пользе всемирной церкви, находясь в Женеве, чем если он останется в Страсбурге».

Надо принять во внимание, что политики, указывавшие эти соображения, были практичными людьми, руководителями денежной торговли Женевы; их заявления, сделанные в высоторелигиозном стиле, вполне совпадали с их промышленными тенденциями: Женеве должна была стать центром протестантской пропаганды в романских странах, что означало расширение деловых связей, продвижение кредита женевских банков, усиление денежного влияния республики. Для этой цели им нужно было привлечь в свой город деятелей общеевропейского масштаба.

Но, помимо мотивов международной экономической и совпадающей с ней религиозной политики, у них были еще побуждения внутренне-политического свойства, которые заставляли их искать сотрудничества с Кальвином. Победившая на выборах в 1540 году партия спешила закрепить свое влияние на массы, а также обуздать граждан, взбудораженных политическими волнениями. Для этого не было, казалось, лучшего средства, как религиозно-моральный надзор, который в свое время так пренебрежительно отверг магистрат. Теперь правители Женевы готовы были сделать в этом направлении любые уступки.

В свою очередь и Кальвин сдвинулся с прежней своей непримиримой позиции. Он покинул свой фантастический план основания независимой от государства церкви, отказался от мечты о выступлении служителей божьих на манер ветхозаветных пророков; он готов был теперь на тесное сотрудничество со светскими правителями при условии, если и они также прощались церковными тенденциями.

В этом духе были составлены приятные вевери по возвращении Кальвина в Женеву церковные ордены 1541 года. Кальвин различает тут четыре духовных чина: пасторов, докторов (т. е. профессоров богословия), старейшин и диаконов (заведующих госпиталем, иностранциным домом и другими благотворительными учреждениями). Последние две категории должны занимать светские лица, но они находятся под контролем пасторов. Вместе с пасторами старейшины образуют

церковный суд: это и есть знаменитая впоследствии консистория.

Консистория собиралась раз в неделю. Она вызывала к себе тех, на кого поступали обвинения и жалобы. Обвинения были самые разнообразные, чаще всего в непосещении церкви, а иногда и по самым пустым поводам. Так например: вызвали торговку овощами за то, что она в праздник зажгла освещенную свечку и бормотала слова католической литургии; купца привлекли к ответу за то, что он с лихвой продал какой-то товар; или молодых людей, которые обменялись легкомысленным обещанием обвенчаться; или нескольких человек, которые, проходя мимо церкви во время богослужения, шумели на улице. А вот в консисторию вызвали двух литераторов: поэта Клемана Маро, сочинителя протестантских гимнов, и Бонивара, историка-патриота, пострадавшего в борьбе с Карлом Савойским; их обвинили в том, что они играли в кости на квартире вина.

В случаях легких проступков рекомендовалось более частое причащение. В случаях более серьезных: отступления от правильной веры, нарушения морали — налагалось наказание в виде запрета ходить в церковь или недопущения к причащению. Наконец, наиболее провинившихся отсылали в совет, который, как светская власть, обязан был принять решение духовного суда и обыкновенно налагал тюремное заключение. Так вошло в силу столь желанное для Кальвина право отлучения.

Партия, призвавшая Кальвина в Женеву, не могла не быть довольной новым церковным учреждением. Консистория являлась великолепным средством следить за настроением граждан, предупреждать какие бы то ни было попытки заговоров.

Стремления победившей партии образовать замкнутую олигархию ярко отразилась в новой конституции, выработанной при участии Кальвина и изложенной в эдиктах 1543 года. Хотя в первом параграфе сделано торжественное заявление: «Никто не может быть избран без одобрения народа», — но большая часть должностей, в том числе важная должность генерал-капитана, т. е. главного военного начальника, признана постоянной, и лица, занимающие их, — бессменными. Народное собрание отстраняется от обсуждения политических вопросов. Правящая группа приняла все меры, чтобы ограничить свободу дебатов в совете 200 и на народном собрании и право отдельных граждан критиковать действия правительства.

В целом издание эдиктов 1543 года можно считать олигархическим переворотом, превращавшим Женеву в новую Ве-

пецию с ее строго замкнутым аристократическим правлением.

Кальвин был полностью удовлетворен этой политической переменой. В год утверждения новой конституции он выпустил третье, вновь расширенное издание «Institutio». Здесь, в политическом отделе, где речь идет о преимуществах и недостатках трех форм правления: монархии, аристократии и демократии, — Кальвин делает дополнение, в котором он определенно высказывает свою симпатию к строю, только что установившемуся в Женеве. В первых двух изданиях было сказано, что спор о наилучшем строе государства неразрешим. В издании 1543 года к этому абстрактно-теоретическому рассуждению сделана конкретная прибавка: «...впрочем, если сравнить по существу те три формы, различение которых установлено философами, я буду настойчиво утверждать, что аристократия или строй, представляющий смешение аристократии с умеренной демократией, несравненно лучше всякого другого устройства. Это доказано и опытом всех времен и подтверждено волею господ, учредившего у израильтян аристократию, когда он хотел поставить их в наилучшие условия».

4

Кальвину пришлось выдержать долгую и упорную борьбу с весьма разнообразными противниками, которые по самым различным побуждениям не хотели подчиняться его деспотическим правилам. С кем только он не сражался? С женевами и с эмигрантами, с коллегами и со светскими властями, с патриотами, которые защищали вольности старой Женевы, с инакомыслящими, с веротерпимыми, с равнодушными, с недостаточно прилежными и усердными. Редко находился человек, которому он бы не предъявил обвинения: так развернулся пророчески отмеченный школьными товарищами «accusativus».

Прежде всего начались столкновения в среде пасторов. Кальвин неумолимо преследовал всякое отклонение от единообразия в догматах. Среди молодых преподавателей-гуманистов, приглашенных Кальвином в школу, был Себастьян Кастеллион (или Шательон), человек необычайно способный, с критическим складом ума, эразмовского типа, но, в отличие от Эразма, смелый и бесстрашный. Его собирались посвятить в пасторы, но в этот самый момент Кастеллион выступил с двумя богословскими замечаниями, очень характерными для критицизма учеников гуманистической школы. Он предлагал:

- 1) устранить из числа канонических

книг «Песнь песней» Соломона ввиду того, что это — не благочестивое прославление церкви, а обыкновенная эротическая лирика, и 2) исключить из символа веры слова «(Христа) нисходящего в ад», так как они заключают в себе суверенное представление об аде внутри земли.

Для Кальвина это было, по существу, первое столкновение с затруднениями, которые создавались благодаря принципу свободного исследования текстов, провозглашенному. в пылу увлечения первыми реформаторами. Каковы бы ни были его взгляды, — в данном случае он, как рационалист, вероятно, был согласен с Кастеллионом, — для него было ясно, что всякой критике текста и всякому изменению принятых догматов должен быть положен конец и что малейшая попытка нарушить этот запрет подлежит строжайшему наказанию.

Дело Кастеллиона, разбившееся сначала в дисциплинарном порядке, в «достопочтенной коллегии настояров», Кальвин перенес на суд правительствующего (малого) совета; здесь он развил ряд сокрушающих аргументов против автора критических замечаний. В результате Кастеллион был отстранен от пасторства, лишен права преподавания и удален из Женевы.

Выступая против Кастеллиона, Кальвин боролся с принципами и методами, провозглашенными Эразмом и подхваченными первыми реформаторами. Он и сам убивал в себе гуманиста-критика; теперь он окончательно порвал с гуманистическим прошлым, с идеями начала XVI века.

За расправой в интимной среде пасторов последовали драконовские меры в более широких кругах светского общества; тяжелую руку Кальвина стали испытывать даже важные и влиятельные в городе лица. В ряде процессов, возбужденных по обвинению в ереси, наглядно обнаружился тесный союз между олигархией, победившей в 1540 году, и новым духовенством, водворившимся в Женеве.

Особенно ярким примером подобных преследований является процесс Сервета (в 1553 году), в котором как в фокусе сосредоточились все жгучие вопросы, волновавшие Женеву. Сервет не был вольнодумцем, сторонником веротерпимости и критицизма. Это не был спор между верой и свободной мыслью, а было только столкновение догматических теологов (ортодоксов и еретиков), причем каждая сторона считала себя ортодоксальной, а противника — еретической. Сервет написал большое сочинение под заглавием «*Restauratio christianismi*» («Восстановление христианства»), где отрицал троичность бога и утверждал строгое единобожие.

В процессе Сервета своеобразно переплелись элементы общеевропейского религиозного спора и обстоятельства чисто местного женевского конфликта. Враждебная Кальвину партия ввела в число судей Филибера Бертелье, сына одного из самых знаменитых борцов за независимость Женевы. Он был отлучен консисторией, но заявил, что придет к причастию несмотря на запрет Кальвина. Этим был поставлен на карту главный вопрос церковной конституции — вопрос об авторитете настояров. Накануне того дня, когда должно было происходить причащение, Кальвин пришел в совет и сказал, что скорее готов умереть, чем потерпеть унижение. На другой день в церкви он напомнил, что это, может быть, последняя его проповедь. Сходя с кафедры, он сказал: «Теперь, если подойдет к столу причащения тот, кому это запрещено консисторией, он может быть уверен, что увидит меня таким, каков я должен быть и каким был всю жизнь мою». После этих слов Бертелье не решился настаивать на исполнении обряда. Кальвин спас свой духовный авторитет; но это погубило Сервета. Бертелье, как непрощенный грешник, был устранен из числа судей. Кальвин выступил лично в процессе и добился осуждения Сервета на сожжение, терроризовав женевское правительство страхом божьего проклятия.

Победа Кальвина в 1553 году не была, однако, окончательным его торжеством. Только через два года ему удалось отделаться от своих противников и установить окончательно господство нового порядка в Женеве.

В 1555 году он потребовал введения в гражданство множества французских эмигрантов, людей, ему исключительно преданных. После этого Кальвин, освобожденный от мелкой местной борьбы, мог беспрепятственно отдаться широкой международной пропаганде. Он превратил Женеву в центральную крепость воинствующего протестантизма, рассадник учителей и проповедников, которые должны были пойти в разные страны, вооруженные новой верой и знаниями. В 1559 году он основал в Женеве Академию, то есть протестантский университет, точнее, богословский факультет. Отсюда он руководил организацией во Франции тайных религиозных общин, которые, по его мысли, должны были сетью охватить всю его родину и в известный момент реформировать всю Францию. Реформа должна была, далее, по замыслу Кальвина, распространиться по всей Европе, Франция — послужить передовой страной реформации.

Из переписки Кальвина видно, что у него всюду были корреспонденты; не было такой страны в Европе, которой бы он пренебрег, которую бы он не имел в виду в целях распространения своей религиозной системы.

Его мировые планы были тесно связаны с экономической деятельностью женеvских банкиров, менял и ростовщиков, дальновидных, предприимчивых, обладавших широким кругозором дельцов. Кальвин не только накрепко соединился с этим миром, но он открыл женеvским дельцам широкие перспективы экономического завоевания под религиозным знаменем целого ряда европейских стран, в первую голову Франции, а затем Нидерландов, Англии, Шотландии, Польши и др.

5

Связь Кальвина с буржуазией проявляется и в характере и особенностях его учения.

Учение Кальвина является ярким выражением идеологии первоначального накопления. Стремление к аскетизму и всякого рода ограничениям отнюдь не распространяется на денежные отношения. Кальвин завел в Женеве почти монастырский образ жизни, проповедывал и навязывал гражданам аскетизм. Но что такое представлял собой этот аскетизм, чего касались все ограничения и запреты? Кальвин восставал против роскоши, против театра, развлечений и светской литературы, против всякого рода излишеств, художественных украшений, даже против убранства церкви. Эти запреты мотивировались тем, что надо служить богу, а не дьяволу, что богу такие проявления «язычества» неудобны, что в роскоши, в показном богатстве, художественной красоте кроется соблазн, потворство греховным влечениям.

Сходства со старокатолическим монашеским аскетизмом тут нет вовсе. В средние века давали обеты полной бедности, отречения от собственности и семьи, отказа от своей воли, отказа от всякой активности и предприимчивости. Здесь ничего подобного нет и в помине. Ни в одном ордовансе, ни в одной резолюции консистории богатство не осуждается как таковое; никогда и нигде нельзя встретить осуждения забот о семье или предпринимателя за расширение своего дела. Реvнителю, проводящие строгую мораль, протестуют только против мотовства, против беспорядочного пользования богатством. Грех не в богатстве, а в растрате богатства. Если человек бережлив и скуповат на выдачу денег, если он носит аккуратно свою простую одежду, обходится без украшений,

воздерживается от азартной игры, не ходит в трактиры, не развлекается возбуждающими страсти зрелищами, если он отдает значительную часть своей прибыли на постановку религиозного обучения, на пропаганду истинной веры, тогда его богатство не подлежит порицанию; напротив, его обогащение может быть признано святым делом, угодным богу. Такой человек не только не совершает греха, накопляя сбережения и увеличивая капитал, но, напротив, он исполняет религиозный долг.

Нельзя было придумать лучшую мораль для граждан и обывателей Женевы, среди которых большая часть, как выразился один пастор, «от денег только и живет» («plusieurs qui ne vivent que de leur argent»). И консистория, которая преследовала излишние, бестолковые или неосторожные траты, не ставила никаких препятствий разумно рассчитанным и методически проводимым коммерческим операциям, не мешала гражданам заботливо хранить и увеличивать свое имущество. Напротив, духовный суд по-своему дисциплинировал предпринимателей, оберегал капиталистов от них самих, от ошибок и увлечений, помогал им совершить свое дело.

Сказать, что Кальвин смотрел сквозь пальцы на банкирские и ростовщические операции своих учеников и друзей, будет неверно: он их энергично поощрял, благословлял на эти дела. Они были в его глазах исполнителями божьей воли; они становились достойными спасения не вопреки своему богатству, а благодаря ему. «Обогащайтесь, копице деньги, увеличивайте прибыль, чтобы расширять царство божие на земле и спасать свою душу на небесах!» — таков был едва прикрытый призыв к верующим. В данном случае Кальвину не было нужды прибегать ни к какой казуистике, не было причины лицемерить; здесь он шел по открытому пути, с ясной программой; здесь он был неистинным новым человеком и, больше того, одним из вождей возвышающейся буржуазии.

Особенно замечательно его учение о процентах, которым он резко выделялся среди современных ему реформаторов и гуманистов. Надо принять во внимание положение этого вопроса в теории того времени. Католическая церковь с давних пор допускала на практике отдачу денег в рост, но в теории она никогда не уступала, признавая все операции с деньгами грехом. Меланхтон и другие реформаторы путались в софизмах по этому вопросу. Кальвин порвал с религиозным сентиментализмом. Он отстранил все три авторитета, на которые опирался запрет взимать проценты с капитала: 1) ветхий

завет — потому, что еврейский закон вообще потерял силу, 2) евангелие — потому, что оно лишь внушает нам милосердие в отношении бедных и слабых, а деловых операций вовсе не касается, 3) классиков — потому, что они повторяют папийно-детский взгляд Аристотеля относительно бесплодности денег. Взгляды отцов церкви Амвросия и Иоанна Златоуста, примыкающих к Аристотелю, Кальвин называет смешным легкомыслием.

Законность процентов Кальвин иллюстрирует простейшим примером: ведь должник обязан платить кредитору процент потому, что сам будет получать доход с дома, который купит на занятые деньги, следовательно, рост ничем не хуже купли. Кальвин ставит только следующие ограничения взиманию процента: 1) пужно смягчать требования в отношении бедных, 2) отдача денег в рост не должна обращаться в промысел, 3) размер процента не должен переходить предела, установленного местным законом.

Пришел ли Кальвин к этим взглядам путем самостоятельного размышления или усвоил их под впечатлением женеvской обстановки, но, во всяком случае, он их твердо держался и проявил себя верным союзником правителей Женеvы в проведении соответствующего экономического законодательства.

Женева издавна славилась своими кредитными и банковскими операциями, своим коммерческим нотариатом (недаром нотариусы наряду с крупными банкирами пользовались наибольшим влиянием в республике). Теперь, под покровительством новых проповедников, практика денежного кредита была поставлена особенно высоко, получила религиозную санкцию. Правительство непрерывно советовалось с пасторами относительно денежных дел; размер процента при ссудах устанавливался не иначе, как по соглашению с духовной коллегией (в 40-х годах Кальвин определил как законное взимание при займах 5%).

Помимо учения о проценте интересны и другие взгляды Кальвина, показывающие его органическую связь с буржуазией. Кальвин не разделял симпатий своих швей-

царских коллет к анабаптистскому учению об общности имущества: коммунизм, по его мнению, несостоятелен и является такой же крайностью, как присвоение чужого имущества. Замечательно, что Кальвин высказывается так резко в Комментариях к «Деяниям апостольским», то есть к сочинению, во вступительных главах которого настойчиво говорится верующим об общности имущества. Здесь во всем блеске выступает казуистика Кальвина. В тексте «Деяний апостольских» сказано два раза о ранних христианах: «...и никто ничего из имущества своего не называл своим, но все у них было общее», а затем прибавлено в виде примера: «...так Иосия принес деньги и положил к ногам апостола». Кальвин обращает пример в единственный случай продажи имущества у ранних христиан и без всякого стеснения прибавляет: «...так поступил один из числа многих тысяч верующих».

В заключение необходимо упомянуть и об отношении Кальвина к рабству. Взгляды его на этот вопрос поражают циничной откровенностью. Он признает преимущество средневропейских стран отсутствие рабства и замену его наемным трудом, но заявляет при этом, что вообще рабство нельзя считать недопустимым, иначе апостолы никогда не допустили бы его, они встали бы против этого обычая, если бы он был богопротивен. Уничтожение рабства в Европе было результатом суеверия (то есть внушено католической церковью). С нравственной точки зрения не приходится осуждать рабство, оно есть у пеманцев в колониях, «...у нас его нет, потому что в нем нет необходимости».

Эта философия Кальвина перешла к его школе, к многочисленным его последователям в англо-саксонском мире. Она с особенной силой проявилась в социальной теории и практике американских пуритан, колонистов Новой Англии, которые во имя божие и для сокрушения дьявола избивали краснокожих и усердно торговали черными рабами, сжигали «колдунов и ведьм» и при этом соблюдали строгую нравственность в семейной жизни, не разрешали себе никаких трат на удовольствия и сосредоточенно копили капитал для будущих поколений.

И. Мерзон

Как работать с учебником по истории древнего мира

Вышедший в этом году учебник по истории древнего мира под редакцией проф. Мишулина по содержанию и построению полностью совпадает с программой по этому курсу. Учебник делится на главы, а главы — на параграфы; каждый параграф охватывает содержание одного из уроков, на которые разбита программа. Таким образом, программа и учебник по истории древнего мира составляют единое целое. Это имеет большое принципиальное и практическое значение для методики построения урока.

Параграф имеет особые подзаголовки, или так называемые боковухи, которые обычно совпадают с пунктами программы по данному уроку. Это позволяет учителю сравнительно легко выделить стержневые вопросы урока и на них строить свое изложение.

Огромным достоинством учебника является обилие хорошо подобранных иллюстраций. Иллюстрации эти чрезвычайно разнообразны по своему содержанию (орудия труда, картины трудовой деятельности, изображения эксплуатации труда рабов и крестьян, классовой борьбы, военной техники, памятников культуры древнего мира и др.) и подобраны так, что являются органической составной частью текста. Конечно, наличие этих иллюстраций не освобождает учителя от необходимости использовать на уроках и другие наглядные пособия (настенные исторические картины, схемы, рисунки мелом на классной доске и др.).

В учебнике имеется также много раскрашенных исторических карт и планов. Карты эти являются чрезвычайно ценными дополнениями к настенным историческим картам по истории древнего мира.

Но все богатейшие возможности для правильной постановки преподавания истории древнего мира, которыми располагает учитель в связи с выходом учебника, будут реализованы лишь при условии, что

учитель овладеет историческим материалом и методикой работы с учебником.

1

Необходимо иметь в виду, что учебник включает лишь обязательный минимум учебного материала по истории древнего мира, который должен быть закреплен в памяти учащихся. Знания самого учителя должны быть неизмеримо шире материала, данного в учебнике. История, как и другие науки, с каждым годом обогащается новыми открытиями, учитель должен постоянно работать над расширением своих знаний. Известно ведь, что чем шире кругозор учителя, тем более полноценны те знания, которые он дает учащимся. Материал учебника истории должен являться для учителя как бы конспектом.

Учащиеся часто задают вопросы, выходящие за пределы содержания учебника. Поэтому и при наличии учебника необходимо использовать для подготовки к уроку основную историческую литературу.

Главным пособием для учителя является соответствующий материал из учебников по истории для вузов. Это учебники проф. Сергеева «Древняя Греция» и «Древний Рим». Учителю следует также использовать статьи из исторических журналов («Исторический журнал», «Вестник древней истории», «Историк-марксист») и отдельные монографии.

В подготовке учителя к уроку большую роль играет изучение источников, которые собраны в хрестоматиях по истории древнего мира (см. «Хрестоматия по древней истории» под редакцией академика В. В. Струве).

Крайне важно также, готовясь к урокам, снова глубоко и основательно проработать соответствующие главы «Краткого курса истории ВКП(б)» и сочинений классиков марксизма-ленинизма, так как учитель должен изложить учащимся в доступ-

ной форме такие сложные вопросы общественного развития, как матриархат, патриархат, родовой строй, возникновение классов, возникновение государства, сущность рабовладельческого строя, различные социальные реформы и т. д.

Необходимо кроме того подобрать к уроку отрывки из художественной литературы, соответствующие тематике урока, так как образная, занимательная форма подачи исторического материала способствует его прочному закреплению в памяти учащихся.

В качестве иллюстрации остановимся на том материале, который может быть использован для подготовки к уроку на тему «Реформы Солона».

Марксистское освещение этих реформ учитель найдет в пятой главе («Возникновение Афинского государства») классического труда Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Соч. Т. XVI. Ч. 1-я). Здесь Энгельс вскрывает корни конституции Солона, излагает ее сущность и те изменения, которые она внесла в социально-экономический и государственный строй Афин.

Большой фактический материал по реформам Солона имеется в учебнике проф. Сергеева «Древняя Греция» (гл. VI, § 2) под названием «Солон и его законодательство».

Важнейшими источниками для изучения реформ Солона является сочинение Аристотеля «Полития» и биография Солона, написанная Плутархом (отрывки из этих сочинений имеются в хрестоматии, составленной академиком Струве). В этой хрестоматии учитель найдет и подробное изложение реформ Солона и интересный материал о борьбе Солона за остров Саламин. На уроке могут быть также использованы сохранившиеся отрывки из поэтических произведений Солона, в которых он излагает свое отношение к реформам. Это сделает урок более образным и эмоциональным.

2

Помимо углубленного изучения учителем материала урока необходима также и методическая подготовка к урокам.

Выход учебника выдвигает целый ряд новых вопросов в области методики проведения уроков. Если учащиеся, повторяя материал по учебнику в порядке домашней работы или следя на уроке по учебнику за рассказом учителя, увидят, что изложение его является лишь пересказом текста учебника, они перестанут его слушать и он потеряет в их глазах всякий авторитет.

Для того чтобы сделать урок насыщенным и интересным, учитель должен, опи-

раясь на факты, данные в учебнике, расширять их и конкретизировать в своем рассказе. Так например там, где в учебнике говорится о морской торговле финикийцев, учитель должен дать учащимся образное описание финикийского корабля, в верхней части которого сидели кунцы, а в нижней — рабы-гребцы, прикованные к своим сиденьям цепями.

Рассказывая учащимся на уроке по теме «Культура древнего Китая» об изобретении в I веке до нашей эры китайцами бумаги, учитель должен описать и общий процесс производства бумаги в том примерно объеме, в каком говорит о нем М. Ильин в своей книге «Черным по белому» (стр. 106. 6-е изд.).

На уроке по теме «Причины и начало Пелопоннесской войны» учитель может зачитать учащимся отрывок из Фукидила о бедствиях афинян после вторжения в Атику пелопоннессцев. Этот отрывок, расширяя соответствующий материал учебника, дает учащимся яркую картину положения Афин в период чумы. Чтение и анализ отрывка из «Илиады» о выступлении Терсита знакомят учащихся с образом древнегреческого воина, пытавшегося протестовать против войны с ее тяготами. Это дает им представление о ранних формах классовой борьбы.

На уроке по теме «Революционная борьба. Солон» учитель может рассказать учащимся, как Солон возглавил борьбу афинян за остров Саламин. Материал этот очень эмоционален и объясняет возвышение Солона.

Однако этот дополнительный к учебнику материал не должен перегрузить рассказ учителя. Учитывая наличие учебника, учитель может некоторые исторические факты, легко усваиваемые учащимися по учебнику, изложить кратко, а о некоторых только упомянуть. Так, например, на уроке по теме «Ассиро-Вавилонская культура» целесообразно уделить большее внимание и изложить подробнее вопросы о вавилонской письменности, религии и рассказать миф о Таммузе. Мифы же о Гильгамеше и потопе учитель может только упомянуть, предлагая учащимся самим усвоить содержание этих мифов по учебнику.

На уроке о Тиберии Гракхе надо более подробно остановиться на характеристике Тиберия и его аграрного закона.

Учитель также должен разъяснять учащимся непонятные слова и понятия, которые могут затруднить их самостоятельную работу с учебником. Например «кабала» (стр. 6), «порабощенный» (стр. 15), «громовержец» (стр. 59) и мно-

где другие. Эти слова нужно объяснять в органической связи с соответствующим местом учебника, так как в отрыве от контекста они плохо усваиваются и легко забываются.

Хотя учебник не ограничивается скатым изложением фактов, а часто их раскрывает, поясняет, однако некоторые понятия в нем изложены слишком кратко и потому требуют разъяснения. Так, например, вопрос о возникновении классов нуждается в некоторой конкретизации.

Учителю следует не только констатировать самый факт возникновения частной собственности на рабов, на землю, но и показать на конкретном историческом материале ход этого процесса. С этой целью учитель рассказывает учащимся, как возникло неравенство, как более богатые семьи стали захватывать на войне рабов, производивших больше, нежели стоило их содержание, как при помощи этих рабов они стали обрабатывать свободные земли, которые они стали рассматривать как свою собственную.

Несколько шире нужно также осветить вопрос о писанных законах в Афинах, пояснив бесправие афинских крестьян таким примером: если крестьянин или ремесленник оскорбит эвпатрида, то его за это приговаривали к суровому наказанию, если же эвпатрид захватывал крестьянскую землю, он оставался безнаказанным.

Учитель в своем рассказе должен также связывать последующий урок с предыдущим. В учебнике материал изложен в хронологической последовательности и все главы, а также отдельные параграфы внутри глав органически связаны между собой. Учитель в своем рассказе поможет учащимся воспринять эту связь.

Так например, переходя к уроку на тему «Революционная борьба. Солон», учитель в своем рассказе связывает этот урок с предыдущим на тему «Страна и население. Древнейшая Аттика». Опросив учащихся по содержанию предыдущего урока, учитель подытоживает их ответы в следующих примерно выражениях:

«Итак, лет за 600 до нашей эры, т. е. 2½ тысячи лет тому назад, простой народ, составлявший большинство населения Аттики, изнемогал под гнетом эвпатридов. Многие крестьяне, не будучи в состоянии расплатиться со своими долгами, лишались своих участков земли или же попадали в рабство к эвпатридам. Трудно было демосу бороться против эвпатридов, так как они захватили в свои руки не только землю, но и всю власть. Однако народные массы не относились безропотно к

своему положению и поднялись на борьбу против своих угнетателей. О том, как развернулась эта революционная борьба, я расскажу вам сегодня».

Так учитель связывает новый материал с предыдущим, а после этого приступает уже непосредственно к изложению содержания нового урока.

Огромное воспитательное значение истории, в частности истории древнего мира, требует от учителя, чтобы он в своем рассказе раскрыл и конкретизировал те выводы, которые в учебнике даются кратко. Например в выводе о греческом искусстве следует отметить роль рабства в развитии греческого искусства и подчеркнуть простоту и художественность его памятников.

В целях коммунистического воспитания учащихся очень важно помочь им разобраться и понять выводы, которые даются в учебнике. Особенно это необходимо в отношении выводов, имеющих обобщающий характер.

3

По одному рассказу учителя недостаточно для того, чтобы подготовить учащихся к самостоятельной работе с учебником дома. Поэтому учителю нужно организовать работу учащихся над текстом учебника. Работа эта начинается с того, что учитель на первом же уроке, после своего рассказа, знакомит учащихся на материале учебника с основными темами, показывает им, где и как расположены в учебнике текст, оглавление, хронологическая таблица. С самого начала преподаватель приучает учащихся сознательно усваивать содержание учебника, выделять основные факты для запоминания, разбирать и связно излагать исторический материал.

С этой целью на уроке организуется громкая читка одного из параграфов учебника с последующим пересказом содержания и составлением краткого плана прочитанного.

Возьмем для примера из темы «Египет» урок «Развитие земледелия. Образование государства». После краткого рассказа содержания урока учитель организует громкое чтение учащимися текста этого урока по учебнику, предварительно объяснив им цель этой работы. По указанию учителя один из учеников зачитывает вслух первую часть этого параграфа до подзаголовка «Водные сооружения». Учитель предлагает одному из учащихся дать по содержанию прочитанного развернутый ответ на вопрос: как египтяне улучшали свое земледелие? Вопрос этот записывается на доске. После этого другому ученику поручается прочитать вслух следующие 2 абзаца и

дать развернутый пересказ их содержания, с выяснением помещенной на 14 стр. иллюстрации «Современный шадуф в Египте». При этом нужно добиваться, чтобы в процессе своего рассказа ученик не механически перечислил водные сооружения древнего Египта, но и обнаружил поименно назначения каждого из них.

Затем перед учащимися ставится вопрос: как можно озаглавить прочитанный отрывок? Из ответов учащихся учитель составляет следующее развернутое оглавление этих абзацев, которое он записывает на доске.

«Водные сооружения древнего Египта: искусственные холмы и озера, оросительные каналы, шадуфы». Такая же работа проводится с учениками и в отношении остальной части параграфа.

В результате на доске постепенно вырастает следующий примерно план данного параграфа учебника:

«Развитие земледелия. Образование государства»

1. Как египтяне улучшали свое земледелие?

2. Водные сооружения древнего Египта: искусственные холмы и озера, оросительные каналы, шадуфы.

3. Тяжелые работы рабов и крестьян: рытье канав, поливка полей.

4. Образование номов. Номархи.

5. Образование царств Верхнего и Нижнего Египта — 3500 лет до нашей эры.

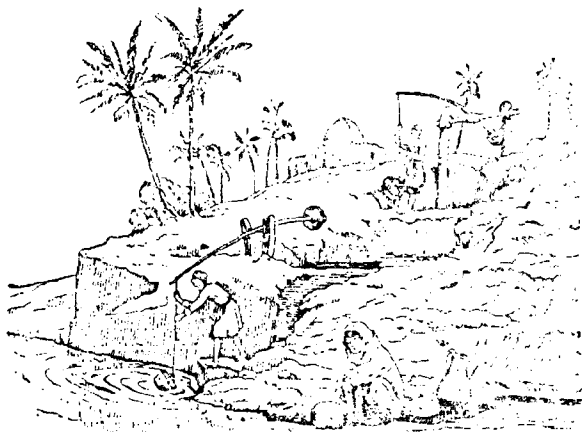
6. Завоевание Менесом Нижнего Египта 3200 лет до нашей эры.

После того как план написан на доске, следует предложить некоторым учащимся тут же, на уроке, рассказать содержание данного параграфа. Ученики на собственном опыте убеждаются, что по плану легче рассказать и запомнить исторический материал.

Так преподаватель систематически приучает составлять развернутый план прочитанного учебного материала и по этому плану рассказывать его содержание.

На последующих уроках учителю уже нет необходимости после своего рассказа в целях закрепления читать с учащимися весь учебный материал. Он ограничивается тем, что после своего рассказа или в процессе его совместно с учащимися зачитывает те места учебника, которые, по его мнению, могут затруднить их в домашней работе.

С этой точки зрения целесообразно, например, на уроке по теме «Буддизм. Завоевание Индии» для закрепления рассказа учителя зачитать то место, где говорится об учении Будды. На уроке «Общественный строй Спарты» следует зачитать

Современный шадуф в Египте. Иллюстрация из учебника «История древнего мира» под редакцией проф. А. В. Миппулша.

только ту часть, где говорится о классовом составе спартанского общества. На уроке о Тиберии Гракхе целесообразно зачитать по учебнику и проанализировать с учащимися земельный закон Тиберия Гракха.

Рассказ преподавателя при чтении и анализ текста учебника, перелетаясь, дополняют друг друга. Например учитель рассказывает учащимся об египетской культуре и, когда доходит до египетской литературы, предлагает учащимся открыть учебник на той странице, где приведен текст трудовой песни, и совместно с учащимися зачитывает ее. Или на уроке по теме «Ново-Вавилонское (Халдейское) царство», когда учитель переходит к описанию Вавилона, учащиеся зачитывают по учебнику описание этого города Геродотом (стр. 43—44).

Работа с учебником включает в себя также и работу с иллюстрациями. Целый ряд иллюстраций учебника нужно раскрыть учащимся, так как иначе, воспринимая каждую из них в целом, они не обратят внимания на очень важные детали. Вот почему учитель должен вместе с учащимися разбирать те иллюстрации, которые связаны с его рассказом.

Например на уроке по теме «Государственный строй в Египте», рассказывая о массовом применении в этой стране труда рабов, учитель предлагает им раскрыть учебник на стр. 21 и совместно с ними рассматривает и разбирает иллюстрацию «Перевозка статуи в Египте». Об этой иллюстрации учитель может рассказать примерно следующее: «Статуя прочно прикреплена к полозьям. Ее тащат 4 партии рабов. На коленях статуи стоит человек и отбивает такт ладонями. Другой льет воду под полозья, чтобы они не загорелись. Внизу стоят люди с запасными ведрами и надзирают с палками. Сверху видны войска, идущие навстречу. Кар-

тина ршеует тяжелую эксплуатацию рабов в древнем Египте».

В организации работы учащихся по учебнику большое значение имеют домашние задания. Задания эти основываются прежде всего на учебнике, на его объеме, иллюстрациях, картах, плане изложения материала и т. д. При этом учитель должен добиваться того, чтобы выполнение этих заданий учащимися содействовало: а) закреплению в их памяти исторических событий, имен исторических деятелей, дат; б) меркветерому пониманию истории; в) умению вылапать изучаемые события в хронологической последовательности.

Задания эти очень разнообразны по форме: 1) подготовить устный рассказ по содержанию урока; 2) составить в письменном виде развернутый план учебного материала по данному уроку; 3) зарисовать иллюстрации и таблицы из учебника; 4) работа с контурной картой; 5) воспроизвести схемы и таблицы, приведенные учителем в его рассказе; 6) пояснить иллюстрации учебника; 7) записи в хронологическую таблицу; 8) письменные ответы и вопросы; 9) найти в учебнике выводы и выписать их в тетрадь; 10) записи в словарь трудных слов; 11) подобрать и наклеить в тетрадь газетный материал.

Это не значит, разумеется, что по содержанию одного урока учащимся даются на дом все виды этих заданий. Даются лишь те, которые вытекают из содержания урока, и с таким расчетом, чтобы их, по возможности, разнообразить. Кроме того все задания по данному уроку в своей совокупности должны быть полезными для учащихся.

Вот примерные задания по отдельным урокам:

«Южное Двуречье, его природа и население». 1. Прочитать § 12 учебника, стр. 34—35, и подготовить устный рассказ. 2. Пайти на карте указанные в учебнике географические названия. 3. Записать в словарь слово «Натес». 4. Записать в хронологическую

таблицу дату объединения Двуречья. 5. Зарисовать вавилонский илуг (стр. 37).

«Восстание Спартака». 1. Прочитать по учебнику § 82, стр. 194—196, и подготовить устный рассказ. 2. На карте Римской республики проследить маршрут походов Спартака. 3. Выписать в хронологическую таблицу даты восстания Спартака. 4. Рассмотреть иллюстрации на стр. 194—195 и 197 и пояснить их.

Правильно составленное задание обеспечивает усвоение учащимися курса и четкое закрепление исторических событий в их памяти. Вот почему преподаватель должен до деталей заранее продумать задание — в процессе подготовки к уроку — и включить его в план урока.

Выход учебников по истории разрешает одну из самых острых в настоящее время проблем методики преподавания — проблему записей по истории. И при наличии учебника записи, а, следовательно, и тетради для записей, нужны, но для совершенно иных целей. В тетрадях по истории будут записаны задания на дом, которые должны быть выполнены в письменном виде. Это те задания, которые даются для более прочного закрепления в памяти учащихся наиболее важных событий, а также для того, чтобы научить учащихся работать самостоятельно с исторической книгой. Сюда относятся также задания, как составление плана содержания данного параграфа, письменные ответы на вопросы, записи трудных слов и их объяснение, хронологических дат и пр.

Во избежание перегрузки учащихся их должно быть очень немного, и они должны чередоваться с заданиями исключительно устного характера.

Умелое использование нового учебника по истории древнего мира и привлечение в дополнение к нему на уроке исторических картин и карт, документов и художественной литературы дает учителю большие возможности для плодотворной и увлекательной работы по коммунистическому воспитанию учащихся, для повышения качества преподавания истории древнего мира.

Работа с исторической картой

Хорошая историческая карта в руках опытного учителя является одним из самых необходимых и ценных учебных пособий. Если раньше вследствие отсутствия исторических карт преподаватели собственными силами изготовляли так называемые самодельные карты, то теперь имеются хорошие, художественно оформленные, правильно составленные с научной и методической стороны исторические карты. Благодаря этому карта на уроках истории стала занимать надлежащее место и методика работы с исторической картой обогатилась ценным опытом.

1. Подготовка карты к уроку

Первое, предварительное требование, которое должно обеспечить успех работы с картой, — основательное знание карты самим учителем и тщательная подготовка карты к уроку. Применение карты на уроках истории может дать хороший результат только в том случае, если учитель умеет быстро читать карту, если он хорошо ориентируется по ней. Между тем у некоторых малоопытных преподавателей приходится еще наблюдать особую «картобоязнь». Не изучив основательно карту, учитель боится обнаружить перед учащимися свое незнание и поэтому избегает обращаться к ней. Он берет карту в класс, но на протяжении всего урока она висит без употребления, а если учитель и показывает что-либо по ней, то так быстро и поспешно, что учащиеся трудно понять, где, собственно, находится на карте то место, о котором рассказывает учитель. Такой учитель не требует знания карты и от учащихся. Научение истории происходит в таких случаях вне пространства, абстрактно.

Знание карты приобретается только большой, упорной работой над ней. Нужно много и тщательно изучать карту, обращать внимание на ее нагрузку, т. е. на количество обозначений, на масштаб, на условные знаки. К некоторым урокам, где от четкости показа на карте зависит эффект урока, нужно особенно основательно готовиться. Например на уроке «Походы Александра Македонского» нужна быстрая ориентация по карте, чтобы, не прерывая хода рассказа, показывать ряд

мест, где проходили далекие походы Александра Македонского.

Большое значение имеет предварительная подготовка самой карты к уроку. Для отдельных уроков приходится на печатные карты временно вносить некоторые дополнительные обозначения, так как на исторических картах обыкновенно обозначены пути продвижения войск только в главнейших войнах. Так, на карте «Российская империя в XVIII веке» обозначены продвижение войск Петра I и Карла XII в Северной войне, походы Суворова, движение войск Пугачева, но не показано движение войск Булавина в 1607—1608 году.

Некоторые преподаватели при подготовке к уроку аккуратно мелом или цветным карандашом намечают на карте линии, показывающие продвижение войск. Это помогает прочному закреплению в памяти учащегося пространственных представлений об изучаемых событиях.

При изучении в 8-м классе войны 1812 года мы пользовались современной политической картой Европы, отметил на ней линией из тонкого цветного шпателя путь наступления Наполеона на Москву. Изучая гражданскую войну в 10-м классе, мы пользовались административно-политической картой СССР, на которую мелом наносили продвижение отрядов ген. Баранникова от Харькова к Царицыну, путь движения Тамбовской армии и т. д.

Иногда на карте надо показать отдельные границы изучаемых государств. В этих случаях новые границы государства предварительно наносятся на карту узкими полосками из цветной бумаги, которые аккуратно приклеиваются клеем к карте так, чтобы после урока их можно было легко снять, не повредив карты. Такой метод полезно применять в 10-м классе при изучении темы «Брестский мир». К уроку на карту наносится линия из цветной бумаги, отменяющая территорию, отходящую к Германии по Брестскому миру. Линиями из цветной бумаги пользуются для показа на карте районов, занятых войсками контрреволюции в годы гражданской войны. Так, на уроке в 10-м классе на тему «Советская страна в кольце фронтов» цветные линии из бумаги, предварительно на-

несенные на карту, наглядно показывали, в каком огненном кольце контрреволюции находилась Страна советов в 1918 году.

Некоторые преподаватели истории, чтобы лучше закрепить в памяти учащихся отдельные историко-географические объекты, пользуются при показе на карте разноцветными флажками. При подготовке к уроку заготавливается около десятка разноцветных бумажных флажков, размером не больше двух сантиметров, которые наклеиваются на обыкновенные карты. На уроке преподаватель аккуратно вкалывает флажки в те места на карте, которые особенно важно закрепить в памяти учащихся.

В 10-м классе на уроке «Заговоры и мятежи против советской власти» надо было показать не только районы, захваченные контрреволюцией (эти районы были отмечены на карте цветными линиями), но показать еще места заговоров и мятежей, организованных внутренней и внешней контрреволюцией в советских районах. Эти места на карте по ходу рассказа отмечались флажками.

Флажки можно заменить нарисованными на бумаге «огоньками». Такими «огоньками» хорошо показать, например на уроке в 10-м классе по теме «Начало массовой политической борьбы рабочих», города, в которых происходили стачки, политические демонстрации (Петроград, Батуми, Ростов на Дону, Баку, Тбилиси, Одесса, Киев).

Против таких приемов работы с картой есть одно существенное возражение. Говорят, что портится карта. Это верно, карта портится; здесь надо выбирать, что важнее: не проколоть карту или ценой некоторой амортизации карты дать запоминающийся урок и добиться знания карты учащимися. При этом все зависит от аккуратности учителя. Я наблюдал у некоторых преподавателей истерзанные карты, хотя они совершенно не делают на карте обозначений и даже не на все уроки берут карту. И, наоборот, у преподавателей, которые наносят на карту меловые линии, накалывают флажки, карты долго сохраняются годными для употребления.

К отдельным урокам целесообразно готовить не одну, а две карты. Например в 5-м классе долгое время изучают историю Греции, и учащиеся настолько привыкают к карте древней Греции, что теряют пространственную перспективу и плохо ориентируются по карте, где Греция дана в окружении соседних государств. В этом случае полезно на отдельные уроки брать две карты: карту древней Греции и физическую карту Европы. Пользуясь главным образом картой древней Греции, нужно в то же время требовать от учащихся

уметь показать Грецию и на физической карте Европы.

Для того чтобы не отрывать истории СССР от европейской и мировой истории, мы при изучении истории СССР в 8—9-х классах, кроме исторической карты нашей родины, брали на отдельные уроки историческую карту Европы. Так, при изучении истории Киевского государства мы, кроме карты «Киевское государство и его соседи в IX—XI веках», готовили к уроку карту «Западная Европа в период крестовых походов». К теме «Усиление Московского государства», кроме карты по истории СССР, мы брали карту Европы XIV—XV веков и т. д.

Для некоторых тем приходилось вычерчивать самодельные карты как дополнение к печатной карте. Например на карте «Российская империя в XVIII веке» Польша дана с небольшим количеством обозначений (нанесены на карту только река Висла и города Варшава, Краков, Львов и Маньейвицы). При изучении событий первой половины XVIII века это количество обозначений на карте удовлетворяет, но при изучении темы «Разделы Польши» надо, чтобы на карте Польши точно была показана территория, отходившая к Австрии, Пруссии, России, по каждому разделу Польши. Для этого на листе бумаги вычерчивалась Польша конца XVIII века с теми обозначениями, которые были нужны. На уроках по теме «Разделы Польши» были использованы и печатная историческая карта и самодельная карта. Такие дополнительные карты вычерчивались при изучении тем «Борьба горцев за независимость» и «Средняя Азия в XVIII веке».

При изучении таких исторических событий, как Киевская битва, Ледовое побоище, Куликовская битва, Бородинский бой, нужно не только ярко обрисовать эти события, но и показать ход сражений. Идея на уроке только историческую карту, трудно воспроизвести картину сражений. Поэтому и здесь целесообразно прибегать к самодельным планам-схемам сражения (по возможности большого размера).

В «Историческом журнале» № 1 за 1938 год, на стр. 57, дана схема-план битвы на Куликовом поле. Эту схему в увеличенном виде мы использовали на уроке «Начало борьбы с татарами». Схема, наглядно изображающая расположение войск татар и русских перед боем, помогала ярко и убедительно воспроизвести захватывающую картину исторической борьбы русского народа на Куликовом поле.

Подобные схемы-планы заготавлились нами к рассказам о битве на Неве в

1240 году, о Ледовом побоище 1242 года, о Полтавском бою 1709 года.

При изучении истории СССР в 10-м классе такие художественно оформленные схемы, как «Оборона Царницына», «Восточный фронт», «Оборона Петрограда», «Разгром Деникина по плану товарища Сталина», «Польский фронт» и другие (взяты из книги тов. Ворониллова «Сталин и Красная Армия». Восникздат), помогают надежно запечатлеть в памяти учащихся героические события гражданской войны.

Часто при подготовке карты к уроку возникает необходимость в изготовлении ряда вспомогательных наглядных пособий, которые дали бы учащимся возможность более конкретно представить себе некоторые историко-географические места. Очень важно, чтобы учащиеся запомнили такие исторические города, как Вавилон, Афины, Рим, Москва, не только как кружочки на карте, а как города с характерным расположением улиц, кварталов и т. п.

Для достижения этого учителю при подготовке карты к уроку надо заранее отчетливо начертить план города, о котором он будет рассказывать на уроке. Планы Вавилона, Афин, Рима можно найти в альбоме по древнему миру Никиторова. К теме «Укрепление Московского государства» в 8-м классе мы подготовляли план древней Москвы, к уроку «Новгородская земля XII—XIII веков» — план Новгорода, к теме «Парижская коммуна» в 9-м классе — план Парижа и т. д.

Очень большую роль играют в деле создания у учащихся более яркого, образного представления о тех или иных историко-географических местах художественные картины (например картины «На пристани Новгорода», «Древняя Москва»), соответствующие отрывки из художественных произведений, высказывания классиков марксизма-ленинизма. Например к теме «Азовские походы Петра и начало войны со шведами» были подобраны отрывки из поэмы Пушкина «Малый воевода», где в образной форме дано описание местности, на которой был основан Петербург. К теме «Окончание войны со Швецией» зачитывались отрывки из поэмы Пушкина «Полтава», художественно воспроизводящие путь движения войск Карла XII, и т. п.

Методы работы с исторической картой на уроке определяются содержанием урока.

При составлении конспекта урока лучше всего отметить, когда и как в ходе урока надо обращаться к карте, плану, картине, художественным отрывкам и т. п. При этом нужно построить урок так, чтобы историческая карта и дополнительный к ней материал не заслонили основного

содержания урока, а лишь оживляли его и делали наглядным.

II. Работа с картой на уроке

Обыкновенно учитель начинает урок с опроса учащихся, вылезая на опрос 10—15 минут. Роль исторической карты при проведении этой части урока очень велика.

Начиная урок, следует вызывать ученика для опроса к карте, которая вывешивается в классе до начала урока. Пока ученик отвечает урок, он находится около карты и обязательно свой рассказ сопровождает показом на карте. Ученики отвечают с места только по отдельным, мелким вопросам.

У некоторых преподавателей я наблюдал другую систему опроса. Учитель приучает учащихся отвечать урок с места и только для показа отдельных историко-географических объектов вызывает учащихся к карте. Я считаю, что при такой системе карте отводится недостаточное место.

ЦК ВКП(б) в своем постановлении о преподавании гражданской истории указывает на необходимость «закрепления в памяти учащихся важных исторических явлений, исторических деятелей, хронологических дат». Для выполнения этой задачи необходимо добиваться обязательного закрепления в памяти учащихся историко-географических названий, мест важнейших событий. А для этого учащиеся должны знать историческую карту, уметь читать ее.

Но при этом надо избегать зубрежки, не превращать изучение исторической карты в самоцель. На уроке одного преподавателя истории я наблюдал систему опроса учащихся, страдающую всеми указанными недостатками. Учитель проводил опрос так. Вначале ученику был задан вопрос о реформах Петра I — ученик рассказал. После этого учитель обратился к нему со следующими словами: «Теперь я проверю, как ты знаешь историческую карту». Последовали вопросы: «Где находится Парва?», «Покажи земли, которые отошли к России по Ништадтскому миру», «Где река Прут?» и т. п. Конечно, такие методы изучения исторической карты ведут к бессмысленной зубрежке.

При опросе я требую от учащихся связного рассказа об исторических событиях, знания хронологических дат. По ходу рассказа ученик должен называть историко-географические места и показывать их на карте. Например задан вопрос «Крестьянская война под руководством Пугачева». Ученик, рассказывая о крестьянском вожде Емельяне Пугачеве, показывает на карте Зимовейскую станицу, где он родился.

Затем, не прерывая рассказа, показывает на карте места на Кавказе и в Польше, где был Пугачев. Перейдя к описанию восстания, ученик показывает Кудоринский хутор, откуда началось пугачевское движение, Яицкий городок, Татищеву крепость, путь движения Пугачева, районы восстания и т. д.

Такая неразрывная связь рассказа с показом по карте приучает учащихся понимать историческую карту и точно и надолго запоминать историко-географические места.

Очень полезно при опросе учащихся задавать вопросы по пройденному материалу, так как, восстановив его в памяти, они лучше поймут новые исторические события. Например в 8-м классе при повторении темы «Русское государство при Иване III», когда ученик говорит: «При Иване III русское государство выросло», — показать границы русского государства в конце XV века. Или на вопрос «Каким оно было раньше, например в XIV веке?» ученик путем сравнения на карте наглядно показывает, как выросло русское государство при Иване III.

При повторении пройденного материала надо добиваться запоминания учащимися только определенных, важнейших историко-географических названий и терминов. Например повторяем в 7-м классе тему «Крестьянская война 1525 года в Германии». Из всех указанных при прохождении темы названий я добиваюсь закрепления в памяти учащихся названий только трех главных районов восстания: Швабии, Франконии и Тюрингии — и трех городов: Ульма, Мюльгаузена и Франкенгаузена.

При этом учащиеся должны уметь правильно показывать по карте (указкой, а не рукой) реки от истока к устью, медленно и точно обводить указкой границы и т. д. Показывая местность, не говорить «тут», «здесь» и тому подобное, а давать более точные словесные пояснения, например «Владимиро-Суздальское княжество расположено между средним и нижним течением Оки и верхним и средним течением Волги» или «Путь из варяг в греки» шел от Скандинавского полуострова по Балтийскому морю и Финскому заливу...» и т. д.

Следует приучать учащихся использовать карту и для правильного анализа исторического события. Ученик, отвечая урок, рассказывает об основании Петербурга Петром I в 1703 году, показывает город на карте, характеризует местность. Преподаватель задает вопрос: «Почему Петр I воздвиг новую столицу на окраине, среди «тмы лесов и топи блат», тогда как Москва была удобно расположена в

центре его империи?» Такой вопрос вызывал большой интерес у учащихся, заставлял их думать, анализировать, то есть активно работать с картой.

При ответах учащихся преподаватель исправляет неправильные произношения историко-географических названий, терминов.

Таковы приемы использования исторической карты при опросе учащихся.

* * *

После опроса учитель приступает к самой ответственной части урока — к изложению нового материала. Все имеющиеся средства, в том числе и карту, учитель использует, чтобы сделать свой рассказ содержательным, ярким, эмоциональным, запоминающимся.

При изложении нового материала мы во многих случаях начинали непосредственно с карты, для того чтобы создать у учеников прочные ассоциации обозначений на карте с определенными зрительными представлениями, картинами, образами. В 8-м классе при изучении темы «Распад Киевского государства» урок начинается обращением к учащимся: «Посмотрите на эту карту («Восточная Европа XII века», на которой обозначены русские княжества этого периода). На территории, где раньше, в IX — XI веках, существовало одно Киевское государство, теперь, в XII веке, вместо одного существует несколько княжеств — вот они показаны на карте. Киевское государство распалось. О том, как произошел распад Киевского государства, я расскажу вам сегодня».

Рассказ о крестьянской войне под руководством Пугачева можно начать так: «Обратите внимание на карту «Российская империя в XVIII веке». На этой карте большая часть территории Новоземля, Урала, Башкирии покрыта красной штриховкой, около городов Оренбурга, Казани, Царицына даны «огоньки» — обозначения сражений. Действительно, в конце XVIII века вся эта территория — Новоземля, Башкирия и Урал — была охвачена крупнейшим восстанием крепостных крестьян, уральских рабочих, башкир под руководством Емельяна Пугачева».

Рассказывая о «Державе Чингис-хана», следует обратить внимание на следующие историко-географические места.

1. Монголия XII — XIII веков. Показ на карте и характеристика Монголии, возникновение державы Чингис-хана.
2. Средняя Азия и Закавказье в начале XIII века. Показ на карте этих мест сопровождается рассказом о завоевательных походах Чингис-хана. Устанавливается причинная связь между историческими событиями, проис-

пешими в Монголии, и событиями, раз-
вернувшимися в Средней Азии и Закавказье.

3. Русские княжества в XIII
веке. События, возникшие в Монголии,
повлекли за собой захват Средней Азии и
Закавказья. Показ на карте феодальной
раздробленности русской земли и объясне-
ние, какую угрозу для русского народа
представляла держава Чингис-хана.

4. Река Балка. 1224 год. Показ
на карте этого места связан с кульми-
национным моментом в рассказе — с бит-
вой русских с татарами.

Умелое использование карты во время
изложения нового материала активизиру-
ет внимание учащихся, заставляет их с
интересом следить за ходом рассказа.

Карту можно использовать и для того,
чтобы сделать более убедительными выво-
ды и обобщения по изучаемым историче-
ским событиям. Например на уроке в 8-м
классе в рассказе на тему «Борьба
украинского народа против Польши» надо
сделать четкий вывод об историческом
значении присоединения Украины к Мо-
сковскому государству. Только указав уча-
щимся на географическое положение
Украины в XVIII веке, объяснив внутрен-
нее ее состояние и планы соседних госу-
дарств, можно убедительно подвести уча-
щихся к выводу, что перед Украиной
стояла тогда альтернатива «либо быть пог-
лощенной панской Польшей и султанской
Турцией, либо перейти под власть России»
(Постановление жюри Правительственной
комиссии по конкурсу на лучший учеб-
ник для 3 и 4-го классов средней школы
по истории СССР).

Или, например, в рассказе о войнах
Петра I надо дать понять учащимся, что
«ни одна великая нация не находилась в
таком удалении от всех морей, в каком
находилась вначале империя Петра Вели-
кого» (К. Маркс «Секретная дипломатия
XVIII века»). К этому выводу можно
учащихся подвести только тогда, когда
учитель на карте покажет положение рус-
ского государства в конце XVIII века.

Многие высказывания классиков мар-
ксизма-ленинизма, в которых дается глу-
бокий анализ исторических событий, ста-
новятся понятными учащимся только с
помощью карты. В рассказе о Северной
войне полезно прочитать учащимся такой
отрывок из «Секретной дипломатии XVIII
века» К. Маркса: «Петр воздвиг новую
столпцу на первом завоеванном им куске
Балтийского побережья, почти на рассто-
янии одного пушечного выстрела от гра-
ницы, умышленно дав, таким образом,
своим владениям эксцентричный центр.

Перенести царский троп из Москвы в Пе-
тербург значило поместить его в такие
условия, в которых он не мог быть обес-
печен даже от нападений до тех пор, по-
ка все побережье от Либавы до Торнео не
было покорено, что было завершено лишь
в 1809 году завоеванием Финляндии. Пе-
тербург, эксцентричный центр империи,
сразу указывал на периферию, которую
еще надо было завоевать».

Это ценнейшее высказывание Маркса
надолго запомнилось учащимся после то-
го, как я пояснил его с помощью карты.

Новые историко-географические назва-
ния и термины учитель должен ясно и
правильно произносить и обязательно вы-
писывать их на доске. Еще лучше, если
важнейшие историко-географические на-
звания будут заранее написаны крупным,
плакатным шрифтом на особых карточках,
которые и вывешиваются при упоминании
этих названий.

III. Работа учащихся с картой

Если учитель хорошо организует изуче-
ние истории в школе и правильное исполь-
зование карты на уроках, он сумеет до-
стигнуть того, что интерес учащихся к ра-
боте с картой значительно повысится.

Надо научить учащихся самостоятельно
работать с картой, разъяснить им, что си-
стематическая работа с картой при подго-
товке домашних заданий по истории по-
может им хорошо усвоить историческую
науку, намного расширит их общеобразо-
вательный кругозор.

Каждую новую историческую карту сле-
дует предварительно характеризовать уча-
щимся. Когда впервые в 8-м классе при
изучении истории СССР была вывешена
карта «Киевское государство и его соеди-
нения в IX — XI веках», то в начале рассказа
учитель «представил» эту карту учащим-
ся: объяснил условные обозначения, рас-
сказал, как ее надо читать.

Домашние задания, которые я давал уча-
щимся, были рассчитаны не то, чтобы
вручить их самостоятельно работать с
картой. Выполняя домашние задания по
истории, учащиеся обязаны были по-
пользоваться исторические карты, помеще-
нные в учебнике «Краткий курс истории
СССР», а также и географические атласы.
Так, по уроку «Рабладельческие госу-
дарства в Закавказье» (8-й класс) учени-
кам было дано такое задание:

1. Сравнить с картой «Древнейшие
народы и государства на территории
СССР» (см. «Краткий курс истории
СССР», стр. 8).

2. Используя эту карту, подгото-
вить устный рассказ о древнейших госу-
дарствах Закавказья.

По уроку «Держава Чингис-хана»:

1. Подготовить устный рассказ о державе Чингис-хана. Использовать для этого свои записи, учебник «Краткий курс истории СССР» и карту «Русские княжества и Золотая Орда в XIII—XIV веках», имеющуюся в этом учебнике (стр. 26).

2. Усвоить путь движения татар в 1220—1224 годах к реке Калке и путь движения войск хана Батыя в 1236—1242 годах.

Практиковал я и такие задания, в которых требовал, чтобы учащиеся вычерчивали отдельные части печатной карты на контурную сетку. Например учащимся 8-го класса было задано:

1. Пользуясь картой «Древнейшие народы и государства на территории СССР», начертить на контурной сетке территорию государства Урарту.

2. Составить по этой карте небольшой письменный рассказ о государстве Урарту.

По теме «Образование Киевского государства» учащиеся были обязаны на контурной карте начертить схемы великого восточного пути—«из варяг в греки»—и по этой схеме рассказать, как ездили купцы-варяги.

На уроке «Война 1812 года» учащиеся узнали, через какие города проходили войска Наполеона при наступлении на Москву (Ковно, Витебск, Смоленск, Москва). В задании я требовал, чтобы учащиеся нарисовали по карте эти города и на контурной карте начертили путь наступления Наполеона на Россию.

Учащиеся с большим интересом относятся к таким заданиям и старательно выполняют их.

Особенно большую пользу приносит, как указано, работа с контурными картами. При изучении истории средних веков в 7-м классе эта работа организуется следующим образом. На первом уроке истории учащиеся знакомятся с Францией XII—XIII веков и получают задание—к следующему дню привнести контурную карту Европы. К повому уроку я подготовил контурную карту Европы и нанес границы Франции XII века. Перед началом урока была вывешена печатная карта «Западная Европа во время крестовых походов» и к ней приколота контурная карта с обозначенными границами Франции XII века. Начался урок с повторения темы «Франция XII века». Учащиеся спрашивают: «Какую территорию занимала Франция в XII веке?»

Устанавливаем, что граница Франции на востоке шла по рекам Роне, Маасу, Шельде. Ученик, вызванный к печатной карте, показывает эту границу. По контурной карте объясняем, как надо учащимся наметить эту границу у себя на контурных картах. Учащиеся наносят каранда-

шом восточную границу Франции. Проходя по рядам, проверяем, как они выполнили эту работу, и исправляем ошибки. После того как восточная граница нанесена, устанавливаем, что юго-западная граница Франции в XII веке шла по Пиренейским горам. Учащиеся самостоятельно на контурных картах намечают и эту границу. Когда все границы Франции очерчены, продолжается повторение пройденного материала: ученик рассказывает о феодальной раздробленности Франции XII века, указывает, что Франция этого времени не была единым государством и состояла из нескольких герцогств, графств. Называем Бретань, Нормандию, Аквитанию.

После этого учащимся дается задание—вычертить на контурной карте эти феодальные княжества. Приступаем к самой сложной работе: характеризуем каждое феодальное княжество и затем вычерчиваем границы каждого. Весь урок уходит на эту интересную работу. Тема «Франция XII века» повторена, контурная карта подготовлена для дальнейшей работы. Учащиеся поняли, как надо работать с контурной картой. Даю учащимся задание надом: на контурную карту нанести города Париж, Орлеан, Амьен. Учащиеся, пользуясь географическими картами, выполняют эту работу.

На следующем уроке, на тему «Франция начала XIII века», учащиеся услышали о новых историко-географических местах Франции (битва при Бувише, 1214 год; завоевание Филиппом II Лангедока в 1226 году) и нанесли их на контурные карты. При изучении темы «Филипп Красивый» на контурных картах были обозначены Шампань и Фландрия, после изучения Столетней войны—места главнейших битв: Кресси (1346 год), Пуатье (1356 год).

Так, при изучении истории Франции XII—XV веков на контурные карты одно за другим наносились важнейшие историко-географические места, с которыми знакомились учащиеся.

То же происходило и при изучении истории Англии, Испании, Германии, Италии и балканских стран. Работа с контурной картой проводилась учащимися на уроке при повторении или закреплении учебного материала или же в порядке домашнего задания. Контурные карты, по которым работали учащиеся, обязательно должны проверяться.

Все описанные мной виды и формы работы с исторической картой способствовали более основательному изучению истории в школе. Учащиеся благодаря работе с картой приучались работать самостоятельно и с большим интересом усваивали историю.

Проф. П. И. ЛЯЩЕНКО. История народного хозяйства СССР. Т. I. Академия наук СССР. Институт экономики. М. Союзкиз. 1930. 675 стр. 25 000 экз. 11 р. 50 к.

Настоящее издание книги проф. Лященко «История народного хозяйства СССР» значительно отличается как по своему содержанию, так и по построению от предшествующих изданий, 1927 и 1930 годов. Это в значительной степени новая книга.

В новом издании П. И. Лященко впервые излагает историю народного хозяйства СССР, а не только русского народного хозяйства, как это было в предшествующих изданиях. Вторая важная особенность настоящего издания заключается в преодолении автором методологии Покровского. Мы уже не встречаемся в книге с термином «эпоха торгового капитализма». В прежних изданиях эта «эпоха» начиналась с XVI века и тянулась вплоть до 1861 года. В новом издании автор придерживается периодизации экономической истории СССР, отвечающей требованиям современной науки. Хорошо составлен библиографический указатель. Историко-экономические карты, приложенные к учебнику, являются ценным наглядным пособием при изучении курса истории народного хозяйства СССР.

Учитывая трудность создания высококачественного учебника-пособия по экономической истории СССР, необходимо признать, что автор удовлетворительно справился с поставленной перед ним задачей, осветив на основе новейших данных историко-экономической науки все важнейшие этапы в истории народного хозяйства СССР.

В первом разделе совершенно правильно освещены роль рабовладения в древней Руси, вопрос о роли варягов в создании Киевского государства, характер торговли славян с арабами и Византией и т. д.

Во втором разделе хорошо изложены IV—VI главы.

Здесь на основе учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина дается общая характеристика феодализма как общественно-экономической формации. Совершенно правильно поступил П. И. Лященко, предпослав изложению вопроса о происхождении феодальных отношений в древней Руси краткое, но весьма содержательное изложение происхождения феодализма на Западе. Благодаря этому учащиеся получают ясное представление о том, что историческое развитие древней Руси не протекало изолированно и оторвано от истории западноевропей-

ских стран и что в то же время феодализм в древней Руси имел свои специфические особенности, требующие конкретно-исторического изучения. В дальнейшем изложении П. И. Лященко подробно останавливается на конкретной истории развития феодальных отношений не только у русского населения, но и у других народностей, населяющих СССР (у грузин, армян, азербайджанцев, у народностей Азии).

Хорошо написана XIV глава учебника, посвященная экономической истории Белоруссии и Украины в XIV—XVII веках. Автор начинает эту главу с краткой исторической справки, показывающей, каким образом эти земли очутились под властью Польши. В учебнике показывается, как вместе с ростом фольварочного (поместничьего) хозяйства в XVI веке происходили захват огромных земельных территорий польско-литовской знатью и закрепощение украинского крестьянства. В этой главе дается также краткая характеристика положения торговли и ремесла в украинских герцогах.

Детально останавливается автор на состоянии крепостной промышленности в первой половине XVIII века и на промышленной политике Петра I (глава XVI). Эту главу автор начинает с критики точки зрения Кореака и народнических писателей на происхождение русской мануфактуры. В книге совершенно правильно указывается на XVII век как на время зарождения крепостной мануфактуры. Вместе с тем началом особого мануфактурного периода в истории русской промышленности автор правильно считает XVIII век. В этой главе вполне ясно и нечерпывающе устанавливается различие между западноевропейской мануфактурой капиталистического типа и русской крепостной мануфактурой. При разборе вопроса о технике и организации крепостной мануфактуры приводятся основные точки зрения в историко-экономической литературе по этому вопросу. Подробно и убедительно показана роль государственной власти в развитии крепостной мануфактуры в начале XVIII века.

Весьма обстоятельно, с полным знанием дела написаны XVII—XXI главы книги, излагающие состояние крепостного хозяйства в России в первой половине XIX века.

Здесь дается картина состояния основных отраслей народного хозяйства накануне реформы и показывается, как назревал кризис крепостного хозяйства. В этих главах автор не ограничивается разбором экономических явлений, не показывает, как

определенные экономические процессы находили отражение в современной публицистике и экономической литературе. Такой метод изложения можно только приветствовать. К сожалению, в других разделах книги автор отстывает от этого метода, как будет показано ниже.

Хорошо изложена XXI глава, посвященная крестьянской реформе 1861 года. В этой главе дан анализ ряда важных проблем (размеры наделения земель, градации повинности, реформа в национальных районах и т. д.).

В разделе пятом учебника автор сравнивает исторические пути возникновения промышленного капитализма в России и в Западной Европе. Здесь особенно убедительно показаны особенности первоначального накопления в России. Обобщая имеющиеся по этому вопросу фактические данные, автор приходит к выводу, что «русский промышленный капитализм к началу капиталистической эпохи обладал... недостаточным внутренним накоплением», что способствовало проникновению в Россию иностранных капиталов (стр. 344). Автор приводит интересные данные о развитии научной и изобретательской мысли, которая в условиях капиталистической России не находила необходимой поддержки (стр. 355—356).

Глава о промышленном подъеме 90-х годов подробно трактует экономическую политику самодержавия, состояние государственного хозяйства, а также дает характеристику положения рабочего класса. В конце раздела автор на основании изложенного им материала о промышленном подъеме делает общие выводы. Автор показывает место капиталистической России в мировом хозяйстве, а также особенности русского капитализма (стр. 472).

Раздел шестой — «Экономка «национальных окраин» и колониальная политика царизма в XIX—XX вв.» — содержит много ценных и новых материалов по экономике национальных окраин царской России, представляющих собой колонии или полуколонии в эпоху капитализма. Эти материалы тем более ценны, что экономическая история народов, вошедших в состав царской России, монографически почти совершенно не разработана. Вводный параграф этого раздела Н. И. Ляшенко начинается с изложения высказываний Ленина и Сталина о колониальной политике царизма и о роли колоний для царской России. Ценный материал содержит раздел седьмой учебника, посвященный эпохе империализма в России. Здесь характеризуются историческая роль и особенности русского империализма (глава XXXI) и систематически излагается экономическая история царской России в XX веке.

В XXXII главе обобщена имеющаяся монографическая и журнальная литература о кризисе и депрессии в России в начале XX века. В XXXIII главе, посвященной промышленному подъему 1909—1913 годов, автор особо останавливается на образовании капиталистических монополий в России. Автор дает картину роста этих монополий, характеризует влияние кризиса и депрессии на их образование и роль иностранного капитала в русских синдикатах.

В специальном параграфе, посвященном итогам деятельности синдикатов в России, совершенно правильно подчеркивается, что русские монополии «не развились до высшей формы монополистической организации предприятий» (стр. 574). В России существовали лишь синдикатские объединения, а трестов не было.

Этот обзор основных разделов учебника показывает, что проф. Ляшенко разработал ряд важных вопросов экономической истории СССР, привлек ряд малоисследованных материалов. Однако в учебнике есть также недочеты и пробелы, которые должны быть устранены в последующих изданиях.

Здесь прежде всего нужно сделать одно замечание принципиального характера. Мы полагаем, что автор учебника слишком суживает предмет истории народного хозяйства СССР и к тому же недостаточно увязывает экономическую историю с политической. Н. И. Ляшенко, например, уделяет явно недостаточное внимание внешней политике и войнам царизма. Между тем войны русского самодержавия (XVI—XX вв.), во-первых, всегда вызывались главным образом экономическими причинами и, во-вторых, оказывали решающее влияние на развитие народного хозяйства страны. Само собой разумеется, что в курсе истории народного хозяйства не следует останавливаться на дипломатической истории войн или давать сугубо историческое изложение хода военных действий, но экономическая сторона военной истории должна здесь найти всестороннее освещение.

О внешней политике Ивана Грозного, которая определила внешнеполитические задачи самодержавия на много десятилетий вперед, автор не пишет ни слова. Буквально половина слов посвящена Н. И. Ляшенко-Ливенцевой войне (стр. 171). Очень мало сообщает автор о внешней политике Петра I, ограничиваясь только несколькими замечаниями о целях петровских войн (стр. 227) и о том, что налоговая и промышленная политика Петра I была связана с военными нуждами (стр. 229 и 248). В данном случае автор чрезмерно краток в ущерб делу. Почти ничего не сообщает автор о внешней политике Екатерины II. Скуп автор и в освещении русско-японской войны, хотя эта первая крупная империалистиче-

ская война, в которой участвовал русский царизм, заслуживает особенно внимательного изучения.

Только в последней главе учебника, касаясь состояния народного хозяйства царской России накануне февральской революции, автор более подробно останавливается на влиянии войны 1914—1917 годов на экономику страны (стр. 628—649). В другом месте (стр. 534—539) автор называет причины, вызвавшие войну, и роль царской России в ней.

История русской экономической мысли изложена в учебнике неравномерно и в ряде случаев недостаточно полно.

Характеризуя, например, петровские реформы, автор почти ничего не сообщает о Посошкове¹. Изложению взглядов этого важнейшего экономиста петровского времени уделено буквально несколько строк. Касаясь развития промышленности в России в начале XIX века, И. И. Лященко ничего не говорит о полемике между русскими протекционистами и фритредерами. Между тем в учебнике по истории народного хозяйства СССР нужно, конечно, более систематично изложить учения крупнейших русских экономистов. Нельзя характеризовать экономику страны в определенную историческую эпоху, не сказав ни слова о том, как конкретная экономическая действительность оценивалась наиболее передовыми людьми этой эпохи.

В недавно вышедшем II томе учебника истории СССР для вузов, в главе о хозяйственном развитии России в 1-й четверти XIX века, специальный параграф посвящен протекционистам и фритредерам. Тем более это должно быть сделано в курсе истории народного хозяйства СССР.

Не во всех разделах учебника автор достаточно полно освещает экономическую политику царизма. Так например ничего не сообщается о финансовой политике царя Алексея Михайловича, его денежной реформе; не упоминается о реформе Канкринна, министра финансов Николая I.

Все указанные пробелы можно в новом издании восполнить хотя бы за счет уменьшения количества статистических таблиц. Сделать это можно без ущерба для полноты изложения. Например на стр. 525 автор приводит суммарные данные о промышленности Закавказья, а затем эти же данные приводятся отдельно по каждой из закавказских губерний. Такие подробности умест-

ны в специальной монографии, но не в учебнике.

Недостаточная увязка истории экономики с политической историей приводит к тому, что в учебнике иногда исчезают необходимые хронологические и географические рамки, а самое изложение принимает абстрактно-догматический характер.

Отход от принципа историко-хронологической последовательности особенно сказывается в VII—VIII главах учебника. Здесь И. И. Лященко, вместо того чтобы дать целостную экономическую историю нескольких важнейших хозяйственно-политических центров, образовавшихся в Восточной Европе после распада Киевского государства (Галицко-Волынское княжество, Новгород, Северовосточная Русь), почему-то останавливается только на Северовосточной Руси XIII—XIV веков. В главе VII говорится о возникновении феодальной вотчины и о сельском хозяйстве, а глава VIII посвящена истории промышленности, торговли и городской жизни. Правда, в этой последней главе автор вопреки ее названию уделяет некоторое внимание Новгороду и его внешней торговле (стр. 144—146), но ничего не говорит о феодальном землевладении, о сельском хозяйстве, о ремесле, о классовой структуре и особенностях политической власти в Новгородской земле. Таким образом, учащиеся при изучении этой главы не получают представления о Новгороде, как законченном хозяйственно-политическом образовании.

Что касается экономической истории Галицко-Волынского княжества, то к ней автор обращается лишь в XIV главе, при изложении экономической истории Белоруссии и Украины в XIV—XVII веках.

Помимо этих общих замечаний необходимо остановиться и на некоторых частных вопросах.

В первом разделе учебника автор уделяет недостаточно внимания экономической истории рабовладельческих государств, существовавших на территории СССР. Это прежде всего относится к изложению истории государства Урарту.

В первом разделе учебника автор трактует разложение родового строя у славян слишком упрощенно.

Но Лященко, в IX веке патриархальный родовой строй разлагается и уступает место территориально-соседской общине — верви (стр. 61). Между тем, как нечернявающе показал акад. Греков, родовой строй начал разлагаться значительно раньше.

Территориальная община—вервь—выросла из патриархальной домашней общины, которая сама была «переходной ступенью от возникшей из группового брака и основанной на материнском праве семьи

¹ В библиографическом указателе (стр. 662) И. И. Лященко делает указание на «Книгу о скудости и богатстве», но здесь, очевидно, опечатка. Посошков отнесен к авторам XIX века, в то время как он жил, как известно, во второй половине XVII и начале XVIII века.

к индивидуальной семье современного мира...»¹.

Эту же точку зрения Б. Д. Греков развивает в статье «Земельная и проблема родового строя у восточных славян», помещенной в сборнике «Вопросы истории докапиталистического общества» (изд. Академии наук СССР, М. и Л. 1936).

Родовой строй у славян имел длительную, многовековую историю. Нельзя поэтому территориальную соседскую общину — вервь — выводить непосредственно из родового строя, не раскрывая при этом той эволюции, которую проделал род у славян на различных этапах своего исторического существования. Между тем в учебнике эта картина возникновения территориально-соседской общины и разложения рода не показана достаточно ясно и убедительно.

В главе XXXVI, в параграфе «Реформа Столыпина», автор приводит данные о количестве крестьян, выделившихся из общины в результате действия столыпинских законов. По подсчетам автора, по 40 губерниям 24% крестьянских дворов выделилось из общины (стр. 623). По эти данные не дают правильного представления о влиянии столыпинских законов на развитие русской деревни, если наряду с ними не указать, сколько же крестьян из числа выделившихся могло перейти на хуторскую и отрубную системы хозяйства. Лишь незначительная часть крестьян выделялась для перехода на хутора, а большинство выделялось для продажи своих земельных наделов.

Правда, автор на стр. 626 приводит цифры продажи крестьянами паделной земли, но эти цифры приведены вне связи с данными о количестве выделившихся из общины.

Последняя глава учебника, посвященная экономике страны в годы империалистической войны, вызывает также несколько замечаний. Автор очень слабо осветил особенности военно-государственного капитализма в царской России. Такой пробел тем более досаден, что этот интереснейший вопрос мало освещен в исторической и экономической литературе. Причины краха государственного регулирования русского народного хозяйства во время войны представлены в учебнике Лященко упрощенно: автор все дело сводит к слабости русского государственного аппарата. На стр. 629 учебника мы читаем по этому поводу следующее: «Повторяя развитие военной экономики своих более сильных союзников, при усилении финансовой зависимости от них, империалистическая Россия пыталась повторить и их организационные экономиче-

ческие и финансовые формы приспособления своей промышленности к военным задачам. Но результаты государственного регулирования промышленности, торговли, сельского хозяйства, снабжения, народного продовольствия и сращивания в этих целях финансово-монополистической олигархии с государственным аппаратом в России были еще менее успешны, так как во время мировой войны весь государственный аппарат России представлял картину полного развала».

В действительности дело обстояло значительно сложнее.

Анализ состояния хозяйства царской России в годы империалистической войны позволяет установить три важнейшие особенности военно-государственного капитализма в России: 1) неподготовленность русского капиталистического хозяйства к переходу на систему военно-государственного капитализма; 2) слабость правительственных регулирующих мероприятий; 3) попытки буржуазии отстранить царское правительство от руководства хозяйством страны и наладить экономическое регулирование собственными средствами.

В России, в отличие от западноевропейских государств, не могло быть сращивания правительственной власти с капиталистическим хозяйством, так как здесь государственный аппарат находился в руках помещиков-крепостников, а не буржуазии, которая, «руководя страной экономически... не управляла страной политически...»². Поэтому буржуазия вытеснялась через созданные ею военно-промышленные комитеты захватить в свои руки основные хозяйственные рычаги помимо царского правительства и вопреки ему.

В этой связи чрезвычайно важно было бы осветить в учебнике вопрос о роли военно-промышленных комитетов в стране. Однако Н. Н. Лященко, посвящает им всего несколько строк. К тому же автор рассматривает военно-промышленные комитеты как «общественные организации капитала в помощь распатанному государственному аппарату» (стр. 634), целиком повторяя официальную версию, созданную русской империалистической буржуазией. На самом деле военно-промышленные комитеты были организационными и политическими центрами русской буржуазии, опираясь на которые последняя пыталась расширить свое влияние на государственные дела и захватить важнейшие рычаги управления хозяйством страны.

Н. Н. Лященко неправильно объясняет причины неуспеха деятельности военно-промышленных комитетов. Дело тут заключалось не только «в низком техниче-

¹ Б. Д. Греков «Феодалные отношения в Киевском государстве», стр. 29. Изд. Академии наук СССР, М. и Л. 1936.

² «История гражданской войны», Т. I, стр. 13. 1-е изд.

ском оборудовании промышленности», о чем пишет автор на стр. 634, а главным образом в том, что царское правительство с начала 1916 года отстранило военно-промышленные комитеты от участия в руководстве промышленностью страны. Оно прекратило выдачу военных заказов комитетам и стало передавать их непосредственно промышленным предприятиям¹.

Фактическую ошибку делает П. П. Лященко и в своем кратком замечании о союзах земств и городов. Эти организации не объединились впоследствии в единую организацию «Земгор», как об этом пишет автор на стр. 633. Дело обстояло несколько

иначе. «Земгор» — это было наименование объединенного Главного комитета по снабжению армии, Союза земств и Союза городов, созданного летом 1915 года. Во всех областях своей деятельности, кроме снабжения армии, союзы земств и городов продолжали действовать, как совершенно самостоятельные организации вплоть до своей ликвидации¹.

Несмотря на все указанные пробелы книга Лященко является полезным пособием для всех изучающих экономическую историю СССР.

А. ПОГРЕБИНСКИЙ

К. ОСИПОВ «Богдан Хмельницкий». «Молодая Гвардия». М. 1939. 414 стр. 6 руб.

Дворянская и буржуазная историография в лице русских, украинских и польских исследователей неоднократно обращалась к изучению как освободительной войны украинского народа против Польши, так личности и деятельности ее руководителя — Богдана Хмельницкого. Естественно, что вследствие ограниченности своего историко-философского мировоззрения дворянские и буржуазные историки были не в состоянии объективно-научно подойти к интересовавшим их историческим проблемам. Вполне понятно, что советский исследователь пройдет мимо их выводов. Однако дворянские и буржуазные историки собрали и опубликовали громадный документальный материал, извлеченный ими из различных архивохранилищ. П. П. Костомаров использовал для изучения личности и деятельности Богдана Хмельницкого польские источники, без которых, разумеется, исследователю нельзя обойтись. В советской историографии в последнее время оживился интерес к изучению этого замечательного периода в истории украинского народа. Исследования доц. А. Барабая², К. Осипова и проф. Н. П. Петровского³ являются показателя-

ми научного интереса советских историков к изучению освободительной борьбы украинского народа против Польши.

Изучение биографии всякого исторического деятеля не может быть оторвано от современной ему социально-экономической и политической обстановки, и тов. Осипов, разумеется, правильно поступил, обратившись к анализу той социально-экономической и политической среды, в которой действовал Хмельницкий (стр. 7).

Автор совершенно прав в своем утверждении, что только «советская историография в состоянии рассеять клеветнические измышления, оболаскивающие исторический образ Богдана. Она показывает подлинные мотивы действий этого выдающегося человека — выразителя идей своего времени и своего класса» (стр. 6). Согласно правильному выводу исследователя, «Хмельницкий — бесспорно национальный герой украинского народа, имя его было боевым знаменем этого народа во время великой борьбы за свержение чужеземного ига. Но тот же Хмельницкий в своей внутренней политике не оправдал надежд и чаяний широких народных масс отчасти потому, что не мог этого сделать, отчасти потому, что был чужд этим стремлениям» (стр. 6). Следует также признать научно-объективным утверждение автора о том, что «тот, кто хочет нарисовать яркий и верный портрет Хмельницкого, не должен обходить этой двойственности. Он обязан лишь соблюсти необходимое условие: описывая события, анализировать их причины, вскрыть историческую обусловленность действий своего

¹ См. «Труды II съезда военно-промышленных комитетов». Вып. 2-й, стр. 443. О сокращении заказов военно-промышленным комитетом см. периодическую печать этих организаций, в частности «Известия ВЦПК» от 1 января 1916 года (статья Клопотова), «Известия МВПК» №№ 27—30 за 1916 год и целый ряд других материалов.

² «Историк-марксист» № 2 за 1939 год.

³ «Визвольна війна українського народу проти гнету шляхетської Польщі і приєднання України до Росії». К. 1940.

⁴ См. по этому поводу отчетные материалы этих организаций: «Краткий очерк деятельности Всероссийского земского союза на 1 января 1916 года». М. 1916; «Очерк деятельности Всероссийского союза городов». М. 1916; «Полтора года работы Земгора». М. 1917, и др.

героя» (стр. 6). Вся работа тов. Осипова посвящена конкретному раскрытию этих обобщающих наблюдений.

«Богдан Хмельницкий» тов. Осипова написан хорошим литературным языком и читается легко. Это, безусловно, — большое достоинство рецензируемой книги.

В первой ее части автор знакомит читателя с историей Украины со времени образования Киевского государства, кончая авантюризмом казацких войн в первой половине XVII века (стр. 8—89).

В главах первой части излагаются основные этапы истории Украины с IX века до Львовской унии 1569 года включительно, отдавшей Польше «восточные области Южной Руси». Автор на конкретных примерах знакомит читателя с той феодально-крепостнической эксплуатацией, которой подвергалось крепостное украинское крестьянство. Его положение было очень ярко охарактеризовано тезисом Петром Скаргой: «Нет государства, — говорил Петр Скарга, — где бы подданные и земледельцы были так угнетены, как у нас под беспрядельной властью шляхты. Разгневанный помещик или королевский староста не только отнимает у бедного хлеба все, что у него есть, но и самого убьет, когда захочет и как захочет, и за то ни от кого слова дурного не потерпит» (стр. 24). Польские паны готовили украинскому народу полное закабаление, отчего была ожесточенная борьба украинского народа за свое социальное и национальное освобождение. Эта борьба облегчалась, по мнению автора, двумя факторами: возможностью колонизации широких степных просторов и образованием казачества с его центром — Запорожской Сечью (стр. 26).

Образование и положение украинского казачества рассмотрены автором во второй главе (стр. 26—42). Совершенно прав тов. Осипов в своем утверждении, что «спасавшиеся от крепостного ярма крестьяне были, таким образом, основным элементом, из которого формировалось население степной Украины» (стр. 31). Описывая Запорожскую Сечь, тов. Осипов пришел к правильному выводу, что «здесь, в Сечи, казаки были уже сплоченной силой, в то время как в верховьях Днепра их собратья, хотя и были свободными оппозиционным сословием, — не имели никаких прав, не были признаваемы и все труднее переносили тяжкий гнет шляхты» (стр. 54). Уже в первой половине XVI века казачество стало одной из растущих сил на Украине (стр. 55). Это превосходно сознавали шляхетские политики, стремившиеся использовать казачество в интересах шляхетской Поль-

ши. Но в связи с ростом казачества «с конца XVI века польское правительство видит единственный выход в уничтожении казачества любой ценой» (стр. 62); поскольку польские паны, «увидев, что плодородные земли освоены русским населением... стали поперебой протягивать к ним руки» (стр. 63). В связи с расширением земель и организацией помещичьего хозяйства «наши паны и бояли помещикам, пригоспеления со стороны арендаторов, поборы экзакторов, ватки старост, паслины землеров — все это, как паутиной, облепило жизнь недавно еще независимого народа» (стр. 67).

Гонения на православную веру усиливали феодально-крепостническое угнетение украинского населения. Естественно, что ответом на эту феодально-крепостническую эксплуатацию были казацкие войны, о которых автор подробно рассказывает в пятой и шестой главах первой части.

Во второй части книги (стр. 104—211) тов. Осипов описывает борьбу украинского народа против панской Польши под руководством Богдана Хмельницкого, подробно останавливаясь на его деятельности накануне освободительной войны.

Вторая часть «Богдана Хмельницкого» заканчивается встречей Хмельницкого в Киеве в январе 1649 года. По справедливому замечанию автора, «это было не простое торжество, а поклонение народа тому, в ком он видел своего избавителя и героя» (стр. 208). Тов. Осипов подлагает, что после Киева «Богданом овладела мечта освободить украинский народ от польского владычества и устроить его жизнь на новых государственных началах. В этом для него определилась его жизненная задача» (стр. 209). Она могла быть разрешена только, вооруженной борьбой, материал о которой дается в третьей главе (стр. 211—309).

Следует признать вполне правильными замечания автора о том, что «борьба украинского народа против польского владычества была в то же время общенародной борьбой: она была в интересах всех классов, всех слоев украинского населения» (стр. 211). Так было на первом этапе борьбы. В дальнейшем «более точно обрисовывается классовая физиономия разных партий, певческие и смутные политические и экономические требования заменяются конкретными различными требованиями различных классов» (стр. 241).

На данном этапе борьбы «классовый интерес» украинского народа состоял в полном уничтожении крепостного строя и, как необходимая предпосылка ликвидации этого, — в совершенном уничтожении

польского владычества. По классовый интерес казачьей старшины и украинской (православной) шляхты заключался в усилении их политической и экономической роли в стране. Для этого не нужно было свергать весь социальный порядок — достаточно было частично сломать польские порядки. Осуществить эту задачу возможно было с помощью бурного натиска широких народных масс» (стр. 241). По справедливому замечанию автора, «эти же причины в полной мере определяли политическую линию Богдана Хмельницкого» (стр. 242). Богдан Хмельницкий, как сын своего времени, «стремился к такому порядку вещей, в котором, отделавшись от польской и ополяченной шляхты, избавившись от религиозного гнета, можно было бы создать из казачества, в первую очередь — из старшины, новое, свое «шляхетство».

Поэтому не нужно превратно трактовать истинную социальную программу Хмельницкого, не нужно прикрашивать и лакировать ее. И все же, если понять историческую обусловленность этой программы, она не умаляет огромного значения деятельности Хмельницкого как талантливого вождя героической борьбы украинского народа за свою национальную независимость (стр. 242). Эта социально-политическая идеология Хмельницкого нашла яркое отражение в Зборовском договоре. Вследствие расхождения классовых интересов украинского крестьянства с интересами казачьей старшины и украинской шляхты Зборовский договор не мог стать договором, определяющим правовое положение украинского народа, не говоря уже о том, что польские паны не собирались его соблюдать. Продолжение борьбы было неизбежным, и старшина должна была пойти вслед за народом.

Четвертая глава посвящена фазе деятельности Хмельницкого и освободительной войны украинского народа — воссоединению Украины с русским народом и вхождению ее на особых условиях в состав Русского государства.

Труд тов. Осипова доведен до смерти Хмельницкого — 27 июля 1657 года. Подводя итоги деятельности Богдана Хмельницкого, автор приходит к следующим правильным выводам: «Война, которую вел Хмельницкий, была справедливой, прогрессивной войной. Украинский народ сражался за свое существование. Эта война подрывала реакционный польский феодализм.

Две задачи неразрывно между собой связанные, памяти и блестяще разрешил гетман: смести польское иго и соединить-

ся с Москвой. И за это, за непоколебимую преданность своей великой идее, за глубокий патриотизм, за умение страстно ненавидеть, страстно желать победы над врагами своей родины, просителю ему то черное, что гнезилось в его душе, питаель соками полуварварской эпохи.

Хмельницкий вырвал Украину из рук панов» (стр. 409).

Такое в основном содержание работы тов. Осипова. Оценка линии политики и тактики Богдана Хмельницкого теоретически правильна. Одновременно та же точка зрения была высказана тов. Барабеем. (При подготовке тов. Осиповым своей книги ко второму изданию ему следует обратиться к монографии проф. Петровского, в которой приведен ряд новых фактов первостепенной важности.) С точки зрения методологической труд тов. Осипова надо признать положительным явлением в советской историографии о Хмельницком и об освободительной войне украинского народа против Польши.

Однако в работе тов. Осипова имеется ряд существенных промахов — фактических ошибок, которые необходимо исправить. Я останавливаю внимание читателя и автора на наиболее существенных.

Прежде всего, следует производить точную ссылку на исторический труд, если автор приводит полностью какую-нибудь цитату. Далее, цитаты из источников надо приводить или в полнотексте или в переводах; в работе тов. Осипова нет единообразия в этом вопросе. Автору следовало бы воздержаться от ссылок на «Историю Руссов», компилятивное сочинение с определенной националистической окраской, которое, по какому-то недоразумению, тов. Осипов причисляет к разряду источников. Помимо этого следует отказаться от признания Г. Коллеского автором «Истории Руссов», что давно опровергнуто украинской историографией.

Очень жаль, что тов. Осипов не затронул вопроса о том, как относятся советские историки к деятельности Богдана Хмельницкого. Ведь читатель может составить неправильное представление о том, что в советской историографии нет ничего о Хмельницком. Я не упрекаю автора в том, что он не дал оценки статей украинских историков об освободительной войне украинского народа, напечатанных хотя бы в киевских газетах, но полагаю, что знакомство с ними с историографической точки зрения необходимо. Еще в феврале 1939 года в Киеве были напечатаны статьи проф. П. П. Петровского, проф. А. А. Савича, тов. М. П. Марченко. Желательно было бы, чтобы во втором издании была дана исчерпывающая оцен-

ка работ советских историков. Тогда будет ясное место работы К. Осипова среди работ о Богдане Хмельницком.

Перехожу к отдельным, частным вопросам. Необходимо уточнить положение «отдельные области Киевской Руси настолько окрепли, что смогли противостоять себя Киеву» (стр. 14). Неграмотна характеристика литовских племен, как «малокультурных» (стр. 16). У ятагов, пруссов, литовцев в XIII веке уже было налицо развитое сельское хозяйство.

Автор связывает польскую агрессию на юг и на восток с договором польского короля Казимира с Чехией и немецким «Тевтонским орденом» в 1355 году (стр. 17), тогда как в действительности Польша начала свое наступление на Галичину еще в 1340 году; неудачей термин «Галиция»: он австрийского происхождения и начал применяться после захвата Галичины (Галицкой Руси) австрийцами по первому разделу Речи Посполитой (1773 год):

Не совсем понятно утверждение автора, что Ягайло надеялся унией с Польшей усилить политическую роль Литвы (стр. 18), тогда как в действительности благодаря Кревской унии 1385 года Литва прекращала свое существование как отдельное государство. Уния 1385 года была инкорпорацией Литвы в Польшу. Автор ошибается, будто после Кревской унии русское влияние сменилось польским (стр. 18). Это как-то не вяжется с тем, что «русский» язык был языком государственным, на русском языке были изданы Судебник Казимира 1468 года, Литовский статут 1529, 1566 и 1588 годов. О розни в этот период между литовским и русским, точнее литовским и белорусским и украинским народами (стр. 18), не приходится говорить. Можно сказать, что после Городельской унии 1413 года возникла политическая рознь между литовскими феодалами-католиками и православными белорусско-украинскими феодалами. Шляхетские привилегии не могли ввести то социальное устройство, какое существовало в Польше (стр. 18). В данном случае тов. Осипов пошел влед за буржуазными историками. Если общественный и политический строй приближался к польскому, то это зависело от состояния производительных сил и производственных отношений в Литве. Ссылка на «анонимного» историка несколько не оправдывает немарксистской установки автора в данном вопросе. Неужели закрепощение крестьян — результат только влияния польского образца, как полагает автор? (стр. 19).

Автор также ошибается, будто население стремилось видеть в Киеве на пре-

столе обрусевших князей Олельковичей, а не польских (?) ставленников. Ведь заговор 1481 года был делом одних князей. Даже шляхта их не поддержала. Где же тут желание всего населения? Совершенно верно, что после унии 1569 года Литва и Польша образовали единое государство — Речь Посполитую. Но сущность унии 1569 года не объяснена. Между тем она носила федералистский характер, и Литва сохраняла свой внутренний строй. Иной вопрос, каков был экономический и политический все великого княжества в этом новом государственном образовании (стр. 20).

Протестантизм (кальвинизм) в Литве, по мнению тов. Осипова, воспринимали «большинство католической шляхты и некоторая часть литовско-русской православной шляхты» (стр. 22). В действительности в Литве сторонниками кальвинизма были магнаты во главе с князем Радзивиллом, а на Украине протестантизм получил некоторое распространение среди украинской шляхты. Следовало бы разъяснить читателю причины распространения кальвинизма и социализма в Литве, Белоруссии и Украине.

Необходимо внести коррективы изменения в трактовку вопроса о реформе Стефана Батория (стр. 59—60). Эта легенда, вновь возрожденная автором, давным-давно разрушена А. В. Стороженко и М. К. Любавским.

Хорошо, что тов. Осипов обратил внимание на религиозную проблему в казацко-крестьянских движениях, но в трактовке религиозной политики Ягайлы им допущены ошибки (стр. 68). Так, ограничение доступа мещан в муниципалитеты относится ко времени после 1596 года (я не касаюсь политики в отношении Галицкой Руси). Православные епископы были лишены права заседать в литовской Раде и польском Сенате, а не занимать высшие должности. Высшая духовная иерархия — епископы — занимала высшие церковные должности.

В 1596 году в Бресте состоялся не «сейм» (стр. 69), а церковный собор, что не одно и то же. Сейм в польско-литовском государстве — законодательное учреждение.

Непонятно, зачем дети русских князей ездили учиться в Пенанию (стр. 71). Ездили они в Италию (Навуя, Болонья), Чехию (Прага), Германию (Лейпциг). Учиться за границу ездили и дети литовских дворян.

Оценка деятельности Сагайдачного, как борца против Польши, неверна (стр. 97). Наоборот, Сагайдачный был типичным представителем старшинской линии поли-

тики по отношению к Польше. Автор забыл упомянуть, что среди казаков происходили движения, направленные против Сагайдачного. Автор в основном повторяет гипотезу П. Камашана, не подтвержденную фактами и давно оставленную историографией. Если прежние буржуазные историки, по мнению тов. Осипова, были неправы, то следовало бы более основательно пересмотреть весь этот вопрос. Вспомним походы Сагайдачного на Москву и его роль в спасении королевича Владислава в 1617 году и в спасении польского войска от разгрома в 1621 году. Факты против концепции тов. Осипова.

Необходимо внести отдельные исправления в изложение биографии Хмельницкого. Автор впадает в противоречие, следуя за автором «Истории Руссов» и повторяя утверждение о том, что отец Хмельницкого был подстаростой чигиринским — должность, которую мог занимать только шляхтич, и что Хмельницкий происходил из пелворянского русского рода (стр. 106). Новейший исследователь проф. Петровский считает отца Хмельницкого мелким шляхтичем, впоследствии лишенным шляхетства. Он служил сначала у магнатов Жолкевских, а потом у Давыловича, что установлено проф. Петровским. Хмельницкий учился только в коллегии иезуитов, но где именно — в Ярославле или Львове, — неизвестно, что также установлено проф. Петровским. Автор же рецензируемой книги категорически утверждает, что Богдан Хмельницкий учился в Киевской Братской школе и у иезуитов в Ярославле (стр. 107).

Поездку Хмельницкого во Францию для переговоров надо отнести к исторической легенде (стр. 109). Таким образом к легенде надо отнести и рассказ о выдаче казакам грамоты, хранившейся у Пляша и Барабаша (стр. 112).

Необходимо дать биографию Хмельницкого на основе проверенного фактического материала. Отсылаю автора к исследованию проф. Петровского, в котором точно установлены основные моменты биографии Хмельницкого. В связи с этим весь рассказ о грамоте, приведенный по Костомарову, должен быть пересмотрен (стр. 116 — 118).

Хмельницкий убежал сначала не на Сечь, а на низ Днепра (стр. 119). В Сечи тогда стоял польский отряд, и Хмельницкий не мог там появиться. В конце января 1647 года Хмельницкий атаковал в Запорожье польский гарнизон и после этого появился в Сечи. В связи с этим весь рассказ тов. Осипова о пребывании Хмельницкого в Сечи и бегстве его на низ нуждается в пересмотре (стр. 128 —

130), согласно данным, установленным проф. Петровским.

На стр. 130-й автор утверждает, что Хмельницкий вторично явился в Сечь 18 апреля, а 2 апреля поляки получили известие о выступлении Хмельницкого из Запорожья (стр. 139). Согласовать два противоположных утверждения невозможно. Начало столкновения Хмельницкого с поляками под Желтыми водами проф. Петровский относит к 19 апреля, реестровые казаки перешли на сторону Хмельницкого 24 апреля, а не 7 мая (стр. 142). Разгром польского войска произошел под Желтыми водами 6 мая 1648 года. Автор считает почему-то наиболее точной датой 8 мая — дату Величко, но остается неизвестным, какими мотивами он руководствовался, принимая ее (стр. 143).

Письмо Хмельницкого от 8 июня 1648 года автор сопровождает следующей мучительной сентенцией: «Если бы московское правительство проявило бы больше решимости, многое сложилось бы по-другому и много человеческих жизней было бы спасено. Но боярская дума осталась верна своему правилу: семь раз отмерь, один раз отрежь» (стр. 184). Было бы лучше не сопровождать письмо Хмельницкого таким психологическим толкованием. Во всяком случае, следовало бы принять во внимание, что Москва была охвачена восстанием; восстания происходили и в других городах. Можно ли было при этих условиях ввязываться в войну с Польшей? Думаю, что нет.

Несколько слов о Зборовском договоре, заключенном 8, а не 9 августа 1649 года (стр. 236), известном под названием «Декларации его королевской милости». Он изложен неполно. В частности неверно, будто Зборовский договор аннулировал унию. В договоре только сказано, что вопрос об унии и церковных имуществвах будет рассмотрен на ближайшем сейме.

Очень жаль, что «мартовские статьи» 1654 года изложены неполно и частично неверно. В статьях нет указания, будто новоизбранный гетман должен был ехать в Москву; нет упоминания о том, что киевскому митрополиту принадлежало быть под благословением московского патриарха. В мартовских статьях гетману запрещалось без царского разрешения только сношаться с польским королем и турецким султаном, но право дипломатических сношений с другими государствами было сохрпено при условии сообщения царю о содержании происходивших переговоров. Автор же принимает следующую формулировку: «Гетман не должен сношаться помимо Москвы с иностранными государ-

ствами. Впрочем, гетман может принимать послов «о добрых делах» и извещать об этом московское правительство» (стр. 358).

Вообще вопрос о мартовских статьях очень сложен, поскольку от них сохранились лишь черновые записи переговоров 21 марта. Вопрос о содержании статей Хмельницкого подробно рассмотрен в статье Н. Шафранова (Киев. Ст. 1889 — № 11). Видимо, тов. Осипову она осталась неизвестной.

Передав содержание мартовских статей Богдана Хмельницкого, тов. Осипов считает излишним «углубляться в юридические тонкости вопроса» о том, какие юридические отношения установились между Украиной и Москвой (стр. 359). Думается, что автор неправ, так как в дальнейшем

за статьи велась упорная борьба. Мы полагаем, что Украина, на основании статей Хмельницкого, становилась вассальным государством по отношению к Москве.

При повторном издании этой интересной книги автор должен тщательно проверить весь фактический материал, установить все точные хронологические даты (дни и месяцы) событий. В этом тов. Осипову могут помочь образцово составленные проф. Петровским хронологический указатель, помещенный в упомянутом выше исследовании, и его же «Хронология истории Украины», изданная в 1938 году.

В. ПИЧЕТА,

член-корреспондент Академии наук СССР

Анад. М. М. БОГОСЛОВСКИЙ. Петр I. Материалы для биографии. Т. I. Детство, юность, Азовские походы. 30 мая 1672—6 марта 1697 года. Под редакцией проф. В. И. Лебедева. М. Соцгиз. 1940. 436 стр. 20 тыс. экз. 10 р. 25 к.

Время Петра I имело огромное значение для истории нашей родины.

Велика роль Петра, как выдающегося исторического деятеля, который правильно понял потребности своего времени и попытался, по выражению товарища Сталина, «высочить из рамок отсталости». Известно высказывание Маркса о том, что Петр I «должен был цивилизовать Россию».

Еще в XVIII веке, вскоре после смерти Петра, когда русская историческая наука находилась в зачаточном состоянии, русские историки стали изучать царствование Петра I. А за границей еще при жизни Петра было издано множество больших и малых работ о Петре и его деятельности и опубликовано много документов, относящихся к его времени. Всего за границей было вынущено около 1600 книг о Петре, написанных на всех языках Европы. Полемика вокруг личности Петра и его реформ началась еще при жизни царя и длится вот уже 200 с лишним лет. Мы знаем много школ и течений в оценке деятельности Петра и значения ее для истории России. Каждая значительная работа о Петре ожидалась всеми историками с большим нетерпением и интересом и после своего выхода возбуждала много толков и споров.

Общее количество книг, изданных в России и Европе о Петре и о его деятель-

ности, доходит до 7 тысяч названий. По нельзя сказать, что все эти работы представляют научный интерес и внесли что-то новое в изучение времени Петра. Наоборот, большая часть этой литературы состоит из наблюдных работ, написанных в ура-монархическом духе. Зачастую даже факты в них освещены неверно. И только небольшая часть представляет определенный научный интерес, ибо авторы их пытались изучить многогранную деятельность Петра и оценить ее. Оценки эти были крайне разноречивыми, но их можно объединить в две основные группы: 1) одни авторы признают деятельность Петра прогрессивной, причем нередко идеализируют личность основателя Российской империи, и 2) другие отрицают прогрессивность реформ Петра, утверждают, что деятельность Петра уничтожила самостоятельность и оригинальность русского народа, перекропв его на западноевропейский лад, стремятся доказать, что Петр был причиной «повреждения прав» в России. Причины разногласий между историками в оценке петровских реформ вполне понятны: дореволюционные историки не были и не могли быть вооружены единым методом исследования и единым мериллом оценки событий. Каждый из них подходил к деятельности Петра со своей, классово ограниченной точки зрения. Наши советские историки, вооруженные в своей работе всеильным учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, могут и должны, руководствуясь методом исторического материализма, правильно и всесторонне оценить и деятельность и эпоху Петра I.

К сожалению, в этой области сделано еще слишком мало.

В соответствующих главах учебников по истории СССР для вузов и для средних школ дана правильная, марксистско-ленинская оценка деятельности Петра. Но глава из учебника не может заменить самостоятельной научной работы большого объема.

Вот, почему всякая новая работа о Петре I должна вызвать у читателей большой интерес. Одной из таких интересных работ о Петре является вышедший недавно I том обширного труда покойного академика М. М. Богословского «Петр I».

Этот труд академика М. М. Богословского, автора капитальных исследований — «Областная реформа Петра Великого», «Петр Великий и его реформы» и другие, — состоит из 4 томов, охватывающих период с 1672 по 1700 год, т. е. от рождения Петра до начала Северной войны. Многолетняя работа по истории Петра была прервана смертью автора. I том охватывает период с 1672 по 1697 год, т. е. от рождения Петра до подготовки к путешествию за границу.

* * *

В предисловии к своей работе автор говорит о целях своего труда: «Мне хотелось собрать факты, достоверные факты, которые, будучи собраны в достаточном количестве, своим неоднократным повторением ведут к надежным общим суждениям» (стр. 10). Собирать факты из жизни Петра, тщательно их проверить и на этой базе дать общую правдивую картину деятельности Петра — вот задача, которую поставил перед собой автор. Редактор книги проф. Лебедев говорит в предисловии, что по обилию фактов все прежние работы о Петре значительно уступают труду академика Богословского.

Исследование академика Богословского обладает целым рядом больших достоинств. Главным из них является чрезвычайно серьезный и добросовестный подход к фактам. Видно, что все сведения, помещенные здесь, тщательно проверены и всесторонне изучены. Однако круг фактов, изученных автором, ограничен. В. Лебедев справедливо предупреждает читателя, что в книге нет материала о жизни народных масс и угнетенных народов, нет социальной характеристики стрелецкого движения 1682 года, не показана борьба феодальных групп и т. д.

Первый том его обширной работы дает представление о том, как задолго до крупнейших петровских реформ Россия вступила уже в полосу преобразований: изменялся придворный быт, делались первые попытки строительства флота; варварская Русь пе-

режимала западничество, «не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» (Л е и н и н). Петровские преобразования укрепили государство помещиков и купцов «за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры» (С т а л и н).

Богословский тщательно изучил и обстоятельно изложил целый ряд интереснейших моментов в жизни и деятельности Петра. Прекрасно и подробно изучен и изложен материал о стрелецком восстании 1689 года, о походах Петра в Архангельск в 1693 и 1694 годах, о Кожуховском походе 1694 года.

Большой интерес представляют главы о первом Азовском походе 1695 года (стр. 210—271), о приготовлениях Петра ко второму походу, зимой 1695—1696 годов (стр. 271—301), и о втором походе на Азов и взятии его в 1696 году. Подробно разработаны вопросы о заселении Азова (глава XLII), о постройке флота (главы XLIII—XLIV) и другие.

Однако наряду с указанными достоинствами в труде академика Богословского есть и серьезные недостатки в отборе исследуемых фактов.

Основным недостатком книги является то, что в ней дана история жизни одного человека, оторванная от истории страны. Событиям, в которых Петр лично не участвовал, автор уделил мало внимания.

В конце I тома это менее заметно, ибо здесь разбираются события, в которых принимал личное участие уже взрослый Петр, но в начале тома, где описано детство Петра, эта односторонность изложения сказывается очень сильно.

Подробно рассказывая даже об игрушках Петра, автор вовсе не упоминает об одних важных событиях в стране и бегло останавливается на других. В книге часто исследуются не представляющие никакого научного интереса факты (так например вопрос о часе рождения Петра исследуется на целой странице).

Место, уделяемое в книге тем или иным фактам из жизни Петра, не всегда соответствует их важности. Первые 4 года жизни Петра (1672—1676 годы) описаны на 17 страницах (13—30), причем здесь главное место занимают подробные описания игрушек Петра и выходов царя, а гораздо более важному периоду в жизни Петра — годам его обучения — уделено всего 7 страниц.

Развитие и воспитание Петра в 1672—1689 годах (до женитьбы), формирование характера юного царя в этот период очень мало освещены в разбираемом труде. Царь, об игре которого в лошадки мы только что читали, вдруг уже едет на Плесеево озе-

ро строить корабли, а вскоре и женится. Не говорится даже о том, как повлияли на психологию юного Петра события 1682 года, очевидцем которых он был.

Не освещены в книге академика Богословского некоторые малозначительные, но важные события. Так, ничего не сказано о деле Н. А. Хованского.

В. В. Голыцыну, этому интереснейшему и образованнейшему деятелю времени правления Софьи, уделено чрезвычайно мало внимания, а о его походах в Крым в 1687 и 1689 годах сказано всего несколько слов.

Почти ничего не сказано о связях Петра с жителями Немецкой слободы в 1683—1689 годах, хотя эти связи имели чрезвычайно большое значение для развития Петра в этот период.

В книге хорошо показано, как возник у Петра интерес к военным играм и «потехам», но о создании и первых годах существования «потешных» полков — Преображенского и Семеновского — не сказано ничего. Между тем этот вопрос чрезвычайно важен.

В книге неточно указаны причины Азовских походов.

В главе XVIII сказано, что в первой половине 1690-х годов московские правительственные сферы были озабочены отсутствием мира с турками, постоянными угрозами крымских нападений на окраины, расстройством отношений с союзниками, опасением, что союзники заключат отдельный мир без участия России, побуждениями со стороны союзников выступить с военными действиями против общего врага, отказом Турции и Крыма принять предлагаемые Москвой условия. Петр «не мог остаться к этим предметам равнодушным и к этим разговорам глух» (стр. 209). Когда Кожуховские походы внушили Петру уверенность в силе русского оружия, мысль о том, что «турок и татар

надо бить оружием», «всецело его захватила» (там же). Так излагает академик Богословский причины Азовских походов.

Конечно, все эти обстоятельства имели значение для Петра, когда он решил предпринять завоевание Азова, но основной причиной Азовских походов было стремление Петра добиться для России свободных выходов к морю, стремление, унаследованное им от его предшественников на русском престоле.

Продолжить, как уже перед Азовскими походами у Петра созрела идея о необходимости для России получить доступ к морю, было тем более необходимо, что эта идея легла в основу всей внешней политики Петра. Этот вопрос в книге не затронут.

Тот же недостаток изложения следует отметить и в XIII главе. Из мотивов, побуждивших Петра отправиться в заграничное путешествие, автор отмечает в первую очередь желание царя научиться в Европе корабельному мастерству и удовлетворить свое любопытство ко всему заграничному, зародившееся у него еще в детстве. Об основной внешнеполитической цели заграничной поездки — стремлении Петра сколотить антитурецкую коалицию — говорится только вскользь.

Эти неточные объяснения действий Петра проистекают из основного недостатка в построении книги: жизнь Петра рассматривается часто вне связи с основными историческими событиями того времени.

Но в тех рамках, которыми ограничивал себя автор, труд академика Богословского дает богатый и достоверный фактический материал о жизни и деятельности Петра. Этим материалом, несомненно, будут пользоваться советские историки при изучении времени Петра I. В этом, главным образом, заключается ценность и значение книги.

Г. БОГУСЛАВСКИЙ

В. ГИРЧЕНКО. Империалистическая интервенция в Бурят-Монголии (1918—1920 гг.). Бурят-Монгольский государственный научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Бурят-Монгольское государственное издательство. Улан-Удэ. 1940. 108 стр. 2 р. 65 к. 4000 экз.

Изучение истории борьбы отдельных народов, населяющих территорию Советского Союза, против интервентов и белогвардейцев является весьма важной и благодарной

задачей. С этой точки зрения несомненный интерес представляет книга В. Гирченко. Она состоит из введения и пяти глав: «Великая Октябрьская социалистическая революция в Бурят-Монголии», «Начало гражданской войны и интервенции в Бурят-Монголии», «Новый этап интервенции на Дальнем Востоке и в Бурят-Монголии», «Борьба трудящихся Бурят-Монголии под руководством большевиков против белогвардейцев и интервентов», «Ликвидация белогвардейщины и интервенции в Бурят-Монголии».

Автор поставил перед собой задачу — «дать очерк фактов и событий истории интервенции на определенной территории — на территории, вошедшей с 1923 г. в состав Бурят-Монгольской АССР, а также выяснить значение этих фактов и событий в связи с общим ходом империалистической интервенции на Дальнем Востоке и в Сибири в период 1918—1922 гг.» (стр. 7).

Однако автор далеко не в полной мере разрешил поставленную перед собой задачу.

В начале книги слишком мало говорится об установлении власти советов в Прибайкалье и Забайкалье, не указываются точные даты установления советской власти в Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ) и в Чите, не упоминается даже о событиях в других важнейших пунктах, как например в Троицкосавске. Что касается времени установления власти советов в Иркутске, то автор ограничивается следующей фразой: «В гор. Иркутске власть Советов была установлена после 9-тидневных ожесточенных боев с белогвардейцами-юнкерами» (стр. 15). Когда же эти бои происходили, читателю не сообщается¹. Власть советов в Иркутске была установлена не в результате этих боев, а еще до них, 19 ноября (2 декабря) 1917 года.

Есть ошибки и пропуски и в главах, посвященных первому периоду строительства советской власти в Бурят-Монголии и первому периоду гражданской войны.

На 43-й стр. сказано лишь несколько слов о советских деятелях (В. Серове, К. Маскове и др.), замученных белогвардейцами и интервентами.

Необходимо было более подробно осветить историю борьбы на прибайкальском фронте в 1918 году (см. стр. 27 и сл.), не уделяя так много места изложению общего хода интервенции на Дальнем Востоке. Автор не упомянул о назначении Сергея Лазо на прибайкальский фронт в 1918 году. О роли Лазо в этот период, о назначении его командующим забайкальским фронтом, о его участии в Урульгинской конференции и т. д. также ничего не сказано. Вообще никакого материала о Лазо в книге нет. Это, конечно, является большим пробелом.

Совершенно неверно утверждение автора, что немедленно после десанта интервентов во Владивостоке в августе 1918 года «чехословацкие войска, находившиеся в Никольско-Уссурийском районе, были спешно передвинуты в Забайкалье...» (стр. 36). Как известно, чехословаки двигались в

Прибайкалье со стороны Иркутска. Чехословацкие войска, находившиеся в Никольско-Уссурийском районе, вели борьбу против Красной Армии на уссурийском фронте.

Недостаточно освещен в книге вопрос о связях Семенова с японцами и другими интервентами.

Слишком мало уделил автор внимания участию бурят-монгольских трудящихся масс в общей борьбе трудящихся Дальнего Востока с интервентами и белогвардейцами. Этому вопросу посвящено в общей сложности меньше двух страниц на протяжении всей книги. Как известно, в Верхнеудинске большевики развернули с первых же дней подполья большую работу по организации партизанского движения. Подпольный комитет был создан здесь еще в конце 1918 года. Значительную помощь большевикам оказала бурятская беднота, активно выступившая на поддержку советской власти. Еще в 1918 году начала свою деятельность бурятская коммунистическая группа при ЦК Советов Сибири (Центросибирь) в Иркутске. О роли и участии бурят-монголов в партизанском движении и в большевистских организациях автор должен был сказать значительно больше, чем он сказал. Характерно, что в книге ничего не сказано о деятельности бурят-большевиков Ц. Ранжурова, П. Балтахинова, а также о том, когда и при каких обстоятельствах они погибли. Автор ограничивается сообщением: «Погибли от рук белых палачей буряты-революционеры Ранжуров, Балтахинов и много других, часто безвестных героев» (стр. 75).

Ряд пробелов и неточностей имеется и в других разделах книги. непонятно, почему автор не упомянул о расправе семеновцев в начале января 1920 года с заключенными в троицкосавских «Красных казармах», когда погибло свыше тысячи человек. На стр. 72 автор говорит о гибели в одном из боев братьев Константина и Михаила Лощенковых, а на стр. 74 — о гибели Константина и Григория. Правильно второе.

Достоинством книги является то, что по ряду вопросов автор привлек новые архивные материалы, например о буржуазном автономистском движении в Бурят-Монголии и взаимоотношениях бурят-монгольских буржуазных националистов с Семеновым и японцами (см. стр. 48 и сл.). Автор правильно отмечает, что уже в августе 1918 года бурят-монгольская эксплуататорская верхушка в лице своих представителей — буржуазных националистов — заискивала перед интервентами и стремилась при их помощи вернуть утраченные классовые привилегии: «После белогвардейского переворота бурятские буржуазные националисты уже не считали нужным скры-

¹ Бой с белогвардейцами в Иркутске происходил с 8(21) по 17(30) декабря 1917 года. В этих боях участвовал в качестве начальника красноярского отряда Красной Гвардии Сергей Лазо.

вать своего классового контрреволюционного лица. Пронесенное в начале октября 1918 г. земское аймачное собрание Агпийского аймака, на котором преобладали буржуазные националисты и ламы, вынесло решение о возвращении дацанам и ламам земель, которые были отобраны у них и переданы бедноте после Октябрьской революции» (стр. 48).

Ряд новых архивных материалов дан также в главе о борьбе трудящихся Бурят-Монголии под руководством большевиков против белогвардейцев и интервентов. К сожалению, автор недостаточно использовал материалы и воспоминания, опубликованные в содержательном юбилейном сборнике «Борьба за Советы в Бурят-Монголии» (Соцэкгиз. М. 1940), на который он в некоторых местах ссылается.

Овеющая подъем партизанского движения в Прибайкалье в конце 1919 года, автор правильно отмечает, что обстановка, создавшаяся в связи с разгромом колчаковщины в Сибири, настоятельно требовала объединения разрозненных выступлений против белогвардейцев и интервентов. Автор указывает, что полученные в Бурят-Монголии известия о разгроме Красной Армией Колчака явились боевым сигналом для выступления революционных сил.

«В ноябре 1919 года, — пишет автор, — Прибайкальский подпольный комитет РКП(б) принял окончательное решение об общем восстании в Западном Забайкалье (восточной части Бурят-Монголии). Еще ранее для подготовки этого восстания был послан комитетом в различные сельские районы ряд своих представителей. 5-го декабря в селении Гашей, Ключевской волости, Верхнеудинского уезда состоялось подпольное совещание делегатов, приланных подпольным комитетом, с руководителями сельских групп по вопросу о времени начала восстания. Такие же совещания происходили в селениях Бичура, Новый Загап, Билютай и других. Было решено начать восстание 19 декабря» (стр. 65). В ночь с 18 на 19 декабря партизаны захватили большое село Мухор-Шибирь.

Затем «начались, под руководством Прибайкальского Комитета РКП(б), выступления партизанских отрядов в ряде селений

Мало-Куналейской волости, в селениях Бичура, Окино-Ключи и в других...

Движение быстро распространялось на огромной (около 40 тыс. кв. км.) территории Восточной Бурят-Монголии, в бассейне среднего течения реки Селенги, от гор. Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ) до Селенгинска...

В присоединявшихся к восстанию районах возникали районные военно-революционные штабы, которые связывались с главным партизанским штабом и получали от него директивы» (стр. 66).

Почти одновременно широкое партизанское движение охватило и западную (Забайкальскую) часть Бурят-Монголии.

Автор, к сожалению, недостаточно подробно говорит о том, что бурятское крестьянство деятельно участвовало в борьбе против белогвардейцев и интервентов. Так, «среди бурят-монголов Бичурского района создались комитеты по оказанию помощи партизанам...

Почти ежедневно в главный штаб поступали из районов, населенных бурят-монголами, общественные приговоры о присоединении к восстанию» (стр. 67).

В результате вооруженной борьбы, развернувшейся в Прибайкалье, Верхнеудинск 2 марта 1920 года был освобожден красными и интервенты и белогвардейцы выброшены с территории Бурят-Монголии.

В заключительной части книги, где речь идет о создании Бурят-Монгольской АССР, автор не указал на тот факт, что автономные области бурят-монголов были созданы в 1921 году по инициативе товарища Сталина.

Необходимо отметить, что в расположении материала нет достаточно четкой хронологической и тематической последовательности, особенно в главах, где речь идет о «карательных экспедициях» интервентов и белогвардейцев и о борьбе с ними трудящихся Бурят-Монголии.

Автор собрал для своей книги интересный материал, но недостаточно его систематизировал, слабо подчеркнул характерные особенности борьбы народных масс против белогвардейцев и интервентов в Бурят-Монголии.

Г. РЕЙХБЕРГ

Архивный отдел УНКВД по Омской области. Ваули Инетгомни. Из истории социальных движений хантэ и ненцев в XIX веке. Омское областное издательство. Омск. 1940. 48 стр. 1 р. 25 к. 5000 экз.

Народы Северозападной Сибири — пепцы (самоеды), хантэ (остяки) и манси (во-

гулы) — прошли долгий и трудный исторический путь. Внешние условия (суровая северная природа, удаленность от более передовых и культурных народов) привели к тому, что общественный строй сибирских народностей развивался крайне медленно. XVI—XVII века были для русского народа

периодом расцвета феодализма, а у сибирских народностей это было время разложения родового строя и возникновения зачатков феодализма. Когда в XVI веке началась широкая колонизация Сибири русскими, у сибирских народностей уже были племенные князья, руководившие военными дружинами и имевшие рабов. Появилась частная собственность на оленей, собак, орудия охоты и рыболовства. Это привело к тому, что население разделилось на богатей, владевших большими стадами, лосями, канканами и т. д., и бедняков, вынужденных, для того чтобы не умереть с голоду, идти в кабалу к имущим. Развивавшаяся меновая торговля с русскими и среднеазиатскими кунями еще более усиливала социальное неравенство.

Завоевание Сибири Московским государством в конце XVI века ускорило социальное расслоение среди местных племен. Русские колонизаторы хищнически истребляли природные богатства края, притесняли и грабили население. Оленеводы, рыбаки, охотники, уже бывшие в кабале у своих князей, попали в еще худшую кабалу к русским куням, которые за бесценок или вовсе даром отбирали у них меха, рыбу, скот. А когда в 1581 году Сибирь была присоединена к Московскому государству, покоренным жителям пришлось еще платить ясак (дань) московскому правительству. Ясак собирали воеводы, для которых служба в Сибири была средством обогащения за счет туземного населения. Сибирские народности под тройным гнетом: своих богатей и князей, русских кунцов и промышленников и московской администрации — вконец нищали и разорялись.

Народные массы неоднократно восставали против своих угнетателей. Эти восстания большей частью принимали характер набегов на русские города и нападений на племенных князей. По свидетельствам летописей, уральский город Чердынь за время с 1476 по 1582 год девять раз подвергался нападениям местных племен.

Особенно частыми стали восстания в начале XVII века, когда власть московского правительства в связи с социальным кризисом значительно ослабела. За время с 1605 по 1619 год в Северозападной Сибири имело место не меньше восьми восстаний и заговоров.

В середине XVII века, когда положение московского правительства укрепилось, восстания в Северозападной Сибири прекратились.

Освободительное движение среди сибирских народностей вновь вспыхнуло в начале XVIII века. Оно было вызвано тем, что к прежним формам гнета над местным населением прибавилась еще одна — гнет религиозный. В XVII веке московское пра-

вительство не только не стремилось распространять христианство среди сибирских язычников, но даже препятствовало церквям проникать в туземные районы, так как видело в церквях конкурента царской казне в ограблении туземцев. В XVIII веке положение изменилось. Народы Северозападной Сибири были настолько разорены колонизаторами, что методами прямого — зачастую военного — грабежа с них уже мало что можно было взять. Пришлось перейти к систематической эксплуатации туземного населения. Русские кунцы и промышленники расширяли меновую торговлю с сибирскими народностями, брали у туземцев в аренду пушные и рыболовные угодья или получали их в заклад за выданную ссуду. Разумеется, в итоге всех этих «коммерческих операций» туземцы всегда оказывались обманутыми и ограбленными. Кунцы скупали у них меха за бесценок и продавали им русские товары по непомерным ценам. Земли, отданные в заклад промышленникам, в конце концов переходили к ним в собственность, так как их коренные владельцы не могли расплатиться с долгами. Промышленники-арендаторы давали собственникам арендованных участков ничтожную плату, а потом и вовсе переставали ее вносить и становились фактическими владельцами угодий.

Царское правительство всячески содействовало систематической колонизации края. Оно насаждало бюрократический аппарат управления, состоявший из русских чиновников, и навязывало туземцам русские законы, совершенно неприменимые к их быту.

В этой системе экономического и политического подчинения местных племен русскому самодержавию церковь могла оказать царским властям большую помощь. Поэтому с 20-х годов XVIII века в Сибири появились многочисленные миссионеры, ревностно принявшиеся за искоренение язычества и насаждение христианства.

Насильственное внедрение христианства вызвало среди туземного населения новую волну возмущения. Но это были уже не восстания и разветвленные заговоры, как в XVII веке, а разрозненные нападения на попов, церкви и на князей, принявших христианство. Таких нападений в 20-х годах было не менее четырех. Самым крупным выступлением этого периода было восстание ста тридцати пепцев против ялчинского князя Семена Матвеева в 1722 году.

Чтобы еще более усилить власть над туземным населением, правительство в 1822 году учредило наряду с русской администрацией особые «ипородческие» административные органы в лице родовых старост и «инородческих управ». Старостами и

членами управ назначались туземные богачи и племенные князья.

В XIX веке положение сибирских народностей продолжало ухудшаться. Хищническое истребление богатств края и общинные населения приводили к частым голодовкам. В 1815—1816 годах голод в Турханском крае принял такие размеры, что среди местных хантэ распространилось людоедство.

Население Северозападной Сибири вымирало. С 1803 по 1813 год количество населения в Березовском районе уменьшилось с 3966 до 3626 человек. В Сургутском уезде в 1810 году жило 1040 человек, а в 1820 году осталось 935.

Доведенные до отчаяния, пенцы и хантэ предприняли новую попытку с оружием в руках добиться улучшения своей участи. В 1839 году вспыхнуло восстание Ваули Пнеттомни, продолжавшееся до 1841 года.

Материалы об этом восстании собраны в книге, вынужденной Омским областным издательством. В книге помещен 21 документ из Омского исторического архива — донесения лиц местной администрации и материалы судебного следствия над участниками восстания. Эти документы дают читателям представление об интересном и мало исследованном эпизоде истории малых народностей Северозападной Сибири.

Архивные данные о Ваули Пнеттомни и о других участниках движения позволяют установить подоплеку восстания. «Главный возмутитель Ваули Пнеттомни, — писал тобольский губернатор, — смолода отличался ловким похищением у своих соплеменников оленей» (стр. 15). У кого именно похищал Пнеттомни оленей, ясно из того, что на него жаловался «Обдорской волости ясачный князь Иван Тайшин» (стр. 23). Пнеттомни более семи лет во главе небольшого отряда отбивал оленей у богатей и князей, причем делал он это «для того, чтоб им и другим бедным самоедам не лишиться жизни, при неуроде зверя и невозможности по дальнему расстоянию мест их жительства быть в Обдорском отделении для взятия в долг муки» (там же). Очевидно, что Пнеттомни и его товарищи были бедняками, совершенно лишеными средств к существованию. Их нападения на оленьи стада богатей были не просто «грабежом и воровством», как писали царские чиновники, а своеобразной формой борьбы против эксплуататоров.

В 1839 году по жалобе князя Тайшина Пнеттомни был наказан плетью и выслан в Нарчинскую волость Сургутского отделения. Оттуда он вскоре бежал и собрал новый отряд численностью в несколько сот человек. Теперь Пнеттомни уже не ограничивался нападениями на богатых оленеводов: он «называл себя в парод великим

старшиною этой страны и повелителем» (стр. 39) и «распустил слухи, что он в Березовском краю понизит цены на все русские товары и даже отпусаемый из казны хлеб и что инородцы будут платить подати вместо двух песцов одного» (стр. 24). По-видимому, Пнеттомни сделался «великим старшиною» не только номинально: во многих местах ему повиновались. Тобольский губернатор писал, что Ваули «унизил значение и обессилил власть природных князев, сменил некоторых утвержденных начальством старшин, запретил народу платить следующую в государственную казну ясак» (стр. 10).

Пнеттомни был настоящим народным вождем, действовавшим по определенной программе в интересах бедняков: он вдвое снизил подати, хотел понизить цену на казенный хлеб, отстранял от власти князей и старшин, притеснявших и грабивших население. По воспоминаниям некоего Барша, действия и программа Ваули были еще радикальнее: оленей, отнятых у богатых, он раздавал беднякам. «Но что всего замечательнее: Ваули проповедовал везде и всем необходимость отделяться от русских, не платить им ясак и отбывать у них все занятые ими земли...»¹. Архивными документами эти сведения не подтверждаются. Следует, однако, отметить, что материалы о Ваули, которые должны были храниться в Тобольском архиве, не найдены. Во вступительной статье к сборнику говорится: «Есть данные, что царские чиновники при одной из очередных варварских «чисток» архивных материалов уничтожили дела об этом движении» (стр. 4).

Завоевав популярность среди бедняков, Пнеттомни решил напасть на одно из крупных поселений края, Обдорск, и сместить жившего здесь князя Ивана Тайшина. Во время предстоявшей в Обдорске новогодней ярмарки Пнеттомни намеревался осуществить основные пункты своей программы: уменьшить вдвое ясак, понизить цены на муку и повысить цены на меха. Известие о походе Пнеттомни на Обдорск вызвало в городе переполох. Исправник Скорняков набрал из местных казаков, полицейских, купцов и их работников команду численностью в 40 человек для «поимки» Пнеттомни. Скорняков решил заманить Ваули в западню. Он отправил к нему князя Тайшина с 13 старшинами и березовского мещанина Николая Печасевского, чтобы выведать силы Пнеттомни и обмануть его. Прибыв к Пнеттомнину, стоявшему в 25 верстах от Обдорска, стар-

¹ В. Г. Карцов «Очерк истории народов Северозападной Сибири», стр. 107. Соцэкгиз, М. 1937.

шины, «равно и сам Тайшина, подходи к нему; Инеттомину, с уважением целовали у него руки» (стр. 30). Инеттомин «притом сказал ему, Тайшину, что он будет сменен им с княжества остяком Янтою Мурашным за непослушание его к нему, Ваули; он, Тайшин, возмущаясь сему, обещался ему уступить свое княжество с обещанием, что если требуется что им будет, то все исполнено будет, но только по свиданию с прочими старшинами, причем он звал его к себе в гости, где может решиться и в даче ему оленей или требуемой ему дани» (стр. 32). Нечаевский еще раньше Тайшина прибыл к Инеттомину, когда тот был еще в 150 верстах от Обдорска, «для узнания обстоятельств по предмету народного возмущения и разведывания о приверженцах возмутителя... под видом торговли с товаром» (стр. 33). «Он же, Нечаевский, уверял его, Ваулю, в забвении начальством об его поступках, просил к себе в гости по дружбе старой родителя, с обещанием подарков из оставшихся от родителя своего вещей и вина» (там же). После приезда Тайшина к Инеттомину «он, Нечаевский, побывши до 5 часов, отправился на легких санках вместе с князем (Тайшиным. — С. К.) и старшиной Лявой Ендыревым в Обдорск» (там же).

Обманутый лживой покорностью Тайшина и уверениями Нечаевского, что начальство «забыло о его поступках», Ваули приехал в Обдорск только с 40 своими приверженцами, хотя у него их было гораздо больше (около двухсот). «С 20 человеками, вооруженными одними ножами, вошел в юрту князя Тайшина; других 20 оставил при нартах, на которых под оленьими шкурами было оружие: луки со стрелами, шесты с коньями и несколько ружей. Этим 20 человекам Инеттомин приказал быть на страже и, в случае нападения, стараться подать ему с товарищами оружие. В юрте князя Тайшина он требовал себе от него и прочих дани и объявил князю смену» (стр. 26).

Узнав о том, что Ваули у Тайшина, исправник пошел к Инеттомину пригласить его к себе «в гости», намереваясь его арестовать, как только он придет. Но Инеттомин наотрез отказался идти к исправнику. Тогда Скорняков сам пришел в юрту Тайшина и силой вывел из нее Инеттомина, а когда тот хотел вярваться, на него набросились люди из набранной исправником команды. «Тогда некоторые из его (Инеттомина. — С. К.) последователей намеревались его освободить, но не успели... В то же время приготовленные исправником люди, одни отнимали у выбегавших из юрты князя ножи, другие выхватывали из нарт Инеттоминской толпы оружие, ломали его и разгнвали оленей с нартами, а прочие, по указанию Нечаевского, ловили злоумышленников» (стр. 26). Отряд Инеттомина был разгромлен, сам Ваули был предан военному суду и приговорен к каторжным работам. По воспоминаниям Барина, в начале 40-х годов «в Березовской тюрьме... можно было видеть арестанта-самоеда, лет под 40, среднего роста, крепко сложенного с красивым и энергичным лицом и весьма умными глазами. Это был Ваули»¹. Дальнейшая судьба Инеттомина неизвестна.

Память о Ваули долго жила среди обдорских ненцев и хантов, которые упорно ждали его возвращения. В 1883 году, через 40 с лишним лет после поражения Инеттомина, в Обдорске распространились слухи, что на город идет Ваули или его потомок. Эти слухи вызвали панику среди обдорских торговцев.

В наши дни, когда малые народности Советского Севера, навеки избавленные от голода и рабства, возродились к новой жизни, память о народном герое Ваули Инеттомине должна жить среди его родного племени. Поэтому издание книги о Ваули следует всячески приветствовать.

С. КАРАМОЛЕНКО

¹ В. Г. Карцов «Очерк истории народов Северозападной Сибири», стр. 107.

КОРОЛЬКОВ Ю. К берегам Немана. Эпизоды освободительного похода по Западной Белоруссии. (Библиотека красноармейца). М. Воениздат. 1940. 40 стр. 30 коп.

Книга содержит 9 очерков-воспоминаний участника событий об исторических сентябрьских днях 1939 года в Западной Белоруссии (в частности о взятии Гродно), когда Красная Армия с честью выполняла приказ родины об освобождении наших единокровных братьев-белоруссов и украинцев из-под гнета польских панов.

КАРАЕВ Г. Н. Разгром Юденича в 1919 году. М. Воениздат. 1940. 236 стр. с карт. В перепл.— 4 р. 50 к.

Подробный оперативно-тактический очерк героической обороны Петрограда Красной Армией против белогвардейцев и интервентов весной и осенью 1919 года. Третья глава посвящена стратегическому плану разгрома Юденича, разработанному товарищем Сталиным. В восьмой главе рассказано о сталинских мероприятиях по дальнейшему укреплению Петрограда.

Книга рассчитана на начальствующий состав Красной Армии и на подготовленных в военном отношении гражданских читателей.

МУГУЕВ Х. М. В разведке. (Библиотека красноармейца). М. Воениздат. 1940. 168 стр. с илл. В перепл.— 1 р. 50 к.

Воспоминания о борьбе большевиков за Астрахань под руководством С. М. Кирова в 1919 году и о работе советской разведки в белогвардейском тылу. 12 отдельных очерков в живой беллетристической форме.

20 лет Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики. (Сборник состав. Т. А. Ахазов, М. А. Андреев, В. Г. Григорьев и др.). Чебоксары. Чувашгосиздат. 1940. 164 стр. с илл. и портр. В перепл.— 3 р. 50 к. 4000 экз.

Сборник открывается стихотворным «Письмом чувашского народа Великому Сталину». Основная статья сборника («Победа ленинско-сталинской национальной политики») дает связный очерк истории чувашского народа за последние 22 года с кратким введением о дореволюционном прошлом Чувашии. Последние 5 статей сборника содержат сведения о развитии в советское время чувашской промышленности, сельского хозяйства, народного просвещения, народного здравоохранения, литературы и искусства.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878—1917. Серия вторая. 1900—1913. Том XX. Часть 2. (Подготовлено к печати Л. А. Теденовой при участии Э. С. Альтшулер и Е. М. Глязер). М. Госполитиздат. 1940. XX+520 стр. и 1 карта. В перепл.— 12 р. 15 000 экз.

Настоящее фундаментальное издание дипломатических документов эпохи империализма было начато в 1931 году «с конца»—с последней (третьей) серии, охватывающей документы первых лет первой мировой империалистической войны (1914—1916). После издания в 1938 году первых 10 томов (13 книг) из намеченных 24 томов этой серии было приступлено к изданию второй серии документов за 1900—1913 годы, начиная с последних лет (1911—1913). Указанная выше книга является шестой по счету из второй серии (перед нею вышли XVIII и XIX томы второй серии, по 2 части в каждом томе, и часть 1-я XX тома). В книге помещено 623 документа за период 14 января—17 октября 1912 года. Детальные алфавитные и предметные указатели, данные в конце книги, значительно облегчают пользование этим ценнейшим собранием исторических документов.

СПАНДАРЯН С. (ТИМОФЕЙ). Статьи, письма, документы. (Истпарт при ЦК КП(б) Армении). Ереван. Госполитиздат Армянской ССР. 1940. XLIV+412 стр. и 11 вкл. илл. и портр. В перепл.— 6 р. 6000 экз.

Эта книга вышла первоначально на армянском языке. Новое (русское) издание дает возможность широким кругам русских читателей ознакомиться с личностью и работой одного из выдающихся деятелей большевистской партии, ученика и соратника товарища Сталина—Сурена Спандаряна (3 (15) декабря 1882—11 (24) сентября 1916 года). В книге помещены краткая биография Спандаряна, 114 его статей, 21 письмо, 14 документов о Спандаряне (в том числе жандармекая переписка) и «Основные вехи жизни и деятельности Спандаряна».

САМОЙЛОВ Ф. Н. По следам минувшего. Предисловие акад. Ем. Ярославского. М. Госполитиздат. 1940. VIII+360 стр. и 14 вкл. илл. и портр. В перепл.— 10 р. 10 000 экз.

Книга охватывает период 1880—1917 годов. Автор — бывший иваново-вознесенский рабочий, член большевистской партии — рассказывает о рабочем движении и деятельности большевиков в городе Иваново-Вознесенске накануне и в период революции 1905 года и в годы столыпинской реакции (1908—1912 годы), о IV государственной думе, депутатом и членом фракции большевиков которой был тов. Самойлов, о суде царского правительства над думской фракцией большевиков, о жизни в сибирской ссылке и о своих встречах с товарищем Сталиным. Книга является ценным вкладом в нашу мемуарную литературу. От предшествующих работ тов. Самойлова («Воспоминания» и др.) эта книга отличается большей полнотой.

ШЕСТЕРНИН С. П. Пережитое. Из истории рабочего и революционного движения. 1880—1900. Под ред. и с пред. О. А. Варенцовой и М. А. Багаева. Иваново. Обл. гос. изд-во. 1940. 244 стр. с илл. и портр. В перепл. — 5 р. 5000 экз.

Автор (родился в 1864 году) — интеллигент (бывший судебный чиновник), с юности связавший себя с революционным и рабочим движением. В его книге мы находим живой рассказ о мрачной реакции 80-х годов, о первых марксистских кружках во Владимире, Орехово-Зуеве, Иванове и Шуе, о стачечном движении 90-х годов в тех же городах, о борьбе марксистов с народниками, о встрече автора с В. И. Лениным в 1894 году, о жизни рабочих Ивановского края в 80—90-е годы, о царском фабричном законодательстве и о способах расправы царизма с революционерами (преимущественно из наблюдений автора во время его службы в царском суде).

ПОТЕНЬМИН П. М. Крестьянские волнения в Саратовской губернии в 1861—1863 гг. Под ред. А. М. Панкратовой. Саратов. Обл. изд-во. 1940. 72 стр. В перепл. 1 р. 85 к. 7000 экз.

Саратовская губерния была одной из наиболее типичных «дворянских» губерний крепостной России. Здесь преобладало крупное помещичье землевладение. Поэтому крестьянские волнения отличались здесь большой интенсивностью не только при крепостном праве, но и после отмены его, когда значительная часть земли, пахотившаяся в пользовании крестьян, осталась за помещиками. Книжка Потеньмина посвящена в основном волнениям крестьян, последовавшим в ответ на «реформу» 1861 года. В первых главах книги даны краткие сведения о положении крепостных крестьян Саратовской губернии перед «волей», о крестьянском движении перед «реформой» и о подготовке в губернии к проведению «реформы».

НЕПОМНИН В. Я. К истории ирригации в Узбекистане. Ташкент (Институт истории компартии при ЦК КП(б)Уз.). Узгартиздат. 1940. 60 стр. 1 р. 20 к. 5000 экз.

«Условия климата и почвы, особенно огромные пространства пустыни, тянущиеся от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию до возвышенностей Азиатского плоскогорья, — писал Маркс, — сделали систему искусственных орошений при помощи каналов и водных сооружений основой восточного земледелия»¹. Книга Непомнина — не история техники ирригационных сооружений: она рассказывает о том, как эта «основа восточного земледелия» веками была в руках феодалов, басов и царских колонизаторов орудием жесточайшей эксплуатации трудящихся масс и как теперь, в социалистическом государстве, ирригация стала мощным рычагом подъема социалистического хозяйства и народного благосостояния.

Первые три главы книги дают очерк ирригации, как орудия классового угнетения, на территории нынешнего Узбекистана с древнейших времен до уничтожения власти помещиков и капиталистов. Последние две главы рассказывают об ирригации Узбекистана при советской власти, включая историческое строительство Большого Ферганского канала в 1939 году, когда по инициативе и силами самих трудящихся в 3 месяца был прорыт канал, требовавший по старым «нормам» 5-летней работы.

ЗАХАРОВ Г., полковник. Русско-шведская война 1808 — 1809 годов. М. Воениздат. 1940. 88 стр. с карт. В перепл. 2 р.

Автор описывает по печатным источникам последовательный ход войны со Швецией — войны, в результате которой царская Россия захватила Финляндию. В начале книги дана краткая история русско-шведских отношений после Великой Северной войны 1700 — 1721 годов. В конце книги сделан ряд поучительных оперативно-тактических выводов из войны 1808—1809 годов, в которой принимали участие ученики и последователи гениального русского полководца Суворова.

Книга предназначена для начальствующего состава Красной Армии, но с интересом прочтется и гражданскими читателями, изучающими историю борьбы Русского государства за безопасность своих северозападных границ.

ТРЕФОЛЕВ Л. Н. Ярославская старина (сборник исторических статей). Ярославль.

¹ Карл Маркс «Избранные произведения», т. II, стр. 520. Госполитиздат. 1940.

Обл. изд-во. 1940. 272 стр. В перепл. 4 р. 70 к. 5000 экз.

В книге собрано 8 исторических статей ярославского поэта-демократа Л. Н. Трефолева (1839—1905), песни которого «Дубинушка» и «Комаринская» были чрезвычайно популярны в дореволюционной России. Все статьи являются перепечатками из старых исторических журналов и дают ряд любопытных цитирований из истории крепостнических отношений XVIII и начала XIX века. Первая статья сборника, самая крупная по своему объему, — «Ярославль при императрице Елизавете Петровне» — извлечена из журнала «Древняя и новая Россия» за 1877 год.

АКИМОВА Т. М. и АРДАБАЦКАЯ А. М. Очерки истории Саратова (XVII и XVIII вв.). Саратов. Обл. изд-во. 1940. 112 стр. с илл. и план. В перепл. — 4 р. 30 к. 10 000 экз.

Саратов был основан в 1590 году, как одна из приволжских пограничных крепостей Московского государства. В книге помещено семь очерков из истории Саратова: «Крепость на Волге», «Саратов 300 лет назад», «Разин на Волге», «Торговое значение Саратова в XVII—XVIII вв.», «Саратов в петровское время», «Накануне движения Пугачева», «Пугачев в Саратове». Источники указаны в особых примечаниях в конце книги (стр. 106—112).

ЛУНИН Б. В. и ПОТАПОВ Н. И. Азовские походы Петра I (1695—1698 гг.). Р. Д. Ростиздат. 1940. 104 стр. с илл. и план. В перепл. — 3 р. 75 коп. 7500 экз.

«...Ни одна великая нация не находилась в таком удалении от всех морей, в каком пребывала вначале империя Петра Великого. — писал Маркс. — Никто не мог себе представить великой нации, оторванной от морского побережья»¹.

Петр I завоевал для России выходы к морю, причем завоевание Азова — старого русского города, бывшего в то время в руках турок, — было первым крупным успехом в этом деле.

Книга Лунина и Потапова ставит своей целью рассказать об азовских походах Петра школьникам и многочисленным туристам, посещающим Азов, но ее с интересом прочтут и более широкие читательские круги.

ТОКАРЕВ С. А. Очерк истории якутского народа. М. Соцэкгиз. 1940. 248 стр. с илл. и 2 вкл. л. карт. В перепл. — 5 р. 9000 экз.

Книга является первым опытом связного научно-популярного изложения истории

якутов с XIII века до наших дней. Материал книги в значительной части основан на неопубликованных архивных источниках. Освещение ряда вопросов во многом отличается от общепринятого: это относится, например, к вопросу о происхождении якутов, о рабстве и феодализме у якутов до прихода русских и др. Особенно подробно освещены последние этапы якутской истории (конец XIX—начало XX века), в частности революция 1905 года и Великая Октябрьская социалистическая революция в Якутии.

Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Том II. Под общей редакцией Института истории Академии наук СССР. (Отв. ред. Б. Д. Греков и В. П. Лебедев). Саранск. 1940. 352 стр. В перепл. — 11 р. 4000 экз. (Мордовский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при СНК МАССР).

Документы, помещенные в настоящей книге, охватывают период усиления национально-феодалного гнета в Мордовии после подавления восстания Разина, с 70-х годов XVII века и до середины XVIII столетия. Основной материал книги составляют актовые бумаги XVII—XVIII веков, извлеченные из дел и изданий архивных комиссий (199 документов).

Осетины во II половине XVIII века по наблюдениям путешественника Штедера. Документы подготовил к изданию и снабдил введением проф. Г. Кокнев. Город Орджоникидзе. Госиздат Северо-Осетинской АССР. 1940. 62 стр. 4 р. 50 к. 650 экз. (Северо-Осетинский научно-исследовательский институт. Серия публикации документов по истории Осетии).

В книге помещен (с некоторыми сокращениями) «Дневник одного путешествия из пограничной крепости Моздок в Центральный Кавказ в 1781 г.» Штедера, впервые опубликованный на немецком языке в Петербурге в 1797 году. С тех пор дневник ни разу не переиздавался.

Штедер состоял на русской военной службе и в 1781 году в должности «дивизионного квартирмейстера» был командирован на Центральный Кавказ для составления военно-географической карты, для некоторых минералогических изысканий и для того, чтобы склонить герцогов Центрального Кавказа на сторону России. В своем дневнике он дает довольно пространную характеристику Осетии второй половины XVIII века в географическом, этнографическом и социально-экономическом отношении. В его записях даны ценные сведения об ожесточенной классовой борьбе, происходившей в то время внутри осетинского общества.

¹ К. Маркс «Секретная дипломатия XVIII века». Цит. по «Истории СССР», т. I, стр. 596. Соцэкгиз. М. 1939.

П. Дмитриев

По залам и хранилищам Московского Исторического музея

Государственный Исторический музей в Москве является крупным научным и политико-просветительным учреждением и в то же время крупнейшим хранилищем подлинных письменных, изобразительных и вещественных источников по истории СССР с древнейших времен до XIX века включительно. Основной задачей Музея является распространение исторических знаний при помощи музейной экспозиции, построенной по тому же плану, что и учебники по истории СССР.

Экспозиция Музея занимает временно 24 зала и охватывает время от каменного периода на территории СССР до середины XVIII века. Отделы экспозиции по истории СССР второй половины XVIII и первой половины XIX века будут открыты в 1941 году.

Экспозиция Музея построена тематически. Каждый зал посвящен одному или нескольким неразрывно связанным между собой узловым моментам истории СССР. Таким образом, экспозиция каждого зала представляет в тематическом отношении одно целое. Экспозиция строится на сочетании подлинных вещественных, иллюстративных и письменных документальных памятников с дополнительными экспонатами, созданными на основе научной реконструкции явлений прошлого: макетами, историческими картами, картинами и художественными зарисовками, моделями и т. д. В каждом зале помещены таблицы с цитатами из произведений классиков марксизма, содержащими формулировку основной идеи экспозиции этого зала.

Характер экспонатов каждого раздела экспозиции зависит от той эпохи, которая в нем представлена. Так, в первых залах, посвященных истории первобытной общины на территории СССР в каменный период и бронзовую эпоху, основными экспонатами являются археологические материалы, так как других источников для изучения этих периодов нет. Там, где это необходимо и возможно, рядом с археологическими экспо-

натами выставлены сходные с ними этнографические предметы нашего времени, которые помогают посетителю представить себе внешний вид древнейших орудий, оружия и т. п. или способ их употребления. Археологический материал преобладает и в последующих залах, вплоть до зала, посвященного эпохе образования Русского многонационального государства; но здесь он сопровождается нумизматическими коллекциями и памятниками письменности: надписями на камнях (капионисными и греческими), древними рукописными книгами, столбцами¹, миниатюрами. В качестве дополнительных экспонатов демонстрируются выдержки из свидетельств древних греческих и восточных историков о народах, обитавших в то время на территории СССР.

Пачная с зала, посвященного образованию Московского государства, материал, добытый путем археологических раскопок, уступает свое место предметам, дошедшим до нас другими путями. В экспозицию включены богатейшие коллекции разнообразных предметов быта: вооружение, ткани, одежда, посуда, другие предметы домашней обстановки и личного обихода, произведения прикладного искусства и т. д. Наряду с ними выставлены подлинные документы, гравюры, портреты, акварели, масляная живопись, старинные печатные биги и т. д.

По тематике экспозиция Музея распадается на шесть разделов.

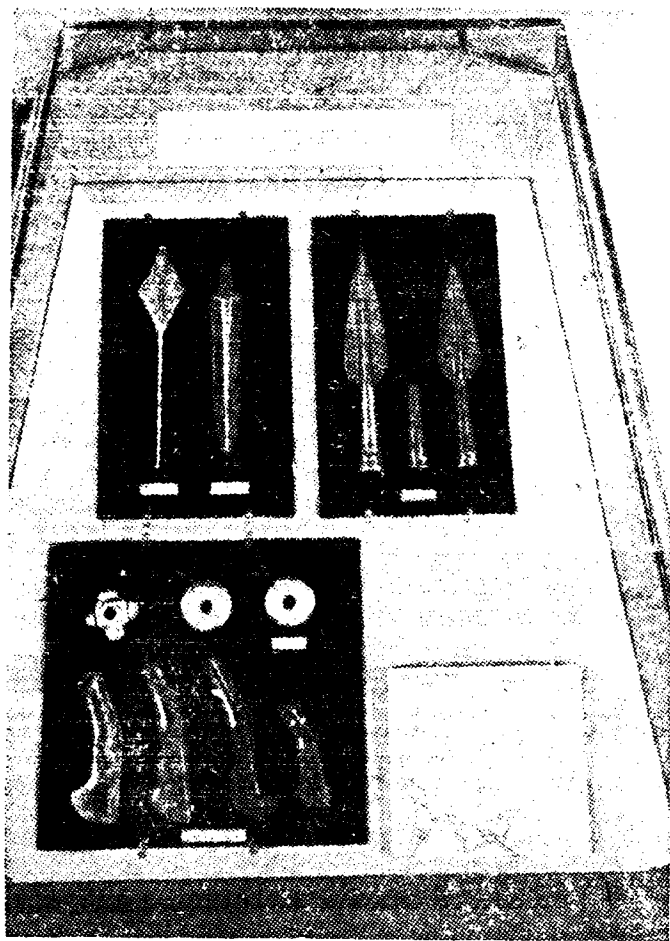
1. История первобытной общины на территории СССР

Этот раздел охватывает период от момента формирования человеческого общества до образования племенных союзов и возникновения древнейших государств на

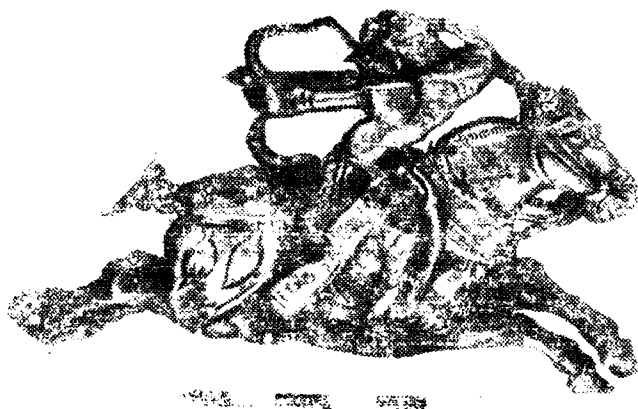
¹ В древней Руси отдельные листы документов не подшивались, а поочередно клались друг к другу по вертикали и скатывались в свитки. Эти листы назывались столбцами.

территории СССР в первом тысячелетии до н. э. Во вводном зале посетитель Музея знакомится с историей происхождения и развития человека, с древнейшими орудиями, с животным миром ледниковой эпохи. В других залах показаны: ранний этап первобытной общины в палеолитическую эпоху на территории СССР, родовой строй у охотничье-рыболовецких племен, населявших наши северные области и находившихся на стадии неолитической культуры в III—I тысячелетиях до н. э., родовой строй у земледельческо-скотоводческих племен южных районов и Сибири в IV—I тысячелетиях до н. э. — племен, уже знакомых с обработкой меди и бронзы.

Большинство палеолитических и неолитических стоянок исследовано советскими археологами в последние годы. Особый интерес представляют выставленные в Музее предметы из поселений трипольской культуры, а также из курганов и поселений бронзовой эпохи. Уникальными являются предметы из Бессарабского клада, найденного близ Аккермана: массивные серебряные наконечники копий, булавки, украшенные золотом, великолепно отполированные изящные топоры из нефрита, булавы и др. В этих залах обращают на себя внимание дополнительные экспонаты: известный фриз В. Васнецова «Каменный век», копии с изображений, открытых в палеолитических пещерах Франции и Испании,

Витрина «Бессарабский клад».
Государственный Исторический музей.

Бронзовая бляшка с изображением всадника.
Из раскопок 1939 года в Хакасской автономной области.

Государственный Исторический музей.

картина художника А. Соколова «Родовой совет в поселении трипольской культуры», макет стоянки на реке Суна в Карелии и др.

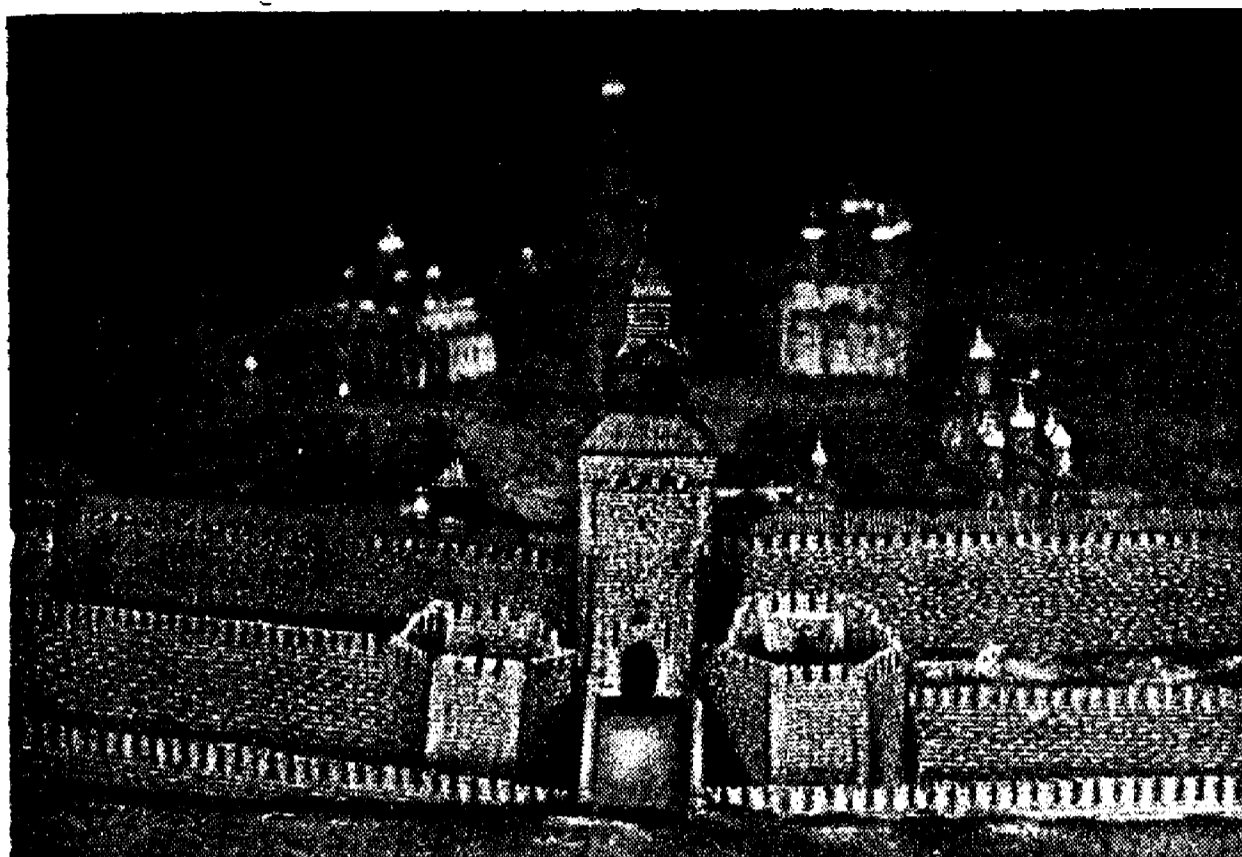
2. История народов СССР от I тысячелетия до н. э. до X века н. э.

Этот раздел знакомит посетителя с культурой племен лесной полосы европейской части СССР и Сибири в эпоху распространения железных орудий. Богато представлены древнейшие государства, существовавшие в то время на юге СССР: государство Урарту, рабовладельческое государство скифов, греческие колонии Северного Причерноморья и Восточное царство. В этом разделе выставлен ряд уникальных памятников, исключительных по своему научному значению: могильная плита с изображением воина ананьинской эпохи, камень от урартской крепости с клинописной надписью, часть рельефа с изображением воина, известная золотая мидийская чаша (I век н. э.), золотая гривна с лошадиными головками, пряжка, браслет и бляшки, найденные в 1939 году под Воронежем, и т. д.

Огромный интерес представляют также замечательные памятники греческих колоний: аттическое надгробие из Ольвии, голова Зевса, статуя Кибелы, расписные вазы, деревянный саркофаг и пр.

Два зала знакомят посетителя с историей народов СССР в I тысячелетии н. э. Здесь выставлены материалы о Крыме, Кавказе, Средней Азии V—X веков, Хакасии и Обиротии до VIII—IX веков, Хазарской державе VI—IX веков, культуре древнейших славян I—VII веков.

В этих залах помещены исключительные находки, сделанные в 1939 году экспедицией Исторического музея в курганах Хакасии: золотые сосуды с богатым орнаментом, найденные стоящими на массивном серебряном блюде, прекрасный набор укра-

Вид на Спасские ворота Московского кремля в XVI веке. Макет работы худ. М. В. Городцова. Государственный Исторический музей.

шений конской сбруи с изображением сцен охоты и т. д.

3. Киевское государство и период феодальной раздробленности

Отдел, посвященный Киевскому государству, открыт в 1940 году. Здесь выставлены исключительные по своему значению предметы, среди которых многие являются уникальными. Очень интересны коллекции, собранные в последние годы при раскопках древнерусских городов (Биев, Вышгород, Райковецкое городище). Эти коллекции дают посетителям наглядное представление о жизни и быте городского населения в древней Руси. Среди экспонатов особенно выделяются вещи из княжеской Черной могилы X века в Чернигове: оружие, турий рог в серебряной оправе, византийские монеты и пр. Обращают на себя внимание великолепные образцы древнерусского искусства киевских мастеров XII века, найденные в кладах: серебряные и золотые украшения, серебряные и одна уникальная золотая гривны, иранские ткани IX—X веков. В этом же зале находится бюст Ярослава Мудрого, исполненный научным работником М. М. Герасимовым по подлинному черену Ярослава, могила которого была раскопана в 1939 году. В витринах помещены исторические карты, составленные сотрудниками Музея на основе изучения источников, копии с древних миниатюр, изображающих летописные события, и т. д. На стене помещены две известные картины Г. И. Семирадского: «Похороны русса в

Булгаре» и «Ночные жертвоприношения Святослава на Дунае».

Экспозиция отдела начинается с характеристики хозяйства, культуры и быта славян IX—X веков. Здесь можно познакомиться с основными производствами славянских племен: земледелием, скотоводством, рыболовством, бортничеством. Материалы экспозиции дают представление о ремеслах и промыслах, о торговле, о городах (Гнездово — ранний Смоленск), о языческих верованиях славян и т. д.

Затем показаны процесс образования и период расцвета Киевского государства в X—XI веках, введение христианства в X веке, развитие феодальных отношений в Киевском государстве в XI—XII веках. Экспонаты свидетельствуют о том, что Киевское государство в это время было одним из самых передовых и могущественных государств Европы. Экспозиция знакомит посетителя с основными производствами, разнообразными городскими ремеслами и торговлей XI—XII веков, с древнерусскими городами и жилищами, с культурой и искусством, письменностью, архитектурой, живописью того времени и т. д.

Особые витрины посвящены русско-половецким отношениям XI—XIII веков и Галицко-Волынскому княжеству X—XIII веков.

Следующий раздел посвящен истории Великого Новгорода IX—XV веков. В новгородском зале значительное место занимают материалы раскопок древнего Новгорода, производившихся археологической экспеди-

Экспозиция Гос. Исторического музея. Вход из XVI зала в XVII.

цией Музея в течение нескольких последних лет (последние раскопки производились в 1939 году). Материалы эти представляют исключительную ценность. Они освещают много темных страниц новгородской истории и дают представление о том, каким был в то время город. В Новгороде XI века был водопровод, деревянные трубы которого выставлены в витрине. В начале XII века в Новгороде появились мостовые, раньше чем в других городах Европы. Остатки деревянной мостовой выставлены рядом с остатками срубов деревянных построек XII—XIII веков. В XIV веке новгородцы начали строить кирпичную крепостную стену. Археологический материал показывает, какое огромное значение имело ремесло в Новгороде XIII—XIV веков. По находкам и зарисовкам можно получить яркое представление о кузнечном, доменном и литейном деле в Новгороде, о сапожном, гончарном, ткацком и других ремеслах, о строительной технике и т. д.

Раскопки обнаружили избу новгородского сапожника XII века, план которой выставлен вместе с найденными в ней обрезками кожи, обуви и т. д.

Из отдельных предметов исключительную ценность представляют роскошное евангелие, написанное в Новгороде в начале XII века для князя Мстислава, и целый ряд древних рукописных книг.

Экспозиция характеризует отдельные

этапы истории Новгорода: историю Новгородской земли IX—XI веков, когда Новгород входил в состав Киевского государства, борьбу новгородцев за независимость в связи с развитием феодальных отношений в Киевском государстве, новгородскую феодальную республику XII—XIV веков, борьбу Новгорода с владими́ро-суздальскими князьями, с монголами и шведско-немецкой интервенцией, Новгородскую феодальную республику в XIV—XV веках, борьбу Новгорода с Москвой и включение его в состав Русского национального государства.

В двух залах, открытых в 1939 году, показан материал по истории Владимиро-Суздальского княжества X—XIII веков. В отличие от прежней экспозиции здесь выставлены не только славянские памятники, но и материалы племени мурома, входившего в состав Владимиро-Суздальского княжества. Впервые использована коллекция Сарского городища (VII—XI века) близ Ростова-Ярославского. Это — единственное известное укрепленное поселение племени мерян.

Этот раздел знакомит посетителя с культурой племен междуречья Оки и Волги IX—XI веков. Даны материалы о сельском хозяйстве, ремеслах и торговле в Ростово-Суздальском княжестве X—XI веков, о развитии феодальных отношений и вхождении Владимиро-Суздальской Руси в состав Киевского государства. Материалы о ста-

Возок Петра I.

Государственный Исторический музей.

рой Рязани, Суздале и Владимире характеризуют феодальный город XI—XIII веков как центр ремесла и торговли. Хорошо показаны культура и искусство Владимиро-Суздальского княжества. Здесь же дан небольшой раздел, посвященный волжским булгарам X—XIII веков и Грузии XII—XIII веков.

В следующем зале обновлена экспозиция на тему «Восточная Европа под властью монгольских завоевателей». Здесь показаны образование Золотой орды, борьба русского народа против татарских завоевателей и распад Золотой орды. В этом разделе находится целый ряд редких предметов, из которых особенно интересны серебряная пайзе¹ хана Узбека, погребение татарского дружинника XV века в бронзовом гробу и т. д.

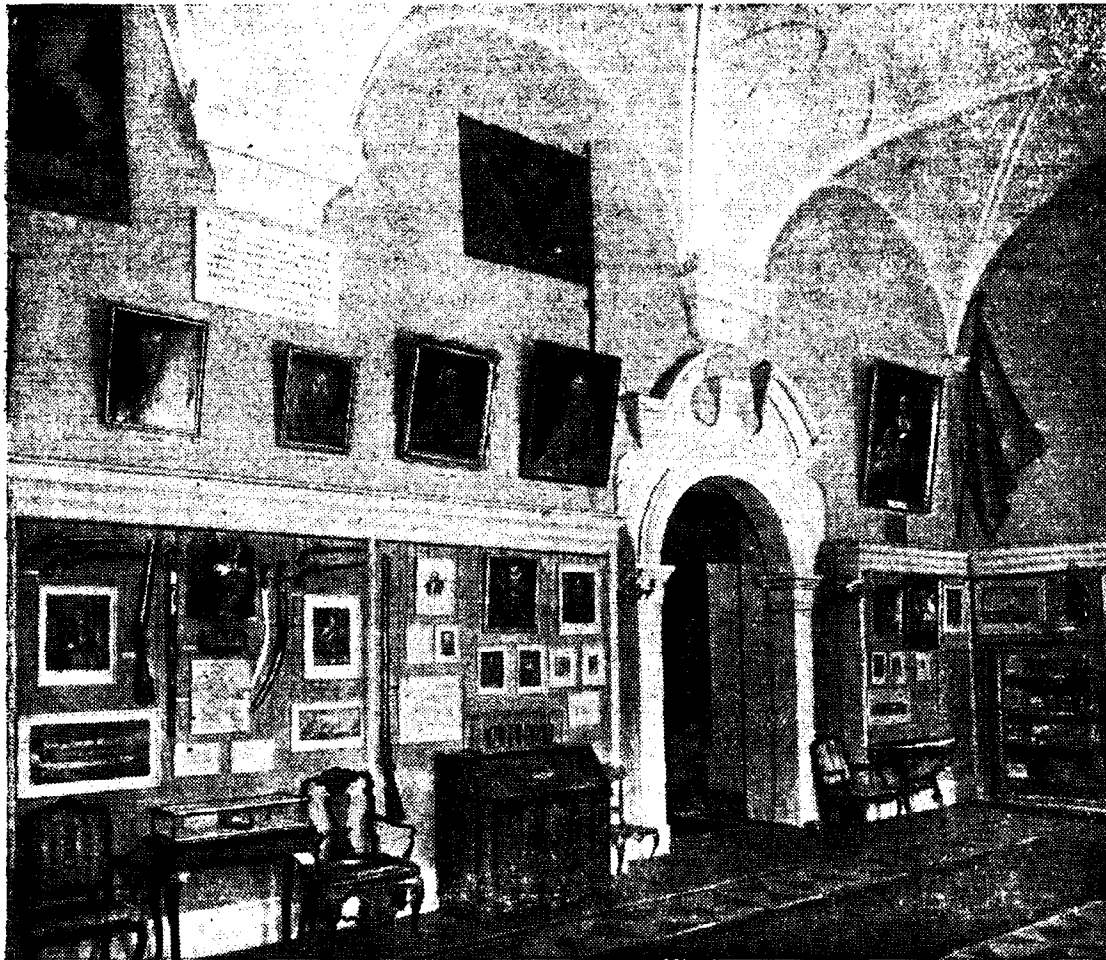
Зал, которым заканчивается этот отдел, содержит материал об образовании Русского национального государства в первой половине XVI века. Здесь показаны Московское княжество XIV—XVI веков и исторические события того времени: борьба с татарами, Куликовская битва, конец монгольского ига, присоединение к Москве мордовских земель, войны с Литвой и Польшей за исконные русские земли. Из экспонатов этого зала особенно интересны шитая пе-

лена с портретами Ивана III, его старшего сына и жены Софьи Палеолог и макет Кремля первой трети XVI века, сделанный на основе изучения целого ряда источников по топографии древнего Кремля.

4. Московское государство XVI—XVII веков

В этом отделе, занимающем шесть залов, отражены все важнейшие моменты в истории Московского государства. В первых залах показаны процесс формирования московского абсолютизма при Иване Грозном и Московское государство в начале XVII века. Здесь освещены темы: экономика Московского государства в XVI веке, боярское правление, завоевание Казани и Астрахани, Ливонская война XVI века, опричнина, Московское государство при Федоре Ивановиче и Борисе Годунове, культура XVI века, возникновение книгопечатания, Лжедмитрий I — ставленник польских панов, — крестьянская война 1606—1607 годов под руководством И. И. Болотникова, Лжедмитрий II и борьба русского народа с польской интервенцией, Минин и Пожарский. Из экспонатов заслуживает особого внимания целый ряд уникальных предметов: топоры и глиняные сосуды, найденные при строительстве московского метрополитена, известный клад русского оружия, найденный в 1906 году в Москве, кафтан Ивана Грозного, сабля князя Дмитрия Пожарского, разгромившего польских интервентов в 1612 году, подлинная расписка Лжедмитрия в получении денежной

¹ Пайзе — серебряная или золотая дочечка, выдававшаяся китайскими императорами, а впоследствии и монгольскими ханами чиновникам в знак их полномочий.

21-й зал экспозиции Государственного Исторического музея.

субсидии от польских папов, грамота Козьмы Минина, модель печатного станка, сделанная в XVI веке, первопечатные книги Ивана Федорова и т. д. Из дополнительных материалов следует отметить картину художника Э. Э. Лиспера «Начало боя И. И. Болотникова 2 декабря 1606 г. под Москвой».

В следующих залах экспонаты характеризуют Московское государство в XVII веке, его хозяйство, внешнюю политику, роль церкви, раскол, классовую борьбу и восстание Степана Разина, культуру Московского государства, борьбу придворных группировок в конце XVII века. Особо выделены разделы, посвященные народам Сибири и Поволжья в XVII веке, истории Украины и Белоруссии в XVI—XVII веках.

Среди экспонатов находятся одежда и серебряная посуда царя Алексея Михайловича и его семьи, огромный глобус, присланный царю Алексею Михайловичу нидерландскими Генеральными штатами, подлинные портреты царя Алексея Михайловича и Ордина-Нащокина, мебель и личные украшения царевны Софьи и т. д. Отдельные исторические события, как например «медный бунт» и осада Симбирска войсками Степана Разина, показаны на макетах, исполненных по заданиям научных сотрудников Музея.

5. Реформы Петра I и образование Российской империи

Сначала показаны войны Петра I: азовские походы, Северная война, окончившаяся присоединением к России Прибалтики, Прутский поход 1711 года, походы к Каспийскому морю. Затем дана характеристика политики Петра по отношению к дворянству, промышленникам и купцам. Показаны борьба Петра за переустройство старого быта, организация нового государственного аппарата и основание Петербурга, развитие культуры и искусства. Ряд экспонатов дает посетителю представление об усилении крепостнического гнета, вызвавшем народное восстание казаков и крестьян во главе с Булавиным и большое восстание башкир.

В зале выставлены оружие, знамена и другие памятники и трофеи Великой северной войны, личные вещи Петра I, возок, в котором он совершал свои путешествия, портреты Петра I, Карла XII и многих других деятелей того времени, документы и т. д.

6. Российская империя в 1725—1762 годах

Этот отдел характеризует дворянскую монархию в период дворцовых переворо-

тов. В качестве отдельных тем освещены Семилетняя война и деятельность гениального русского ученого М. В. Ломоносова. Из экспонатов этого зала заслуживают быть отмеченными уникальный подлинный портрет царя Ивана VI Антоновича, трофей Семилетней войны, ряд реликвий, связанных с именем Ломоносова (медный переносной куб, одна из мозаичных работ, исполненных великим ученым, его автографы и т. д.).

Кроме постоянной экспозиции, Государственный Исторический музей организует эпизодические выставки, посвященные значительным событиям истории СССР и других стран. Эти выставки расширяют и углубляют отдельные разделы экспозиции.

За последние годы были организованы выставки на темы «Ледовое побоище в 1242 году», «Слово о полку Игореве», «125-летие со дня смерти М. И. Кутузова», «375-летие со дня выхода первой печатной книги в России», «125-летие со дня рождения Т. Г. Шевченко», «230-летие Полтавской битвы», «150-летие французской буржуазной революции» и т. д.

В настоящее время в Музее функционируют две выставки: одна — по истории борьбы белорусского и украинского народов против ига польских панов в XVI—XVIII веках, открывая в связи с освобождением Западной Украины и Западной Белоруссии героической Красной Армией в сентябре 1939 года, и другая — по войне 1812 года. На этой выставке находятся такие уникальные экспонаты, как подзорная труба М. И. Кутузова, жезл французского маршала Даву, походная кровать и сабля Наполеона и др.

Государственный Исторический музей имеет 7 филиалов, из которых каждый представляет собой памятник древней архитектуры и является самостоятельным музеем эпохи, к которой он относится.

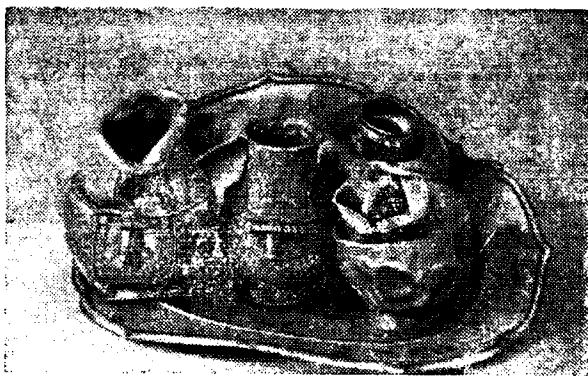
**Московскими филиалами
Государственного Исторического музея
являются:**

1) бывший Покровский собор (храм Василия Блаженного), первоклассный памятник русской архитектуры, построенный в 1555—1560 годах и пользующийся мировой известностью;

2) музей боярского быта XVII века;

3) бывшая церковь «Троицы в Никитниках»; прекрасный памятник русской архитектуры XVII века, известный своими поразительными фресками; филиал был открыт для посетителей в сентябре 1940 года;

4) бывший Новодевичий монастырь, построенный в XVI—XVII веках, с которым связан ряд исторических имен: Бориса Годунова, царевны Софии, Евдокии

Четыре золотых сосуда и серебряное блюдо. Из раскопок 1939 года в Хакасской автономной области, в селе Конены, Багродского района.

Гос. Исторический музей.

Лопухиной (первая жена Петра I), маршала Даву и др.;

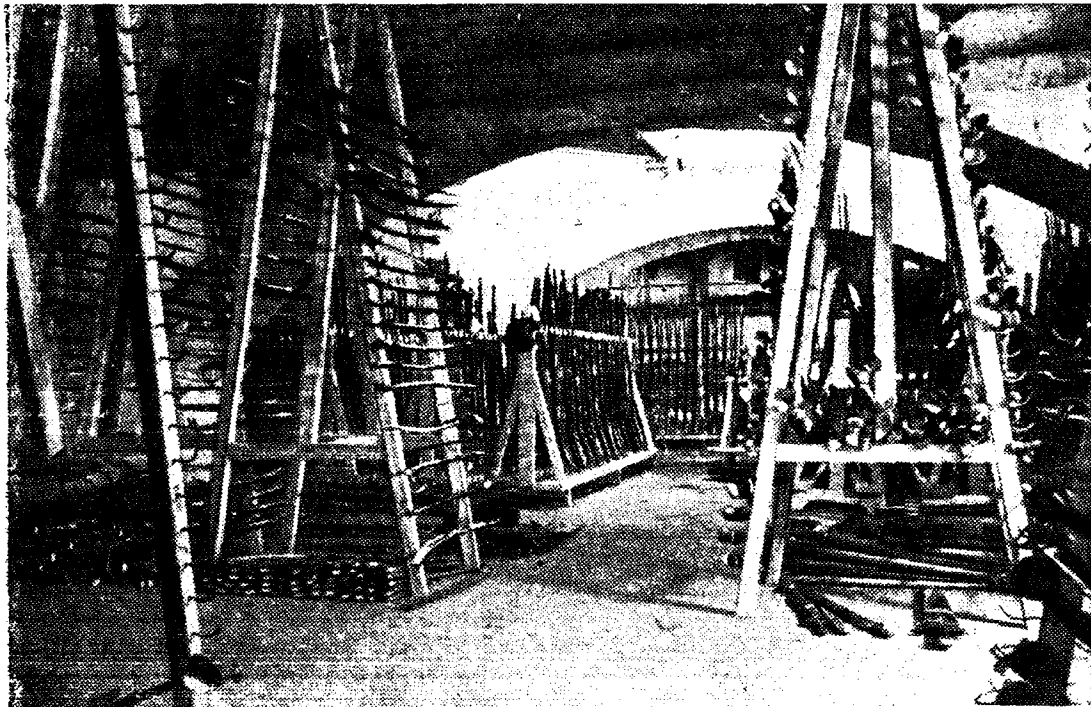
5) царская усадьба XVI—XVII веков в селе Коломенском, цепнейший комплекс архитектурных памятников XVI—XVII веков. На территории парка размещен ряд памятников деревянной архитектуры, привезенных из других мест Союза ССР: медоварня XVII века, крепостная башня Николо-Карельского монастыря (XVII век), домик Петра I из Архангельска, построенный в 1702 году. С Коломенским связан ряд исторических событий: восстание крестьян под руководством И. Болотникова в 1606 году, «медный бунт» в 1662 году и др.

За пределами Москвы находятся два филиала: Александровская слобода (в городе Александрове, Ивановской области), резиденция Ивана IV после создания опричнины, и Генуэзская крепость XIV века в Судак, на южном побережье Крыма.

Государственный Исторический музей является крупнейшим хранилищем разрозненных исторических памятников, очень небольшая часть которых используется в экспозиции. Фондовые материалы хранятся в систематическом порядке и доступны для всех желающих более глубоко изучить и использовать в своих работах те или иные источники. Фонды являются базой для широкой консультационной деятельности Музея.

Кроме историков, фондами пользуются артисты и режиссеры, работающие над постановкой исторических пьес и кинокартин, мастера и художники текстильных, фарфоровых и т. п. предприятий, использующие старинные образцы прикладного искусства для своих производств, преподаватели военно-учебных заведений и т. д. Здесь занимаются студенты-дипломники, аспиранты, диссертанты, учащиеся средних школ и т. д.

Обширные фондовые материалы в зависимости от их характера распределены по отдельным научным хранилищам, где

Запасное хранилище оружия Государственного Исторического музея.

они обрабатываются, систематизируются, описываются и изучаются.

Исторический музей располагает исключительным по своей полноте собранием археологических материалов. Значительная часть их привезена экспедициями. Археологические коллекции относятся к различным эпохам и культурам, начиная от палеолита и кончая XVI—XVII веками.

Музейный кабинет ГИМ по полноте и разнообразию своих собраний монет и медалей является одним из крупнейших в СССР. Особый интерес представляют коллекции греческих, римских и восточных монет, среди которых много уникальных экземпляров, и систематически подобранные русские монеты всех периодов и годов.

Отдел вещественных источников Музея содержит:

а) ценнейшее собрание русского западного и восточного оружия (в том числе пользующуюся мировой известностью, исключительную по составу коллекцию первоклассного охотничьего оружия);

б) одну из крупнейших в СССР коллекций старинных тканей и одежд. В ней, кроме обильно представленных привозных допетровских тканей и позднейших образцов русского текстиля, имеется богатая коллекция народных костюмов, вышивок, шалей и т. д.;

в) собрание фарфора, фаянса, стекла и керамики, в которое входит уникальная коллекция аптекарской стеклянной посуды петровского времени;

г) богатое собрание изделий из железа, меди, бронзы и олова, среди которых большой интерес представляют ремесленные

изделия XVI—XVIII веков, а также уральские медные и тульские стальные изделия XVIII — середины XIX века, поражающие высокой техникой мастерства;

д) обширное собрание предметов из драгоценных металлов (золота, серебра, платины), среди которых много вещей, связанных с именами исторических лиц: Ивана IV, семьи Годуновых, Василия Шуйского, Строгановых, Богдана Хмельницкого и т. д.;

е) большую коллекцию деревянных крестьянских изделий, характеризующих быт и художественное народное творчество XVII—XIX веков;

ж) собрание мебели XVII—XIX веков.

В отделе иллюстративных и образительных источников особое место занимает систематическое собрание исторических портретов. В нем имеются портреты государственных и общественных деятелей, писателей, известных лиц, принадлежавших к различным социальным группам, и т. д. В этом же отделе помещается собрание архитектурной графики, в котором имеется много оригинальных рисунков и чертежей известных русских архитекторов: Казакова, Баженова, Ухтомского, Бове и др.—и воспроизведений различных архитектурных памятников, видов городов и т. д.

Отдел письменных источников содержит обширный архив документов исторического, литературного, хозяйственного и бытового характера, большую коллекцию редких исторических карт и всемирно известное собрание древних рукописей и старопечатных книг. В это собрание вошли библиотеки выдаю-

щихся собирателей и фонды таких знаменитых хранилищ, как бывшая Патриаршая (или Синодальная) библиотека. Здесь находятся уникальные памятники русской письменности: Изборник Святослава 1073 года, первая Новгородская летопись XII—XIII веков, древнейший список «Русской Правды» в Кормчей книге конца XIII века, Икононская лицевая летопись XVI века, первый том лицевого летописного свода с иллюстрациями придворных мастеров Ивана Грозного, «Жизнеописание Петра I», составленное Никифором Крещиным (иллюстрированная рукопись середины XVIII века) и т. д.

Реставрация и консервация хранящихся в Музее предметов производятся сотрудниками реставрационного кабинета, при котором имеется специальная химическая лаборатория. Здесь сложными способами реставрируют картины, изделия из тканей, металла, керамики, карты и т. д. Образцом реставрационной работы могут служить выставленные в Музее катандинские кожаные одежды II века и женская одежда «опанень», найденная при строительстве метро. Эти предметы дошли до нас в виде грязных, затвердевших комков, сейчас они имеют вид настоящей мягкой одежды. Особенно сложен был процесс размягчения кожи, произведенный по способу химика Музея А. Д. Чиварзина.

* * *

Сотрудники Музея ведут большую научно-исследовательскую работу в составе археологических экспедиций и в научных

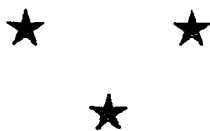
хранилищах. Эта работа тесно связана с деятельностью экспедиционных отделов Музея. Разработка ряда тем позволила по-новому построить экспозицию в соответствующих отделах Музея: энеолит (переходная эпоха от палеолита к неолиту) в Крыму, первобытно-общинный строй на территории СССР в неолитический и бронзовый периоды, рабовладельческое государство скифов, история Хакасии и Ойротии с древнейших времен до VIII—IX веков н. э., Новгород IX—XV веков и т. п.

Через экспозиционные залы Музея ежегодно проходят сотни тысяч посетителей, которых обслуживает специальный штат научных сотрудников-экскурсоводов.

Музей систематически помогает работать школе: проводит учебно-программные экскурсии, обслуживает школьников во время зимних и весенних каникул, организует и дает руководителей в исторические школьные кружки, устраивает в школе передвижные выставки на исторические темы, проводит с педагогами-историками специальные методические занятия, консультирует по тематике Музея и т. д.

Для более углубленной работы со школьниками в Музее оборудован специальный школьный кабинет.

Государственный Исторический музей внедряет в массы исторические знания; он является одним из крупнейших в Союзе центров, где изучаются и разрабатываются важнейшие вопросы истории нашей родины.

Обсуждение первого тома учебника новой истории колониальных и зависимых стран

10 октября 1940 года в актовом зале исторического факультета Московского ордена Ленина Государственного университета имени М. В. Ломоносова состоялось объединенное заседание университетской кафедры новой истории колониальных и зависимых стран и сектора истории колониальных и зависимых стран Института истории Академии наук СССР, посвященное обсуждению I тома учебника «Новая история колониальных и зависимых стран».

Во вступительном слове заведующий кафедрой новой истории колониальных и зависимых стран МГУ тов. Старосельцев указал, что авторам учебника в своей работе приходилось отбрасывать неприемлемые для советских историков концепции буржуазной историографии и антимарксистские «теории» вредителей, орудовавших в свое время на фронте советского востоковедения. Главная трудность заключалась в том, что авторам пришлось создавать вузовский курс новой исторической дисциплины буквально на чистом месте.

Вторая трудность заключалась в том, чтобы разграничить материалы нового учебника с материалами учебников истории СССР и новой истории. В своей работе авторы сосредоточили основное внимание на внутренней истории колониальных и зависимых стран.

Авторский коллектив много поработал над книгой. Каждая глава неоднократно обсуждалась с целью выработки единых выводов.

От имени коллектива авторов и редакторов выступил с докладом заведующий сектором истории колониальных и зависимых стран тов. С. Н. Ростовский. Докладчик рассказал о том, какие задачи стояли перед авторским коллективом, как решались эти задачи и какие недочеты учебника не удалось устранить. Обсуждаемый учебник — плод коллективного труда. Авторы вместе разрабатывали план книги. Каждая подготовленная глава подвергалась неоднократно суровой и обстоятельной критике. Различные главы перерабатывались от 7 до 22 раз. Опыт показал, что путь коллективной работы был правилен.

Авторы стремились показать историю колониальных стран в связи с общим ходом истории человечества, проследить место и роль в нем той или другой колониальной страны. Эта основная мысль определила и периодизацию истории колониальных стран. Конечно, для различных

стран поворотные даты различны. В Индии новая история начинается с XVIII века, в Китае — с середины XIX века и т. д. Но это не значит, что нельзя установить общую периодизацию истории колониальных стран.

Учебник состоит из одного вводного и двух основных разделов. Если бы это был учебник по восточному средневековью, то вводный отдел был бы ненужен. Но в учебнике новой истории введение было необходимо. В вводном отделе дана характеристика колониальных стран к концу XVIII века. Во введении показано, как эксплуатация колоний влияла на развитие капитализма в метрополиях и как это развитие в свою очередь влияло на экономикку колоний. Кроме того, авторы стремились показать во введении стихийную борьбу колониальных народов против своих поработителей. В первом основном разделе дана история колониальных и зависимых стран в период победы и утверждения капитализма. В нем показаны «главное» развитие капиталистической Европы, достигавшееся ценою зверской эксплуатации и угнетения колоний, национально-освободительная борьба угнетенных народов, попытки господствующих классов путем реформ приспособиться к развитию мирового рынка. Во втором основном отделе показаны борьба за передел колоний в период империализма, новые методы их эксплуатации, борьба колониальных народов против захватчиков. Авторы стремились показать, как созревали условия для превращения колоний из источника силы империализма в резерв пролетарской революции. В этом же разделе рассказано о роли, которую сыграли колонии в первой мировой империалистической войне.

Второй том учебника уже подготовлен и в скором времени выйдет из печати. В нем будет показано влияние на колониальный мир первой мировой империалистической войны и Великой Октябрьской социалистической революции. Во втором томе большое внимание уделяется ленинско-сталинской постановке национально-колониального вопроса в эпоху империализма и пролетарских революций. Показаны начало освобождения колоний от гнета империализма, роль в освободительном движении буржуазных и коммунистических партий. Особо отмечаются значение СССР и его опыт разрешения национального вопроса для хода освободительной борьбы в колониях, значение для нее борьбы Коммунистического Интернациона-

ла и работ его вождей — Ленина и Сталина.

Коллектив авторов избегал общих мест и схоластических характеристик. В учебнике единство исторического хода развития прослежено в конкретном многообразии развития различных колониальных стран. Авторы стремились показать в учебнике народные массы, а не только деятельность королей, полководцев и т. д. «За образец изложения мы взяли «Краткий курс истории ВКП(б)», — говорит тов. Ростовский. Впервые в учебнике истории освещена история народов Африки и ряда других народов, которыми буржуазные историки пренебрегали. Авторский коллектив старался избежать какого бы то ни было субъективизма и не отклоняться от исторической правды. Объективность изложения привела к тому, что в учебник почти не пришлось вносить изменений после известных событий 1939 года.

Авторы и редакторы не обольщаются достигнутыми результатами. В книге есть ряд недочетов. К числу их надо отнести чрезмерно сжатое изложение истории международных отношений. Стремясь сократить размер книги, авторы предпочли дать больше материала о внутренней истории колоний за счет разделов, посвященных международным отношениям. Очень сжато освещены вопросы культуры и быта, в частности вопрос о положении женщин. Недостаточно показана роль религиозных организаций в историческом развитии стран Востока. В учебнике не разработаны вопросы историографии и проблема исторического отставания Востока от Запада. Вызвано это совершенно недостаточной монографической разработкой указанных проблем.

С замечаниями выступили профессора Заходер и Беляев, аспиранты МГУ Руденко, Бондаревский, Солин и Хейфец, студент МГУ Беленький, тов. Данциг (Военная академия РККА имени Фрунзе), тов. Туртыгин, тов. Попов и др.

Выступающие указали на ряд отдельных недочетов.

Одни и те же события освещены в учебниках истории СССР, новой истории и истории колониальных стран по-разному. Недостаточно подчеркнута вмешательство Англии и Франции в русско-турецкие отношения (войны 1828—1829, 1853—1856, 1877—1878 годов и балканские войны 1912—1913 годов). Недостаточно отмечена контрреволюционная роль меньшевистского правительства в Грузии и мусаватистского правительства в Азербайджане во время гражданской войны в СССР.

Недостаточно показано, как империалистические страны использовали свои колонии для подготовки к первой мировой империалистической войне. В учебнике слишком мало материала по экономике колоний.

В учебнике слишком неравномерно распределено место между отдельными странами. За счет сокращения разделов, посвященных Турции и Ирану, следовало бы дать больше места странам Латинской Америки и экваториальной Африки.

Выступающие отметили, что, несмотря на эти недостатки и пробелы, учебник — лучший из всех учебников истории для вузов, вышедших за последние два года. Его авторам удалось сочетать высокий теоретический уровень с конкретностью изложения исторического материала. Обсуждаемая книга — ценный вклад в мировую литературу по истории колоний, она имеет большое политико-воспитательное значение.

В заключительном слове тов. Ростовский благодарил участников прений за сделанные замечания и предложения и отметил, что редакция учтет их при повторном издании. С рядом предложений докладчик не согласился. В частности, неприемлемо, по мнению тов. Ростовского, предложение — дать во введении определение колоний. Задача заключалась в том, чтобы показать многообразие типов колоний и методов колониальной политики империалистических государств, а вовсе не в том, чтобы сочинять бессодержательные определения.

Н. СОМИН.

Над чем работают профессора и преподаватели истории Московского института истории, философии и литературы имени Н. Г. Чернышевского

Большой коллектив профессоров и преподавателей исторического факультета Московского института истории, философии и литературы имени Н. Г. Чернышевского, помимо повсеместных лекционных и семинарских занятий и работы с аспирантами, разрабатывает ряд исторических проблем. Многие готовят докторские и кандидатские диссертации.

Кафедра марксизма-ленинизма

Доцент А. М. Гуревич готовит монографию «Московское декабрьское вооруженное восстание 1905 года».

Доктор исторических наук профессор М. А. Москалев продолжает работу над монографией «Ленинская теория о гегемонии пролетариата в революции».

Профессор Ю. А. Попов работает над те-

мой «Маркс и Энгельс о государстве и революции в 40-х годах XIX века (до «Коммунистического Манифеста»)».

Профессор В. М. Волин готовит монографию о начале революционной деятельности В. И. Ленина (Казанский и Самарский периоды 1887—1893 годов).

Старший преподаватель С. Х. Брайнин работает над кандидатской диссертацией на тему «Гражданская война в Семиречье».

Кафедра истории народов СССР

Академик Ю. В. Готье работает над составлением и редактированием V тома «Истории народов СССР» — многотомного издания Академии наук СССР. V том, часть которого пишет академик Готье, посвящен XVIII веку, от царствования Петра I до Екатерины II включительно. Академик Готье занят также переработкой своих очерков из I тома учебника по истории СССР для вузов, который готовится для переиздания.

Подготовкой к печати своей докторской диссертации «Развитие русской историографии» занят сейчас доктор исторических наук профессор Н. Л. Рубинштейн. Кроме того, профессор Рубинштейн принимает участие в переработке I тома учебника «История СССР» для вузов. В новом издании найдут отражение история новых союзных советских республик — Литвы, Латвии, Эстонии и Молдавии.

Доктор исторических наук профессор М. Н. Тихомиров работает над монографией «Русское государство и Восток в первой половине XVI века». Монография, основанная на большом количестве новых архивных материалов, расскажет о связях Московского государства с югами, Крымом, Казанью и Персией в первой половине XVI века. Профессор Тихомиров — бригадир коллектива авторов и один из редакторов учебника по истории СССР для вузов, не готовящих историков. Учебник выйдет в двух частях. Профессор Тихомиров готовит также к печати фототипии для «Русской Правды». Всего готовится 15 списков. В скором времени выйдет из печати в Соцэкизе и другой труд профессора Тихомирова — «Курс источниковедения истории СССР до конца XVIII века». В текущем году выйдет из печати учебное издание «Русской Правды», издаваемое МИФЛИ.

Профессор К. В. Базилевич работает над обширной монографией «Государственная торговля в России в XVII веке». Эта монография — итог длительной работы в архиве над документами по русской торговле XVII века. Кроме этой основной работы профессор Базилевич готовит к печати второе издание своих лекций по истории СССР до XVIII века, прочитанных в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б). Лекции выйдут на правах рукописи. Одновременно профессор Базилевич перерабатывает свои главы для второго издания I тома учебника по истории СССР для вузов. Профессор Базилевич разрабатывает специальный курс, который он собирается поставить во втором семестре

1940—1941 учебного года на IV курсе исторического факультета МГУ имени Ломоносова. Тема курса — «Образование русского национального государства».

Тема докторской диссертации старшего преподавателя Г. А. Новицкого — «Экономические связи русского государства с Западом и борьба за Балтику в XVI веке». Диссертация намечена к защите в МИФЛИ к лету 1941 года.

Доктор исторических наук профессор Н. М. Разгон готовит к печати свою докторскую диссертацию — «Первый этап гражданской войны на юго-востоке России». Для IX тома многотомной истории СССР, издаваемой Академией наук СССР, профессор Разгон пишет разделы «Начало гражданской войны в СССР» и «Разгром второго похода Антанты (борьба с денкивщиной в 1919 году)».

Доцент Б. В. Кафенгауз работает над своей докторской диссертацией по экономической истории России XVIII века, преимущественно по истории внутренней торговли. Эта тема находила до сих пор слабое освещение в исторической литературе.

Доцент Кафенгауз участвует в организации работы по составлению 4-томной «Истории Москвы» и является автором нескольких глав тома, посвященного XVIII веку, в многотомной «Истории СССР», подготовляемой Академией наук СССР.

Кроме того, доцент Кафенгауз пишет для учащихся старших классов средней школы научно-популярную книгу «Петр I и его время», которая выйдет в школьной библиотеке Учпедгиза.

Кафедры древней истории и истории средних веков

Профессор В. И. Авдиев готовит к печати курс истории древнего Востока. Курс, читанный им в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б), расширяется вдвое (до 30 печатных листов) и готовится в качестве учебника по истории древнего Востока для вузов.

Профессор Авдиев продолжает работать над вопросами военной истории древнего Востока. Этой теме посвящена монография профессора Авдиева «Военная политика и военное дело в древнем Египте». Размер монографии — 25 печатных листов.

Доцент Н. А. Машкин редактирует III том «Всемирной истории», посвященный древней Греции. К лету 1941 года доцент Машкин намерен закончить свою монографию «Из истории гражданских войн после смерти Цезаря». Кроме того, доцент Машкин вместе с профессором Сергеевым работают над составлением учебника по истории древнего Рима для вузов. Размер учебника — 30 печатных листов.

«История эллинизма» — такова тема, над которой работает старший преподаватель А. К. Бергер. В этой работе много внимания уделено истории эллинистических городов. Работа «История эллинизма» будет

закончена к лету 1941 года. В плане ближайших работ А. К. Бергера—такие темы, как характер Византийского государства в VI—VII веках (вопрос, поставленный советскими историками в связи с древней историей СССР) и политическая мысль античной Греции. Последней теме посвящается работа «Политические взгляды Аристотеля и Демосфена».

Старший преподаватель А. Г. Бокщанин работает над историей международных отношений древнего мира, в частности над историей взаимоотношений Рима с Парфией в I—III веках нашей эры и над вопросом о социальном строе парфянского общества.

Кроме того, А. Г. Бокщанин работает под руководством профессора А. В. Мишулина над подготовкой исторического атласа по древней истории.

Разработкой богатых материалов, которые были получены при раскопках скифских курганов и городищ летом 1940 года на Днепропетровщине, занят в настоящее время доктор исторических наук профессор Б. Н. Гракзв. Кроме того, он работает сейчас над учебником «Введение в археологию».

«Особенности германского феодализма в IX—X веках и политика Оттона I (к вопросу о причинах итальянской политики средневековой Германской империи)» — такова тема работы профессора А. И. Неусыхина, рассчитанной на весь 1941 год. Сотрудничая во «Всемирной истории», профессор Неусыхин пишет для III тома две главы: «История Германии в XI—XV веках» и «Папство в XI—XV веках». Кроме того, профессор Неусыхин закончил редактирование перевода с немецкого языка книги Зеллера «Социально-политическая роль ватчины в раннем средневековье». Перевод сделан группой студентов исторического факультета МИФЛИ.

Кафедра истории нового времени

Доктор исторических наук профессор Л. И. Зубок заканчивает сейчас редактирование и подготовку к печати III тома учебника «Новейшая история» для вузов. Готовится также учебник по новой истории для учащихся 9-х и 10-х классов средней школы.

Кроме работы над учебниками, профессор Зубок принимает участие в составлении «Всемирной истории», для которой он написал следующие главы: «Международное значение Октябрьской революции», «Ирландия в годы империалистической войны» и «США в 1918—1923 годах». Профессор Зубок занят сейчас также сборанием материалов для своей будущей работы — «Ирландия в 1916—1922 годах».

Доктор исторических наук профессор Ф. В. Потемкин пишет сейчас монографию «Промышленная революция во Франции». Этот труд, основанный на детальном изучении источников, профессор Потемкин рассчитывает сдать в печать в конце 1941 года. Следует отметить, что ни на русском, ни на французском языках нет ра-

бот, посвященных французской промышленной революции.

Профессор Потемкин принимает участие в создании «Всемирной истории». Являясь одним из редакторов тома «1763—1788 годы», он написал для него главу «Кризис абсолютистско-феодального строя во Франции».

Доцент Ф. И. Нотович работает над окончанием первой части большой работы «Дипломатическая история первой мировой войны». Этот труд, который будет состоять из двух частей, основан на большом количестве богатых и разнообразных документальных источников (парламентских отчетов, прессы, мемуаров и т. д.). Участвуя в составлении «Всемирной истории», доцент Нотович написал для XI тома главу «Международные отношения 1900—1914 годов».

Старший преподаватель Б. Г. Вебер занят редактированием перевода мемуаров Бисмарка «Мысли и воспоминания», первый том которых вышел в «Библиотеке внешней политики». Б. Г. Вебер работает также над монографией «Международные отношения в период Французской буржуазной революции».

Участвуя в составлении «Всемирной истории», доцент Е. М. Жуков написал для тома «1918—1923 годы» три главы по истории Японии, Болгарии и Греции. Для тома «1924—1929 годы» им дорабатываются главы по истории Японии и Болгарии.

Кафедра истории зависимых и колониальных стран

Декан исторического факультета Н. А. Смирнов заканчивает сейчас свою докторскую диссертацию «Борьба Турции и России в XVII веке». Защита диссертации намечена в МИФЛИ в январе 1941 года. Кроме работы над диссертацией Н. А. Смирнов подготовил работу «Восстание в Константинополе в 1730 году», целиком основанную на не опубликованных еще архивных документах ГАФКЭ — донесениях русского резидента Неплюева, которые дают гораздо более детальную и интересную картину восстания 1730 года, чем французские и турецкие данные.

Профессор Е. Л. Штейнберг заканчивает свою докторскую диссертацию «Индия и индийский вопрос в эпоху Французской буржуазной революции». Вопросы, затронутые в диссертации, подверглись лишь частичной разработке в западной буржуазной литературе и совсем не ставились как русскими дореволюционными, так и советскими историками.

Доцент А. Ф. Миллер работает сейчас над своей докторской диссертацией «Неудачи реформ Селима III в Османской империи». Тема эта совсем не разработана в русской исторической литературе.

Доцент Г. Б. Эренбург заканчивает в настоящее время редактирование учебного пособия для учащихся 10-х классов средней школы «Очерки истории китайской революции» и продолжает работу над своей диссертацией «Китай в эпоху общего кризиса капитализма».

Ю. Шаропов

Содержание номеров «Исторического журнала» за 1940 год

№ 1

- В. МОЛОТОВ.** Сталин, как продолжатель дела Ленина.
ПЕРЕДОВАЯ. Ленинская идея Советов и выборы в Советы депутатов трудящихся.
Н. ФОМИНОВ. Непобедимое оружие коммунизма.
Б. ВОЛИН. «Кровавое воскресенье», 9 января 1905 года (35-летие начала первой русской революции).
А. ПИТЕРСКИЙ. Жизнь Иосифа Виссарионовича Сталина в материалах Музея революции СССР.
М. ВЕТОШКИН. В сибирской ссылке.
М. ЛУРЬЕ. Разгром Юденича (лето, осень 1919 года).
А. МОГИЛЕВИЧ, М. АЙРАПЕТЯН. Из прошлого английской дипломатии.
Акад. Ю. ГОТЬЕ. Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии.
В. ЛИЛЕЕВ. Шведская интервенция начала XVII века.
А. БОКЩАНИН. Римские историки эпохи империи (Веллей Патеркул, Публий Корнелий Тацит, Гай Светоний).
Б. УДЛЕР и Л. ШНЕЙДЕРМАН. Эпиграмма на уроках истории СССР.
А. ВАЛЕЕВ. Марксистский кружок Федосеева.
В. ПИЧЕТА. О «кочевом феодализме».
А. КРОНГАУЗ. Финляндия (краткая историческая справка).
А. ГУРЕВИЧ. Перечень выступлений и статей товарища Сталина.

№ 2

- Проф. А. ПАНКРАТОВА.** Сталин и историческая наука.
С. ТИТАРЕНКО. О работе В. И. Ленина «Великий почин».
А. ПИТЕРСКИЙ. Жизнь Иосифа Виссарионовича Сталина в материалах Музея революции СССР.
А. ТОНАПЕТЯН. Английская интервенция в Закавказье.
Н. ВОРОНИН. Восстание смердов в XI веке.
А. ИВАНОВ. Социально-экономическое и политическое положение Дагестана до завоевания царской Россией.
В. МОСКАЛЕВ. Национально-революционное движение в Индии 1919—1922 годов.
В. ВИРГИНСКИЙ. Панамский канал.
И. ИВАШИН. Крестовые походы.
П. СТАРОВОЙТОВ. Закрепление знаний учащихся на уроках истории.
О. ФИЛИППОВА. Из опыта работы по древней истории в V и VI классах.
Е. ОСОКИН. Борьба крестьян против столыпинского «землеустройства».
М. МОСЕВ. Выступления масс против Временного правительства.
Э. ГУРВИЧ. Что такое военно-феодалный империализм царской России?
Е. К. И. Бас «Большевистская печать в годы империалистической войны».
Р. ГОЛУБЕВА. «Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны 1914—1917 гг.» (Сборник).
Л. ИВАНОВ. П. Г. Любомиров «Очерки истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг.».
А. БОКЩАНИН. В. С. Сергеев «История Греции».
Проф. Д. БАЛИКА. Книга, принадлежавшая Кочубею.

№ 3

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Председателя Совета Народных Комиссаров СССР товарища Вячеслава Михайловича Молотова орденом Ленина.

Верному соратнику Ленина и Сталина Вячеславу Михайловичу Молотову (приветствие ЦК ВКП(б)).

Верному соратнику Ленина и Сталина, главе советского правительства Вячеславу Михайловичу Молотову (приветствие СНК Союза ССР).

Из речи товарища В. М. Молотова на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в декабре 1930 года.

Н. ПОДВОЙСКИЙ. Революционная борьба В. М. Молотова в 1912—1917 годах.

М. ГОЛУБЕВА. В. М. Молотов в вологодской ссылке (16 июня 1909—16 июня 1911 года).

Документы о жизни и деятельности В. М. Молотова.

- Г. РЕЙХБЕРГ.** Из истории разгрома иностранной военной интервенции на севере Советской России.
- Ж. ЮЩАК.** Англия и Япония на Дальнем Востоке.
- В. СОКОЛОВ.** Декабристы и крестьянский вопрос.
- В. САМОЙЛОВ.** «Хождение» Афанасия Никитина в Индию.
- Проф. А. ЯКУБОВСКИЙ.** Монгольская империя.
- Проф. А. БЕРГЕР.** Государство вестготов и падение Западной Римской империи.
- Проф. В. СЕРГЕЕВ.** Римская империя (последние Антонины и Северы).
- В. АВЕТИСЯН.** Сурен Спандарян — «Тимофей».
- О заключении Мирного Договора между Советским Союзом и Финляндией.
- Мирный Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндской республикой.
- Протокол к Мирному Договору между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 года.
- Л. БЕНЦИАНОВА.** Опыт внеклассной конференции по новой истории в 8-х классах.
- А. ХМЕЛЕВ.** Исторический кружок (из опыта работы в 114-й школе Москвы).
- Б. ЗЛАТОУСТОВСКИЙ и Л. ФЕДОРОВ.** Литература о западных областях Украины и Белоруссии.
- И. ИВАШИН.** «Хрестоматия по истории средних веков».

№ 4—5

- Доклад о внешней политике правительства Председателя Совета Народных Комиссаров и Народного Комиссара Иностранных Дел тов. **В. М. МОЛОТОВА** на заседании Верховного Совета Союза ССР 29 марта 1940 года.
- О преобразовании Карельской Автономной Советской Социалистической Республики в Союзную Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику. Доклад депутата **ЖДАНОВА А. А.**
- Б. ВОЛИН.** В. И. Ленин в революционном движении студентов в Казани (1887 год).
- Проф. И. ДВОРКИН.** О работе В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма».
- Ц. ЗЕЛИКСОН-БОБРОВСКАЯ.** Встречи с Ильичем.
- Р. ОБОЛЕНСКАЯ.** Бюро комитетов большинства (Борьба за третий съезд РСДРП).
- В. ШУЛЬГИН.** Когда в России стали известны Маркс и Энгельс и идеи марксизма.
- Л. БЫЧКОВ.** Гениальный сын великого русского народа М. В. Ломоносов.
- К. ПОНОМАРЕВА.** У истоков русской исторической науки.
- П. КЕРЖЕНЦЕВ.** Рабочие клубы во время Парижской коммуны 1871 года.
- И. ШАСКОЛЬСКИЙ.** Борьба шведских крестоносцев против Финляндии (XII—XIV века).
- А. БОКЩАНИН.** Первые шаги исторической науки.
- Т. АЛЕКСАНДРОВА.** Школьная экскурсия по материалам вводного отдела Музея революции в Ленинграде.
- А. БОЛЬШУХИН.** Записи учащихся на уроках истории.
- И. СМИРНОВ.** «История СССР», Т. I.
- Л. ЯКОБСОН и А. НИКОЛАЕВА.** «Новая история», Ч. 1-я.
- А. К.** «Красный архив». Исторический журнал. Т. VI (97) за 1939 год.
- Я. ЧЕРНЯК.** Книга о полковнике Лоуренсе.
- ГЕОРГИЙ ШТОРМ.** Книга о Чингис-хане.

№ 6

- Акад. Б. ГРЕКОВ.** Спорные вопросы периодизации древней истории народов СССР.
- Проф. А. ГУРЕВИЧ.** Тактическая линия большевиков первой русской революции.
- Батальонный комиссар Н. ФИРОНОВ.** Сталинский план разгрома Деникина и его осуществление.
- А. МОГИЛЕВИЧ, М. АЙРАПЕТЯН.** Легенда и правда о «гулльском инциденте» 1904 года.
- В. ГОЛАНТ.** Английский империализм в Южной Африке.
- Я. ГОЛЬДБЕРГ.** Французская дипломатия в первые годы первой мировой империалистической войны.
- А. КРОНГАУЗ.** Карелия до XVIII века.
- В. ГЕЙМАН.** Материалы по истории Карелии XII—XVI веков.
- И. АНТЕЛАВА.** Из истории борьбы Западной Грузии против султанской Турции в XVII—XVIII веках.
- В. САМОЙЛОВ.** Из истории сношений России с Японией в XVII—XVIII веках.
- Н. ЛЕВИНТОВ.** Военные поселения в России XIX века.
- Н. КУЗИН.** Использование местного исторического материала для укрепления исторических знаний.
- Д. РЕБИЗОВ.** О запоминании исторического материала учащимися старшего школьного возраста.
- И. ИВАШИН.** «История средних веков», Т. II.
- К. ЗЕЛЬИН.** «Вестник древней истории» 4 (9).

- П. СОФИНОВ.** О книге А. Федорова «Пермская катастрофа и контрнаступление восточного фронта».
- С. БЕЗБАХ.** «Альбом наглядных пособий по истории СССР».

№ 7

- Обращение Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов ко всем рабочим и работницам, инженерам, техникам и служащим, ко всем членам профессиональных союзов.
- Указ Президиума Верховного Совета СССР о переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений.
- Л. ЗУБОК.** О работе В. И. Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».
- Ф. САМОЙЛОВ.** Всеобщая стачка иванововознесенских текстильщиков (1905—1940 гг.).
- А. ДЕРКАЧ.** Трудовой героизм и самоотверженность рабочих тыла в годы гражданской войны.
- Л. БЫЧКОВ.** Невская битва 1240 года.
- В. ИЛЛЕРИЦКИЙ.** Экспедиция князя Черкасского в Хиву.
- В. ВИРГИНСКИЙ.** Суэцкий канал (историческая справка).
- Я. ЗУТИС.** Борьба за Балтийское море и исторические судьбы Латвии и Эстонии.
- Л. СИМОНОВСКАЯ.** Возникновение и развитие государства в древнем Китае.
- К. ПОЛЗИКОВА-РУБЕЦ.** Работа с учащимися 5-х классов в Государственном Эрмитаже.
- Е. ВИКТОРОВА.** Работа исторических кружков при Государственной Третьяковской галерее.
- Е. КОЛОКОЛЬЦЕВА.** Устав ВКП(б) (историческая справка).
- И. АГУФ.** Петр Алексеев — русский рабочий-революционер (1849—1891).
- А. ЕФИМОВ.** К вопросу о характере революций 1848 года во Франции и Германии.
- С. КАРАМОЛЕНКО.** Ценное пособие.
- Б. ВАМПИЛОВ, К. АЛЕКСИНСКИЙ.** Книга о прошлом Бурят-Монголии.
- Н. ВИНОГРАДОВ.** Карты по истории гражданской войны во II томе Большого советского атласа мира.
- Т. ШЕПУНОВА.** В Академии наук СССР.
- М. ЛЯДОВ.** Архив генерал-фельдмаршала графа Милютина.
- Е. КРАШЕННИКОВА.** О научной работе студентов исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.
- Б. ПЕРЛИН.** Забытый труд.
- Проф. **А. ИЕССЕН.** Археологические собрания Эрмитажа и изучение истории.

№ 8

- Б. ВОЛИН.** О работе В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти».
- С. ГОПНЕР.** II Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала.
- В. ШУЛЬГИН.** Энгельс в русской легальной печати в 40—70-х годах.
- В. ГАРМИЗА.** Из истории Самарской учредилки.
- Н. ДАЙРИ.** Минин и Пожарский.
- Г. БОГУСЛАВСКИЙ.** Битва при Гренгаме.
- В. ПРОКОФЬЕВ.** Религия восточных славян.
- А. МАНУСЕВИЧ.** История захвата Бессарабии Румынией.
- С. ТЮЛЯЕВ.** Государство Гупта.
- К. ПОЛЗИКОВА-РУБЕЦ.** Урарту.
- Итоги преподавания гражданской истории в 1939—1940 учебном году (по материалам кабинета истории Института школ Наркомпроса РСФСР).
- К. П—Р.** 175-летие Государственного Эрмитажа.
- В. ОРЛОВ, Ю. БЕР.** Советские по внеклассной работе.
- О. КЕЛЬ.** Конкурс юных историков.
- Ю. ШАРАПОВ.** Докторские и кандидатские диссертации в Московском институте философии, литературы и истории имени Н. Г. Чернышевского.
- Проф. **А. ПАНКРАТОВА,** доц. **А. ФОХТ.** «История СССР». Том II.
- Проф. **А. АНЕКШТЕЙН.** (Арк. А.-н.) «Новая история». Ч. 2-я.

№ 9

- Ф. КОНСТАНТИНОВ.** «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса.
- Ц. ГОФМАН.** Большевицкая партия — организатор разгрома колчаковщины.
- И. ГОХБЕРГ.** Партия большевиков в борьбе за завоевание массовых рабочих организаций в период революционного подъема (1912—1914 годы).
- Проф. **Е. ШТЕЙНБЕРГ.** Индия последней четверти XIX века.
- Е. ЛУЦКИЙ.** Куликово поле.
- К. ПАЖИТНОВ.** Когда и как произошло прикрепление крестьян к земле в Московской Руси.
- Проф. **О. ВАЙНШТЕЙН.** Историческая наука в средние века.

- Проф. **Н. П. КИСЕЛЕВ**. Изобретение книгопечатания и первые типографии в Европе.
Х. ПЕКЛЕР. Древнее государство Мари.
Г. МОСКАЛЕНКО, П. ПОПОВ. Борьба рабочего класса за восьмичасовой рабочий день.
Р. ХАБАС. Манифест 17 октября 1905 года.
Т. ЧУГУЕВ. Представления советских школьников о прошлом и отношении к нему.
Ю. ОСНОС. «Историк-марксист» в первой половине 1940 года (№№ 1—6).
М. ШВАРЦ, А. А. Могилевич, М. Э. Айрапетян «На путях к мировой войне 1914—1918 гг.».
Г. РЕЙХБЕРГ. Книги о разгроме интервенции на Севере.
М. ВЕТОШКИН, В. П. Голионко «Очерки революционного движения в Приморье (1900—1916 годы)».
Г. ЛЕНОБЛЬ, С. Н. Сергеев-Ценский «Севастопольская страда».
О. В.—И. Бас «Великое открытие».

№ 10

- С. ТИТАРЕНКО**. О работе товарища Сталина «Год великого перелома».
Е. РУБИНШТЕЙН. Завещание Фридриха Энгельса по крестьянскому вопросу.
Ф. ЛЕССНЕР. Воспоминание о Фридрихе Энгельсе.
Т. РЕМЕЗОВА. Первый кризис Временного правительства.
Н. РУБИНШТЕЙН. Николай Иванович Костомаров.
Я. НАЙМАРК, С. СИРОТИНСКИЙ. Великий пролетарский полководец.
К. ОСИПОВ. Твердокаменный большевик.
А. ЯКУНИН. Исатай Тайманов, вождь национально-освободительного восстания казахов в 1836—1838 годах.
Е. КАГАРОВ. Новые материалы по истории классовой борьбы в древнем мире в III—II веке до нашей эры.
И. КУСИКЬЯН. Тигран II и Рим.
А. БОКЩАНИН. Древнегреческие историки позднеклассического периода и эпохи эллинизма.
К. НОВОПАШЕННАЯ. История народов Средней Азии в курсе истории СССР.
О. МАРКОВА. Новый документ о Н. Г. Чернышевском.
А. КОЗЛОВА. Расстрел иваново-вознесенских рабочих в 1915 году.
И. ВИКТОРОВ, К. Маркс и Ф. Энгельс «Альянс социалистической демократии» и Международное Товарищество Рабочих.
С.—Алфавитный указатель к сочинениям К. Маркса и Ф. Энгельса.
А. КРОНГАУЗ. «Военно-исторический журнал», орган Народного комиссариата обороны Союза ССР, № 1 (6)—7 (12).
И. ИВАШИН. История средних веков (методическое пособие для 6—7-х классов средней школы).
И. К—Н. Н. Я. Марр. Описание грузинских рукописей Синайского монастыря.
И. ИЗМАЙЛОВ, П. Пашенко «Военно-Морской Флот СССР».

№ 11

- Ъ. ВОЛИН**. О работе В. И. Ленина «Фридрих Энгельс».
И. ВИКТОРОВ. Энгельс как военный теоретик и писатель.
М. ЛУРЬЕ, М. МИТЕЛЬМАН, М. И. Калинин в петербургском подполье.
П. ДАУГЕ. Октябрьская революция в Латвии.
Р. МИККЕР. Борьба за советскую власть в Эстонии в 1917—1919 годах.
И. ШИФМАН. Лев Николаевич Толстой.
М. ГОЛЬДБЕРГ. Последние дни жизни и смерть Л. Н. Толстого.
А. НИКОЛАЕНКО. Вождь башкирского народа, пугачевский бригадир Салават Юлаев.
В. ВИРГИНСКИЙ. Проекты превращения Северовосточной России в английскую колонию в XVII веке.
М. АДАМОВИЧ. Путешествие Пяно Карпини и Рубруквиса в Монголию в XIII веке.
В. НЕКЛЮДОВ. Изгой.
О. ФИЛИППОВА. Из опыта преподавания истории в 29 и 41-й школах Фрунзенского района Москвы.
Я. БОРИСОВ. Иллюстративные выражения и пословицы на уроках древней истории.
Проф. А. ПАНКРАТОВА, доц. А. ФОХТ. Об учебниках истории СССР для средней школы.
Проф. А. МИШУЛИН. Как создавался первый марксистский учебник по древней истории.
Проф. Н. КОРОБКОВ. «Красный архив». Исторический журнал. Томы I (98)—IV (101).
Г. ЛЕНОБЛЬ. Серия «Исторические романы» в 1939—1940 годах.
В. СМЕРНОВ. Село Пушкинское. Дворец-музей творчества крепостных мастеров.
П. СВЕЖИНСКИЙ. Новые документы об А. В. Суворове.
В. БЕРШАДСКАЯ. Работа кафедры всеобщей истории Калининского института имени М. И. Калинина в 1939—1940 учебном году.

СОДЕРЖАНИЕ

Проф. М. МОСКАЛЕВ — „Искра“ и „Брдзола“	1
И. ФОМИНОВ — Съезд развернутого наступления социализма по всему фронту	13
О. ЧААДАЕВА — Вооруженные восстания в декабре 1905 года	23
П. СВЕЖИНСКИЙ — Гололовское вооруженное восстание в 1905 году . . .	36
П. СОФИНОВ — Чехословацкий мятеж	47
Проф. А. И. ИЗАНОВ — Восстание в Чечне в 1877 году	61
Проф. Г. П. ГЕОРГИЕВСКИЙ — Мазепа и Меншиков	72
А. ЗОРИНА — Испано-американская война 1898 года	84
Проф. К. Э. ГРИНЕВИЧ — Оборонительные сооружения древнегре- ческой колонии юга СССР	92
Проф. Р. Ю. ВИЛПЕР — Жан Кальвин и протестантская республика в Женеве	99

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

И. МЕРЗОН — Как работать с учебником по истории древнего мира	112
Д. ЕФЛМОВ — Работа с исторической картой	117

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А. ПОГРЕБИНСКИЙ — Проф. П. И. Лященко „История народного хо- зяйства СССР“	123
Член-кор. Аи СССР В. ПИЧЕТА — К. Осипов „Богдан Хмель- ницкий“	127
Г. БОГУСЛАВСКИЙ — Акад. М. М. Богословский „Петр I“	132
Г. РЕЙХБЕРГ — В. Гирченко „Империалистическая интервенция в Бу- рят-Монголии (1918—1920 гг.)“	135
С. КАРАМОЛЕНКО — „Ваули Пиеттомин“	137

КНИЖНАЯ ПОЛКА

ПО ИСТОРИЧЕСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ

П. ДМИТРИЕВ — По залам и хранилищам Московского Историче- ского музея	143
---	-----

ХРОНИКА

Адрес редакции: ул. „Правды“, 24, комната 809, тел. Д 3-30-48, Д 3-36-50

Ответственный редактор — **Б. М. ВОЛИН**

Зам. редактора — **С. И. Голнер**

Отв. секр. **О. С. Вейланд**

А 33865

Изд. № 1173

Зак. 3689

Тираж 50 000

Материал сдан в набор 28 X 1940 г. Подписан к печ. 7/XII 1940 г. 10 печ. л. 70 000 зн. в печ. л.

Типография газеты „Правда“ имени Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24.